Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)
Факультет славянской филологии и журналистики
Кафедра русского, славянского и общего языкознания

VI Международная научная конференция
17-20 октября 2017 г.

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ: НОРМА И ВАРИАНТ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2017

УДК 81’37-112/114
ББК 81.002.1
С 30

Печатается по решению Ученого совета факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (СП) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (протокол № 2 от 27 сентября 2017 г.)

Рецензенты:

Л. Ю. Буянова, доктор филологических наук, профессор (г. Краснодар);
М. А. Грачёв, доктор филологических наук, профессор (г. Нижний Новгород).

Редакционная коллегия:

д.ф.н., проф. **Г. Ю. Богданович**,
д.ф.н., проф. **А. В. Петров**,
к.ф.н., доц. **Л. В. Валеева** (отв. редактор).

С 30 **Семантика и прагматика языковых единиц в синхронии и диахронии: норма и вариант**: VI Международная научная конференция (17-20 октября 2017 г.): сборник научных статей. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017 – 358 с.
ISBN 978-5-906962-59-1

Сборник научных статей включает материалы, рассматривающие проблемы истории славянских языков, грамматической семантики, фразеологии и паремиологии, дискурсивной лингвистики, языковой личности в зеркале художественного текста, методики и лингводидактики. Результаты исследований были представлены на VI Международной научной конференции «Семантика и прагматика языковых единиц в синхронии и диахронии: норма и вариант» (Россия, Симферополь, 2017).

Для преподавателей высших учебных заведений, научных работников, аспирантов, магистрантов и бакалавров, специализирующихся в области филологических дисциплин.

Материалы публикуются в авторской редакции.

УДК 81’37-112/114
ББК 81.002.1

© Авторы публикаций, 2017.
© КФУ им.В. И. Вернадского, ТА (СП), кафедра русского, славянского и общего языкознания, 2017
© ИТ «АРИАЛ», 2017

ISBN 978-5-906962-59-1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ АНАЛИЗА АВТОРСКОЙ МЕТАФОРЫ

Агиенко Марина Ивановна
Россия, Кемерово, РЭУ им. Г. В. Плеханова,
marinaivanovnaag@mail.ru

В статье обосновывается возможность включения в концептуальный анализ индивидуально-авторской метафоры «этапа определения символической образности» для оценки уникальности авторского смысла в контексте мировой культуры. Этот этап предполагает привлечение культурологических данных и знаний древней символики для определения системы празначений архетипа, лежащего в основе понятий, репрезентирующих метафорическую модель

Ключевые слова: метафора, символ, инсайт, архетип, этимологический анализ.

В отечественном языкознании в отличие от концептуальной метафоры, которая представляет собой «устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции общества» [5, с.11], индивидуально-авторская (художественная) метафора определяется как образный троп, используемый «для реализации эстетической, а не номинативной функции в художественном произведении, отражающий неповторимость мировидения писателя» [15, с.34].

В научном контексте авторской метафоре отводится роль репрезентанта личностных смыслов, стимулирующего эффект эмоционального воздействия на реципиента. Психологический эффект обусловлен тем, что в авторской метафоре функционируют семантически освоенные и уже зафиксированные в языковой и культурной традиции народа корреляции понятий сферы-мишени и сферы-источника. Благодаря нетрадиционному соотношению этих сфер, вновь конструируемый метафорой смысловой образ, не выраженный напрямую, выглядит кодом, подлежащим дешифровке, поэтому содержит элемент психического переживания, новизны.

В современной научной литературе представлено большое разнообразие аспектов и методов изучения авторской метафоры

(в широком ее понимании). Активно исследуются акустические особенности саундшафта (звуковой картины мира писателя) [15], специфика нарушений индивидуально-авторскими пропозициями лексических и синтаксических параметров предложения [26], типы формирования индивидуально-авторской семантики [6], культурологическая обусловленность появления авторской метафоры в творчестве автора [25], типология авторской метафорической концептуализации [19; 21; 18] и др.

Применение семантико-синтаксемного, семного методов анализа помогает увидеть, как эксплицируется уникальное преломление ситуации в *сознании художника*. Концептуальный анализ авторской метафоры раскрывает специфику ее концептуализации *для творчества писателя* и нетрадиционность для *языковой картины мира*. С помощью метода семемного анализа и анализа семантических трансформаций на основе уникального соотношения понятий, составляющих авторскую метафорическую модель, прослеживаются *национальные особенности культуры*. Представляется, что развитие когнитивной науки подготовило почву для возможности рассмотрения уникальности соотношения понятий, составляющих авторскую метафору, *в контексте мировой культуры*.

Подобный анализ метафоры может основываться на следующих теоретических положениях, косвенно подтверждающих, что знания мировой культуры символически могут быть представлены в метафоре.

1. Когнитивная наука признала когнитивный потенциал метафоры: «мысль метафорична» (А. Ричардс), «локус метафоры – в мысли, а не в языке» (Дж. Лакофф), репрезентация окружающего мира в сознании человека метафорична (Н. Болдырев).

2. Когнитивная лингвистика по-иному взглянула на слово не только как единицу речи, служащую для выражения отдельного понятия, но и как «когнитивную гипотезу о мире» [2, с.153], «аккумулированную культурную память», как то, что «диктует говорящим на данном языке, определяя их выбор,

направляет направляет мысль, создавая потенциальные возможности языка-речи» [10, с.17].

3. Биосемиотика ввела в свой научный аппарат понятия «геном человека», «ДНК» как банк долговременной памяти, «нейронная сеть», «адаптационные знания» (знания, которые консолидировали «людей вокруг концентрируемого опыта целесообразной деятельности» цит. по А. В. Кравченко [11, с.241]).

4. В нейрофизиологии прочно закрепилась идея «встроенности» в наш мозг огромного количества знаний, включая знания весьма отдаленных периодов истории человечества. К. В. Анохин, в исследованиях по проблемам биологических основ сознания, пользуется метафорой ‘Вавилонской библиотеки’ возможных состояний нашего мозга. Результаты исследования обнаруживают, что «в Вавилонской библиотеке» нашего мозга есть образы «всех людей, которые жили или будут жить на Земле» и все тексты, которые были и будут когда-либо сочинены [4, с.84].

Говоря о символической представленности знаний о мировой культуре в памяти человека, и, фактически, употребляя термин «символ», мы, вслед за А. Ф. Лосевым [12], не считаем символ метафорой. Мы предполагаем, что слово, употребленное автором для вербализации своей мысли, может, в силу глубины «аккумулирования культурной памяти», оказаться символом некоего знания о мире, которое в сознании читателя (соавтора создания индивидуально-авторского смысла) пробуждает новые образы и добавляет метафоре дополнительные смысловые оттенки. Перефразируя высказывание А. Ф. Лосева о соотношении символа и понятия, можно сказать, что для того, чтобы проанализировать слово-понятие, репрезентирующее метафорическую модель, необходимо сопоставить его также и с символом, поскольку между тем и другим залегает как глубокое различие, так и глубокое тождество[1].

Этап определения символической образности понятий, составляющих метафорическую модель, вероятно, будет

[1] У А. Ф. Лосева «Для того чтобы проанализировать символ, необходимо сопоставить его также и с понятием, поскольку между тем и другим залегает как глубокое тождество, так и глубокое различие» [12].

продуктивен не для всех метафор. По классификации А. Ф. Лосева, метафоры, не содержащие символичность, являются «символами только первой степени». Они содержат художественный образ, имеют «свою собственную созерцательную ценность и всегда обладают достаточной глубиной, чтобы в нее всматриваться и о ней задумываться» [12], но они не разделяют «образа вещи и какой-то еще самой вещи, для которой поэтические образы и связанные с нею идеи были бы… символами» [ibid.]. Этап определения символической образности будет эффективен для тропов, полученных в процессе особого творческого состояния, переживаемого как инсайт (от англ. insight – проникновение в суть, понимание, озарение, внезапная догадка, прозрение), результат доступа к смыслу, объективированному словом [1; 20].

В данном случае мы разделяем творческий процесс, которому сопутствует состояние инсайта, и творческий процесс, которому сопутствует вдохновение и результатом которого является создание субъективных ценностей. Американский врач, последователь К. Юнга, Джозеф Л. Хендерсон был убежден, что «великие писатели могут выйти за границы времени и места, выражая универсальные темы», «символичные по своей сути» [24, с.52].

Фактически, состояние творческого инсайта является интуитивным способом получения знаний в символической форме. Из возможности получения знаний в форме символов исходил З. Фрейд. Описывая способность человека к генерированию символов, он утверждал, что многие символические образы аналогичны образам первобытных идей, мифов, ритуалов и веками сохраняются в человеческом разуме.

Еще в лоне структурализма возможность интуитивного обращения к мифу как к достоверному источнику знаний была описана литературоведом Е. М. Мелетинским в книге «Поэтика мифа», где он говорил о двух путях познания. Первый путь – интеллектуальный – основан на «блестящем и чисто книжном знакомстве с обширной литературой по мифологии, религии, философии и т. д.» [14, с.325]. Другой путь – интуитивный –

основывается на «стихийном мифотворчестве» писателя [14, с.344].

На этапе определения символической образности проводится этимологический анализ слов, представляющих метафорическую модель, по принципу множественной этимологии В. Н. Топорова, учитывая разветвленную сеть слов и идей, образованную исходным корнем в разных национальных культурах и языках [22, с.4]. В результате сопоставления индоевропейских этимологических соответствий по лексикографическим источникам устанавливается группа фонетически совпадающих слов, восходящих к определенному архетипу. Затем, привлекая культурологические данные и знания древней символики, определяется система празначений архетипа [3; 8].

Так, этап определения символической образности при анализе зооморфной (кинологической) метафоры ‘truth-dog’ (*Truth’s a dog must to kennel. He must be whipped out, when Lady the brach may stand by th’ fire and stink.* В. Шекспир Король Лир, I:iv) может выглядеть следующим образом.

В языкознании существует несколько гипотез о первообразе концепта *truth*. Э. Бенвенист считал, что значения «дерево» и «вера» (truth) производны от первоначального «быть крепким, твердым, здоровым» [7, с.342]. Данные кельтских языков свидетельствуют о духовном компоненте концепта – ирл. «dui», «друид», галльск. «Druides» (*dru – uid) [13, с.383]. Г. Остгоф полагал, что «германское мышление представляло дуб символом прочности и надежности, и образ дуба повлиял на всю совокупность представлений о верности» [цит. по 7, с.341]. Убедительной представляется гипотеза В. Н. Топорова, который приводит следующую цепочку семантического перехода «название объекта почитания» -> «почитание (религиозное)» -> «вера» [23, с.383]. Учитывая данные кельтской и германской мифологии об исключительной роли Мирового Дерева в пространственном членении мира, можно предположить, что первообразом слова *truth* является этот космологический образ.

Лингвистические соответствия в разных языках показывают, что семы ‘дерево’ и ‘собака’ плотно коррелировали и, возможно, в праиндоевропейском языке (примерно 3000 год до н. э.)

составляли единый семантический комплекс. В и.-е. языках пара соответствий дерево–собака встречается довольно часто, ср.: и.-е.*ku̯on- «собака», но латыш. kuòks «дерево»; ирл. madra «a dog», исп. madera «a wood»; русск. сук (дерева) < *kan-ki-, но русск. сука [13, с.138].

Культурные корреляции дерева и собаки также очень богаты. Как дерево, так и собака были тотемами, собака изображалась стражем подземного царства мертвых и верхнего, небесного царства вечной жизни, духовного очищения. В некоторых мифологических сюжетах дерево и собака были связаны кровным родством. Павсаний упоминал древнегреческий сюжет об Оресфее, изображающий собаку прародительницей дерева, которое в свою очередь дало жизнь целому народу – локрам озольским (название народа происходило от названия винограда, выросшего из куска дерева, рожденного собакой) [6].

Тесная смысловая и культурная связь понятий ‘дерева’ и ‘собаки’ представлена и в изображениях Мирового Древа. В современной культуре до сих пор сохранились изображения мифологического дерева, включающего образы собаки.

Американские лингвисты М. Осборн и Д. Энингер считали, что центральной частью анализа метафоры является длина ассоциативной линии (lines of association). Метафора, ассоциативные линии которой «атрофированы или сокращены», называлась авторами мертвой [9, с.242]. Несколькими годами позже М. Осборн описал позитивную для сознания интерпретатора метафору с долгой ассоциативной линией, назвав этот вид метафоры архетипическим, так как она обращается к отпечаткам в психике человека универсального человеческого опыта.

Метафору «truth-dog» можно отнести к архетипическим метафорам с долгой ассоциативной линией. Ценность архетипических образов благодаря их долгой «истории» отмечал еще К. Юнг. Он утверждал, что такие образы воздействуют непосредственно на чувства и эмоции [27, с.15].

По нашему мнению, в зависимости от того, испытывает художник состояние инсайта в процессе творчества или нет, его метафоры будут отличаться степенью онтологичности. В

результате озарения (инсайта) художник подключается к «банку символов», к всеобщей культурной памяти освоения смыслов. Сам художник, скорее всего, не может объяснить, «почему выбрал то, а не иное слово… Это совершается интуитивно. Это свершение – тайна творчества и загадка таланта» [17, с.230], но лингвистическое исследование позволяет оценить, насколько онтологична та или иная метафора.

В результате проведенного анализа метафоры ‘truth-dog’ мы определили праобраз понятия, репрезентированного словом truth, нашли семантические корреляции образов собаки и дерева в мировой культуре, установив «длину ассоциативной линии» метафоры, которая привела нас к образам первобытного мифа, что позволяет отнести исследуемую метафору к архетипическим. Учитывая все особенности зооморфных (кинологических) метафор в творчестве В. Шекспира, метафора ‘truth-dog’ является уникальной для творчества писателя и для английской культуры в целом, включая образную составляющую, но находится в диапазоне смысловых корреляций мировой культуры.

Есть основания предполагать, что на глубинном уровне архетипическая метафора выполняет «терапевтическую» функцию – она возвращает пытливую фантазию читателя в лоно достоверных базовых установок, подводит его к сокровищу первосмыслов, является источником положительных эмоциональных переживаний, будит в нем состояние сотворчества, готовности следовать вектору мысли писателя, но к такому выводу должны привести исследования большого количества индивидуально-авторских метафор, выполненных в описанном русле.

Литература

1. Агиенко, М. И. Авторская метафора в свете когнитивной теории / М. И. Агиенко // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты. – Москва–Орехово-Зуево: Изд-во МГОГИ, 2015. – С. 74–75.

2. Агиенко, М. И. Признак «власть» у концепта правда (из опыта концептуального анализа) / М. И. Агиенко // Язык. История. Культура. – Вып. 5. – Кемерово, 2003. – С. 152–158.

3. Агиенко, М. И. Внутренняя форма слова как элемент духовной культуры народа / М. И. Агиенко // Филологический сборник. Вып. 2. – Кемерово: Графика, 2002. – С. 11–14.

4. Анохин, К. В. Коды вавилонской библиотеки мозга / К. В. Анохин // В мире науки. – 2013. – № 5. – С. 82–89.

5. Баранов, А. Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры: почти двадцать пять лет спустя / А. Н. Баранов // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 7–21.

6. Белякова, И. Ю. Семантическое представление слова в индивидуально-авторском словаре (имена рельефа в «Словаре поэтического языка М. Цветаевой»): автореф. дисс на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 – «русский язык» / И. Ю. Белякова. – М., 2002. – 22 с.

7. Бенвенист, Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс–Универс, 1995. – 456 с.

8. Ганюшина, М. А. К истории разработки методов этимологического исследования / М. А. Ганюшина //Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2011. – № 10 (98). – С. 161–168.

9. Зубакина, Т. Н. Из истории создания когнитивной теории метафоры: Майкл Осборн и Дуглас Энингер / Т. Н. Зубакина // Политическая лингвистика. – Екатеринбург: ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т», 2011. – № 1. – С. 241–243.

10. Колесов, В. В. Концепт культуры: образ – понятие – символ / В. В. Колесов // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер.2. – 1992. – № 3. – С. 16–25.

11. Кравченко, А. В. От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2013. – 377 с.

12. Лосев, А. Ф. Символ и художественное творчество [Электронный ресурс] / А. Ф. Лосев. – Режим доступа URL: http://www.philology.ru/literature1/losev-71.htm (дата обращения 10.07.2017).

13. Маковский, М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.

14. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа. Исследования по фольклору и мифологии Востока // Е. М. Мелетинский. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН. – 1995. – 408 с.

15. Мишанкина, Н. А. К вопросу о метафоре звучания в поэзии И. Бродского / Н. А. Мишанкина, О. В. Орлова // Вестник ТГПУ, серия Гуманитарные науки (филология), 2004. – № 1. – С. 34–37.

16. Павсаний. Описание Эллады, кн. X, гл. 38, ч. 1. [Электронный ресурс] / Павсаний. – Режим доступа URL: http://royallib.com/read/pavsaniy/opisanie_elladi.html#2437120 (дата обращения: 19.07.2017).

17. Попов, П. Стиль в искусстве как средство выражения индивидуального / П. Попов, А. Либин //Стиль человека: психологический анализ. – М.: Смысл, 1998. – С. 227–251.

18. Рольгайзер, А. А. Объективация архетипических ментальных образований в русском и французском языках (на примере слов «звезда» и «étoile»): автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.02.20 – «сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / А. А. Рольгайзер. – Волгоград, 2015. – 21 с.

19. Русинова, Л. В. Авторская метафора в прозе В. Токаревой, Н. Горлановой и Л. Улицкой: от слова-понятия к слову-образу [Электронный ресурс] / Л. В. Русинова. – Режим доступа URL: http://cyberleninka.ru/article/n/avtorskaya-metafora-v-proze-v-tokarevoy-n-gorlanovoy-i-l-ulitskoy-ot-slova-ponyatiya-k-slovu-obrazu (дата обращения: 25.07.2017).

20. Рябых, Е. Б. К вопросу об индивидуальной авторской метафоре / Е. Б. Рябых // Когнитивные исследования языка. – 2016. – № 25. – С. 408–414.

21. Рябых, Е. Б. Метафоризация концептов природных явлений в поэтическом дискурсе: на материале русского и немецкого языков: автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.02.19 – «теория языка» / Е. Б. Рябых. – Тамбов, 2006. – 242 с.

22. Топоров, В. Н. Из славянской языческой терминологии: индоевропейские истоки и тенденции развития / В. Н. Топоров // Этимология 1986–1987. – М.: Наука, 1989. – С. 3–50.

23. Топоров, В. Н. Прусский язык. Словарь. А – Д / В. Н. Топоров. – М.: Наука. – 1975. – 399 с.

24. Хендерсон, Дж. Л. Древние мифы и современный человек / Дж. Л. Хендерсон // Юнг К. Г. Человек и его символы.– СПб.: БСК.–1996.– 290 с.

25. Чавдарова, Д. Метафора «любовь – пища» в русской литературе XIX века / Д. Чавдарова // Алфавит: Строение повествовательного текста. Синтагматика. Парадигматика. – Смоленск: СГПУ, 2004. – С. 222–230.

26. Чарыкова, О. Н. Роль глагола в репрезентации индивидуально-авторской модели мира в художественном тексте / О. Н. Чарыкова. – М.: Истоки, 2000. – 192 с.

27. Юнг, К. Г. Человек и его символы / К. Г. Юнг. – СПб.: БСК. – 1996. – 290 с.

СЛОВО «ТЕРПЕНИЕ» В СВЕТЕ КОНЦЕПТУАЛОГИИ

Арсеньева Ирина Альбертовна, Гадалина Инна Ивановна
Россия, Москва, Российский университет дружбы народов (RUDN University),
arsenyeva@yandex.ru

Статья посвящена семантическому анализу слова «терпение», обозначающего абстрактное понятие и являющегося одним из основных концептов русской национальной культуры. В работе рассматриваются денотативные и коннотативные признаки данного слова и приводятся примеры его употребления, в том числе в русских фразеологизмах, пословицах и поговорках.

Ключевые слова: концепт, когниция, концептуальное поле, денотативные и коннотативные признаки семантики слова, ядерная и периферийная части концепта.

В современной лингвистической литературе увеличивается количество работ, посвящённых всестороннему анализу слов, которые обозначают абстрактные понятия и являются основными концептами национальной культуры.

Концепт в современной науке представляет собой понятие, получающее освещение в различных научно-философских школах и направлениях, таких как: когнитология, логическая философия, лингвокультурология, психология, социология и т. д. Зачастую концепт рассматривается в широком круге проблем, связанных с познанием языка, психики, культуры и представляет собой, несомненно, многоаспектное междисциплинарное явление.

Рассматривая модель взаимодействия нашего сознания с миром, учёные подчёркивают, что мысли и чувства человека являются двумя способами восприятия этого мира. С помощью языка человек отражает окружающую действительность в форме эмоциональных образов. Это отражение всегда пристрастно, так как осуществляется с помощью заинтересованной в нём языковой личности. В сознании языковой личности возникает внешняя картина мира в проблемной ситуации и как бы совмещается с картиной эмоциональных переживаний, вызванных данной

ситуацией. В результате создается эмоционально окрашенное и обладающее побудительной силой поле отражения действительности.

Взаимодействие эмоций и когниции в лингвистике решается через исследование номинации, дескрипции и экспрессии эмоций (их концептуализацию и лексикализацию). Такое изучение, по мнению В. И. Шаховского, даёт новые знания о человеческих эмоциях [7]. Категориальная организация этих знаний постепенно приближает лингвистов к осмыслению лингвистической концепции эмоций.

В последние годы интерес лингвистов к ментальным сущностям не ослабевает, о чем свидетельствуют научные работы, публикуемые по данной теме. Предметом концептуальных исследований уже стали такие эмотивы, как любовь, добродетель, надежда, правда, истина, ложь, обман, ревность, зависть, счастье и др.

Как считает ряд специалистов в области гуманитарных наук, терпение – одна из наиболее специфичных черт русской национальной ментальности. Например, сравнительно недавно на тему концепта «терпение» были защищены несколько кандидатских диссертаций: в 2006 г. в Волгограде И. А. Долговой – о концептуальном поле «терпение» в английской и русской лингвокультурах [2]; в 2007 г. в Горно-Алтайске П. Я. Захаровым – о терпении как о ментальном свойстве русского народа [3]; в 2008 г. в Красноярске А. А. Бариловской – о лексическом выражении концепта «терпение» в истории и современном русском языке [1].

Так, И. А. Долгова в своей работе, выполненной в рамках лингвокультурологии, сопоставляет понятийные, образные и оценочные признаки концептуального поля в английской и русской лингвокультурах. Как показывает автор, концептуальное поле «терпение» представляет собой единство концептов «терпение», «страдание», «смирение», «выдержка», «толерантность» / «терпимость». Концепт «терпение» выступает в качестве смыслового ядра данного поля. Автор пишет, что лингвокультурные концепты образуют концептуальные поля – комплексные смысловые образования, включающие несколько концептов, объединенных общими признаками.

А. А. Бариловская в своей научной работе рассматривает лексико-семантические признаки концепта «терпение», а также концептов «терпеливость», «кротость», «толерантность», их реализацию в составе пословиц и поговорок, в современной российской публицистике, их экспликацию в контексте интернет-культуры. Концепт «терпение» анализируется также в психосоциолингвистическом аспекте по данным ассоциативного эксперимента.

Этимологически слово «терпеть» родственно таким словам, как: *цепенеть, застывать, страдать, длиться, становиться терпким; затекать, неметь, быть оцепенелым, оцепеневшим, неподвижным, ошеломлённым, бесчувственным* [6].

Толковые словари русского языка дают следующие дефиниции слова «терпение». Терпение – 1. «Способность терпеть, сила, напряжение, с которыми кто-нибудь терпит что-нибудь». Терпеть – 1. «Не противодействуя, не жалуясь, безропотно переносить, сносить что-н. бедственное, тяжелое, неприятное» [5].

Денотативные признаки концепта «терпение» можно проследить на примере следующих русских фразеологизмов и возможных высказываний с ними:

- **запастись терпением** (*Я забросил удочку и запасся терпением – ждать, возможно, придется долго*);
- **иметь, проявлять терпение** (*Чтобы научиться играть на фортепиано, нужно иметь терпение*);
- **набраться терпения (***Давайте наберемся терпения и напишем эти слова в тетрадь*);
- **бесконечное терпение** (*Никто кроме матери не имеет такое бесконечное терпение*);
- **адское терпение** (*Какое адское терпение надо иметь, чтобы стоять в пробке в большом городе, когда ты опаздываешь на работу!*);
- **терпение на исходе, терять терпение. (Не) хватать - о терпении** (*Моё терпение уже на исходе. Я не в силах больше ждать, я начинаю терять терпение*);
- **испытывать терпение** (*Прекрати кричать! Ты долго испытывала мое терпение! Вставай в угол*!);

- **последняя капля терпения** (*Никогда не знаешь, что станет последней каплей в чаше твоего терпения*);
- **переполнить чашу (меру) терпения** (*Поражение нашей сборной переполнило чашу терпения руководства клуба*);
- **потерять терпение, выйти, вывести из терпения** (*Он потерял терпение и высказал все, что о ней думал. Она тоже вышла из терпения и наговорила ему грубостей. Так они поссорились*);
- **лопнуть – о терпении, вывести из равновесия, вывести из себя (***Ваше заявление неправомочно! Мое терпение лопнуло*!);
- **награда за терпение** (*Этот улов – награда за мое терпение*).

Как известно, семантика слова делится на две части: денотативную и коннотативную. Терпение в сознании носителей русского языка имеет ассоциации с чем-то жидким и взрывчатым, способным лопнуть. Это подтверждается такими словосочетаниями, как «терпение иссякло», «последняя капля терпения», «чаша терпения переполнилась», «терпение лопнуло» и др. Это дает все основания утверждать, что в семантике данного слова наряду с денотативным значением присутствуют вышеизложенные коннотативные признаки, которые можно представить визуально в виде различных образов.

Терпение – это качество, необходимое человеку, которое помогает сохранять баланс душевных сил и потенциал духовной энергии, позволяет сдерживать эмоции, понимать и принимать позицию другого человека, терпение помогает идти к поставленной цели, достигать желаемых результатов, потому что на этом сложном пути многое приходится преодолевать, претерпевать, выдерживать. Однако есть вещи, которые нельзя терпеть. Когда человек терпит унижение, грубость, насилие, то терпение приобретает отрицательную окраску, ему родственны семы «слабость», «бессилие», «трусость».

В богатейшем арсенале русских пословиц и поговорок, в которых отражен коллективный опыт и мудрость народа, большое место занимают те, где упоминается слово «терпение». Приведём лишь некоторые из них: «Господь долго терпит, да

больно бьет»; «Терпя и камень треснет»; «Обтерпишься, и в аду ничего»; «За терпенье дает Бог спасенье»; «Терпенье дает уменье» и др. Это яркое народное творчество – материал для серьезных лингвистических исследований.

Концепт «терпение» – сложное ментальное образование. Ядерной частью концепта выступают значения: ‘безропотное перенесение чего-нибудь бедственного, тяжелого, неприятного’; ’смирение с наличием, существованием кого-нибудь, чего-нибудь, поневоле допущение чего-нибудь’; ‘смирение с наличием чего-, кого-нибудь в ожидании перемены к лучшему, каких-нибудь результатов’. Периферию составляют следующие значения: ‘допущение наличия кого-, чего-нибудь, снисходительное перенесение кого-, чего-нибудь’; /упорное выполнение чего-то (проявление активности действия)’; ‘совмещение с чем-нибудь, допущение’; ‘испытывание чего-нибудь, подверженность чему-нибудь (неприятному, тяжелому и т. п.)’; ‘чувство большой неприязни, отвращения к кому-, чему-либо’.

Культурная значимость концепта обусловливает наличие в его структуре ценностных параметров, интерпретация которых и формирует в конечном итоге ассоциативно-вербальную сеть концепта, открывающую его «смысловую бездну».

Литература

1. Бариловская, А. А. Лексическое выражение концепта «терпение» в истории и современном состоянии русского языка: автореф. дисс на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 – «русский язык» / А. А. Бариловская. – Томск, 2008. – 25 с.

2. Долгова, И. А. Концептуальное поле «терпение» в английской и русской лингвокультурах: дисс. на соискание учёной степени канд. филол. наук: спец. 10.02.20 – «сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / И. А. Долгова. – Волгоград, 2006. – 205 с.

3. Захаров, П. Я. Терпение как ментальное свойство русского народа: причина и следствие: дисс. на соискание учёной степени канд. филос. наук: спец. 09.00.11 – «социальная философия» / П. Я. Захаров. – Горно-Алтайск, 2007. – 164 с.

4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведова. – М.: 1995. – 928 с.

5. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова – М., 1935–1940.

6. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т.: пер. с нем. = Russisches etymologisches Wörterbuch / Перевод и дополнения О. Н. Трубачёва. – 4-е изд., стереотип. – М.: Астрель – АСТ, 2004.

7. Шаховский, В. И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология / В. И. Шаховский. – М.: Либроком, 2010. – 128 с.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО МИНИМУМА В УЧЕБНОМ СЛОВАРЕ

Бойко Елена Сергеевна

Россия, Симферополь, Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», boyko.e.s@mail.ru

В статье рассмотрены изменения во взглядах на формирование лексических минимумов и обоснованы принципы отбора фразеологических минимумов, вытекающие из специфики функционирования фразеологических единиц в речи и отражающие их языковую сущность.

Ключевые слова: фразеологическая единица, лексический и фразеологический минимумы, фразеография.

Особенности словаря проявляются в составе его словника, в специфическом, целенаправленном отборе языкового материала. Теория и практика составления фразеологических минимумов являются одним из наиболее важных разделов учебной фразеографии. «...любой учебный словарь представляет собой широко понимаемый лексический минимум» [6, с.154]. Термин «минимум» следует понимать как объем языковых средств, являющийся максимальным с точки зрения физических возможностей усвоения учащимися включенного в него лексико-грамматического материала в отводимое время и минимальными с точки зрения всей системы языка, т.е. не разрушающим ее функционального единства [4, с.143–144].

Изменения во взглядах на учебную лексикографию прежде всего отразились на лексических минимумах словарей.

Анализируя учебную лексикографию советского периода, М. А. Скопина выделяет следующие этапы ее развития [7, с.148–154].

В первый период (20–30 гг.) краткие русско-национальные словари создавались для младописьменных языков. Народности, не имевшие письменности до Октябрьской революции, получали возможность изучить русский язык. С позиции современной учебной лексикографии такие словари имели серьезные недостатки, такие как отсутствие точного адресата, неразработанность принципов отбора словника и справочного аппарата и т. п. Однако они представляют интерес в этнографическом и социологическом планах.

В 40–50-х гг. начинают создавать лексические минимумы для национальной школы. Отбор производился с учетом практической необходимости, учебных целей, возрастных интересов и социальной обстановки.

К концу 50-х гг. осознается практическая необходимость слова в условиях национальной республики, т.е. для поддержания беседы на бытовые и школьные темы, а также для усвоения программы по русскому языку и другим предметам. Были также учтены тематический, дидактический и лингвистический (учет корневых и производных слов) принципы. В качестве дополнительных принципов создания словарей рассматривались возрастные особенности учащихся, фонетические и грамматические трудности в сопоставлении с родным языком учащихся, сочетаемость слов с другими словами словаря, словообразовательный потенциал слова, особенности быта и жизни республики.

Однако следует заметить, что превалировал субъективный, интуитивный подход в выборке слов, что само по себе ненадежно и делало ненадежным лексический минимум.

В 60-х гг. впервые в словаре для иностранцев была представлена многозначность слова, а слова, наиболее часто встречающиеся в практике преподавания, были проиллюстрированы контекстами.

Частотный принцип как ведущий принцип рационального отбора утвердился в 60–70-е гг.

Л. А. Новиков считает, что достижение минимально-достаточного характера состава и содержания учебного словаря возможно при помощи 1) строгого учета частотности слов, грамматических форм и синтаксических конструкций, а также 2) отбора тематически более существенных слов и словосочетаний и 3) проверки покрываемости словарем основных тем и речевых ситуаций [6].

Для реализации этой идеи В. В. Морковкин формулирует 3 данности:

1) лексическую список-основу,
2) список линговметодических запросов (аспект рассмотрения слова в учебном словаре),
3) разработанную процедуру получения словников учебных словарей [5, с.35].

Учитывая накопленный годами лексикографический опыт, сформулированы следующие принципы формирования лексического минимума.

1. Статистический принцип отбора, в соответствии с которым прежде всего учитывается употребительность языковых единиц.

2. Сочетаемость слова, его способность вступать во взаимоотношения с другими словами. Предпочтение словам с широкими лексическими и синтаксическими связями.

3. Словообразовательные возможности слова, распространенность его корня.

4. Семантическая ценность слова. Приоритет многозначным словам.

5. Стилистическая нейтральность.

6. Ситуативно-тематический принцип.

7. Методическая целесообразность [3, с.132–147].

При создании учебных словарей нельзя не основываться на академических словарях, которые являются фундаментом любых проектов в области учебной лексикографии [5, с.34–42].

Составители лексических минимумов, стремясь нейтрализовать недостатки отдельных лексико-статистических исследований, используют в качестве источника отбора

частотные списки, составленные на основе нескольких частотных словарей (принцип сопоставительной частотности).

Что касается создания фразеологического минимума, то, по мнению Е. А. Быстровой, оно связано со следующими трудностями: «При решении проблемы фразеологического минимума необходимо прежде всего определить его назначение и объем» [2, с.312–313].

Разработаны принципы отбора фразеологического минимума, вытекающие из специфики функционирования фразеологических единиц в речи и отражающие их языковую сущность:

– употребительность фразеологизмов,

– коммуникативная ценность,

– нормативность,

– представление фразеологической микросистемы (достаточность представления основных семантических групп, учет семантической симметрии и системных связей на уровне языка) [8, с.59–70].

Составление словаря предполагает использование целого ряда источников, на основе которых разрабатывается словник и проводится процедура отбора фразеологизмов в соответствии с принятыми принципами.

Н. М. Шанский и Е. А. Быстрова рассмотрели различные способы расположения фразеологизмов [8, с.59–70]. Так, в Словаре С. И. Ожегова фразеологизмы расположены по опорному слову, в качестве которого выступает компонент, фразеологизирующий свободное значение. В связи с этим авторы цитируют Б. А. Ларина: «Что же касается “фразеологических единств”, не столь целостных, как идиомы, то их по-прежнему надо помещать под одним из слов-компонентов, но не под грамматически управляющим, а под тем, которое создает метафорическое значение всего словосочетания, оно и является смысловым фокусом и, как правило, имеет не прямое, а переносное значение» [цит. по 8]. По мнению А.И. Молоткова, расположение фразеологизмов в словаре не должно сводиться к искусственному выделению опорных компонентов, необходимо установление связи фразеологизмов путем определенной

группировки их. Каждый фразеологизм помещается в словаре столько раз, сколько имеется в его составе компонентов, включая все варианты, толкование фразеологизмов дается структурно-организующему компоненту [8, с.59–70].

Помимо вышеперечисленных названы следующие способы размещения фразеологизмов в словаре: по первому знаменательному слову, по первому существительному, по наименее употребительному слову и т. д.

Проблему расположения фразеологических единиц исчерпывает электронный словарь с продуманной системой поиска.

Совокупность единиц, составляющих реестр, реализует цель словаря.

Разработанный совместно с Научно-методическим центром полилингвального образования электронный «Русско-украинско-крымскотатарский фразеологический словарь для школьников Крыма», созданный при доминирующей роли русского языка, учитывает реалии межнационального общения.

Особенностью состава населения Республики Крым является многонациональность. Применительно к Крыму можно констатировать наличие полилингвокультурной ситуации (термин Г. Ю. Богданович) [1, с.26–37]. По количеству носителей преобладают русский, украинский и крымскотатарский языки. Представители отличающихся друг от друга культур становятся участниками межкультурных контактов. В многонациональном обществе необходимо уделить должное внимание поликультурному образованию.

Приоритетными для школьного словаря являются культурно значимые фразеологизмы, несущие в себе не только оценку явлений и событий, но и аксиологическую направленность, включающие национально-культурный компонент.

Понятие школьного словаря сразу ограничивает круг потенциальных пользователей. Реестровые единицы (фразеологический минимум) должны быть отобраны с особым вниманием, если речь идет о словаре, предназначенном школьникам. В данном случае особо актуализируется вопрос о нормированности реестровых единиц.

Реестр в словаре должен максимально точно отражать состояние фразеологии. Достижение поставленной цели возможно при использовании принципа сопоставительной частотности, а именно реестр учебного трехъязычного словаря для школьников представлен академическими фразеологизмами, важными с точки зрения перевода, культурно значимыми фразеологизмами, а также фразеологизмами, отобранными специально для школьников. Таким образом, реестр сформирован на основе современных академических фразеологических словарей, учебных, школьных и словарей с культурологическим комментарием (академических – так как учебная фразеография ограничивается нормативными явлениями языка, учебных – так как словарь переводной, школьных – так как потенциальные пользователи школьники, а культурологический комментарий во фразеологизмах вскрывает культурную, национальную, мировоззренческую составляющую). Принцип сопоставительной частотности обеспечивает возможность формирования фразеологического минимума, представленного фразеологизмами, встречающимися во всех типах словарей одновременно.

Таким образом, отбор словника является одной из самых сложных лексикографических операций. Проблема фразеологических минимумов не нова и имеет свою историю, и только совокупность принципов отбора и объединение различных источников позволит создать наиболее адекватный минимум, которым школьник сможет овладеть и пользоваться в устной и письменной речи.

Литература

1. Богданович, Г. Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии / Г. Ю. Богданович. – Симферополь, 2002. – 397 с.

2. Быстрова, Е. А. Минимизация фразеологического материала в учебных целях / Е. А. Быстрова, В. Д. Уваров // Переводная и учебная лексикография. – М., 1979. – С. 311–319.

3. Даунене, З. П. Специфика единого лексического минимума русского языка для национальной средней школы / З. П. Даунене // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике: сб. ст. – М.: Русский язык, 1978. – С. 132–147.

4. Денисов, П. Н. Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии / П. Н Денисов. – М.: МГУ, 1974. – 255 с.

5. Морковкин, В. В. Об одном способе синтеза системы учебных словарей и некоторые вопросы семантизации слов в словарях / В. В. Морковкин // Проблемы учебной лексикографии и обучение лексике. – М.: Русский язык, 1978. – С. 34–42.

6. Новиков, Л. А. Типология учебных словарей / Л. А. Новиков // Современный русский язык: Лексикология. Фразеология. Лексикография. – СПб.: СПбГУ 2002. – 451 с.

7. Скопина, М. А. Проблема минимизации словарного состава в русской лингводидактике / М. А. Скопина // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике: сб. ст. – М.: Русский язык, 1978. – С. 148–154.

8. Шанский, Н. М. Словник и структура учебного фразеологического словаря русского языка / Н. М. Шанский, Е. А. Быстрова // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике: сб. ст. – М.: Русский язык, 1978. – С.59–70.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ СИММЕТРИЯ ЛИРИЧЕСКОГО ТЕКСТА А. С. ПУШКИНА

Валеева Людмила Владимировна

Россия, Симферополь, Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», lv_valeeva@mail.ru

В статье описан один из способов структурной организации поэтического текста – стилистическая симметрия. Рассмотрены природа и свойства симметрического построения. В лирическом тексте А. С. Пушкина выявлены и проанализированы эффективные приемы стилистической симметрии: ограничение и абстрагирование значения, обращение к общей семе, перефрастическое словоупотребление, усиление экспрессивной оценки события.

Ключевые слова: стилистическая симметрия, поэтический текст, Пушкин, синтаксическая конструкция, семантика.

С проблемой соотнесенности языка художественной литературы и языка поэзии связан вопрос о роли великих мастеров слова в развитии литературного языка. Взгляд на текст как на продукт индивидуального творчества убеждает обратить внимание на формы проявления авторства в художественном

тексте, на проблему индивидуального мировидения, авторской картины мира. Ценностную содержательность художественного текста рассматривали Л. Г. Бабенко, М. М. Бахтин, Г. Д. Гачев, А. А. Залевская, Ю. М. Лотман, В. А. Маринчак, Г. Г. Москальчук и др.

Художественная картина мира – это вторичное ментальное явление. Е. Г. Ковалевская различает языковые формы для прозаического и поэтического текста. Исследователь формулирует основной закон поэтического словоупотребления, в основе которого противоречие между особой, строгой соотнесенностью поэтического слова с денотатом и широтой, диффузностью его значения в силу наслаивания на обычные ассоциации человека ассоциаций данного автора, то есть конкретных поэтических ассоциаций [2, с.463–465]. Научные разработки В. В. Виноградова, Л. В. Зубовой, Ю. М. Лотмана, О. Г. Ревзиной и др. свидетельствуют, что феномен поэтического языка не выводится из «эмпирического критерия», анализ возможен только с учетом внетекстовых связей.

Л. Д. Беднарская [1], Г. Г. Москальчук [5], Б. А. Успенский [7] связывают совершенство поэтической формы с категорией симметрии. Взаимодействие симметрии и асимметрии порождает гармонию целого. Одним из следствий этого единства является дискретный характер текста, ритмичность целого. Описание в тексте участков с различной напряженностью позволяет оценить размещение языкового материала с абсолютной и минимальной смысловой нагрузкой.

Термин «стилистическая симметрия» впервые появляется в работе Д. С. Лихачева. Д. С. Лихачев отмечает, что существует художественный параллелизм и стилистическая симметрия, Художественный параллелизм сопоставляет два различных явления. Сущность стилистической симметрии состоит в том, что об одном и том же в сходной синтаксической форме говорится дважды. «Это как бы некоторая остановка в повествовании, повторение близкой мысли, близкого суждения, или новое суждение, но о том же самом явлении. Второй член симметрии говорит о том же, о чем и первый член, но в других словах и другими образами. Мысль варьируется, но сущность ее не

изменяется» [3, с.154]. Функция второго элемента заключается в выявлении в сопоставляемых словах их подспудного первичного смысла. Его мнение соответствует взглядам П. А. Будберга и Романа Якобсона. Р. Якобсон пишет, что «параллелизм есть не просто стилистический прием синтаксического дублирования по заданной формуле, его применяют для создания эффекта, подобного бинокулярному зрению, – происходит наложение друг на друга двух синтаксических образов с тем, чтобы наделить их объемностью и глубиною, повторяется конструкция, в результате чего воедино связываются синтагмы, которые поначалу представляются лишь свободно следующими друг за другом» [8, с.61].

Одна из её важнейших особенностей стилистической симметрии состоит в неполноте симметрического построения. «Благодаря этой «неточности» восприятие произведения искусства является до известной степени сотворчеством. Мы как бы решаем некую задачу, поставленную перед нами в произведении искусства» [3, с.158]. Учитывая это свойство языкового параллелизма, Ю. М. Лотман называет его «неполным повтором» [4, с.112].

Уникальность и самобытность А. С. Пушкина проявляется в том, что он экспериментирует со стихотворной техникой, реанимирует забытые формы выражения многообразных смысловых и стилистических оттенков. Особое умение поэта находить приемы, позволяющие отобразить «дух» русского языка, его особую мелодику, передать гармонию звука и эмоции, отмечено, прежде всего, преемственностью стилистических приемов византийской и древнерусской литературы.

Как показало наше исследование, явление стилистической симметрии связано с «приращением смысла» (Д. С. Лихачев) и созданием в тексте некого «сверхсмысла», который объединяет слова с разным значением, требуя осознания читателем их глубинного значения. В самом деле, замечая смысловые различия в членах симметрии, мы должны одновременно видеть и то, что привязывает оба члена друг к другу, что заставляет нас рассматривать оба члена симметрии в их единстве. Благодаря этому мы можем заметить соотнесенность понятий «в действии», определить то, что казалось их автору наиболее существенным.

Эти связи и соотнесенности могут оказаться совершенно неожиданными. Так, члены симметрии могут как бы противостоять друг другу по смыслу, иметь, казалось бы, диаметрально противоположные значения:

Ты мать Амура,

Ты богородица моя! [6, т.2, с.349]

Оба члена параллели связаны общей семой – рождение ребенка. Но значимость этих образов для православной культуры различается религиозно и этически. Для православного человека *богоматерь* – это правда, справедливость и свет. Первый член симметрии *мать Амура* в соответствие с христианскими канонами противостоит *богородице* – второму члену симметрии. По замыслу А. С. Пушкина оба элемента симметрии обозначают одно и то же. В данном контексте основой каламбура является внутренняя форма слова: *богородица,* то есть *родившая бога,* следовательно, *мать* бога *Амура* тоже *богородица*. Смысл данного приема стилистической симметрии в окказиональном употреблении семантической формы *богородица*. Противопоставление общепринятого и авторского понимания слова подготавливается комментарием, данным в начале строфы:

Не та, которая Христа

Родила не спросясь супруга.

Стилистическая симметрия по преимуществу преследует цели ограничения и абстрагирования значения. В стилистической симметрии важно не то, в чем члены симметрии расходятся между собой, а то, что является в них общим. Поэтому все, что конкретизирует то или иное понятие, как бы отбрасывается вторым членом симметрии. Оба члена симметрии в сопоставлении друг с другом выделяют лишь ту узкую часть, которая им едина, они абстрагируют явление, подчеркивают в нем лишь его абстрактную сущность.

Еще два слова о Мидасе:

Он не хранил в своем запасе

Глубоких замыслов и дум;

Имел он не блестящий ум [6, т.3, с.394].

Первый элемент *не хранил глубоких замыслов и дум* конкретизируется вторым элементом *имел он не блестящий ум,*

что соединяется в универсальную характеристику человеческой природы – глупость. Усиление характеристики, верификация сверхсмысла достигается дополнительной соотнесенностью прецедентного имени *Мидас*, являющегося символом алчности и глупости, с актуализированной отрицательной конструкцией *не блестящий ум,* включенной в конструкцию, которая не соответствует нормам русского синтаксиса. Намеренное внимание к языковым знакам *Мидас* и *не блестящий* апеллирует к известной русской пословице «Не все золото, что блестит» и свидетельствует о жизненных ценностях поэта: очевидная ценность просвещения и бесполезность, бессмысленность внешней атрибутики.

Покойник, автор сухощавый,
Писал для денег, пил из славы [6, т.2, с.349].

В стихе представлена параллель конкретных действий, отраженных в языке двумя словосочетания целевого типа. Начинают текст субстантивы *покойник, автор,* которые после прочтения стиха приобретают символическое значение «суета» и вызывают в памяти паремию «суета сует», используемую для описания всего ничтожного и бессмысленного. Тем самым автор показывает, что деньги, слава не спасают от жизни, мало чем отличающейся от смерти.

В стихотворении «Разговор книгопродавца с поэтом» речевая компрессия членов параллели подчеркивает субъективно-модальную тональность строфы:

Наш век – торгаш; в сей век железный
Без денег и свободы нет [6, т. 2, с.194].

Лаконичность фразы предполагает смысловую емкость и стилистическую выразительность. Соотнесенность понятий *век – торгаш* раскрывается и детализируется во второй части параллели, что способствует созданию в поэтическом тексте экспрессивного и смыслового эффекта. Экспрессивная функция реализуется за счет языковых единиц разговорного характера. Словоформа *торгаш* образована с помощью стилистически маркированного сниженной оценки суффикса *–аш*, безличная синтаксическая конструкция со словом *нет* осложнена однородными членами. Развернутая конструкция второго

компонента стилистической параллели реализует авторское отношение к ценностям новой эпохи: *без денег и свободы нет.*

Стилистическая симметрия в лирике А. С. Пушкина является средством обобщения. Если необходимо упоминание о конкретных исторических событиях и лицах, то автор предпочитает говорить о них описательно, в общей форме, перифразируя. Таким образом, перифраза служит изъятию явлений из их бытовой обстановки, возвышению их над исторической действительностью.

Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык? [6, т. 3, с.223]

Смысловым центром этой стилистической симметрии является победа России в Отечественной войне 1812 года. Поэт повторяет общую мысль в тождественной синтаксической форме. Знаками-стимулами, координирующими читателя, являются сингулятивы *Европа* и *русский.* Перефраза способствует созданию экспрессивного эффекта. Композиционная организация с помощью однотипных синтаксических структур – вопроса – передает гамму чувств: от осознания мощи родной страны, восторга перед смелостью и героизмом современников до гордости за Отечество.

По мнению Д. С. Лихачева, Р. Лоута, русская симметричность гораздо разнообразнее, «орнаментальное», динамичнее. Она не ограничивается двумя членами симметрии, переходит в синтаксические повторы вообще. Все чаще она перестает быть «остановкой» в развитии поэтической темы, «все чаще члены симметрии охватывают разные явления, переходят в явления параллелизма, служат целям сравнения, утрачивают связь с художественным мышлением, разрушаются, формализуются» [3, с.87].

В стихотворении «Наполеон»:

Россия, бранная царица,
Воспомни древние права!
Померкни, солнце Австерлица!
Пылай, великая Москва!
Настали времена другие,
Исчезни, краткий наш позор!

Благослови Москву, Россия!
Война по гроб – наш договор! [6, т.2, с.59].

Композицию лирического произведения полностью определяет его синтаксическая структура. Параллельное употребление императивов *воспомни, померкни, пылай, исчезни, благослови* заряжает текст энергией уверенности и знания и развивает тему свободной и сильной России.

Следует обратить внимание на средоточие стилистических приемов в текстах, обращенных к истории России, к народным традициям:

Два дубочка вырастали рядом,
Между ними тонковерхая елка.
Не два дуба рядом вырастали,
Жили вместе два братца родные:
Один Павел, а другой Радула,
А меж ими сестра их Елица [6, т.3, с.310].

Перефрастическое повторение картины природы и картины семейного быта структурно оформлено параллелизмом синтаксических структур.

Стилистическая симметрия оформляет антонимию земного и небесного, силы и слабости, молодости и старости и т. д.

Стомати был стар и бессилен,
А Елена молода и проворна [6, т.3, с.294].

Таким образом, прием стилистической симметрии заключается в сходстве синтаксической конструкции обоих членов параллели и сходстве образов, передаваемых с помощью этих конструкций. Для стилистической симметрии базовым признаком является синтаксическая соположенность. Стилистическая симметрия строится на обращении к общей семе семантической структуры лексических единиц, несмотря на то, что сема может быть неактуализированной и выявляться при анализе происхождения слова, как в случае со словом *богородица* – «родившая бога». В текстах А. С. Пушкина отмечена сопоставительная методика конкретизации константы человеческого бытия, такой как *глупость, измена, слава, смелость* и под. В лирическом тексте А. С. Пушкина стилистическая симметрия приобретает не столько синтаксическую организованность, сколько смысловую

наполненность для проникновения в мироощущение, в верования, в эстетическую систему, в семантику отдельных слов.

Литература

1. Беднарская, Л. Д. Сложное предложение в языке русской лирики XIX-XX столетий / Л. Д. Беднарская. – Орел: ФГБОУ ВИО «ОГУ», 2012. – 392 с.

2. Ковалевская, Е. Г. Слово в тексте художественного произведения / Е. Г. Ковалевская. // Избранное. 1963–1999. – 2012. – С. 462–482.

3. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – М.: Просвещение, 1989. – 390 с.

4. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – Л., 1972. – 300 с.

5. Москальчук, Г. Г. Асимметричный повтор в тексте / Г. Г. Москальчук. // Вестник ОГУ. – № 11. – 2005. – С. 56–62.

6. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. / А. С. Пушкин. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. – Т. 1. – 528 с.; Т. 2. – 464 с.; Т. 3. – 552 с

7. Успенский, Б. А. Структура художественного текста и типология композиционной формы / Б. А. Успенский // Поэтика композиции. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 3–280.

8. Якобсон, Р. О. Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 193–230.

ИМЕННАЯ ЛЕКСИКА С СЕМАНТИКОЙ ЛОКАТИВНОСТИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ XVI ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛАНИЯ ИВАНА ГРОЗНОГО АНГЛИЙСКОЙ КОРОЛЕВЕ ЕЛИЗАВЕТЕ I)

Валеева Людмила Владимировна,
Давыдкина Анастасия Сергеевна
Россия, Симферополь, Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», lv_valeeva@mail.ru, nastya280798@yandex.ru

В статье описаны особенности именной лексики с семантикой локативности в посланиях Ивана Грозного. Выделены группы с обозначением социально детерминированного пространства и

метафорического словоупотребления. Рассмотрены средства выражения семантики локативности во взаимосвязи с частеречной принадлежностью.

Ключевые слова: локативность, пространство, семантика, публицистический текст, именная лексика, Иван Грозный.

Язык – знаковая система, в которой находят отражение все важные категории человеческого бытия. Одной из таких категорий является пространство – «форма координации различных сосуществующих объектов и явлений, заключающаяся в том, что последние определенным образом расположены друг относительно друга и, составляя различные части той или другой системы, находятся в определенных количественных отношениях друг к другу» [6, с.392].

Пространственная лексика, ввиду фундаментальной важности пространства в жизни социума, составляет значительную часть словарного состава русского языка на всех этапах его существования, включая современную его форму. Поэтому проблема изучения данной категории слов привлекает внимание лингвистов и остается актуальной по сей день.

Категория пространства характеризуется статикой и динамикой, может различаться по наличию физических параметров и по их отсутствию, делится на классы и ранжируется по степени директивности. Пространственная семантика включает описание нахождения объекта (статическая характеристика, опирающаяся на геометрическое представление, например: *В Ботаническом саду КФУ имени В. И. Вернадского есть сирингарий*) и информацию о пространстве во временной перспективе (динамическая характеристика, например: *До Ботанического сада идти около десяти минут*). Статический тип пространства мы будем называть локативностью. Субкатегория локативности реализует широкий спектр значений: от физических, географически объективированных до психических, духовных, представляющих человеческие взаимоотношения. О. Н. Селиверстова отмечает, что существуют группы слов, использование которых ограничено некоторыми типами пространств. Глагол *exist* употребляется, если речь идет о противопоставлении реального нереальному, и «используется для передачи информации о наличии Y-а в пространствах типа

‘язык’, ‘искусство’, ‘животный мир’ и т. д., но не может, например, употребляться, когда описывается нахождение объекта в социально-производственной системе или в каком-то физическом пространстве» [4, с.567].

Важность референции пространства посредством языка обусловливает использование слов и словосочетаний с локативной семантикой во всех стилях речи, в том числе и в публицистическом.

Главная особенность публицистического текста состоит в том, что хотя он, как и разговорная речь, в той или иной степени связан с реальным временем, он принадлежит миру культуры и миру знаний. Язык публицистики связан с психологическими и социокультурными процессами. Публицист предстает перед читателем как человек, который пытается правильно и точно осмыслить события и в соответствии со своей языковой компетенцией и знанием социокультурных норм и оценок поделиться своим мнением, предчувствием, переживаниями.

Язык публицистики строится с опорой на речевые стандарты, так как цель коммуникации политического деятеля заключается в установлении и улучшении отношений между автором публицистического текста и населением (получателем). Кроме того, автор должен учитывать фактор адресата. Чем шире аудитория, тем проще, доступнее, стандартнее должна быть речь выступающего. Стилистику публицистического текста роднит со стилистикой разговорной речи транспозиция языковых форм [2].

Становление языка публицистики опирается на принципиальные установки системы языка, а именно логичность, образность, эмоциональность. Именно в таких текстах возможны эксперименты со словом и использование авторских новаций. В XVI веке еще не было периодической печати, публицистические тексты писали в виде писем, точнее, «открытых писем». Одними из первых публицистических произведений этой культурной эпохи являются Послания Ивана Грозного.

Исследователи особо выделяют живость языка Грозного: «Богатство его лексики поразительно. Язык Грозного отличается необыкновенною гибкостью, и эта живость, близость к устной речи вносит в его произведения яркий национальный колорит.

<…> Во многих письмах к иностранным государям можно определить немало страниц, написанных самим Грозным. Эти страницы опознаются по властному тону, по живой игре характерного для Грозного остроумия, по самому стилю грубой, сильной и выразительной речи» [3, с.465]. Это важно для нашего исследования, так как совмещение строгости литературного языка и вкраплений разговорной речи позволяют составить более полную картину проявлений локативной семантики в языке того времени.

В Послании Ивана Грозного к Елизавете I выделены два типа именной лексики с семантикой локативности: с прямым пространственным значением и метафорическим. Именная лексика представлена именами существительными, прилагательными и местоимениями (имя числительное не включено в эту группу из-за особенностей его семантики, препятствующей активному употреблению в составе локативных сочетаний).

Особенностью лексем с прямым пространственным значением является стабильность их семантики: как правило, такие лексемы не подвергаются исторически обусловленным изменениям и не приобретают дополнительных коннотативных признаков. На протяжении существования лексем сохраняется семная структура (статус ядерных и периферийных сем не претерпевает изменений по отношению к архисеме). К этой группе лексем относятся географические названия: *Русь* (*великий государь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии*); *Вологда (И тамъ на Вологде высылали есмя к нему боярина своего…); Москва, Московское государьство* (*А Московское государьство покамѣсто без аглинских товаров не скудно было*; *Писана в нашем государстве града Москвы лѣта от созданья миру 7079-го октября в 24*).

В публицистическом тексте Ивана Грозного сформулирована общественно-политическая позиция царя. Текст изобилует номинациями, обозначающими пространства социального мира и представляющие собой продукты общества или отдельного человека. В эту группу входят языковые единицы *государьство* (*такимъ грамотам во всѣх государьствах не вѣрят. У государей в государстве живет печать одна*),

королевство (*а Филипа короля ишпанского аглинские люди с королевства сослали*), *царство* (*многи вѣсти неподобные писаны, что будто в нашемъ царстве неподобные дѣла дѣлаютца*), *земля* (*и нашимъ землямъ прибыток*). Существительное *государство* в соответствии с данными словаря В. Даля находится в одном ряду со словами *царство, империя, королевство, земля, страна* в значении «под управлением государя» [1, с.956]. Например: *Ты на своемъ государьстве государыня* – в семантическую структуру лексемы *государство* входит сема обозначения места, на которое распространяется власть, таким образом происходит концентрация смысла на власти в пределах пространства, а не на исходном значении обозначения места «страна, земля».

В тексте Послания выявлены многочисленные случаи метафоризации именной лексики, когда семантическая структура слова преобразуется в результате проявления семы местонахождения. *А ты пребываеш въ своемъ девическомъ чину, как есть пошлая девица* – состояние девичества воспринимается как особое пространство, нахождение в котором снижает социальный статус адресата, что подтверждает оскорбительное сравнение королевы с простой девицей.

Интересно отметить, что локативная семантика и ее функции разнятся при рассмотрении именной лексики в частеречном аспекте.

Имена существительные составляют наибольшую группу пространственной лексики в Послании Ивана Грозного к Елизавете I. Функция имен этой группы – номинация мест как пространственных объектов и верификация авторской позиции. Например, *пристали к пристанищу к морскому*. Здесь имя существительное несет основное значение локативности и содержит в себе сему статики, местонахождения, образуя семантическую связь с глагольной семой движения. Смысловой акцент не переходит на действие, отмеченное глаголом, в пределах какого-либо пространства, а остается на существительном, которое является доминантой в данном сочетании слов. Следовательно, семантическая структура рассматриваемого сочетания слов такова: *пристанище* – ядерная сема местонахождения; *пристали к* – периферийная сема

достижения конечной точки движения в пространстве; *к морскому* – периферийная сема атрибутивного указания на близлежащие пространства.

Представляют интерес сочетания, в которых существительные обозначают дела, соотносимые с пространством, в результате чего локативная семантика преобразуется и проявляется сема пространства жизнедеятельности. Например: *деломъ промеж нас пригоже быти*. Мы наблюдаем, что необходимые предметизированные действия (в современном русском языке *дело* – «7. Деловая надобность, нужда, потребность» [5, с.248]) объективируются в нереальные пространственные объекты, маркерами «местонахождения» которых являются причастные к этим действиям люди.

Прилагательные с локативной семантикой функционируют в публицистическом тексте Ивана Грозного в качестве опосредованного уточнения, дополнения, соотносимого с атрибутивностью. Например: *прислати своего ближнего человека* – прилагательное *ближний* является атрибутом субстантива *человек* и параметризирует пространство по характеристике отдаленности от центра (при этом центром является тот, о ком идет речь). В других примерах: *короля ишпанского, аглинским людем* – прилагательные характеризируют субъекты по географическому, этническому, общественному признакам и реализуют данную информацию посредством семы локативности.

Местоимения включают в себя единицы разных семантических моделей, так как в зависимости от разрядов по значению и грамматическим особенностям, различаются значения лексем и соотнесенность со словами других частей речи. Иван Грозный наиболее активно использует притяжательные и указательные местоимения, что соответствует публицистическому характеру посланий.

Притяжательные местоимения употребляются в тексте при лексемах, обозначающих пространство, на которое распространяется власть (*в нашемъ граде Двины*, *в нашемь государьстве*). Часто такие местоимения являются необходимым компонентом семантики всего высказывания. Например: *про наше государьство со укоризною писано* – эмоциональная

напряженность порождается антагонизмом прономинально-субстантивного сочетания *наше государьство*, связанного с типичным для публицистического текста позитивным образом мира автора, и предложно-падежного сочетания *со укоризной*, демонстрирующего мнения и оценки политического оппонента. В то же время притяжательные местоимения могут не выполнять центральную смысловую нагрузку, как, например, в словосочетании *в нашемъ граде Двины*. Притяжательное местоимение осуществляет функцию убеждения читателя в общности устремлений царя и народа. Локативная семантика подобных высказываний аккумулируется в ядерных семах существительных и предлога. Компонент локативного значения сопутствует ядерной семе притяжательности и является маргинальной семой принадлежности к пространству, на которое распространяется власть адресанта.

Указательные местоимения в Послании Грозного к английской королеве функционально близки существительным. Так, в словосочетании *и тамъ на Вологде высылали* местоимение *тамъ* концентрирует в себе семантику местонахождения, а имя собственное конкретизирует его, то есть местоимение включает в себя и обобщающее значение («в том месте, не здесь» [6]), и, одновременно, конкретизирующее, указывающее на отдаленность предмета речи.

Таким образом, именная лексика с локативным значением в публицистическом тексте Ивана Грозного представлена словами различной семантической структуры и исторической стабильности. В публицистическом тексте она демонстрирует качественные признаки и параметры социально индексированного пространства и является существенным аргументом в политических декларациях Ивана Грозного.

Литература

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусскаго языка / В. И. Даль. – 3 испр. и доп. изд. под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ.– С.-Пб.; М., 1903. – Т. 1. – 1724 с.

2. Лазуткина, Е. М. Публицистический стиль / Е. М. Лазуткина. – М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2008. – 79 с.

3. Послания Ивана Грозного / Подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье; пер. и коммент. Я. С. Лурье; под ред. В. П. Адриановой-

Перетц; ред. изд-ва Е. Б. Томсинская. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. – 715 с.

4. Селиверстова, О. Н. Труды по семантике / О. Н. Селиверстова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.

5. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с..

6. Философская энциклопедия: в 5 т. / глав. ред. Ф. В. Константинов. – М. : Советская энциклопедия, 1967. – Т. 4 : Наука логики – Сигети. – 591 с.

О СТРУКТУРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ПОЛИПРЕДИКАТИВНОМ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ В НАУЧНОМ СТИЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА (на материале произведений математического цикла)

Волкова Елена Борисовна

Россия, Москва, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), lenka@mail.mipt.ru

Статья посвящена исследованию полипредикативных (многокомпонентных) сложноподчинённых предложений, функционирующих в научном стиле, одном из ведущих стилей русского литературного языка. Элементы структуры изучаемых конструкций и характер их взаимоотношений рассматриваются на материале текстов математических произведений современных математиков. Именно в стиле точных наук синтаксические отношения в ПСПП представлены наиболее отчётливо.

Ключевые слова: полипредикативное сложноподчинённое предложение, главная часть, придаточная часть, компонент, семантика.

Полипредикативное сложноподчинённое предложение (далее ПСПП) – это сложная замкнутая ситсема неравноправных предикативных единиц, которые воспроизводятся в речи по определённым структурным схемам. Целостность этой системы обеспечивается за счёт замкнутых иерархических связей, смысловых (семантических) и формальных, существующих между его компонентами – предикативными единицами.

В ПСПП его компоненты, или части, главная и придаточные, обнаруживают различные связи и взаимодействия

между собой, сильные и слабые, прямые и косвенные, в результате чего в предложении складываются разнообразные их группировки и объединения. Общая полипредикативность, модальный и эмоционально-экспрессивный планы и другие конституирующие параметры ПСПП объединяют его компоненты в одно целое. При этом под влиянием общей предикативности в большей или меньшей мере утрачивается, тускнеет предикативность и другие качества предложения отдельных предикативных единиц, утрачивается их самостоятельность в составе целого.

В наибольшей степени теряют свою самостоятельность, уподобляясь развёрнутому члену главной части, придаточные, относящиеся к одному слову или словосочетанию главной части. Они в ПСПП, как и в двухкомпонентном предложении, составляют с главной частью один нерасчленённый комплекс, одноэлементную, «одночленную» структуру. Это структурно обязательные придаточные.

Бо̀льшую самостоятельность в составе ПСПП, как и в двухкомпонентных сложных предложениях, имеют придаточные, распространяющие всю главную часть (или состав ее сказуемого) как синтаксическую единицу. В зависимости от количества подобных придаточных (их называют функциональными) в предложении складывается несколько комплексов: два или более. Эти комплексы мы считаем структурными элементами ПСПП.

В ПСПП, как и в бинарных, «деление сложноподчинённых предложений на две указанные группы является основным, определяющим наиболее существенные различия как в общих принципах строения и действии отдельных структурных элементов, так и в характере грамматических значений» [6, с.39]. Это первый критерий, первый шаг при анализе их структуры как многомерной, имеющей несколько уровней членения [7, с.34].

В бинарном сложноподчинённом предложении (далее СПП) его компоненты, главная и придаточная части, являются элементами его структуры. В нерасчлененном ПСПП его компоненты, предикативные единицы, составляют один элемент его структуры, относительно единый, нечленимый на первом уровне членения.

В многоэлементных ПСПП абсолютно главная часть и функциональные придаточные служат организующими центрами элементов, конституирующих структуру ПСПП. Отношения между элементами в ПСПП релевантны для понимания структуры ПСПП, его глубинных синтаксических отношений. Если одноэлементные ПСПП по внутренней спаянности частей можно уподобить простому предложению, то многоэлементные ПСПП с относительно свободными, факультативными связями его частей-элементов изоморфны бессоюзному сложному предложению.

При анализе ПСПП следует учесть, что в составе ПСПП придаточные употребляются в своём основном значении, подчинительные скрепы в них представлены своей доминантой, в них возрастает употребительность одних типов придаточных (изъяснительных, присубстантивно-атрибутивных) и снижается употребительность других (например, местоименно-соотносительных).

Н. С. Поспелов называл «одночленные» СПП «квазисложными» предложениями [9, с.24]. Действительно, в широком смысле слова одноэлементные ПСПП можно уподобить простому предложению с осложняющими его полупредикативными обособленными оборотами, распространёнными и однородными членами, связанными конкретной лексико-морфологической связью с каким-либо словом главной части. Подчиняющие части в ПСПП синсемантичны, грамматическая семантика придаточной части (объектная, атрибутивная и др.) входит как необходимая часть в систему семантических отношений членов главной части. В номинативном плане одноэлементные ПСПП представляют собой как бы монолитную единицу, где главная часть, осложнённая созначениями придаточных, обозначает какую-то единую в своей основе, хотя внешне и расчленённую внеязыковую ситуацию. Придаточные соподчинённые увеличивают наши знания об этой ситуации «вширь», а последовательно подчиненные «вглубь» (наблюдение И. А. Василенко) [3, с.14].

1. Остальные слагаемые также представляются в виде интегралов с быстро осциллирующей экспонентой, в которой

показатель не имеет критических точек в силу того, что функция $l - \psi_0(\xi)$ *равна 0 в окрестности* $\xi = 0$ [12, с.204]. *2. Равенство dim Coker A=d означает, что существуют такие элементы* $v_1, v_2,...v_d \in H^1$, *что любой элемент* $v \in H^1$ *однозначно представим в виде* $v=Au+c_1v_1+ \ldots +c_dv_d$, *где* ***и*** *ортогонален Ker A* [12, с.168]. *3. И снова основная трудность состоит в том, чтобы проинтерпретировать* ***а*** *как класс символа эллиптического оператора на компактификации N и доказать, что его аналитический индекс совпадает с индексом A* [12, с.191]. *4. В силу предложения С) для доказательства того, что пути h* и* h_1* *кончаются в одной точке, нам достаточно доказать, что* $\{h_1h^{-1}\} \in \rho(\omega, e^*)$, *исходя при этом из предположения, что* $\{f_1f^{-1}\} \in \rho(\omega, e^*)$ [8, с.369]. *5. Оказывается, что* f_i, $i = 1, 2,$ *есть изоморфное отображение группы* N_i *в группу G', что подгруппа* $N'_i = f_i(N_i)$ *есть нормальный делитель группы G' и что выполнены соотношения(1) и (2)* [8, с.30].

Придаточные в данных конструкциях являются сигнификатами внеязыковых явлений и фактов, частичками единого, но расчленённого мыслительного акта, лежащего в основе предложения. Ситуативный, конкретный смысл предикативных единиц обуславливает их коммуникативную роль в высказывании. Денотативное содержание компонентов ПСПП подчиняет, нивелирует в составе целого их собственно языковую семантику: изъяснительно-объектную, степени, качества, атрибутивную, сводя ее до уровня дополнительной, функционально недостаточно выразительной.

При обозначении денотата первая предикативная пара даёт первоначальную, исходную номинацию ситуации, а последующие придаточные разворачивают, конкретизируют, уточняют её. Такую предикативную пару целесообразно считать структурной основой ПСПП, как предлагают Г. П. Уханов [10], [11], Н. С. Ганцовская [4], Л. Д. Беднарская [2]. Формирование смысла ПСПП не является механической суммой всех предикативностей, «главная смысловая часть представляет отношение к действительности, а зависимые смысловые части – отношение к этому отношению, и это всегда семантически

осложняет ведущую предикативность многокомпонентного сложного предложения» [2, с.7].

Одноэлементные ПСПП могут обладать большей или меньшей степенью сложности. Это зависит от их дискретности (количества предикативных единиц), расположения их по отношению друг к другу, сложности строения самих предикативных единиц, многослойности семантики, наличия коннотативных значений и др.

Из перечисленных примеров четвертое и пятое предложения имеют более разветвлённую структуру с неоднородным и однородным соподчинением. Вместе с тем эти компоненты хорошо интегрированы и посредством синтаксических отношений, и посредством взаимосвязи конкретных смыслов компонентов: каждый последующий подчиненный компонент поясняет не только свою подчиняющую часть, но и весь предшествующий комплекс в целом. В коммуникативном плане все придаточные вытянуты в цепочку смысловой зависимости друг от друга. Четвертое предложение более сложно по семантике: объектное значение совмещается с целевым, объектное с атрибутивным, оно осложнено деепричастным оборотом. Пятое же предложение структурно бинарно и прозрачно по смыслу.

Степень сложности первых трех предложений на уровне ПСПП одинакова: количество компонентов не превышает четырёх, их придаточные соединены последовательно. Но на следующем уровне членения выясняется, что второе предложение включает конструкцию с многослойной семантикой качества и одновременно следствия, а в третьем наблюдается сочетание объектной и целевой семантики, причём один из компонентов осложнён однородными сказуемыми и уточнением.

В одноэлементных ПСПП некоторые типы придаточных (атрибутивно-распространительные, местоименно-соотносительные) могут иметь добавочное присоединительное значение, но оно не подкреплено структурным фактором и менее очевидно по сравнению с функциональными придаточными.

В многокомпонентных СПП функциональные придаточные совмещают яркое функциональное значение условия, причины, цели и т. д. с оттенком присоединения, добавления. В одних

функциональных придаточных значение присоединения представлено в затушёванном, неявном виде, в других – превалирует над функциональным значением. Последние – это придаточные следствия, присоединительные, сопоставительные. По мнению С. Г. Ильенко, они образуют типично двучленные структуры [5, с.15]. Их главная часть отличается законченностью в формальном отношении, эти придаточные не имеют соотносительных слов. В ПСПП указанные придаточные имеют ярко выраженный добавочный характер и четко противостоят всему высказыванию, если постпозитивны, или же фактически превращаются во вводные (вставные), если интерпозитивны.

Таким образом, P распадается на два непересекающихся подмножества, являющихся областями в пространстве P*, что невозможно, так как пространство P* связно* [8, с.139]. *Вычисление эффективного сечения значительно упрощается, если рассматривать лишь те столкновения, которые приходят на больших прицельных расстояниях, где поле U является слабым, так что углы отклонения соответственно малы* [12, с.199].

Другие типы функциональных придаточных: условные, причинные, времени, цели, места, уступительные – также в целом соотносятся с главной частью или с ее предикатом. Значение данных придаточных, как и только что рассмотренных, отражает внутреннюю семантику самой грамматической конструкции (главной и придаточной части): условную или условно-следственную, временную, цели и др. Вне зависимости от семантики какого-либо члена главной части.

Грамматическая семантика (или значение собственных грамматических форм): условная, причинная и др. данных придаточных отодвигает на задний план, подчиняет себе конкретную, вещную семантику (денотативное содержание) этих придаточных. Вследствие этого с функциональным придаточным соединяются в один нерасчленимый комплекс (и по значению, и формально) придаточные, поясняющие одно слово в главной части, в которых денотативное содержание более самостоятельно и весомо, чем в функциональных придаточных. Функциональные придаточные, как и главная часть, могут, как снежный ком,

обрастать присловными и местоименно-соотносительными придаточными, составляя с ними один структурно-семантический элемент.

Например, *1. Отметим, что для п. д. о. индекс может быть отличен от нуля, так как очевидно, что форма* a^{-1}*да при антиподальном отображении может измениться* [12, с.192]. *2. Оказывается, что если* $a^n=e$*, где n – произвольное целое число, то n делится на r* [8, с.15]. *3. Говорят, что расслоение E с евклидовой связностью д допускает спинорную структуру, если существует такое расслоение S(E) со связностью V, для которой Qv=φ(Q) и V индуцирует в C(E) связность д* [12, с.198].

Все приведенные предложения двухкомпонентны, несмотря на неравное количество компонентов в их составе и разные способы их сочетания. Структурным элементом первого предложения является сложная главная часть, которая подчиняет себе второй элемент – сложную причинную придаточную часть. В каждом из элементов есть своя главная часть, к которой с помощью союза *что* прикрепляется изъяснительная придаточная часть. Эти главные части максимально редуцированы до одного слова (*заметим, очевидно*) и десемантизированы до вводно-модального значения. Эта конструкция семантически может быть сведена к двухкомпонентному СПП с причинной придаточной частью без ущерба для смысла: *Для п. д. о. индекс может быть отличен от нуля, так как форма* a^{-1}*да при антиподальном отображении может измениться.* Как кажется, данной синонимической конструкцией выявляется глубинный синтаксический смысл, существенные синтаксические отношения. Аналогичная ситуация наблюдается и во втором примере, где предложение может быть трансформировано в двухкомпонентное условное СПП. Интерпозитивная придаточная атрибутивно-распространительная часть семантически близка к вставной конструкции, представляет собой попутное замечание автора. Препозитивное положение условной части придаёт всей конструкции условно-следственную семантику. В третьем примере условная придаточная часть следует за изъяснительной, при этом предложение утрачивает следственное значение, а условный элемент приобретает значение присоединения. Его конкретное, денотативное содержание связано с денотативным

содержанием однородно соподчиненных придаточных и лишь опосредованно в плане структурно-семантических связей компонентов они поясняют весь второй элемент ПСПП.

Наши наблюдения над «поведением» разнофункциональных придаточных в научном стиле русского языка показали, что порядок расположения функциональных придаточных по отношению к главной части и друг к другу играет важнейшую роль в определении характера связей и взаимодействий элементов ПСПП, в результате чего обнаруживаются основные и неосновные, относительно автономные, самостоятельные и факультативные элементы предложения. К основным элементам всегда относится абсолютно главная придаточная часть, а также примыкающий к ней препозитивный или сразу же следующий за ней элемент, если нет препозитивного элемента. Неосновные, факультативные элементы находятся в постпозиции и интерпозиции. Если в позицию неосновных элементов попадают придаточные условные, временные, причинные, цели, уступительные, в них усиливается присоединительное значение, сосуществующее рядом с типологически конструктивным. В таком случае их статус приближается к статусу придаточных присоединительных, следствия, сопоставительных, где присоединительное значение главенствует над типологически конструктивным. Эта относительная самостоятельность интерпозитивных и постпозитивных элементов предложения является системоприобретенным свойством.

Степень сложности ПСПП зависит от степени сложности всех ярусов его системы: особенностей лексического наполнения частей, наличия полупредикативных оборотов и пропозитивных элементов, наличия или отсутствия коннотативных значений и т.д., особенностей парного сочетания компонентов и их композиции в составе целого. Наибольшую сложность, дискретность всей конструкции ПСПП даёт увеличение числа функциональных придаточных, создающих новые структурные элементы. При всей возможной сложности системы ПСПП с очень дифференцированными элементами, при большом количестве их система сохраняет свою целостность, не становится дезорганизованной. Устойчивость системы ПСПП и

успешное выполнение ею многих функций, присущих предложению, зависит от интегрирующих качеств этой системы. Элементы предложения – это не только средство глубокого расчленения структуры предложения, но и средство структурной его интеграции, так как это уменьшает количество элементов системы и тем самым уменьшает возможности более широкой дифференциации. Наконец, и сами элементы каким-то образом на основе семантических связей объединяются, составляя номинативный костяк предложения, другие элементы, приобретая статус дополнительности или вводности, фактически выводятся за рамки системы. В наиболее глубинном аспекте система предложения оказывается бинарной: наиболее общие для всего предложения отношения складываются между абсолютно главной частью и первым придаточным.

Таким образом, ПСПП – это сложноорганизованное на основе диалектического единства дифференциации и интеграции системно-структурное образование, состоящее из предикативных единиц и функционирующее как одно целое предложение.

Литература

1. Бархударов, Л. С. Глубинная структура предложения в семиотическом аспекте / Л. С. Бархударов // Сборник научных трудов Московского государственного пед. ин-та имени Мориса Тореза. – Вып. 112. – М., 1977. – С. 39.

2. Беднарская, Л. Д. Закономерности грамматического членения многокомпонентных сложных предложений / Л. Д. Беднарская. – Орёл: ГОУ ВПО «ОГУ», 2010. – 154 с.

3. Василенко, И. А. Сложные предложения в современном русском литературном языке : автореф. дисс. на соискание ученой степени докт. филол. наук: спец. 10.02.01 – «русский язык» / И. А. Василенко. – М., 1958. – 37 с.

4. Ганцовская, Н. С. Предложения с одним главным и несколькими функциональными придаточными в современном русском литературном языке (научный стиль) / Н. С. Ганцовская // Вопросы теории и методики преподавания русского языка. – Ярославль: ЯГПИ, 1973. – Вып. 6. – С.149–163.

5. Ильенко, С. Г. Вопросы теории сложноподчинённого предложения в современном русском языке : автореф. дисс. на соискание ученой степени докт. филол. наук: спец. 10.02.01 – «русский язык» / С. Г. Ильенко. – Л., 1964. – С. 15.

6. Крючков, С. Е. Современный русский язык: Синтаксис сложного предложения / С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов. – 2-е изд., перераб. – М. : Просвещение, 1977. – 191 с.
7. Максимов, Л. Ю. Многомерная классификация сложноподчинённых предложений (на материале современного русского литературного языка) : дисс. на соискание ученой степени докт. филол. наук: спец. 10.02.01 – «русский язык» / Л. Ю. Максимов. – М., 1971. – 729 с.
8. Понтрягин, Л. С. Непрерывные группы / Л. С. Понтрягин. – М.: Едиториал УРСС, 2009. – 520 с.
9. Поспелов, Н. С. Сложноподчинённое предложение и его структурные типы / Н. С. Поспелов // Вопросы языкознания, 1959. − № 2. – С. 21−27.
10. Уханов, Г. П. О многомерности структуры полипредикативных сложноподчинённых предложений / Г. П. Уханов // Очерки по русскому языку: Уч. зап. Калининского пед. ин-та. – Т. 66. – Ч. I. – Калинин, 1969. – С. 3–30
11. Уханов, Г. П. Синтаксические связи в сложных полипредикативных предложениях / Г. П. Уханов // Предложение как многоаспектная единица языка. – М., 1984. – С. 77–88.
12. Федосов, Б. В. Теоремы об индексе / Б. В. Федосов // Итоги науки и техники. – Серия: Современные проблемы математики. Фундаментальные направления, 1991. – Т. 65. – С. 165–268.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СФЕРЫ «ИНТЕЛЛЕКТ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛЕКСИКИ И ГРАММАТИКИ

Воронина Татьяна Михайловна
Россия, Екатеринбург. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, tmv313@yandex.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02005)

В статье рассматриваются некоторые вопросы, касающиеся лексико-грамматического аспекта лексикографического описания синонимических рядов слов сферы «Интеллект» в словарных проектах под рук. Л. Г. Бабенко, на примере особенностей семантики и употребления форм совершенного и несовершенного вида глаголов *соображать* и *сообразить*

и их вхождения в разных значениях в разные синонимические ряды в рамках указанной денотативно-идеографической сферы.

Ключевые слова: лексика интеллектуальной деятельности, вид глагола, идеографический словарь.

Языковые единицы, обозначающие действия, состояния, характеристики, параметры и т. п. в сфере «Интеллект», представляют собой сложную и многомерную область исследования и традиционно являются объектом пристального научного интереса (см., например: сборники Логический анализ языка: Знание и мнение, Логический анализ языка: Ментальные действия, работы Н. К. Рябцевой, И. Б. Шатуновского). Разработаны различные способы классификации единиц «ментального поля» и представления их в словарях (Л. М. Васильев, В. Г. Гак, Новый объяснительный словарь синонимов русского языка под ред. Ю. Д. Апресяна, идеографические словари под ред. Л. Г. Бабенко, Русский семантический словарь под ред. Н. Ю. Шведовой и др.). Отдельным аспектом исследования становятся лексико-грамматические взаимодействия в семантике подобных единиц, прежде всего ментальных предикатов, в частности связь аспектуальных характеристик глаголов со спецификой их значения и употребления. Большой вклад в разработку данной проблематики внесли работы Ю. Д. Апресяна, Т. В. Булыгиной, Анны А. Зализняк, Е. В. Падучевой, А. Д. Шмелева. Так, Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев приходят к выводу о том, что многие ментальные предикаты имеют дополнительные значения «“ментальной деятельности” или “ментального состояния”, сложным образом и по-разному соотносящиеся с событийным значением своего перфективного коррелята» [4, с.165], а следовательно, подобные случаи требуют специального отражения в словаре: «отсутствие в словарях подробных сведений об аспектуальном поведении ментальных глаголов воспринимается как неполнота словарной статьи, искажающая представление об их семантике» [4, с.166]. Авторы современных словарей включают информацию такого рода в лексикографическое описание. Например, в словарных статьях Нового объяснительного словаря синонимов под ред.

Ю. Д. Апресяна она отражена в той зоне, которая посвящена формальным особенностям лексем, входящих в синонимические ряды; при описании глаголов в базе «Лексикограф» под рук. Е. В. Падучевой обязательным параметром является указание на аспектуальный класс глагола.

Отдельной проблемой становится представление подобной информации в идеографических словарях, где основная задача – не описывать семантические, грамматические и др. признаки отдельной лексемы, а показывать общие и различительные признаки семантически близких единиц в рамках одной группы, в особенности если рассматриваются межчастеречные объединения слов. Е. В. Падучева утверждает, что повторяющиеся смысловые компоненты и параметры лексического значения – таксономическая категория, тематический класс, диатеза, таксономический класс участника – «задают классы слов, сходных в своем языковом поведении» [6]. Ю. Д. Апресян в рамках теории системной лексикографии создает фундаментальную классификацию предикатов и, в частности, отмечает, что классифицирующие признаки предикатов могут отраженно реализоваться в семантике слов, производных от них: «Признаки, на основе которых формируются классы глаголов, в большинстве случаев оказываются релевантными почти для всех синтаксических производных глаголов и для многих актантных производных в сфере существительных, прилагательных и наречий, так что классифицируя глаголы, мы одновременно классифицируем и другие части речи» [1, с.33]. Л. Г. Бабенко, характеризуя словарную статью толкового идеографического словаря синонимов, обращает внимание на зону «близкородственные синонимические ряды»: «в системе русского языка имеется много синонимических рядов, грамматически варьирующих общую семантическую идею. <…> В словаре подробно описывается лишь один синонимический ряд, а близкие ему по смыслу синонимические ряды даны в специальной зоне списком с формулировкой их модификационной семантики» [3, с. XXIII].

Рассмотрим некоторые решения, касающиеся лексико-грамматического аспекта лексикографического описания

синонимических рядов слов сферы «Интеллект» в словарных проектах под рук. Л. Г. Бабенко, на примере особенностей семантики и употребления форм совершенного и несовершенного вида глаголов *соображать* и *сообразить* и их вхождения в разных значениях в разные синонимические ряды в рамках указанной денотативно-идеографической сферы.

Глаголы *соображать* и *сообразить* могут, во-первых, составлять видовую пару по признаку «попытка – успех»; это соотношение может быть сформулировано следующим образом: «стараться понять, решить что-л./прийти к пониманию, решению чего-л.»: *Пока он медленно соображал, что же произошло, она уже спустилась на два этажа.* [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000]; *По знаку хозяина Синица опустился в кресло. С интересом оглядывал он уютную палатку, все еще соображая, как он сюда угодил.* [Евгений Велтистов. Победитель невозможного (1975)]; *Илья вынул кошелек и дал монету раньше, чем успел сообразить – следует ли дать?* [Максим Горький. Трое (1901)] (здесь и далее – примеры из Национального корпуса русского языка [5].

Таким образом, профилируется признак процессуальности, длительности интеллектуального действия, постепенно приводящего к результату, что часто подчеркивается в контекстах сочетаемостью типа *медленно соображал, лихорадочно соображал, успел сообразить* и под., а также возможностью образования деепричастных форм несовершенного вида *соображая*. Возможно и совместное употребление глаголов сов. и несов. вида, при котором акцентируется соотношение процесса и результата: *В то же время он соображал и никак не мог сообразить, куда Володя ходил среди ночи* [Фазиль Искандер. Морской скорпион (1977)].

Данные глаголы входят в синонимический ряд *Думать, соображать/сообразить, размышлять, обдумывать/обдумать, рассуждать/рассудить, решать/решить, взвешивать/взвесить, разбираться/разобраться*.

Близкородственные субстантивные синонимические ряды репрезентируют как процесс интеллектуального действия, так и результат, ср. обозначение процесса *мысль, дума, размышление,*

соображение, обдумывание, рассуждение, решение, взвешивание, например: *Он начал с того, что просил не сердиться на него за внезапный отъезд; он был уверен, что, по зрелом соображении, я одобрю его решение.* [И. С. Тургенев. Ася (1858)]; и, с другой стороны, обозначение результата *Мысль (мысли), соображение (соображения), размышление (размышления), рассуждение (рассуждения), решение*, например: *Михаил Александрович так и попятился, но утешил себя тем соображением, что это глупое совпадение и что вообще сейчас об этом некогда размышлять.* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929-1940)]; *Нет спора, свои соображения я высказал с большей категоричностью, чем принято* [Леонид Зорин. Восходитель (2005-2006) // «Знамя», 2006].

В случае если профилируются квалитативный и оценочный компоненты значения «<u>быстро и ловко придумывать/придумать, находить/найти ответ, решение</u>» и глаголы находятся в другом соотношении – повторяемость/однократность – это находит отражение в синонимическом ряду *Соображать/сообразить, догадываться/догадаться, додумываться/додуматься, находиться/найтись, смекать/смекнуть*, причем глаголы несов. вида здесь вторичны и семантически, и словообразовательно: – *Ну что, ну как?! Лена, вы эту технику где подсмотрели? – Да нигде, сама сообразила.* [Дина Рубина. Медная шкатулка (сборник) (2015)]; *Не знаю, сколько длилось это мучительное ожидание: я так замерз и так волновался, что даже не сообразил взглянуть на часы.* [Владимир Богомолов. Иван (1957)]; *Бывшие жены, бывшие красавицы. Они знакомились с Ириной, вникали, выслушивали, сочувствовали. Ирина охотно шла на контакт и быстро соображала, что можно срубить с этой дружбы.* [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002].

Близкородственные синонимические ряды репрезентируют и ‘способность человека быстро и ловко придумывать, находить ответ, решение’ – *Сообразительность, догадливость, сметливость и сметливость,* разг. *догадка, разг. смекалистость,* разг. *смекалка, разг. смышленость,* разг. *соображение*, например: *Не хватило соображения открыть ее парфюмерный*

ящик в комоде. [Василий Аксенов. Таинственная страсть (2007)]*;* и признак человека, обладающего такой способностью, – *Сообразительный, догадливый, находчивый, смекалистый*.

В класс «способностей» из класса «интеллектуальных действий» переходят вышеназванные глаголы (и при этом сдвигаются из сферы «Интеллект» в сторону сферы «Образование»), если из их значений элиминируется временной параметр, соответственно они не имеют видовых пар совершенного вида: *Знать, смыслить, соображать, ориентироваться, понимать, разбираться, смекать, мерекать, кумекать, мараковать* «иметь знания, опыт, быть сведущим в какой-л. области». Например: *Однако рабочие Трехгорной мануфактуры хорошо учились в фабричной школе и соображали в политике.* [Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008]; – *Ты у нас по-немецки соображаешь. Давай. Допроси их.* [Юрий Бондарев. Берег (1975)].

«Способности», по Ю. Д. Апресяну, – это класс предикатов, у которых «в вершине ассертивной части толкования на определенной ступени семантической редукции обнаруживается семантический примитив ‘может’. Ср. Он говорит по-русски = ‘Он умеет говорить по-русски’ = ‘Он может говорить по-русски, потому что учился этому и научился’ [2, с.16].

Глагол *соображать*, если снимается ограничение ‘в какой-л. области’, может иметь и более широкое значение интеллектуальной способности к быстрому и удачному нахождению ответов, решений: – *Поворачиваться надо, соображать, господи, что за темень на мою голову, что за бестолочь!* [Артем Анфиногенов. А внизу была земля (1982)]; *Он какой то странный. Безусловно способный, быстро схватывает, соображает*. [Н. С. Трубецкой. Письма Р. О. Якобсону (1920-1938)].

С еще большей абстрактизацией значения глагол *соображать* может означать и вообще способность человека осознавать окружающий мир и события, которые происходят (*хорошо/плохо соображать*), и метонимически – свойство сознания человека действовать, функционировать (*голова хорошо/плохо соображает*): *Кто-то позвонил, кто-то мне сказал: – Бегите встречать карету «скорой помощи»! Я ничего*

не соображала, выбежала во двор, вскочила на ступеньку подъезжающей кареты, опять вбежала по лестнице. [В. В. Полонская. Последний год (1938)]; *Тимофей зашел в ванную и сунул голову под кран. Голова немножко остыла и начала соображать*. [Татьяна Устинова. Персональный ангел (2002)].

В результате отражения и существительное *соображение* получает значение способности осознавать, понимать: *И все это вместе окончательно лишило нашу героиню соображения. Какой там соображения – мыслей вообще.* [Татьяна Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений» (2010)].

Интересный случай соотношения несов. и сов. вида демонстрируют глаголы *соображать/сообразить* в составе группы «Понимание». В составе синонимического ряда с доминантой *понимать/понять* многие глаголы несовершенного вида (*понимать, видеть, осознавать, постигать, сознавать, соображать, разуметь* и под.) обозначают интеллектуальное состояние, а соотносительные с ними глаголы совершенного вида – мгновенное действие, результатом которого становится это состояние, ср.: *понимать все буквально = понять все буквально и теперь находиться в таком состоянии; соображать что к чему = сообразить что к чему и теперь находиться в таком состоянии*; например: *Насчет техники да агротехники мы сообразили, что без науки нельзя к ним подходить. А насчет людей?* [Борис Можаев. Петька Барин (1971)]; *Главное не суетиться и соображать, на что в каждом коне ставить – на красное или на черное.* [Дмитрий Каралис. Записки ретро-разведчика (Из варяг в греки) // «Нева», 2003]; *Боже мой, да при чем тут статья, да еще и с питерского сайта? Вы соображаете, что делитесь с нами слухами?* [коллективный. Форум: Укрупнение терапевтического участка. В чем подвох? (2013)].

Е. В. Падучева называет такие пары перфектными: «Ментальные глаголы демонстрируют класс видовых пар со странным – квазисинонимическим – соотношением между сов. видом прош. времени и несов. видом настоящего (или прош. нарративного). <…> В общем виде дело обстоит так: в

перфектной паре глагол СВ обозначает не только переход в новое состояние, но и само новое состояние, которое за ним следует, а глагол НСВ обозначает не просто состояние, но состояние, наступившее в результате перехода, который обозначается глаголом СВ. Иными словами, глагол в перфектной паре обозначает состояние, которое имеет своим началом некоторое событие» [7, с.11–13].

Близкородственный субстантивный синонимический ряд также называет являющееся результатом ментального действия состояние сознания, которому ясен, открыт смысл чего-л.: *понимание, в'идение, осознание* и т. д.: *Ее замечания, бывшие скромными, но точными редакторскими правками текста беседы, свидетельствовали о ее спокойном природном цинизме и полном отсутствии сложных соображений по простым вопросам.* [Ольга Славникова. Бессмертный. Повесть о настоящем человеке (2000-2001) // «Октябрь», 2001].

Таким образом, если во вторичных значениях лексемы образуют синонимический ряд с аспектуальной модификацией интеллектуального действия, состояния и т. д., семантика такого ряда также должна быть сформулирована отдельно. Формулировка общей семантической идеи синонимического ряда, состоящего из слов, производных от слов заголовочного ряда (например, синонимического ряда отглагольных существительных) – это не просто описание их общего значения как синтаксических дериватов. Кроме того, аспектуальные и актантные модификации могут выводить синонимический ряд за пределы группы в сфере «Интеллект» и даже за рамки данной сферы.

Литература

1. Апресян, Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика / Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 568 с.

2. Апресян, Ю. Д. Фундаментальная классификация предикатов и системная лексикография / Ю. Д. Апресян // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. Материалы международной научной конференции / Российская академия наук, Санкт-Петербургский научный центр РАН, Институт лингвистических исследований РАН, Петербургское лингвистическое общество. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма «Наука», 2003. – 179 с. – С. 7–21.

3. Бабенко, Л. Г. Концепция, структура и основные лексикографические параметры словаря / Л. Г. Бабенко // Большой толковый словарь синонимов русской речи. Идеографическое описание. / Под ред. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. – 784 с. – С. XV–XXVI.
4. Булыгина, Т. В. Ментальные предикаты в аспекте аспектологии / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М., 1997. – С. 151–166.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения 01.09.2017).
6. Падучева, Е. В. Введение / Е. В. Падучева // Система «Лексикограф», база данных «Русский глагол» [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: http://lexicograph.ruslang.ru (дата обращения 01.09.2017).
7. Падучева, Е. В. К аспектуальным свойствам ментальных глаголов. перфектные видовые пары / Е. В. Падучева // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М.: Наука, 1993.– С. 111–120.

СПЕЦИФИКА ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Грунина Евгения Олеговна
Россия, Москва, Российский университет дружбы народов, grunina93@mail.ru, +79099869219

В статье рассматривается соотношение понятий «языковая личность», «персонаж произведения». Автор делает вывод о том, что языковая личность персонажа художественного произведения складывается из анализа трех уровней языковой личности, анализа внутренней и внешней речи, которая занимает центральное положение в речевой организации персонажа. Выявлена специфика изучения языковой личности ребенка.

Ключевые слова: языковая личность ребенка, персонаж художественного произведения, языковая личность персонажа художественного произведения, структура языковой личности персонажа

Антропоцентрический подход, доминирующий в современной лингвокультурологии, определяет в качестве объекта лингводидактики языковую личность. В российской

лингвистической науке за последние десятилетия наблюдается активное использование данного понятия. Основой для исследований в большинстве случаев становится модель языковой личности, разработанная Ю. Н. Карауловым, основавшим в 1996 году научную школу «Русская языковая личность».

«Языковая личность – это одновременно и человек как носитель языка, его способность к речевой деятельности, т. е. совокупность особенностей вербального поведения человека, использующего язык как средство общения [Карасик 2004, 64]; конкретный участник коммуникативного акта, реально действующий в реальной коммуникации [Красных 2003]; носитель определенной рудиментарной формы психологии этноса с присущими ей лексикализованными понятиями [Вежбицкая 1997]» [8, с.27].

Таким образом, можно говорить о том, что под языковой личностью подразумевается носитель языкового сознания и родного языка, который через призму своего сознания окружающей его действительности формирует особую языковую картину мира и создает себя как уникальную языковую личность. Данное положение будет справедливо как по отношению к взрослой языковой личности, так и по отношению к языковой личности ребенка, мужчины, женщины и т. п.

Большой интерес в настоящее время представляет изучения языковой личности ребенка. Ребенок и детство – одна из проблемных тем. В определенном смысле она универсальна, не ограничена рамками конкретного временного периода. Универсальность данной темы объясняется тем, что детство – такая же общечеловеческая категория, как рождение, жизнь, смерть. Это одна из важнейших нравственных и духовно-философских тем, которая привлекала внимание многих русских ученых и писателей. В литературе к этой теме обращались Л. Н. Толстой, С. Т. Аксаков, А. П. Чехов, Ф. М. Достоевский, В. Г. Короленко, Д. Н. Мамин-Сибиряк, М. Горький, А. И. Куприн, Л. Н. Андреев, Н. Г. Гарин-Михайловский и другие. Тема детства получила особое развитие и в Серебряный век русской литературы, когда личность ребенка воспринималась как знаковая фигура эпохи.

В настоящем исследовании соотносятся такие понятия, как «персонаж художественного произведения» и «языковая личность ребенка».

Такое понятие, как «персонаж художественного произведения», как известно, напрямую связан с другим, сложным, включающим в себя многие факторы понятием – «художественный образ», содержание которого является многоплановым и неоднозначным.

Некоторые ученые рассматривают художественный образ с точки зрения восприятия его как речевого явления, как некоего свойства языка любого художественного произведения (А. И. Ефимов). В этом случае выделяется два вида образов:

— литературные (непосредственно образы персонажей художественного произведения),

— речевые («выразительные свойства национального языка: красочные выражения, тропы и т. д.») [4, с.11].

Здесь стоит также отметить, что речевые образы – это признак не только художественного текста, но и повседневной речи, или речи, используемой в научном исследовании и др.

Другая группа ученых видят в художественном образе «более сложное явление – систему конкретно-чувственных деталей, воплощающих содержание художественного произведения, причем не только деталей внешней, речевой формы, но и внутренней, предметно-изобразительной и ритмически выразительной» [2, с.72].

Наиболее полное определение образа из всех предложенных дает М. Б. Храпченко: «… *художественный образ* – это творческий синтез общезначимых, характерных свойств жизни, духовного «я» человека, обобщение его представлений о существенном и важном в мире, воплощение совершенного, идеала, красоты» [7, с.79]. Это определение позволяет нам рассматривать художественный образ уже с точки зрения «отраженного в нем содержания» [7, с.78].

По мнению Л. Я. Гинзбург, персонаж должен определяться как «серия последовательных появлений или упоминаний одного лица; изображение его слов, действий, внешних черт, внутренних

состояний, повествование о связанных с ним событиях, авторский анализ» [3, с.243].

Таким образом, наиболее полно будет представлен персонаж художественного произведения, который получил более детальное рассмотрение и со стороны его речи, портрета, отношения к окружающим, т. е. всего, что делает его цельным персонажем и позволяет его отличать от других.

Рассмотрение персонажа художественного произведения в качестве языковой личности можно считать правомерным, поскольку хотя реальной языковой личностью в художественном произведении и является автор, а не сам персонаж, но именно автору произведения удается в своей работе воссоздать самобытный художественный образ, который можно рассматривать как отдельную языковую личность.

Основа настоящего исследования – языковая личность ребенка – персонажа художественного произведения.

При изучении языковой личности ребенка, важно учитывать, что для исследования отбирается материал, относящийся к группе «литература о детях». Наиболее полно необходимость разграничения литературы на два типа представлена в работе В. В. Смирновой «О детях и для детей» (1967), в которой выявляются внутренние психологические причины, обуславливающие такое разграничение, объясняется целесообразность такого разделения [5, с.1–2].

При таком разграничении, прежде всего, учитывается различная адресность: литература для детей имеет конкретного адресата – ребенка, литература о детях рассчитана, главным образом, на взрослую аудиторию, хотя в некоторых случаях не исключается восприятие ее детьми. Такое разграничение требует и различных форм выражения, которые будут проявляться как на языковом, так и на сюжетно-композиционном и жанровом уровнях восприятия.

Особенность литературы о детях заключается в том, что способы раскрытия психологии человека решаются несколько иными средствами, чем в литературе для детей. Литература о детях не направлена исключительно для ребенка, ее также будет интересно читать и взрослому, и в ее основную задачу не входит формирование сознания, мышления ребенка. Взрослый читатель

уже не нуждается в создании воспитательного пространства. У него уже сформирован набор нравственно-этических ценностей, которые он способен самостоятельно извлекать из художественного текста. Персонаж такой литературы будет представлять собой сложившуюся, уже отдельную от автора, языковую личность.

Языковая личность художественного персонажа – это совокупность произведенных данным лицом текстов и «фрагментов авторского повествования, которые характеризуют речевую манеру персонажа» [1, с.60].

Таким образом, если понятие «художественный образ» рассматривается как широкое, включающее в себя не только речевые, но литературные образы (персонаж произведения), то такое понятие как, «языковая личность персонажа» - более узкое. Оно позволяет систематизировать совокупность произведенных этим лицом фрагментов текста авторского повествования, что, в свою очередь, позволяет охарактеризовать речевую манеру персонажа.

Несмотря на то, что в теории существует четкое уровневое деление структуры языковой личности (лексикон, тезаурус, прагматикон), в реальности границы этой организации становятся размытыми. Поэтому разграничение уровней языковой личности при выявлении ее в художественном произведении, будет условно.

Рассмотрим подробнее, что именно будет исследоваться при выделении нескольких уровней языковой личности.

При рассмотрении первого уровня – структурно-языкового – необходимо учитывать количественный и качественный состав лексикона персонажа художественного произведения, анализировать тематический состав единиц, наличие литературной лексики, диалектной, русской или иностранной, использование значения многозначных слов, можно ли говорить о богатстве и разнообразии словаря и т. д.

Однако для полноты изображения языковой личности, нельзя рассматривать лексику отдельно от всего дискурса, в частности, от тезаураса. Так, наблюдая за употреблением слов в текстах

персонажей, можно выделить ключевые слова-темы. При этом, можно выявить два критерия выделения этих слов:

– частота употребления,

– как вокруг этих слов в тексте развертываются наиболее крупные семантико-тематические группы лексики.

Центром пересечения можно считать концептуальные категории и грамматические явления, которые отражают картину мира рассматриваемого персонажа.

В таком случае основная задача писателя состоит в том, чтобы, используя лексику и грамматику действующего лица, можно было воссоздать тезаурус, а следом за ним и прагматикон персонажа, который составил бы «глубинный слой в организации языковой личности, тогда как поверхностный принадлежит лексикону» [6, с.96].

В чистом виде прагматикон персонажа составляют и его действия, обусловленные рядом коммуникативно-деятельностных потребностей, целей, установок, ценностей и его речевые поступки. Этот уровень наиболее наглядно характеризуется наличием и использованием языковой личностью прецедентных текстов.

Прецедентными текстами можно считать, вслед за Ю. Н. Карауловым, тексты,

1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях,

2) имеющие сверхличностный характер, т. е. известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников,

3) такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности.

Структуру языковой личности персонажа художественного произведения можно проследить в дискурсе героя, обладающем своими правилами, нормами, тенденциями речеобразования, принципами организации и построения высказываний в зависимости от особенностей действующего лица (эмоциональных, психологических, социальных и др.). Дискурс героя принято разделять на две группы: речь внешняя (экстериоризованная) и речь внутренняя (интериоризованная) [6, с.72].

Экстериоризованная речь – это речь, которая произносится и воспринимается другими. Она может быть как ситуативной, необработанной и креативной, так и строго организованной и продуманной. Экстериоризованная речь делится на монологическую и диалогическую.

Интериоризованная речь – речь, которую с точки зрения психологии можно рассматривать как «беззвучную, скрытую вербализацию, приспособленную к выполнению мыслительных операций в уме» [1, с.77]. Такое понимание внутренней речи сближает ее с мышлением и является одной из его форм. Если рассматривать внутреннюю речь с точки зрения психолингвистики, то там она характеризуется как главный этап в подготовке к внешней речи (А. Р. Лурия, С. Д. Кацнельсон). В работах других ученых (А. А. Леонтьев), она рассматривается в качестве факультативного этапа, возникающего в процессе порождения речи.

Анализ внешней и внутренней речи персонажа позволяет изучить мотивационный уровень языковой личности, его речевую организацию.

Таким образом, изучив составляющие каждого уровня, лексикон, грамматикон, тезаурус и прагматикон, можно составить характеристику языковой личности персонажа художественного произведения и выявить специфические для языковой личности ребенка особенности, которые ярко представлены на каждом из уровней и позволяют охарактеризовать языковую личность ребенка.

Теоретическое исследование языковой личности ребенка представляет собой важный шаг в изучении процесса складывания языковой личности в целом. Выявив и изучив особенности формирования детской языковой личности, можно не только выделить основания для более продуктивного воспитания, но и через призму восприятия формирующегося сознания изучить национально-культурные реалии страны. Материалы, полученные в результате проведенного исследования, можно использовать не только при обучении российских студентов различным дисциплинам, связанным с лингвокультурологией, лингвопсихологией и т. д., но и в

иностранной аудитории, изучающей русский язык, в том числе и при работе с художественными текстами.

Литература

1. Артюшков, И. В. Внутренняя речь и ее изображение в художественной литературе (на материале романов Ф. М. Достоевского и Л.Н. Толстого) / И. В. Артюшков. – М.: МПГУ, 2003. – 347 с.
2. Волков, И. Ф.Теория литературы: учеб. пособие для студ. и преп. / И. Ф. Волков. – М.: Просвещение: Владос, 1995. – 256 с.
3. Гинзбург, Л. Я. О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург. – Л.: Художественная литература, 1976. – 448 с.
4. Давлетова, Т. А. Персонаж художественного произведения как языковая личность / Т. А. Давлетова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Вып. 2. – 2016. – С. 11–14.
5. Емец, Д. А. Произведения для детей и о детях в творчестве русских писателей второй половины XIX века : К. Д. Ушинский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, А. И. Куприн [Электронный ресурс] / Д. А. Емец. – Режим доступа URL : http://www.literatura1.narod.ru/texts/posl_tr.htm (дата обращения 16.09.2017).
6. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 264 с.
7. Храпченко, М. Б. Горизонты художественного образа / М. Б. Храпченко. – М.: Художественная литература, 1982. – 334 с.
8. Шевченко, Т. М. Языковая личность М. И. Цветаевой как объект лексикографии [Электронный ресурс] / Т. М. Шевченко. – Режим доступа URL : https://elibrary.ru/item.asp?id=24790341 (дата обращения 16.09.2017).

«СОЛНЦЕ» И «ЛУНА» КАК ОППОЗИТИВНЫЕ КОНЦЕПТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ К. КИНЧЕВА)

Гуляева Галина Евгеньевна
Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
astra310@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-06-00340 «Отношения противоположности в словаре и дискурсе: лексикографический, когнитивно-дискурсивный и лингвокультурологический аспекты»)

В статье анализируются концепты «Солнце» и «Луна», которые на основе выявления в их содержании коррелирующих противоположных признаков рассматриваются как оппозитивные. Данные признаки отражают как объективные характеристики Солнца и Луны, так и субъективные оценки этих натурфактов. Исследование проводится на материале текстов русского рок-поэта К. Кинчева.

Ключевые слова: оппозитивные концепты, концептуализация, структура концепта, рок-поэзия, К. Кинчев.

Традиционно оппозитивными считаются концепты, именами которых являются антонимы (например, «Добро» – «Зло», «Свет» – «Тьма», «Жизнь» – «Смерть», «Радость» – «Грусть»). Однако в индивидуальной концептуальной картине мира оппозитивными могут быть концепты, не связанные отношениями противоположности в национальной концептуальной картине мира.

В данной статье в качестве оппозитивных рассматриваются концепты «Солнце» и «Луна», репрезентированные в текстах русского рок-поэта К. Кинчева. Выбор материала анализа не был случайным. Рок-культура возникла как оппозиция культуре официальной. Исследователи рок-поэзии отмечают такую ее особенность, как антиномичность, которая проявляется «в разветвленной системе оппозиций, антитез, амбивалентных образов, параллельно-контрастных конструкций» [3, с.15].

Оппозитивность концептов «Солнце» и «Луна» базируется на корреляции противоположных признаков, которые формируют содержание этих ментальных единиц.

Оба анализируемых концепта имеют идентичную многоуровневую структуру, представляющую собой поле и состоящую из ядра, приядерной зоны и области периферии. Ядром каждого концепта является наглядно-чувственный образ соответствующего объекта. Приядерная зона (зона когнитивных слоев) включает признаки концепта, сформировавшиеся на основе ментальной обработки (в результате таких мыслительных операций, как сравнение, противопоставление, умозаключение, уподобление и т. п.) данных непосредственного (чувственного) восприятия. Периферия (интерпретационное поле) содержит разнообразные смысловые признаки, скрытые от прямого наблюдения и формирующиеся на основе ассоциативных, в действительности ненаблюдаемых связей объекта с другими объектами и явлениями окружающего мира. К этой зоне относятся также признаки, отражающие оценку соответствующего объекта.

Признаки, позволяющие говорить об оппозитивности концептов «Солнце» и «Луна», вербализованных в текстах К. Кинчева, представлены во всех зонах концептов, начиная с ядра и заканчивая интерпретационным полем.

Отношения, обнаруживающиеся между оппозитивными концептами, изоморфны отношениям, связывающим антонимы. Как и антонимы, которые имеют однородную семантическую структуру, но отличаются соотносительно-противоположными компонентами значений, оппозитивные концепты содержат однотипные признаки, различающиеся полярными дифференциальными смыслами. Рассмотрим некоторые из этих признаков.

1. Солнце противопоставляется луне как дневное светило ночному.

Данный признак относится к ядру концептов и базируется на представлениях, свойственных наивной картине мира и отражающих восприятие и того, и другого натурфакта как объектов, принадлежащих небесному пространству.

Солнце воспринимается как небесное тело, которое человек видит прежде всего днем, а также утром, во время восхода, и вечером, во время заката. Отметим, что в текстах К. Кинчева крайне редко лексике с семой «солнце» сопутствует лексема «день», как правило, фиксируется время восхода, реже – захода солнца, время смены суток, что является значимым для художественной картины мира К. Кинчева. Например: *Снова в ночь / Летят дороги / **День в рассвет** менять* («Трасса Е-95»); *На перекрестке **солнечных** дорог / Я видел **утро** и **день*** («Перекресток»); ***Солнце с рассвета** в седле* («Шабаш»); *А у неба радости, / Только **солнцу** глянешь **утром** в глаза* («Дурак»).

Луна воспринимается как небесное тело, которое человек видит только ночью. Например: *И я хотел слышать каждый звук / гаммах **лунных ночей*** («Эй, ты, там на том берегу»); *Врет эта **ночь**, / И **луна** мне подвывает, как пес* («Картонный дом»); *В этом небе **луна**, / В этом городе **ночь*** («Для тех, кто свалился с Луны»); ***По ночам** бредить **луной** да перечить сну* («Пасынок звезд»).

2. И солнце, и луна связаны с движением времени, являясь своеобразными темпоральными маркерами, знаками времени. Но если солнце ассоциируется со светлым временем суток (утро, день), то луна – с темным (в текстах К. Кинчева представлена ее связь только с ночью). Антонимическая пара «день» и «ночь», называющая наиболее типичные для этих светил периоды суток, фиксируется большинством словарей антонимов.

Данные концептуальные смыслы относятся к приядерной зоне и являются производными от рассмотренных выше ядерных концептуальных смыслов, отражающих эмпирическое восприятие солнца и луны как дневного и ночного светил соответственно.

Почти во всех исследуемых контекстах, включающих репрезентанты концептов «Солнце» и «Луна», присутствует лексика с семантикой времени: *час, фаза, пока, время* и т. п., причем эти светила могут выступать и как объект темпоральной характеристики, и как мера, показатель времени, становясь единицами измерения, счета времени. Например: *Пульс тишины / Станет бессонницей душ / В **час** полной **луны*** («Дым»); *Видел*

сотни солнц** / И **тысячи лун («Я шел, загорался и гас…»); ***Две тысячи тринадцатых лун** / отдано нелепой игре* («Мое поколение»); *Смена состояний, новая **фаза луны*** («Такие дела, хозяин»); *И **пока луна**, я хочу смотреть / И не думать, что будет потом* («Эй, ты, там на том берегу»); *Лишь **время** сквозь щели / Сочится **луной*** («Театр теней»).

В некоторых контекстах обнаруживается контактное употребление репрезентантов анализируемых концептов, указывающее на прямое противопоставление солнца и луны. Например: *Какое тут **солнце**? Какой Христос? / Когда кончаешь на суке-**луне**!* («Новая кровь»); *Сердце сокрушать, / Как **луну заря**, / Научи меня / Родина моя* («Родина»); *По ночам бредить **луной** / да перечить сну, / На **заре** выплеснуть боль / алым облакам* («Пасынок звезд»); ***Лунная** ночь успокоится сном / С первым **солнцем*** («Когда окончится день»).

Таким образом, в качестве самостоятельного концептуального смысла в содержании каждого концепта выделяется противопоставление одного светила другому.

Важно отметить, что на основании темпоральных характеристик лирический субъект явное предпочтение отдает солнцу, а не луне, что иллюстрируется контекстом: ***Солнцу время**, **луне часы*** («Красное на черном»).

Для К. Кинчева вообще особую значимость имеют те периоды суточного и годового цикла, в которые солнце набирает свою силу и характеризуется наибольшей активностью: *утро, рассвет, заря, восход, день, весна, лето*. Это обнаруживается даже при сравнении количества словоупотреблений лексем, обозначающих разные периоды солнечной активности. Так, лексемы «рассвет», «заря», «восход», «всходить/взойдет» встречаются в текстах гораздо чаще, чем лексемы, объективирующие спад солнечной активности (ср.: «заря» – 27 словоупотреблений, «рассвет» – 23, «восход» – 3, «закат» – 11). С восходом солнца связываются надежды на перемены, на избавление от тревоги и ужаса, терзающих человека ночью (здесь находит отражение противопоставление солнца и ночи): *Но если все же в одну из **ночей** / Кто-то из тех, кто в огне, / Поманит петлей – / Пой! / Пой до **рассвета**, до бурных лучей, / Пой, пока*

утро не вытянет душу из дыр / Этих мертвых очей («Солнце за нас»).

3. Солнца и луна имеют противоположные оценочные характеристики.

Эти оппозитивные признаки отражают оценку соответствующих объектов и эмоциональное отношение лирического субъекта к ним и формируют аксиологический и эмоциональный компоненты интерпретационного поля каждого из концептов.

К. Кинчев создает в своих текстах положительный образ дневного светила, оно воспринимается как нечто ценное, то, что ищут, к чему стремятся, то, чего не хватает, что является жизненно необходимым: *Им так* ***не хватало солнца*** («Армия жизни»); *Я иду* ***навстречу заре****, / Я так* ***этому рад*** («Горизонт»); *Но* ***солнце всходило****, / Чтобы* ***спасти наши души****! /* ***Солнце всходило****, / Чтобы* ***согреть нашу кровь*** («Солнце встает»). Данное представление образует аксиологический компонент интерпретационного поля концепта «Солнце».

Аксиологические концептуальные смыслы тесно связаны с концептуальными смыслами, формирующими эмоциональный компонент данного концепта.

Солнце влияет на эмоциональное состояние лирического субъекта, являясь объектом и источником положительных эмоций; связано с любовью (*Да* ***любовь*** *нести / Прямо к весне /* ***Солнце*** *вместе с нею встречать* («Рождество»)), радостью (*А у неба* ***радости****, / Только* ***солнцу*** *глянешь в глаза* («Дурак»); *Я иду навстречу* ***заре****, /* ***Я так этому рад*** («Горизонт»)), успокоением и противопоставлено душевной боли, тревоге, беспокойству, безысходности (*Кто видел, как* ***по небу плывет огонь****, / Какая в синем радость* ***золотого****. <…> Кто помнит,* ***как из сердца уходит боль****, /* ***Как хорошо тогда, легко и как красиво*** («Дурак и солнце»); *Как над миром* ***заря****, /* ***Солнца*** *ясная дочь, /* ***Успокоит*** *меня, / Лишь только кончится* ***ночь****. / Надо мной и тобой / Ветры пенят* ***восход****, /* ***Не тревожься****,* ***не плачь****, / Вот-вот – и* ***солнце взойдет*** («Печать зверя»)). Подробный анализ эмотивных смыслов концепта «Солнце», репрезентированного в текстах К. Кинчева, см. в [2].

Луна в большинстве контекстов имеет отрицательную оценку, что, очевидно, связано с принадлежностью данного небесного светила к чуждому пространству и времени, с восприятием луны как знака ночи, которая вызывает у лирического субъекта негативное отношение. В контекстах подобная оценка репрезентируется за счет использования эмоционально-оценочной лексики, а также за счет создания чуждого и враждебного человеку образа ночного светила.

Например, в следующем контексте негативная оценка луны эксплицируется окказиональной номинацией, включающей слово с эмоционально-оценочным компонентом – «сука», а также противопоставлением луны солнцу, которое в текстах К. Кинчева всегда имеет позитивную оценку, и Христу, образ которого традиционно оценивается положительно: *Какое тут* ***солнце****? Какой Христос? / Когда кончаешь на* ***суке-луне****!* («Новая кровь»).

В другом контексте (*Где* ***луна*** *присосалась к душе, словно* ***пьявка-змея*** («Стерх»)) отрицательная оценка выражается за счет сравнения луны с существами, которые в русской картине мира имеют явно отрицательную коннотацию, что находит отражение и в языке посредством появления у соответствующих слов вторичных значений. Ср.: ***змея*** – ‘2. О коварном, хитром, злом человеке’; ***пиявка*** – ‘2. Разг. Тот, кто живет за счет чужого труда, ведет паразитический образ жизни’ [1]. Кроме того, сравнение луны со змеей вызывает ассоциации, с одной стороны, с персонажем русских сказок – Змеем Горынычем, который традиционно выступает врагом какого-либо русского богатыря и русского народа вообще (языческий мотив), с другой стороны, с библейским змием, в которого превращался дьявол-искуситель (христианский мотив).

Как и у концепта «Солнце», выявленные оценочные смыслы, формирующие аксиологический компонент концепта «Луна», сопряжены с эмотивными концептуальными смыслами.

Доминантными эмоциями, связанными с луной, являются грусть, тоска, одиночество. Например: *По погосту, в белый дым, / мутная душа гуляла, / Вьюгой* ***выла на луну****, / волокла крыла. / Ей подняться от земли / Духа не хватало, / Больно ноша у души / тяжела была* («Душа»). Здесь обнаруживается соотнесенность луны и некой негативной эмоции, о характере которой позволяет

судить трансформированный фразеологизм «выть на луну» со значением «изнывать от тоски, скуки». В данном контексте луна связана прежде всего с эмоцией тоски, которую испытывает душа, отягощенная грехами (*Больно ноша у души тяжела была*), из-за невозможности оторваться от земли и подняться в небо, куда, согласно христианским представлениям, после смерти возносятся души праведных людей. Подробный анализ эмотивных смыслов концепта «Луна», объективированного в текстах К. Кинчева, представлен в [2].

Отметим, что противопоставление солнца и луны нельзя считать собственно индивидуально-авторским вариантом концептуализации мира. В частности, при описании концептов «Солнце» и «Луна», вошедших в словарь «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии)» (под ред. Л. Г. Бабенко; в печати), было выявлено противопоставление этих натурфактов, подкрепляемое данными русского паремиологического фонда. Приведем один из фрагментов словарной статьи «Солнце»: «В фольклорной традиции солнце противопоставляется луне, с одной стороны, как мужское начало женскому (*Солнце — князь земли, луна — княжна*), с другой стороны, как символ дня символу ночи (*Взойдет ясно солнце — прощай, светел месяц!; Грело б ясно солнце, а месяц, как хочет (как знает); Как месяц ни свети, а все не солнышко; Солнце сияет, а месяц только светит*), при этом обычно подчеркивается большая значимость солнца, чем луны».

Таким образом, оппозитивность концептов «Солнце» и «Луна», репрезентированных в текстах К. Кинчева, основывается на соотносительно-противоположных признаках, отражающих как объективные характеристики этих натурфактов (дневное светило – ночное светило), так и субъективное отношение, оценку этих объектов (солнце имеет положительную оценку и связано с позитивными эмоциями; луна оценивается отрицательно, и доминантные эмотивные смыслы, которые сопровождают ее образ, – негативные).

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с.
2. Гуляева, Г. Е. Эмотивные смыслы неэмотивных концептов (на материале концептосферы «Небо», репрезентированной в текстах К. Кинчева) / Г. Е. Гуляева // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докл. и сообщ. Междунар. науч. конф., посвящ. юбилею Заслуж. деят. науки РФ, д-ра филол. наук, проф. Л. Г. Бабенко, 28–30 сент. 2016 г., Екатеринбург, Россия. – Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. – С. 334–345.
3. Нежданова, Н. К. Антиномичность как доминанта художественного мышления рок-поэтов / Н. К. Нежданова // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. науч. тр. – Вып. 4. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. – С. 15–22.

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ

Давлетбаева Раиса Губайдулловна
Россия, Уфа, БГПУ им.М. Акмуллы,
bspu_lmc@ mail.ru

Данная статья посвящена формированию лингвокультурологической компетенции школьников в процессе обучения русскому языку как неродному. Основной идеей статьи является взаимосвязанное обучение языку и культуре народа – носителя языка как один из основополагающих методических принципов. В ней в кратком изложении представлены основные положения концепции формирования лингвокультурологической компетенции учащихся.

Ключевые слова: русский язык как неродной, формирование лингвокультурологической компетенции, концепция, основные положения, лингвокультурологические единицы.

Научно-методические предпосылки возникновения идеи формирования лингвокультурологической компетенции: динамика разработки проблемы «Язык и культура», как философской основы лингвокультурологической концепции; антропоцентрическая парадигма лингвистики с ее интересом к человеку и его коммуникативным и культурологическим потребностям; новый образ языка не только как знаковой

системы, но и как феномена культуры; появление новой интегрированной отрасли лингвистики – лингвокультурологии; интерес к проблемам взаимосвязанного изучения языка и культуры в методической литературе последних лет – естественно привели к включению в новый стандарт образования культурологической компетенции формирования личности вместе с компетенциями коммуникативной, речевой, языковой и лингвистической. Нужно отметить, что полного единства в терминологическом обозначении этой компетенции нет (известны термины: культурологическая, лингвокультурологическая, социокультурная компетенция и др.). В любом случае центральной остается идея во взаимосвязанном изучении языка и культуры, о человекоформирующей функции языка. В понимании названной компетенции нужно различать социокультурную сущность (знание реалий культуры) и лингвокультурологическую (осознание того, каким образом культура связана с языком, как язык включает культуру и культура живет в языке). В первом случае речь идет о степени представленности в учебном процессе реалий культуры народа – носителя изучаемого языка, сопоставление с реалиями культуры других народов (обычаи, обряды, праздники, литература, искусство и т. д.).

Лингвокультурологический подход предполагает изучение единиц языка (слов, фразеологизмов, текстов, грамматических явлений) в функционально-культурном аспекте, например: в процессе лингвокультурологического анализа текста национально-культурная лексика, фразеологизмы рассматриваются в свете каких-либо исторических событий. Поскольку дифференциация этих подходов еще не разработана, термин «лингвокультурологическая компетенция» следует понимать более широко, как включающий в себя оба компонента культурологической компетенции – социокультурный и собственно лингвокультурологический.

Углубление и дальнейшая разработка лингвокультурологической концепции русскому языку как неродному – необходимое условие для создания целостной и обоснованной методической концепции, предполагающей

взаимосвязанное изучение языка и культуры как основы формирования лингвокультурологической компетенции учащихся. Обоснование интегрированных единиц обучения, разработка технологии включения лингвокультурологического компонента содержания обучения языку в учебный процесс, в структуру урока могут быть достигнуты только при соответствующем учебно-методическом обеспечении данной концепции, что потребует создания программ, учебников и учебных пособий нового поколения, пронизанных идеей духовной, человекоформирующей сущности языка и культуры.

Пути формирования лингвокультурологической компетенции в самом общем виде представляются следующими:

1. Разработка лингвокультурологического пространства учебников: наряду с системным представлением языковых единиц и уровней (фонетики, лексики и грамматики) необходимо системное представление культурологической основы учебника (не просто как иллюстрации к языковым явлениям, а объективно обусловленной и созданной на основе культурологических минимумов, банков текстов, словарей прецедентных имен, образов, ситуаций, концептов и т. д.).

2. Не просто знакомство с реалиями культуры, а интерес к ним, формирование соответствующих ценностных ориентаций.

3. Осознание национально-культурного компонента значения языковых единиц:

а) слово в национально-культурном аспекте (помимо знания лексического и грамматического значения слова необходимо иметь представление о его лексическом фоне, о мире слова – что реально стоит за ним в действительности, какие ассоциации вызывает слово, его ассоциативное поле в сознании носителей языка, культурное поле слова, его место в языковой картине мира и т. д.). Этот подход обуславливает восприятие слова не только как единицы языка, но и как единицы культуры. Слово воспринимается как наименование концепта – интегрированной единицы языка и культуры;

б) усвоение фразеологии, тесно связанной с историей, образом жизни, обычаями и менталитетом создавшего ее народа. То же самое можно сказать о пословицах, поговорках, афоризмах

и – шире – о произведениях фольклора: сказках, мифах, легендах, преданиях;

в) восприятие текста в лингвокультурологическом аспекте как порождение определенной эпохи, социокультурной ситуации, личность автора – носителя национального языка и культуры. Лингвокультурологический анализ текста.

Лингвистическую основу методики обучения языкам (лингводидактики) составляют основные положения лингвистики, раскрытые ею закономерности в структуре, в семантике языка, в его развитии и функционировании. От понимания на данном этапе развития лингвистической науки сущности языка и методов описания конкретных языковых фактов зависят общие направления и методы обучения языкам. Инновационные парадигмы в лингвистике определили во многом контуры новой лингвокультурологической концепции обучению русскому языку как неродному. Представим в кратком изложении основные положения концепции.

1. В центре коммуникативно-культурологической концепции обучения языкам, в том числе русскому, лежит идея взаимосвязанного изучения языка и культуры. Соизучение языка и культуры, выработка не только языковой, но и коммуникативно-культурологической компетенции личности становится стратегией и основной целью обучения как родному, так и русскому языку.

Социопсихолингвистической основой этого направления явилось понятие «языковая личность». В целевой установке средств обучения языку проявляется антропоцентризм, направленность на человекоформирующую функцию языка, гуманистическая ориентация обучения языкам. Концепция обучения русскому языку как неродному опирается на лингвистическую теорию развития языковой личности. Так, Ю. Н. Караулов выделяет три уровня развития языковой личности [2]. Нулевой – на уровне языковых значений, системно-структурного познания языка, слов, их сочетаний и грамматических форм. Первый (после нулевого) уровень – формирование языковой картины личности, ее тезауруса. Этот уровень непосредственно связан с обогащением знаний о мире.

Человек устроен так, что знание неотделимо от языка; приобретая представления о действительности, совершенствуя, обогащая, детализируя и развивая свою картину мира, человек одновременно овладевает языком, углубляет и делает более гибкой семантику, развивает свою способность, или компетенцию. Второй уровень – мотивационный – связан с мотивами и целями личности, определяющими ее речевое поведение, то есть мировоззрение, нравственную ориентацию. Именно эти уровни владения языком играют основополагающую роль в формировании личности учащегося. В условиях многоязычия речь идет о билингвальной личности. Первичное познание мира, развитие мышления ребенка, становление его как личности, приобщение к духовным ценностям нации осуществляются в процессе усвоения русского языка как неродного. Изучение языка является основой формирования мировоззрения, ключом к накопленной веками народной культуре, незаменимым средством сохранения традиций и преемственности поколений.

Изучение русского языка как государственного и как языка межнационального общения народов расширяет коммуникативные и познавательные возможности учащихся. Изучение русского языка есть одновременно вхождение в культуру иного народа, познание через него культуры других народов и мировой культуры.

2. Идея формирования языковой личности предполагает построение концепции лингвистического образования на основе новейших достижений психологической и педагогической науки: личностно-ориентированной педагогики, деятельно-развивающей системы обучения, интегрированного образования (воспитание научного глобального сознания, экологического, гуманитарного мышления, способности к самоопределению), гуманитарно-информационной модели образования как основы социализации личности. Языковая среда – мощный фактор социализации.

3. Содержание лингвистического образования строится в соответствии с образом самого предмета изучения – языка. Различают: 1) язык вообще (как представление о человеческом языке) и 2) конкретные этнические языки.

Язык – естественно возникшая в человеческом обществе и развивающаяся система облеченных в звуковую форму знаковых единиц, способная выразить всю совокупность понятий и мыслей человека и предназначенная прежде всего для целей коммуникации. Язык в одно и то же время – условие развития и продукт человеческой культуры. Владение языком составляет неотъемлемую черту человека, а возникновение языка совпадает с временем формирования homo sapiens.

В соответствии с приведенным содержанием понятия «язык» выделяются основные направления его изучения в школе: а) изучение языка как системы; б) развитие языковой способности учащихся, обучение речевому общению; в) изучение языка в стилистическом аспекте, в том числе как первоэлемента художественной литературы.

4. Содержание понятия «язык» дополняется характеристикой его функций. На основе общих, присущих всем языкам функций формируются лингводидактические принципы. Наиважнейшими среди них являются коммуникативная, когнитивная и культурологическая функции и, следовательно, соответствующие принципы обучения языкам. Рассмотрим лингвокультурологический принцип. Взаимосвязь языка и культуры, более широкий взгляд на язык как на достояние духовного богатства народа, подход к языку как культурно-исторической среде, формирующий языковую личность, - один из основополагающих методических принципов.

Будучи органической частью национальной культуры народа, духовным наследием предшествующих поколений, язык вместе с тем является важнейшим фактором развития культуры. Вместилище знаний – язык закрепляет в своих единицах, и прежде всего в словах и фразеологии, исторический опыт народа, отображает его внутренний мир и своеобразие менталитета, обеспечивает преемственность и единство культурной традиции. Язык не должен преподаваться только как знаковая система, в качестве формальной системы, обучать второму языку необходимо во взаимосвязи с культурой народа – носителя языка [1, с.133].

Итак, мы рассмотрели пути формирования лингвокультурологической компетенции, кратко изложили основное положение лингвокультурологической концепции.

Антропоцентрическая ориентация методики преподавания, методические принципы обучения русскому языку как неродному привели к идее компетентностного подхода к формированию языковой личности учащихся.

Таким образом, русский язык как учебный предмет в школах РБ решает специальные, образовательные и воспитательные задачи по подготовке учащихся к активной социальной и трудовой деятельности. Лингвокультурологический подход к обучению русскому языку представляет собой взаимосвязь языка и культуры, более широкий взгляд на язык как на достояние духовного богатства народа, подход к языку как культурно-исторической среде, формирующей языковую личность.

Формирование лингвокультурологической компетенции предполагает осознание языка как формы выражения национальной культуры, национально-культурной специфики русского языка.

Литература

1. Давлетбаева, Р. Г. Коммуникативно-культурологический подход к формированию билингвальной личности младшего школьника / Р. Г. Давлетбаева. – Уфа: БГПУ, 2013. – 248 с.

2. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. –М.: Наука, 1987. – 264 с.

ГЛАГОЛ ПЕРЕХОДА В СОСТОЯНИЕ *ЗАКИСНУТЬ* В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Димитриева Ольга Альбертовна
Россия, Чебоксары, ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева», olgaal_79@mail.ru

В статье рассматриваются морфологические, синтаксические и сочетаемостные особенности глагола *закиснуть* в переносном употреблении. Материалом исследования послужила выборка фрагментов из современных художественных и публицистических текстов Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: способ глагольного действия, концептуализация действия, менталитет, языковая картина мира.

Глагол *закиснуть* – это т. н. глагол с семантикой постепенного перехода в состояние [1, с. 21]. В данной статье рассматривается метафорическое употребление глагола. Применяется интегративный (комплексный) метод описания глагольного слова (подробнее см. [3], [4]). «Национально-культурная специфика, – пишет М. Л. Ковшова, – изначально проявляется в *способах совершения действий* (выделено нами – *О. Д.*), которые целиком зависят от условий жизни народа (всегда специфичных), и формируется вне языка – в системе обычаев, традиций, законов, представленных в качестве норм мышления, поведения, деятельности» [5, с.43].

В «Словаре русского языка» дается следующее значение глагола *закиснуть*: «1. Стать кислым; приобрести нужную кислоту. 2. *перен. Разг.* Потерять интерес, вкус к жизни; стать вялым, унылым, безразличным к окружающему» [8, с.527]; в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой: «1. (1 и 2 л не употр.) Стать кислым после заквашивания. 2. *перен.* Стать вялым, бездеятельным под влиянием какой-н. среды, обстановки (разг.)» [7, с.207].

При ближайшем рассмотрении окружения данного глагола на первый план выступают два аспекта характеристики внеязыковой действительности: с одной стороны, это

окружающая человека обстановка и деятельность, общественные мероприятия, дела, с другой – в действие вовлекается непосредственно человек, описываются его физические (физиологические) и духовные черты.

Описание окружающей обстановки и общественных дел. При описании окружающей обстановки, как правило, эксплицируется замкнутость / ограниченность пространства (например, комната, кабинет), отсутствие свежего воздуха, движения или, наоборот, избыток людей, что также создает удушливую атмосферу: *Адриатика тогда воняла **закисшей площадью Сан-Марко**, слюной Магги, одеколоном Виктора* (Эдуард Лимонов. Книга воды, 2002) (здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка [6]); *Сидеть в её **закисшей комнатёнке**, гонять в магазин, выпивать и беседовать о бесчестии коварного Голубятникова…* (Андрей Волос. Недвижимость // «Новый Мир», 2001); *Отчасти прав краснодарский филолог Алексей Татаринов, ощутивший в книге Колядиной за раздольными разговорами – атмосферу **закисшей комнаты*** (Сергей Шаргунов. Россию надо выдумать заново, 2011). В таких высказываниях глагол, как правило, употребляется в форме причастия, что подчеркивает не только приобретение новых свойств субъектом действия (в нашем случае это характеристика помещения), но и их относительное постоянство.

В некоторых случаях глагол *закиснуть* является характеристикой события и употребляется в значении ‘приостановиться’: (1) *Приехав в Москву, я бросился в Университет, рассказал о бедствии, о молодых бригадах, предложил, чтобы наши студенты поехали тоже туда. Глаза загорелись. **Но все закисло** – видно, испугались, как бы наших студентов там не завербовали…* (Андрей Вознесенский. На виртуальном ветру, 1998); (2) *Водяные лягушки не показываются, бурые лесные попрыгали по шоссе и, оставив там несколько трупов, скрылись. Ондатры не играют, кабанов и лосей не видать. Вроде бы пролетела однажды утка над болотом, вальдшнепов – ни одного. И как-то **всё закисло**.* (Ю. М. Нагибин. Дневник, 1982); (3) *Еду в Л[енингра]д с обычными тревогами перед публичными выступлениями – только **бы не закисло мероприятие**!* (А. Т. Твардовский. Рабочие тетради 60-х годов,

1964). В первых двух примерах кванторное слово со значением всеохватности, всеобщности *всё* включает в себя предполагаемую деятельность, события, причем остановка деятельности негативно оценивается говорящим. В следующем высказывании за субъектом действия, задаваемым глаголом *закиснуть*, также стоит активность, осуществляемая против говорящего, но действие глагола оценивается как желаемое и как характеристика в целом деятельности людей, которым противопоставляет себя автор: (4) *Как и* ***всё*** *у них,* ***закисла и травля против меня****, и письмо у Суслова – в той же их немощной невсходной опаре. Движение – никуда. Цепенение* (А. И. Солженицын. Бодался теленок с дубом). Здесь автором используется кулинарная метафора (*невсходная опара*): обыгрывается многозначность слова *закиснуть* (см. значение 1 в Толковом словаре С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой). Форма прошедшего времени глагола *закиснуть* (примеры 1, 2, 4) подчеркивает завершение процесса и отсутствие дальнейших действий.

Характеристика человека, его физической и духовной сферы. Как уже отмечалось выше, глагол *закиснуть* может характеризовать внешний облик человека. В таких высказываниях можно выделить три момента: 1) глагол участвует в характеристике глаз (появление выделений на глазах): *У него были* ***закисшие китайские глазки****, и он издавал ротиком жалобные звуки – кувакал, – вследствие чего и получил название наш кувака* (В. П. Катаев. Алмазный мой венец, 1975-1977); *От такого благополучия* ***на глазах*** *вновь* ***закисли слезы****, и такая жалость к себе бедному поселилась в Велькином сердце, что Селинка точно вышла бы из берегов...*(А. А. Олейников. Велькино детство, 2007); 2) при характеристике горла появляется значение ‘охриплость’: *Говорила она чуть слышно, будто проталкивая слова сквозь* ***закисшее горло*** (Слава Сэ. Ева, 2010); 3) при описании гигиены тела: *Она иногда приезжает мыть ребенка, раз в неделю, но уже их нет две недели. Не знаю, может, умерли. Я ей здесь оставляю записочку, чтобы она звонила тебе. Но если Павлик болеет и она там болеет, тогда она еще может и неделю не приехать,* ***ребенок*** *у нее там* ***весь***

***закиснет**. А она не купает* (Л. С. Петрушевская. Три девушки в голубом, 1980).

Внутренние изменения, описание характерных черт, особенностей человека ярко проявляются при передаче их формой причастия. В таких высказываниях субъект приобретает свойства целого класса, имеет обобщенный характер: *Я сам болен, мне осталось только полтора года жизни! В дверях он все-таки задержал меня и быстро, почти скороговоркой, сказал: «Это старая болезнь, и больше всего от нее страдают талантливые люди. У них это проходит в острой форме.* ***Люди с закисшим характером*** *болеют тихо и умирают незаметно. – И вы ничего еще не открыли? – Мы многое открыли. Но лечить еще не умеем* (Владимир Дудинцев. Новогодняя сказка, 1965).

Семы ‘среда’ и ‘обстановка’ вербализуются в высказываниях посредством словосочетаний в предложном падеже с семантикой ‘расположения в пространстве’. Рассмотрим возможные месторасположения:

1) оппозиция *город (столица) – деревня (провинция)*. Как правило, город (особенно большой) воспринимается как место для осуществления возможностей, реализации желаний, деревня, напротив, часто имеет коннотацию отсталости, отсутствия возможностей. В высказываниях с глаголом *закиснуть* этот стереотип может находить подтверждение (1), а может, наоборот, отрицаться (2), т. е. местом «закисания» может быть как город, так и деревня: (1) – *А бабку мы совсем забыли, – вдруг спохватился Глеб, –* ***закисла*** *поди* ***в своей деревне****. – Ничего, ее Фил освежит. Он же теперь ее активно навещает, как ни странно* (Дарья Симонова. Сорванная слива, 2002); – *Поищи и для меня работу, Михаил, а то совсем* ***закисну в деревне*** (А. И. Алдан-Семенов. Красные и белые, 1966-1973); (2) *Профессор московского университета, Андрей Христофорович Вышнеградский, на третий год войны получил письмо от своих двух братьев из деревни – Николая и Авенира, которые просили его приехать к ним на лето, навестить их и самому отдохнуть. «Ты уж там* ***закис*** *небось* ***в столице****, свое родное позабыл, а здесь, брат, жива еще русская душа», – писал Николай. Андрей Христофорович подумал и, зайдя на телеграф, послал брату Николаю телеграмму, а на другой день выехал в деревню.*

Напряженную жизнь Москвы сменили простор и тишина полей (П. С. Романов. Русская душа, 1920-1928);

2) ограниченность кабинетом, квартирой, местом работы / деятельности: *Особенно болезненен гриппозный триумф коллеги стал… главному культурщику. Этот совсем* ***закис в кабинетной безвестности****, но зато научился взглядом, медитируя, открывать и закрывать крышки на чернильницах большого письменного прибора, украшающего его стол* (Александр Невзоров. Моление о гриппе // «Однако», 2009); *Парень уверенно отвечает, что да, знает больше директора и сможет руководить институтом. Замена пойдет на пользу делу. Он – молодой, эрудированный, с чувством ответственности. А директор* ***закис в своем кабинете****, и последний научный труд, прочитанный им, – собственная статья в отраслевом журнале, написанная его референтом* (Дмитрий Каралис. Феномен Крикушина, 1984*); Скорее бы вперед! А то совсем* ***все закиснут в этой обороне****: по двадцать раз переженятся, перестреляют друг друга. (Новиков сегодня, будучи «под парами», уже хватался за оружие)* (Эд. Поляновский. Ожидание счастья. Дневники и письма военного фельдшера Татьяны Атабек, 1941-1945).

Однообразие может подчеркиваться и как итог деятельности: *Впечатления юности остались в дорожном узелке, с которым я обходил мудрецов, – и расстаться с ними я не хочу и не могу. Все-таки совсем без богов жить невозможно, без чудес скучно, без чувств чрезмерных* ***закиснешь в грамматической бесспорной фразе*** (М. А. Осоргин. Времена, 1942).

‘Среда’ может ограничиваться не только пространством, но и кругом общения, что выражается предложно-падежными сочетаниями с предлогом *с* в творительном совместного действия: *Утром отец встал здоровый, хотел даже соловьев купать, но мы ему не дали, а то опять голова закружится. Он на нас посерчал – «много вас, докторов,* ***закиснешь с вами****!» – а все-таки покорился.* (И. С. Шмелев. Лето Господне, 1927–1944); *Эх, Андрюшку [Синявского] бы сюда! А то* ***закиснет*** *он там* ***со всякими адвентистами, иеговистами, свидетелями Иеговы*** *и* ***прочей*** *вполне достойной, но убийственно* ***однообразной публикой*** (Юлий Даниэль. Письма из заключения, 1966–1970).

Глагол *закиснуть* часто сочетается с наречием *совсем,* указывающим «на достижение предела» [2, с.1082]: *Борис пошел брать вино и пирожное, а Нинка лихорадочно размышляла. Она была по природе человек интриг и разбирательств, а в последнее время жизнь сложилась так, что ничего похожего не случалось, она* ***закисла совсем****. И поэтому чувствовала сейчас почти радостное возбуждение, – попала наконец в свою стихию* (Елена Белкина. От любви до ненависти, 2002).

Грамматические особенности глагола. Характеристика форм переносного употребления лагола может быть представлена в виде таблицы:

формы глагола ***закиснуть***			количество (всего 64 примера)	% соотношение
изъявительное	настоящее-будущее время	1 л.	3	5%
		2 л.	6	9%
		3 л.	8	12,6%
	прошедшее время	мужской род	10	15,6%
		женский род	7	11%
		средний род	2	3%
		множеств.	7	12%
повелительное наклонение			-	-
сослагательное наклонение			4	6%
инфинитив			7	11%
деепричастие			1	1,6%
причастие			8	12,5%

Модальность, которая часто прослеживается в контекстах с глаголом *закиснуть,* – это превентив, желание предотвратить осуществление данной ситуации (с отрицательной частицей *не*): *… Забота Бориса Силаева о том, чтобы не застрять в тылу, не закиснуть в обозе, быть вровень с другими – отпала* (Артем Анфиногенов. А внизу была земля, 1982); *В-четвертых, вовремя и смело выдвигать новые, молодые кадры, не давая им перестояться на старом месте,* ***не давая им закиснуть*** (И. В. Сталин. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(Б) // «Правда», 1939).

Как видно из приведенных примеров, за счет взаимодействия с контекстуальным окружением проявляется многозначность слова и закрепляются его новые значения.

Литература

1. Бондарко, А. В. Русский глагол / А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. – Ленинград : Просвещение, 1967. – 190 с.

2. Григорьева, С. А. Совсем 1, окончательно, вконец / С. А. Григорьева // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. – 2-е изд., испр., доп. – М. : Школа «Языки славянской культуры», 2003. – С. 1082–1085.

3. Димитриева, О. А. Глаголы характеризованных способов действия с семантикой ‘есть’ и ‘пить’ в русской языковой картине мира : дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 – «русский язык» / О. А. Димитриева. – Чебоксары, 2016. – 223 с.

4. Димитриева, О. А. Смягчительный способ глагольного действия : глаголы с семантикой ‘употреблять спиртное’ / О. А. Димитриева // Научный диалог. – 2017. – № 8. – С. 59–72.

5. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии : Коды культуры / М. Л. Ковшова. – Изд. 3-е. – М. : ЛЕНАНД, 2016. – 456 с.

6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL : http://www.ruscorpora.ru.

7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1997. – 994 с.

8. Словарь русского языка : в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 1. А–Й. – 702 с.

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ФОРМ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Долгополова Лилия Анатольевна
Россия, Симферополь,
Крымский инженерно-педагогический университет,
lilian2000@mail.ru

В статье рассматривается проблема эволюции категории времени в германских языках. Основной целью статьи является анализ формально-семантических особенностей способов выражения будущего времени, особенностям их функционирования, модификации синтаксических ролей элементов конструкций.

Ключевые слова: темпоральность, аналитические конструкции, грамматикализация, модальные глаголы, инхоативные глаголы.

Вопрос времени продолжает занимать особое место в научной мысли человечества. Единой общепризнанной теории, описывающей природу этого феномена, в современных как естественных, так и гуманитарных науках, до сих пор не существует. Так, например, в физике проблема времени входит в научный интерес термодинамики, квантовой физики, релятивистской физики и др. Установление сущности лингвистического времени остается актуальным и для языкознания. В настоящее время исследование феномена времени проводится в двух направлениях: изучение способов отображения и выражения астрономического времени в отдельных языках и анализ языковой эволюции [4, с.3–20].

Не подлежит никакому сомнению тот факт, что категория времени не является постоянной: она изменяется не только от языка к языку, но и эволюционирует в отдельно взятой языковой системе. Выявление специфики развития грамматической категории как в генетически близких, так и неблизких языках относится к центральным задачам современной лингвистики, что обуславливает *актуальность* данной статьи.

Структура грамматического времени языка характеризуется соответствующим инвентарем грамматических форм. В современном немецком языке наличествует трихотомия грамматического времени «прошедшее-настоящее-будущее». В период своего становления немецкий язык, как и все германские языки того периода, располагал дихотомией «прошедшее-настоящее»; глагол употреблялся в двух временных формах (презенс и претерит) [5, с.330–331]. Несмотря на то, форма будущего времени в древних германских языках отсутствовала, само будущее осознавалось как временная категория и находило отображение в языках.

Следует отметить, что грядущие события воспринимаются человечеством как неизбежное, заранее предопределенное; с другой стороны – как возможное, не обладающее какой-либо предопределенностью. В первом случае мы имеем дело с моделью, характерной для большинства религий, включающих в свое учение пророчества о жизни после смерти, о неизбежном Божьем суде и конце света. Второй случай предполагает, что

человек сам способен и может творить будущее, и это будущее предстает как желаемое, возможное.

Оба представления о будущем наблюдаются в древнеанглийском языке: в формировании будущих аналитических форм принимают участие модальные глаголы *sculan* – долженствовать и *willan* – желать. В то же время в древних германских языках существовали и другие варианты выражения будущности. Так в поэме «Муспилли», относящейся к древневерхненемецкому периоду (9 век, баварский диалект) и повествующей о предстоящем суде, представлены следующие средства обозначения грядущих событий (i-vi):

(i) *so qimit ein heri*
´ dann kommt das eine Heer ´

(ii) *uuanta ipu sia daz Satanazses kisindi kiuuinnit,*
´denn falls des Satans Gefolgschaft sie in die Gewalt bekommt´

(iii) *...sin tac piqueme, daz er touuan scal*
´…sein Tag herankomme an dem er sterben muss´

(iv) *uuili den rehtkernon daz rihi kistarkan*
´er will denen, die das Recht lieben, das himmlische Reich sichern´

(v) *denne uuirdit untar in uuic arhapan*
´Jetzt erhebt sich Kampf zwischen ihnen´

(vi) *enti in demo sinde sigalos uuerdan.*
´und auf diese Weise sieglos werden´

(vii) *enti si dero engilo eigan uuirdit,*
´und sie der Engel Besitz wird,´

(viii) *Pidiu ist demo manne so guot*
´Daher ist es für den Menschen das beste,´

Способы выражения будущего времени в приведенных примерах имеют формальные и смысловые различия. В структурном плане мы имеем дело с простыми глагольными формами (i, ii) и с глагольными сочетаниями (iii-viii). В первом случае значение будущего передается презентными формами префиксальных (*kiuuinnit*) и непрефиксальных (*qimit*) глаголов. Во втором случае – свободными синтаксическими сочетаниями,

закладывающими основу для становления аналитических форм выражения будущего времени.

Форма презенса на начальном этапе развития немецкого языка не имела четкого закрепления за настоящим временем и часто использовалась для передачи будущего. В. М. Жирмунский характеризует презенс древневерхненемецкого периода как «настоящее–будущее» [3, с.293]. Особую роль при этом играет контекст: проекция будущего времени происходит в прямой речи, в монологе; в нашем случае – в описании неизбежных предстоящих событий.

Презенс-футурум сохраняется в немецком языке на протяжении всего его развития и активно используется и в наши дни. Количественный анализ употребления этой формы в современном немецком языке свидетельствует о ее высокой частотности: в устной речи *Futur I* почти полностью вытеснен презенсом, а в письменной речи ее доля составляет 20–25% [6, с. 221].

Направленность на приходящие события также наблюдается и у глаголов с префиксом *ge-*, имеющим перфектное значение. Сема результативности противоречит представлению о настоящем времени; основным грамматическим значением презенса глаголов совершенного вида становится значение будущего, как например, в русском языке [1, с.451–452].

Функционирование глаголов с префиксом *ge-* регистрируется в период становления отдельных германских языков: префиксальные глаголы со значением начинания встречаются в древнеанглийских текстах [7, с.110–111].

В немецком языке префиксальная глагольная форма как способ выражения будущего сохраняется до ранненововерхненемецкого периода (XII–XIII вв.) и употребляется как простая форма: *Gelebte ich noch die lieben zît* (Friedrich von Hausen, Heimweh), либо в конструкциях с модальными глаголами: *dorft er in sime hercen nimmer mer getragen* (Das Nibelungenlied).

В дальнейшем глаголы с префиксом *ge-* со значением будущего времени выходят из употребления, поскольку категория вида в немецком языке не имела систематического формального выражения и не получила дальнейшего развития.

Стоит отметить, что префикс *ge-* в поэме «Муспилли» является не единственным аффиксом со значением будущего. В тексте такую роль выполняют также префиксы *ar-* ´er-´ и *var-* ´ver-´: *arhevan, arfurpan, arstent; varprinnen, sih varsuuilhan*: *aha artruknent, muor varsuuilhit sih* ´die Flüsse vertrocknen, das Moor verschluckt sich´.

По характеру элементов сложных форм следует выделить такие конструкции «модальный глагол + инфинитив» (iii, iv), «werden + партицип I / прилагательное / существительное (v, vi, vii), «sein + причастие I (viii)». Конструкции с модальными глаголами способствовали формированию форм будущего времени на основе модальных отношений, а с глаголами *werden, sein* и *beginnen* – на основе видовых отношений [3, с.294].

Сочетания модальных глаголов *sollen* и *wollen* с инфинитивом для проекции будущего является характерным для всех германских языков. В большинстве современных германских языков (напр., английском, голландском, шведском) конструкции с модальными глаголами грамматикализировались и утратили полностью или частично первоначальное модальное значение. В исландском языке, как и в древних германских языках, специальная форма выражения будущего времени отсутствует: для передачи будущего используются конструкции с оттенками допущения, обязательности и др.

В современном немецком языке сочетания с модальными глаголами функционируют со значением субъективного модального будущего как неизбежного или желаемого. Модальное значение глагола *wollen* часто нивелируется и заменяется темпоральным [8, с.135]:

Ich <u>will</u> hier warten, bis du zurückkommst.

- Ich <u>werde</u> hier warten, bis du zurückkommst

Что касается древневерхненемецкого периода, то обозначение будущего времени с помощью глаголов *sollen* и *wollen* как неизбежного или желаемого имеет широкое распространение, причем первый тип встречается гораздо чаще. Этот факт можно объяснить влиянием религии на устную и письменную речь того времени, где, как уже было сказано выше,

будущее представлялось преопределенным и пастве предлагалось смирение с предстоящими событиями.

В поэме «Муспилли» в конструкциях с глаголами *sollen* и *wollen* наблюдается сохранение модального значения, что свидетельствует о начальном этапе грамматикализации конструкции, которая, в конце концов, не была завершена.

Иной путь развития имеют конструкции с участием инхоативных глаголов – *beginnen* (в поэме «Муспилли» такие конструкции отсутствуют) и *werden*. Сочетания с глаголом «начинать» является характерным для готского языка (глагол *duginnan*), а с глаголом «становиться» – древнескандинавских языках.

Конструкции с werden, из которых позже сформируется объективное будущее, в древневерхненемецкий период встречаются реже, чем конструкции с модальными глаголами, и имеют в основном видовое значение. *Werden* употребляется в сочетании с партиципом I для проекции начинания, переходящее в будущее незавершенное.

Инхоативные глаголы в этот период сохраняют оттенки начала действия, его развитие или переход к его завершению и тем самым выявляют тесную связь с предстоящим. Сохранение семы инхоативности оказывает влияние на распределение синтаксических ролей именных глагольных форм, напр., атрибута:

(v) *denne uuirdit untar in uuic arhapan*

Pr O Attr

Конструкции с глаголом *sein* в сочетании с существительным или партиципом I со значением будущего времени встречаются очень редко и уже в двревневерхненемецкий период непродуктивны. Однако такие сочетания также могут стать основой формирования синтетических или аналитических конструкций со значением будущего времени, как напр., в украинском языке, ср.: *писатимуть* (простая форма)*, муть жити* (юго-зап.) (аналитическая конструкция).

Формы с *sein* в дальнейшем приобретают значение незаконченного действия, протекающего в данный момент, и закрепляются как Present Continues в современном английском

языке. Следуют отметить, что в современном немецком языке отмечается тенденция к грамматикализации конструкций *прогрессива* с таким же значением: в основе конструкций также лежит сочетание глагола *sein* с предложным инфинитивом [см. 2].

Числовое и процентное соотношение форм будущего времени, встречаемых в поэме «Муспилли», проиллюстрировано в таблице 1:

Табл.1

Количественные показатели употребления средств выражения будущего времени в поэме «Муспилли» (9 в., баварский диалект)

Простые формы:		
презенс (без префикса)	44	49,4%
презенс с префиксом *ge-*	16	18 %
Глагольные сочетания:		
sollen + Infinitiv	15	17 %
wollen + Infinitiv	1	1,1 %
werden + Part. I / Inf. /Subst.	12	13,4 %
beginnen + Infinitiv	--	--
sein + Partizip I	1	1,1 %

Доминирующим средством выражения будущего времени в тексте является простая форма настоящего времени непрефиксальных и префиксальных глаголов. Их количество превышает 57 % всех случаев. Среди сложных форм наиболее частотными являются конструкции с модальным глаголом «*sollen + Infinitiv*» и инхоативным «*werden + Partizip I*» (соответственно 17% и 13,5%).

Таким образом, проекция будущего в древневерхненемецкий период осуществляется различными как в структурном, так и смысловом плане способами. Конкурирующими средствами в эпоху становления отдельного языка германской группы и расширения категории времени являются префиксальные и непрефиксальные презентные формы и свободные синтаксические сочетания именных форм глагола (партицип и инфинитив) с модально-инхоативными глаголами *sollen* и *werden.* На основе сложной формы с инхоативным

глаголом *werden* в последующем разовьется грамматическая аналитическая форма будущего времени Futur I.

Перспективы дальнейшего исследования – в установлении специфики грамматикализации форм будущего в отдельных германских языках, особенностях диалектного употребления средств выражения будущего времени в современных германских языках, а также в сопоставлении модификации категории времени в германских языках.

Литература

1. Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1972. – 614 с.
2. Долгополова, Л. А. Грамматические трансформации в диахронии / Л. А. Долгополова // Наукові записки. Серія Філологічні науки (мовознавство). – Вип. 127. – Кіровоград, 2014. – С. 349–352.
3. Жирмунский, В. М. История немецкого языка / В. М. Жирмунский – М. : Высшая школа, 1965. – 408 с.
4. Журавлев, В. К. Диахроническая морфология / В. К. Журавлев [отв. ред. В. П. Мажюлис]. – [2-е изд., стереотип.]. – М. : Эдиториал УРСС, 2004. – 208 с.
5. Левицький, В. В. Основи германістики / В. В. Левицький – Вінниця, НОВА КНИГА, 2006. – 528 с.
6. Панченко, К. Ю. Засоби вираження майбутнього часу у ранньонововерхньонімецькій мові / К. Ю. Панченко // Актуальні проблеми германської філології: Матеріали ІІІ Міжнародної наукової конференції, присвяченої 70-річчю народження професора, доктора філол. наук Левицького В. В. – Чернівці : Книги – ХХІ, 2008. – С.221–225.
7. Ярцева, В. Н. Именные формы глагола / В. Н. Ярцева // Историко-типологическая морфология германских языков. – М. : Наука, 1978. – С. 92–142.
1. Helbig, G. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht / G. Helbig, J. Buscha. [19. Aufl.]. – Leipzig, Berlin, München, Wien, Zürich, New York : Langenscheidt, Verl. Enzyklopädie, 1999. – 736 S.

АВТОРСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ Д. И. РУБИНОЙ В РОМАНЕ «БЕЛАЯ ГОЛУБКА КОРДОВЫ»

Дружинина Варвара Валентиновна
Зебелян Кристина Андреевна
Демидова Карина Хачиковна
Россия, Сочи, Сочинский институт (филиал) Российского университета дружбы народов,
354348, Южный Федеральный округ, Краснодарский край, г. Сочи, Адлерский район, ул. Куйбышева, д. 32

В узуальных фразеологических оборотах Д. И. Рубина находит источник прежде всего для структурно-семантического обновления материала своего произведения. Авторские фразеологические единицы являются контекстуально обусловленными и контекстуально актуализированными. Писатель в романе «Белая голубка Кордовы» использует такие приемы структурно-семантического преобразования словарных фразеологизмов, как субституция, экспликация и эллипсис.

Ключевые слова: авторская фразеология, субституция, экспликация, эллипсис.

Д. И. Рубина представляет собой одну из ярких фигур в современной литературе. Однако ее творчество редко относят к какому-либо течению, направлению. В основном исследователи акцентируют внимание на *отдельных аспектах* изучения многогранного творчества писательницы [2, с.67]. Объектом нашего внимания является *фразеология* Д. И. Рубиной в романе «Белая голубка Кордовы» [3].

В связи со сказанным следует отметить многозначность термина «авторская фразеология» в современной филологической науке: авторская фразеология объединяет и уникальные модификации (и формальные, и содержательные) словарных ФЕ, и все те устойчивые обороты, использование которых является отличительной чертой индивидуального речемыслительного стиля конкретного человека (языковой личности) [1, с.188]. Несомненно, авторская фразеология особенно интересна в плане изучения материала произведений известных писателей – художников слова.

В идиодискурсе Д. И. Рубиной можно обнаружить множество примеров индивидуально-авторских фразеологизмов, маркирующих лингвистические особенности художественных текстов писателя. На примере конкретного языкового материала охарактеризуем структурно-семантические особенности индивидуально-авторских фразеологических единиц в художественном дискурсе Д. И. Рубиной – в данном статье речь пойдет об *авторских лексических модификациях* ФО (выявим и с лингвокоммуникативной точки зрения рассмотрим приемы структурно-семантического преобразования писателем словарных фразеологизмов). Данный тип трансформаций может относиться к тому языковому материалу, в котором в той или иной степени меняется компонентный состав фразеологического оборота, представленного в литературном языке рассматриваемого периода. Прежде всего охарактеризуем в идиодискурсе Д. И. Рубиной *субституцию* – **прием замены лексического компонента узуальной фразеологической единицы:**

***** *... картинку надо выцыганить так, чтобы адвокатица* ***не уперлась каракатицей*** [3, с.333].

В данном примере представлена языковая – семантико-структурная – трансформация словарной ФЕ *упереться рогом* («не соглашаться, противиться»). Замена в указанном обороте компонента *рогом* единицей *каракатицей* создает комический эффект (разговорное слово *адвокатица* – «женщина-адвокат» – рифмуется с лексической единицей *каракатица* в значении «неуклюжий человек») и усиливает образно-экспрессивные параметры общеязыковой фразеологической единицы. Фразеологическое значение индивидуально-авторского оборота *упереться каракатицей* (разг., экспресс.) можно определить как «неуклюжую попытку помешать кому-либо добиться цели».

***** *Не в силах больше слушать эту* ***усатую чушь****, Кордовин с порога махнул хозяину рукой…* [3, с.401].

Комментарий: индивидуально-авторский языковой оборот *усатая чушь* имеет, на наш взгляд, 1) контекстуальную обусловленность (*чушь* Кордовин слушал от хозяина кафе – человека с усами, колоритного *усача*), 2) экстралингвистическое обоснование, связанное с визуализацией усов (сема «явная

выраженность чего-либо») и 3) собственно лингвистическую мотивированность (звуковая аналогия с узуальной фразеологической единицей *несусветная чушь*). Окказионализм *усатая чушь* имеет значение «невообразимая, явно выраженная нелепость, чепуха» (разг., экспресс., с отрицательной коннотацией).

***** *Оно и надежней: богу богово, а* ***рентгену – рентгеново*** [3, с.386].

В указанном художественном контексте трансформации подвергается библеизм, библейская фразеологическая единица, обычно воспроизводимая носителями современного русского литературного языка в форме *Кесарю кесарево, а Богу Богово* в значении «каждому свое, каждому – по заслугам».

Приведенная окказиональная фразеологическая единица «вписывается» в контекст размышлений Кордовина о методах проверки подлинности предметов искусства (картин). *Богу богово, а* ***рентгену – рентгеново*** в значении «рентген – верное средство установления подлинности художественных картин» (экспресс., ирон.).

Прием расширения компонентного состава общеязыкового фразеологизма (экспликация) является, по нашим наблюдениям, также частотным в идиодискурсе Д. И. Рубиной:

***** *Мой винницкий дядя Сёма в таких случаях говорил: «Я ж на этом собаку съел* ***и вторую доедаю*** [3, с.321].

Значение узуального фразеологического оборота (*фразеологического сращения* – в семантической концепции В. В. Виноградова) *собаку съесть* можно определить – с опорой на различные фразеографические источники – следующим образом: «иметь большой опыт в каком-либо деле». Расширение состава общеязыковой фразеологической единицы *собаку съесть* (и вторую доедать) позволяет, на наш взгляд, не только акцентировать внимание читателя на имеющемся *огромном* опыте говорящего (при решении определенных задач), но и эмоционально-экспрессивно оценить ситуацию (дать осознать адресату оборота *решаемость* вопроса).

** – Не будем разводить **искусствоведческие** турусы на колесах* [3, с.321].

** Далее минут десять он разводил **искусствоведческие** турусы на о**громных** колесах* [3, с.321].

В первой примере *Не будем разводить искусствоведческие турусы на колесах* структурный элемент – определение *искусствоведческие* – расширяет состав узуального ФО *разводить турусы на колесах* («заниматься пустословием, попусту болтать», прост., презр. [4, с.179]): слово *искусствоведческие* является своеобразным лексическим маркером определенной сферы; реплика главного героя Кордовина, выступающего в роли эксперта-искусствоведа «подлинности» картины Р. Фалька, обнаруживает следующий смысл (подтекст): «нежелание обременять специализированной искусствоведческой информацией покупателя картины» (именно такое осмысление покупателем ситуации необходимо для эксперта-фальсификатора).

Второй контекст – *Далее минут десять он разводил искусствоведческие турусы на огромных колесах* – расширяет границы окказионального фразеологизма *разводить искусствоведческие турусы на колесах*: слово *огромный* (эмоционально-оценочный компонент), изменяющее структуру авторского оборота, в имплицитной форме указывает на обилие *ложной* искусствоведческой информации, представленной экспертом покупателю, коллекционеру Владимиру Игоревичу.

** ... не поминая меня лихом*, ***как злодея и подлеца*** [3, с.678].

Предложим следующий лингвокоммуникативный комментарий индивидуально-авторской сравнительной конструкции *не поминай меня лихом*, *как злодея и подлеца.* Расширение компонентного состава общеязыкового оборота – добавление союза-маркера компаративных отношений *как* и субстантивных лексем, выступающих в функции однородных дополнений, *злодея и подлеца* – сюжетно обусловлено: главный герой романа Д. И. Рубиной Кордовин пишет *прощальное* письмо своей давней знакомой Марго (она оказалась в больнице по вине эксперта-фальсификатора).

Изменение (расширение) компонентного состава узуального фразеологизма *поминать лихом* акцентирует внимание читателя

на языковых единицах пейоративной (отрицательной) оценки – лексемах *злодея*, *подлеца*; индивидуально-авторская сравнительная (компаративная) конструкция *не поминать лихом, как злодея и подлеца* является, на наш взгляд, образно-экспрессивным маркером речевого акта просьбы.

Сравнение – это специфический языковой знак, в семантическую структуру которого заложено эмоционально-экспрессивное отношение субъекта коммуникативной ситуации к объекту действительности:

** Ирина спала как обычно – завернутая в кокон одеяла, как белый сыр в друзскую питу* [3, с.306].

Интересное со структурно-семантической и культурологической точки зрения авторское сравнение *завернутая в кокон одеяла, как белый сыр в друзскую питу* является примером многокомпонентной и разноплановой языковой единицы. Обратим внимание на словосочетание *кокон одеяла*, представляющее собой метафорический оборот с явно выраженной образностью. Ирина, *завернутая* в одеяло, в приведенном примере имлицитно сравнивается с гусеницей, находящейся – на пути превращения в бабочку – в переходной стадии куколки. Лексический компонент «кокон» в структуре метафорического словосочетания маркирует шутливо-ироничное отношение Захара Кордовина (авторский оборот «фиксирует» именно **его** оценку) к описываемой ситуации.

Кроме того, отметим следующее: субстантивное словосочетание *друзская пита*, несомненно, может представлять для исследователя лингвокультурологическую ценность. Друзская пита – плоский и круглый белый хлеб, который пекут друзы – арабы, исповедующие такую религию, как друзизм. Гастрономический «параметр» сравнения – несмотря на шутливо-ироническую окраску оборота – является своеобразным подтверждением женской привлекательности спящей Ирины для Захара Кордовина.

Прием сужения компонентного состава узуального фразеологического оборота (эллипсис) можно увидеть в следующих художественных контекстах:

***** *– … маслом каши, как говорится,* ***не-не-не*** [3, с.321].

Комментарий: повторение отрицательной частицы не на фоне фрагментарно воспроизведенного узуального оборота (пословицы *кашу маслом не испортишь*) усиливает экспрессивность речи Кордовина (безусловно, следует обратить внимание и на разрушение единого структурного оформления словарной единицы, и на измененный – по сравнению с общепринятым, устойчиво воспроизводимым – порядок следования компонентов в приведенной фразе; инверсированное дополнение *маслом* актуализирует подтекст ситуации: *масло* – авторский лексический маркер обилия специализированной искусствоведческой информации, используемой экспертом Кородовиным в целях языковой демагогии (языкового манипулирования).

***** *Ну же: давай, говори красивые слова, подари ей набросок, прими «ах!» и благодарный поцелуй в щеку, и вали, наконец*, ***на все четыре*** [3, с.656–657].

Естественно, обращаем внимание и на микроконтекст (на интересующую нас авторскую единицу, и на макроконтекст, т. е. на языковое окружение окказионализма, прежде всего на просторечное слово *вали*). Несомненно, эллипсис является приемом семантико-синтаксического характера, усиливающим образно-экспрессивную сторону речи. В рассматриваемом примере сужение компонентного состава узуального фразеологического оборота является маркером категоричности установки, резкости суждения, директивы (*вали ... на все четыре*). Отсутствие в авторском контексте компонента *стороны* существенно не влияет на семантику оборота, но обновляет экспрессию выражения.

В идиодискурсе Д. И. Рубиной встречаются примеры общеязыковых фразеологических оборотов с контекстуально актуализированным (переосмысленным) планом содержания:

***** *– Ну-ну… если пятый десяток – пацанство, давайте будем жить хотя бы до ста двадцати. Однако – все,* ***трещу по швам***! [3, с.321].

В системе современного русского литературного языка фразеологический оборот *трещать по швам* имеет значение «находиться в стадии полного распада, разваливаться». Контекстуальное (авторское) значение ФЕ *трещать по швам* –

«устать» (экспрессивно-эмоциональное переосмысление значения общеязыкового ФО; словами *трещу по швам* Кордовин подводит итог словесной лжеэкспертизы).

Итак, по нашим наблюдениям, писатель в произведении «Белая голубка Кордовы» использовал прежде всего такие приемы структурно-семантического преобразования словарных фразеологизмов, как:

– *субституция* – прием замены лексического компонента узуальной фразеологической единицы (*богу богово, а* ***рентгену – рентгеново****; не уперлась* ***каракатицей****,* ***усатая*** *чушь* и др.),

– *экспликация* – прием расширения компонентного состава общеязыкового фразеологизма (*собаку съесть* ***и вторую доедать****, разводить* ***искусствоведческие*** *турусы на колесах*, *разводить* ***искусствоведческие*** *турусы на* ***огромных*** *колесах*, *не поминать лихом,* ***как злодея и подлеца*** и др.),

– *эллипсис* – прием сужения компонентного состава узуального фразеологического оборота (***маслом каши не-не-не, на все четыре*** и др.).

В идиодискурсе Д. И. Рубиной встречаются примеры ФО с контекстуально актуализированным (переосмысленным) планом содержания (***трещать по швам***).

В идиодискурсе Д. И. Рубиной встречаются и собственно авторские идиомы (однако, по нашим наблюдениям, это немногочисленный класс лингвистических единиц): *испанская метла, цветущий Альцгеймер, чистый младенец* и др. Ключевой авторской идиомой (фразеологизмом–символом) в тексте рассматриваемого романа является оборот *белая голубка* – символ возрождения, символ любви, надежды и веры.

Лексические элементы актуализирующей семантики раздвигают смысловые границы узуального фразеологического оборота и способствуют его образно-экспрессивному переосмыслению (происходит и семантическая детализация словарной фразеологической единицы, и семантико-экспрессивное развертывание ее образа).

Литература

1. Баранов, А. Н. Основы фразеологии (краткий курс): учеб. пособие / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 312 с.
2. Загороднева, К. В. Роман Д. Рубиной «Белая голубка Кордовы»: художественное новаторство и традиции / К. В. Загороднева // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2012. – Т. 1. № 3. – С. 67–73.
3. Рубина, Д. Люди воздуха: трилогия в одном томе: романы. Белая голубка Кордовы / Д. Рубина. – М.: Эксмо, 2013. – С. 303–589.
4. Фразеологический словарь русского литературного языка. в 2 т. / Сост. А. И. Федоров. – Т. 2.: Н–Я. – М.: «Издательство АСТ», 1997. – 396 с.

ТУМАН В ПОЭЗИИ И. АННЕНСКОГО

Дудорова Мария Владимировна
Россия, Екатеринбург,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
primrose81@yandex.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02005)

В статье рассматривается функционирование в поэзии И. Анненского лексем с компонентом «туман», выявляются типичные контекстные партнеры, анализируются повторяющиеся характеристики, анализируется проявление концептуальной схемы «преграда», а также метафорическое переосмысление различных явлений через образ тумана.

Ключевые слова: поэтический текст, И. Анненский, денотативная группа «Оптические явления»

Ведущая роль в восприятии в поэзии И. Анненского (сборники «Тихие песни», «Кипарисовый ларец» [1], а также стихотворения, не вошедшие в сборники) принадлежит зрительной перцепции. Высокой частотностью употребления в поэзии И. Анненского характеризуется денотативная группа «Оптические явления». Наибольшим частотным показателем единиц этой группы обладают лексемы с компонентом 'туман', представляющие как непосредственный признак атмосферы

(*туман* (34 употребления) и *туманный* (16)), так и изменение атмосферы (*туманиться* (2), *затуманиваться* (1), *отуманенный* (1)).

В рассмотренных текстах туман обладает различными цветовыми характеристиками:

– белый (представлен различными лексическими репрезентатами: *Видишь – он уж тает, канув / Из серебряных лучей / В зыби* ***млечные*** *туманов...*; *А к рассвету в* ***молочном*** *тумане повис / На березе искривленно-жуткий / И мучительно-черный стручок*; *Там на портретах строги лица, / И тонок там туман* ***седой****, / Великолепье небылицы / Там нежно веет резедой*);

– розовый (*За* ***розовой*** *раной тумана*);

– голубой (*И что надо лечь в угарный, / В* ***голубой*** *туман костра* – отметим, характерное для поэзии И. Анненского смешение лексем *туман* и *дым*; так, в данном контексте представлено значение 'Летучие продукты горения с мелкими летящими частицами угля', свойственное лексеме *дым*; ср. также обратное смешение: *А небо дымное так низко нависало, / Все мельче сеял дождь, но глуше и туманней*);

– желтый (*Солнце за гарью тумана /* ***Желто****, как вставший больной*; *Пятно жерла стеною огибая, / Минутно лед туманный* ***позлащен****...*);

– переменные характеристики, обусловленные погодными условиями (***Серебряным*** *блеском туман / К полудню еще не развеян, / К полудню от солнечных ран / Стал даже* ***желтее*** *туман, / Стал даже желтей и мертвей он...*).

В поэзии И. Анненского туман предстает как одна из характеристик:

1. Небесного пространства (***Небо*** *звездами в тумане не расцветится, / Робкий вечер их сегодня не зажег...*).

2. Оптических явлений, связанных с небесными светилами: заката и рассвета (*За* ***розовой раной*** *тумана; Солнце* ***за гарью тумана*** */ Желто, как вставший больной;* ***Пятно жерла*** *стеною огибая, / Минутно лед туманный позлащен...; В тумане холод,* ***в тумане раны*** */* ***Перед зарей****...; А к* ***рассвету*** *в молочном тумане повис*; *По бледно-розовым овалам, /* ***Туманом утра*** *облиты, / Свились букетом небывалым / Стального колера цвет*).

3. Различных объектов небесного пространства:

– Солнце (отметим, что в ряде контекстов указание на туман является одним из текстовых знаков для интерпретации метафорической номинации светила, например: *Облака плывут так низко, / Но в тумане все нежней / Пламя* ***пурпурного диска*** */ Без лучей и без теней;* или ***Пятно жерла*** *стеною огибая, / Минутно лед туманный позлащен...*); туман как характеристика окружающего пространства противопоставлен солнцу: *Я жадно здесь, покуда небо* ***знойно*** */ Остаток дней* ***туманных*** *берегу*;

– Луна: *Бесследно канул день. Желтея, на балкон / Глядит туманный* ***диск луны****, еще бестенной*; ***Луну*** *сегодня выси / Упрятали в туман...; За чахлыми горошками, / За мертвой резедой / Квадратными окошками / Беседую с луной. // Смиренно дума-странница / Сложила два крыла, / Но не мольбой туманится / Покой ее чела.*

– облака: *Но не дружны вы с песнями звонкими, / Разойдусь я, так вы затуманитесь, / Безнадежно, полосками тонкими, / Расплываясь, друг к другу все тянетесь…*

4. Дождливой погоды, при этом образ тумана в этом случае подчеркивает затрудненность восприятия окружающего пространства, когда дождь как бы образует пелену, создающую преграду: *А небо дымное так низко нависало, / Все мельче* ***сеял дождь****, но глуше и туманней; Пусть завтра не сойду я с тинистого дна, / Дождя осеннего тоскливей и туманней; И из угла моей кибитки /* ***В туманной сетке дождевой*** */ Я вижу только лоск накидки / Да черный шлык над головой; В тумане волн и брызги серебра, / И стертые эмалевые краски... / Я так люблю осенние утра / За нежную невозвратимость ласки!; Мелко, мелко, как из сита, / В тарантас дождит туман, / Бледный день встает сердито, / Не успев стряхнуть дурман.*

5. Туман связан как непосредственно с земным пространством (*Уж день за сторами.* ***С туманом по земле*** */ Влекутся медленно унылые призывы...*) и его частями, представленными образами сада и леса (*Сад туманен. Сад мой донят / Белым холодом низин. / Равнодушно он уронит / Свой венец из георгин; В блестках туманится лес*), так и с его метафорическим переосмыслением в сравнительных

конструкциях (***Точно стада в тумане*** */ Непорочные сны – / На сомнительной грани / Всесожженья весны*).

Особенностью зрительного восприятия в поэзии И. Анненского является наличие образа «преграды», репрезентируемого в текстах совокупностью лексических средств. Одним из представленных в поэзии И. Анненского типов преграды является непредметная преграда, связанная с особыми состояниями атмосферы, создаваемая в текстах в том числе и лексемой *туман*, наряду с лексемами *дым, мгла, туман, чад* и др. Туман репрезентирует преграду, связанную с уплотнением воздушного пространства.

В связи с указанными лексемами создается преграда перцептивному движению, она осложняет визуальное восприятие: *Все дольше тает твой туман, / Где все белей и выше гребни, / Но далей красочный обман / Не будет, он уж был волшебней.*

Еще одной разновидностью преграды является предметная преграда, связанная с образом окна/стекла, она совмещается с непредметной преградой и создает образ запотевшего окна: *Я жалею, что даром поблекла / Позабытая в книге фиалка, / Мне тумана, покрывшего стекла / И слезами разнятого, жалко.* Отметим в данном контексте, что преграда представлена как разрушаемая, преодолимая (*слезами разнятого*), подобное встречается также в следующем контексте: *Снегов немую черноту /* ***Прожгло*** *два глаза* ***из тумана****, / И дым остался на лету / Горящим золотом фонтана.*

Концептуальная схема «преграда» также представлена контекстами, актуализирующими идею сокрытия чего-либо, воплощенную контекстными партнерами с семантикой 'исчезновение', подчеркиваемой семантикой 'невозможности существования': *Жадным взглядом проводила, / Обернувшись, экипаж / И в тумане затрусила, / Чтоб* ***исчезнуть, как мираж*** или семантикой 'зрительное восприятие', представленной в отрицательной конструкции: *Так лучше. Только бы меня* ***не замечали*** */ В тумане, может быть, и творческой печали.*

Образ тумана метафорически переосмысляется и связывается с различными явлениями и процессами:

1. Эмоции, традиционно для поэтического мира И. Анненского представлены тоской: *С немого поля, / Где без ненастья, / Дрожа, повисли / Тоски туманы, – / Туда, где воля, / Туда, где счастье, / Туда, где мысли / Простор желанный!* Данный контекст представляет традиционное для символистов противопоставление мира реального и мира желаемого, тоски и счастья.

2. Туман представляется как некое экзистенциальное пространство, где действуют абстрактные сущности, например, время, уподобляемое птицам: *Птицы, намокшие тяжко, плывут средь тумана. / Слушай... это летит хищная, властная птица, / Время ту птицу зовут, и на крыльях у ней твоя сила, / Радости сон мимолетный, надежд золотые лохмотья...*

3. Туман связывается с пространством сна, подчеркивая тем самым его неясность для восприятия, промежуточность состояния: *Когда же сном объята голова, / Читаю грез я повесть небылую, / Сгоревших книг забытые слова / В туманном сне я трепетно целую.*

Романс без музыки

В непроглядную осень туманны огни,
И холодные брызги летят,
В непроглядную осень туманны огни,
Только след от колес золотят,

В непроглядную осень туманны огни,
Но туманней отравленный чад,
В непроглядную осень мы вместе, одни,
Но сердца наши, сжавшись, молчат...
Ты от губ моих кубок возьмешь непочат,
Потому что туманы огни...

В данном тексте невидимым и недосягаемым оказывается все то, что может быть включено в понятие «осень», весь предметный мир. Доминирующим образом текста становится туман как преграда, не дающая возможности увидеть окружающее пространство. Подобная «слепота» становится поводом для разворачивания мира чувств, эмоций, т. е. бедность физиологического восприятия компенсируется обострением восприятия метафизического. Туман становится не только знаком невозможности восприятия, а, следовательно, по И. Анненскому, и понимания мира внешнего, но и своего рода преградой для

проникновения этого мира в мир внутренний. Так, единение лирического субъекта и героини возможно только «потому что туманны огни».

4. Туман является одним из знаков ситуации вдохновения, творческого озарения, когда поэтические строки появляются из небытия и неизвестности, проступают сквозь туман, например, в стихотворении «Строфы»:

Нет, им не суждены краса и просветленье;
Я повторяю их на память в полусне,
Они – минуты праздного томленья,
Перегоревшие на медленном огне.

Но все мне дорого – туман их появленья,
Их нарастание в тревожной тишине,
Без плана, вспышками идущее сцепленье:
Мое мучение и мой восторг оне.

или в стихотворении «Поэзия»: *Над высью пламенной Синая / Любить туман Ее лучей, / Молиться Ей, Ее не зная, / Тем безнадежно горячей*.

Туман представляет и некое пространство, поглощающее «не пойманные» поэтом строки, пришедшие в минуты вдохновения, но оставшийся ненаписанным, кажущиеся даже чужими, например, в стихотворении «Мой стих»:

Недоспелым поле сжато;
И холодный сумрак тих...
Не теперь... давно когда-то
Был загадан этот стих...

Не отгадан, только прожит,
Даже, может быть, не раз,
Хочет он, но уж не может
Одолеть дремоту глаз.

Я не знаю, кто он, чей он,
Знаю только, что не мой, –
Ночью был он мне навеян,
Солнцем будет взят домой.
<...>
Видишь – он уж тает, канув
Из серебряных лучей
В зыби млечные туманов...

Не тоскуй: он был – ничей.

5. Неясность, которую создает туман, становится основой для метафорического переосмысления воспоминания как пространства, где царствует туман, затрудняющий детальную визуализацию, например, в стихотворении «Сестре»: *Вечер. Зеленая детская / С низким ее потолком. / Скучная книга немецкая. / Няня в очках и с чулком. // Желтый, в дешевом издании / Будто я вижу роман... / Даже прочел бы название, / Если б не этот туман.*

Туман также ассоциируется с прошлым, например, в стихотворении «Л. И. Микулич», посвященном Царскому Селу: *Там на портретах строги лица, / И тонок там туман седой, / Великолепье небылицы / Там нежно веет резедой / <…> Там все, что навсегда ушло, / Чтоб навевать сиреням грезы.*

Таким образом, лексемы с компонентом 'туман' выполняют в поэзии И. Анненского ряд функций: создание пейзажа (туман становится частью небесного и земного пространства, а также маркером времени (осень, закат, рассвет) и погодных явлений (дождь)); создание концептуальной схемы «преграды»; создание метафорических образов (преимущественно творческого процесса и воспоминания).

Литература

1. Анненский, И. Ф. Стихотворения и трагедии / И. Ф. Анненский; вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. А. В. Федорова. – Л.: Советский писатель, 1990. – 640 с.

ЖАНРООБРАЗУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ ЗАПИСЕЙ НА ПОЛЯХ

Желненкова Василиса Владимировна
Россия, Кемерово, ФГБОУ ВО
«Кемеровский государственный университет»,
Zhelnenkova@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Естественная письменная русская речь жителей Кузбасса» (№ 17-14-42001а-ОГОН)

В данной статье рассматривается вопрос о выделении жанрообразующих признаков записей на полях на основе методики, предложенной в работе Н. Б. Лебедевой и А. С. Юркевич. В ходе межжанрового сопоставления выделяются два поджанра: записи на полях книги и записи на полях тетради.

Ключевые слова: естественная письменная речь, автоадрестаные жанры, записи на полях, жанроведение

Статья посвящена исследованию записей на полях (далее ЗНП) как особого жанра естественной письменной речи.

Объектом исследования являются ЗНП как особая разновидность сопутствующих записей. Под записью понимается различного рода начертания – вербальные и невербальные знаки, выполненные на полях конспектов, собственных и библиотечных книг, газет, журналов и других предметов, а также между строк. Функция этого вида естественной письменной речи (далее ЕПР) – выразить реакцию читателя на текст или ситуацию, сопутствующую чтению, восприятию текста. Они представляют собой особую разновидность ЕПР, характеризующуюся общими признаками, характерными для всех жанров ЕПР: «письменная форма, спонтанность и непрофессиональность исполнения» [1, с.6], и частными (отличающими записи на полях от других жанров ЕПР): особый субстрат (поля) и попутный характер записей.

Предметом исследования является жанровая природа записей на полях.

Аспект изучения обозначенного нами объекта ЕПР – жанроведческий, именно «он позволит обозреть определенным образом систематизировать открывшееся перед взором исследователей море разнородного материала, увидеть в нем свою естественную структурность, иерархизированность, в конечном счете – осмыслить его как набор специфических форм коммуникации, выработанных русской народной культурой» [1 с.6].

Исследование проводится на основе самостоятельно собранного материала, состоящего из 9475 единиц. За единицу материала принимается один знак или комплекс знаков, имеющих внутреннюю связь. Материал собран в течение 2013–2017 годов. Источником материала служат конспекты студентов, школьные тетради, учебники, личные книги и книги из библиотек, газеты, журналы. Метод сбора материала – метод сплошной выборки.

Анализ жанровой релевантности различных признаков записей на полях книг и тетрадей проводится на основе методики, предложенной в работе Н. Б. Лебедевой и А. С. Юркевич «К методике жанрового определения текстов естественной письменной речи» [2, с.184]. Данная методика состоит из ряда этапов. Первым этапом работы является описание разновидности ЕПР как явления. В Лаборатории ЕПР в КемГУ разграничивается явление ЕПР как разновидности и явление ЕПР как жанра. Жанр – это величина поисковая. Частотность становится тем параметром, благодаря которому явление ЕПР выделяется из ряда других на первом этапе работы. Следующим шагом является доминантно-детерминантная методика, «суть которой заключается в выстраивании признаков в детерминационную цепочку, то есть в отношения обусловленности, когда один признак является доминантом по отношению к другому, детерминированному им». Следующим шагом является методика полевого подхода. Методика полевого подхода – это выстраивание всех признаков в иерархическую структуру с точки зрения жанровой релевантности. На данном этапе выделяются «жанрообразующие (жанроконституирующие) признаки (они являются ядерными, облигаторными,

дифференциальными), частотные факультативные (необлигаторные)» и «случайные факультативные» [2, с.185].

На первом этапе исследования был проведен опрос, с целью выяснить насколько в сознании носителей языка представлена модель жанра ЕПР. Как показывает наблюдение, записи на полях частотны, встречаются у представителей разного возраста, разных профессий. А также обладают функциональным, структурным и семантическим единством.

Определим ядерные (доминантные) признаки жанра записи на полях. Адресат ЗНП разный в зависимости от его открытости/закрытости субстрата. Если тексты располагаются на закрытом субстрате – личной книге или конспекте, то адресатом может стать ограниченный круг читателей: случайно заглянувший человек или лицо, которому доверяет автор. При общедоступности субстрата (библиотечная книга) адресат неиндивидуальный, неэксплицированный полиадресат (*«Приветствую тебя, читатель», «М, обрати на это внимание», «Как дела народ???», «Ребята, читайте книги вовремя», «Кому лучше сдавать экзамен*???», *«Когда же эта дурацкая песнь кончится?!! У меня сегодня ЗАЧЕТ в 14:00, сейчас сижу и читаю, вот черт, я его сдам!!!»*.) Субстрат не предназначен для любых записей и является открытым для посторонних. Основная цель подобных записей – отвлечение от базовой деятельности и сбросить накопившееся напряжение. Ценностное отношение к такому явлению, как ЗНП, неоднозначно: меняется от критически отрицательного до положительного.

Таким образом, ЗНП – это несанкционированные записи, имеющие попутный характер по отношению к основному содержанию книги, тетради, сделанные на полях, на открытом субстрате, созданные с преимущественно с фатической целью, выражающие переживания, который характеризуется смешением семиотических кодов, неоднозначной социальной оценкой. Доминантными признаками ЗНП являются субстрат и категория попутности. При замене доминантного признака написанное становится другим жанром. Замена эмоциональной доминанты, гендерных особенностей, признака креолизованности не разрушит жанр.

При изменении субстрата теряется специфика жанра: если запись «Люблю филфак!» перенести с полей учебника по современному русскому языку на парту в аудитории, то мы получим другой жанр – студенческое граффити. Доминантные признаки детерминируют остальные признаки, которые составляют периферию жанра: тип автора (релаксирующий школьник или студент *(«Хочу спать», Домоооой);* человек, рефлексирующий о прочитанном *(«О чем эта глава?», «она не права», «нет итога в написанном», «подписываюсь под каждым словом»)*, возможность связи с базовым текстом, тематический тип (выражение своего отношения к автору основного текста *(«хорошо сказано!»*), героям произведения *(«Сатин умен»),* личные интересы автора («*Сдать к четвергу»*), эмоциональные высказывания, грубые высказывания относительно других факультетов *(«Юрфак-козлы»),* признания в любви *(«Миша, я люблю тебя!»)* и т. д.).

В ходе исследования были выделены два поджанра записей на полях: записи на полях тетради и записи на полях книги. Последний поджанр реализуется в двух вариантах: записи на полях библиотечной книги и записи на полях личной книги, которые по цели и функции близки к записям на полях тетради.

Литература

1. Лебедева, Н. Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования / Н. Б. Лебедева // Вестник БГПУ – Вып. 1. – 2001. – С. 4–10.

2. Лебедева, Н. Б. К методике жанрового определения текстов естественной письменной речи (на примере жанра «еженедельник») / Н. Б. Лебедева, А. С. Юркевич // Язык города [Текст]: Материалы Международной научно-практической конференции (8-9 ноября 2007 г.) Бийский пед. гос. ун-т им. В.М. Шукшина. – Бийск: БПГУ им. В.М. Шукшина, 2007. – 326 с.

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ СЛОВА *THOUGH* В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Желонкина Тамара Петровна
Россия, Калининград, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Институт Гуманитарных наук, zheltoma@mail.ru

В статье затрагивается одна из спорных проблем – проблема классификации частей речи. Особенности состава служебных частей речи в современном английском языке, размытость границ их значения и специфика их употребления служат основанием для рассмотрения использования *though* как пограничного случая, что проиллюстрировано примерами из British National Corpus. Неопределенность его статуса имеет место и в русском языке.

Ключевые слова: служебные части речи, союзы, наречие, междометие, частицы.

В грамматике современного английского языка существует деление частей речи на знаменательные и служебные. К служебным (functional words) относят, как правило, артикли, союзы, частицы, предлоги, междометия и другие.

Принято считать, что «слово как языковая единица – это грамматически (морфологически и/или синтаксически) оформленный знак коммуникативной системы человека, аккумулирующий отражение предметно-понятийной стороны действительности путем называния ее или указания на нее и предназначенный для передачи определенной информации на правах самостоятельного элемента высказывания» [6, с.16].

В этом ракурсе из числа служебных слов наибольший интерес представляет английское слово *though***.** В данной статье делается попытка рассмотреть проблемы, связанные с ним.

Словарь дает английскому слову *though* следующие толкования: союз со значениями «хотя, несмотря на»; «однако» и наречие со значением «тем не менее» [11]. *Each pattern seems to have grown up for extraneous,* ***though*** *important, reasons to do with institutional or occupational history*. В этом примере союз *though* является частью парантезы. Использование *though* в качестве союза может иметь следующие разновидности: *as though, even*

though. Father ceased trading. It was ***as though*** *the weight of worry was lifted.* Как союз *though* используется в условных предложениях*: Look after our children.* ***Even though*** *I go, I will help you support them.* Пример использования *though* в качестве наречия – *Yeah, I'm trying to get rid of it, but more left* ***though***. Аналогичный пример: *Yes, put it on the shelf* ***though.*** В таких предложениях *though* выступает как аналог русского «ну, ..». Напр., *Ну, как тебе объяснить. Ну, что делать*.

Очень интересен нижеследующий пример: *I quite like them. Yep, not a lot of meat in them* ***though*** *is there?* Здесь *though* не выступает ни в роли наречия, ни в роли союза. Можно ли считать данное употребление *though* междометием? Ведь оно несет информацию, пусть и неясно выраженную. *She was finished today,* ***though.*** *She'd had enough. This inquiry was getting to her.*

Обратимся к дефиниции части речи – «междометие». Лингвистический энциклопедический словарь: «Междометия – это класс неизменяемых слов, служащих для нерасчлененного выражения эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность» [5, с.290].

По мнению И. П. Ивановой, междометия, как и наречия, следует отнести к служебным частям речи, вместе с частицами, на том основании, что они не имеют самостоятельного статуса [3, с.91].

Междометие – это часть речи, которая выражает, но не называет различные эмоции [4, с.208].

Известный лингвист Анна Вежбицка считает, что an interjection can be defined as a linguistic sign expressing the speaker's current mental state (1) which can be used on its own, (2) which expresses a specifiable meaning, (3)which does not include other signs (with a specifiable meaning), (4) which is not homophonous with another lexical item that would be perceived as semantically related to it, and (5) which refers to the speaker's current mental state or mental act [8, с.164]. (Междометие – это лингвистический знак, выражающий ментальное состояние говорящего, 1) который может использоваться отдельно ото всех, сам по себе. 2) который передает особое значение, 3) который не включает другие знаки (с особым значением), 4) который не является омофоном иной лексической единицы, которая будет восприниматься как

связанная с ним, и 5) референтом которой служит теперешнее ментальное состояние говорящего или ментальный акт (Перевод наш).

Приведенные дефиниции обнаруживают противоречие: с одной стороны, междометие – это лингвистический знак, который не имеет референта, и потому его не относят к классу слов. А с другой стороны, исходя из процитированных дефиниций, мы обнаруживаем, что в качестве референта у междометия может выступать ментальный акт или ментальное состояние. А ментальный акт или ментальное состояние вербализуются в процессе общения, становясь лексемой. И, таким образом, междометие становится словом. Интересен тот факт, что английское слово interjection переводится как 1) восклицание, 2) междометие (с пометой «граммат»).

Анализ теоретического материала обнаруживает: очень разные элементы охватываются единым обобщающим термином «междометие». Термином «междометие» называют восклицания (англ: alas; wow, русск: ох, ах), конвенциональные этикетные выражения\формулы (здравствуйте; hi, hello), частицы (даже, even) – но с оговоркой, что это маленькое слово синтаксически зависит от других элементов в предложении. На наш взгляд, едва ли правомерным будет отнесение всех трех вышеупомянутых составляющих в раздел «междометие» в силу их разной смысловой нагруженности, их роли в рамках всего высказывания\ предложения. Напр., восклицанием можно отчасти передать смысл целого предложения, а вот частицей – невозможно.

Итак, междометие тяготеет к разряду слов, но словом его не считают. Одни рассматривают междометия как «не-слова» (non-words) и не относят их ни к одному классу слов на том основании, что они не являются отдельной частью речи и что референтом междометия являются ситуации, момент выражения эмоции, состояние [9, с.125]. По мнению других, у междометий нет денотата и морфологически междометия не имеют дериватов, окончаний [5, с.290]. По этой причине, междометия следует отнести вместе с частицами в один класс слов. Многообразие точек зрения говорит о трудности четкого разграничения всех компонентов. Например, междометия, частицы относят к

несловесным частям речи, поскольку эти части речи не имеют статуса слова. [6, с.17]. Междометие считают заменителем целого предложения [9, с.140], поскольку это – не слово, а элемент синтаксиса. Возможно, по этой причине таким термином обозначают и уровень слова, и уровень предложения.

В современной лингвистической литературе отмечается, что «междометия – это не слова, а элементарные нечленимые высказывания» [6, с.17]. Вероятно, *though* в следующем примере служит высказыванием, передает некое эмоциональное отношение, несет какую-то эмоционально-оценочную информацию: *All that aside, **though**, this should give us a lot more loose rein here.* «Значение этих маленьких словечек – междометий – лексически как бы и не выраженное, тем не менее, в каждом случае ограничено некоторым набором смысловых, точнее эмоциональных, ситуаций возможностей употребления междометий…» [2, с.121]. *Yeah, yeah. Okay. Well erm. This has been quite helpful **though**. I do feel that. Cos what you have done then is that.* «С опорой на содержание и общую эмоциональную окрашенность речи одно и то же междометие может выражать» различные эмоции [5, с.290].

Поскольку междометие не имеет лексического значения, междометием может быть обозначена любая эмоция, любое чувство – отсюда его референциальная неопределенность, размытость значения – как в случае с *though*. Неопределенность, расплывчатость значения, возможно, снимается, разъясняется контекстом, подсказывается ситуацией употребления. А в случае со словом *though* – при отсутствии у него иного общепринятого значения, отличающегося от тех двух значений, упомянутых выше, у него, возможно, возникает более глубокий, скрытый смысл – некое особое значение этого слова, обусловленное ситуацией его употребления. *It's all your fault. We are having chips but it's not **though**, it's not, it's her fault for being so bloody stupid.* Но в других контекстах это особое значение *though* может изменяться, становится другим, но тоже не совсем ясным, невыраженным отчетливо [7, с.350]. *A long time before we get another chance, **though**, isn't it **though**? – That's just the way things have been set up.* Что хотел сказать говорящий, какие эмоции овладели им, что он не смог выразить иными словами, кроме

употребления *though* дважды, – остается неясным. При этом, нужно отметить, что пунктуационно *though* лишь иногда выделяется запятыми. *Nigel's. Yeah. There's not that much there* ***though*** *is there? – There's enough. – Really? – Yeah.* В английском / британском национальном корпусе такие примеры даны с пометой «conv(ersational)» [BYU – BNC]. *It has never stopped you before. Mmm. Not right now* ***though.*** *Oh.*

Отсутствие четко обозначенного объема значения у слова *though*, возможно, служит причиной для его использования как «пустого» слова – слова заполнителя паузы. Такие слова называют discourse particle и определяют их следующим образом: «это лексема или частица, не имеющая непосредственно в контексте предложения собственного значения, а выполняющая скорее прагматическую функцию – она передает отношение говорящего к предмету его высказывания» [1]. Возможно, междометие *though* ведет себя как заполнитель паузы (pause filler), подобно другим, использующимся в аналогичной ситуации.

Исходя из значения предложений, содержащих *though*, попытаемся выделить различные смысловые употребления данного междометия.

The round tea-bags – they are nearly all round now, ***though****, aren't they?* Возможно, в этом предложении слово *though* приобретает значение «переспрос», что подкрепляется использованием конструкции *aren't they* и вопросительной формой предложения. Выше упоминалось, что для *though* присущ синкретизм ролей.

Yeah, I saw him around as well. It was so dodgy ***though*** *cos all the black kids you know and they were going no man you.* Употребление междометия *though* в данном примере очень напоминает парантезу.

The only man that glittered like gold on Sunday ***though****, was goalic Hammond.* Встречаются предложения, в которых трудно вычленить конкретное значение though, как, например, в приведенном примере. Возможно, это этап в переходе от конкретного значения (союз \ наречие) к значению, где прагматическая установка использования этого слова в

коммуникации вытесняет конкретность и порождает значение неопределенности у *though* .

Just a little funny. I don't mind ***though*** *– I'm going to be home soon. I got to remember the name.* Возможно, здесь это слово употреблено, чтобы передать значение уступки.

He knew you were there ***though*** *– Yeah, he knew we were there, he was responding.* Междометие *though* выступает в этом и в последующих предложениях в роли «пустого» слова, заполнителя паузы (pause filler).

Their conclusion has a much wider use, ***though****, than on the soccer field. It can be applied to any arena.*

Использованное фонетическое средство (pause filler) – типичная черта стиля коммуникации англичан [1]. Этот своеобразный маркер дискурса объединяет как эксплицитный, так и имплицитный способ передачи смысла сказанного. Он встречается в текстах разного рода. Как в нижеприведенном: *The spirit of the poll tax,* ***though****, threatens to live on. Some Conservatives members of Parliament would like to retain it.* Так и в последующем примере: *You have nowhere else to go. The desert has ways of showing,* ***though****, that exploitation is even more, more difficult than is at first apparent.*

Синкретизм ролей, исполняемых междометием *though* в коммуникации, приводит к «размытости», нечеткости значения, к необходимости контекста для его понимания. Как отмечают В. Ивэнз и М. Грин, «vague meaning of expression is characterized by a lack of conventional sense distinction. It emerges from "on-line"processing» [7, с.353**].** (Причина размытости значения употребленного слова обусловлена отсутствием у него общепринятых смысловых различий. «Некое» значение неожиданно возникает в момент использования его в разговоре, в процессе общения – перевод наш).

Материал исследования показывает, что междометие *though* становится частотным элементом разговорной речи с начала двадцать первого века. И в этом оно уподобляется употреблению английского слова *well*.

Пунктуационное оформление английских предложений, содержащих междометие *though*, не имеет определенных закономерностей. В статье мы следовали правилу – полностью и

точно воспроизводить пунктуацию каждого предложения, заимствованного из Британского корпуса. При этом, в иллюстративном материале, использованном в данной статье, встречались одинаково часто как случаи выделения запятыми слова *though*, так и случаи отсутствия пунктуационного выделения: *She likes it then?.....Ooh yeah! I still like the cabinet* ***though****, yes!*

В заключение следует сказать, что вышеописанное употребление междометия *though* служит подтверждением тому, как развиваются и усложняются смысловые возможности языка.

Литература

1. Белицкая, А. А. Хезитационные паузы в устной речи англичан / А. А. Белицкая // Филология и литературоведение. – 2014. – № 2. [Электронный ресурс]. – URL: http://philology.snauka.ru/2014/02/698 (дата обращения: 25.03.2017).
2. Золотова, Г. А. Слово, предложение и текст / Г. А. Золотова // Слово и предложение: исследования по русскому языку и методике преподавания: Сб. науч. ст. в честь 70-летия проф. В. П. Проничева. – СПб.: 2007. – С. 119–126.
3. Иванова, И. П. Теоретическая грамматика современного английского языка / И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г .Г. Почепцов. – М., 1981. – 285 с.
4. Каушанская, В. Л. Грамматика английского языка / В. Л. Каушанская и другие. – Л.: Просвещение, 1973. – 319 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / Главн. редактор В. Н. Ярцева. – 2-е издание. – М.: 2002. – 709 с.
6. Шарандин, А. Л. Слово в аспекте знаковой теории языка / А. Л. Шарандин // Слово и предложение: исследования по русскому языку и методике преподавания: Сб. науч. ст. в честь 70-летия проф. В. П. Проничева. – СПб.: 2007. – С. 9–19.
7. Evans, V. and Green, M. Cognitive Linguistics. An Introduction / V. Evans, M. Green. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. – 830 p.
8. Wierzbicka, A. The Semantics of Interjection / A. Wierzbicka // Journal of Pragmatics, 1992, 18. – PP. 159–192
9. Wilkins, D. Interjections as Deictics / D. Wilkins // Journal of Pragmatics – 1992, 18. – PP. 119–158
10. Британский национальный корпус (BYU–BNC) [Электронный ресурс] – URL: http://corpus.byu.edu/corpora.asp
11. Оксфордский словарь [Электронный ресурс] – URL: http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/round

О КОНЦЕПЦИИ «РУССКОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ КРЫМА»

Забашта Роман Валентинович
Россия, Симферополь, Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», zabrv@yandex.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Русский лингвокультурологический словарь Крыма» № 17-04-00187 (а).

Статья посвящена описанию концепции составляемого коллективом крымских русистов «Русского лингвокультурологического словаря Крыма», в частности, характеристике функционально-семантического подхода, позволяющего выявить особенности отражения русской картины мира в языковой составляющей лексикона русскоговорящего населения Республики Крым на современном этапе.

Ключевые слова: русский язык, языковая ситуация в Республике Крым, лингвокультурологический словарь, русофония, семантема.

Онтологическая связь языка, культуры, национального менталитета прочно вошла в область интересов современной лингвистики. Исследование именно такой связи признается одним из важнейших способов построения моделей, отражающих реальное функционирование русского языка в определенном регионе во всем многообразии его бытия в качестве средства осуществления социального взаимодействия (труды В. В. Красных, Ю. С. Степанова, В. Н. Телия, Н. И. Толстого и др.). Вместе с тем специфика языкового сознания граждан, проживающих в полиэтническом государстве, складывается, с одной стороны, на основе культурно-исторического фона через его трансляцию из поколения в поколение, с другой, – с опорой на контакты (в том числе межъязыкового характера) с представителями иной лингвокультуры.

Республика Крым, в отношении исследования доминант языкового сознания и их лексикографического описания, представляет несомненный интерес, поскольку наиболее важными факторами, обусловливающими регионализацию русского языка в Крыму, являются межъязыковое

взаимодействие (прежде всего русско-украинское и русско-крымскотатарское), влияние южнорусской языковой стихии, культурно-историческая архитектоника региона, его территориально-административное своеобразие, а также культурно-психологическая значимость определенных концептов для носителей русского языка Крыма. Таким образом, актуальной задачей русистики в Республике Крыма является составление сводного русского лингвокультурологического словаря, репрезентирующего данного рода информацию.

Цель предлагаемой статьи заключается в описании концепции «Русского лингвокультурологического словаря Крыма», в частности, характеристике функционально-семантического подхода, позволяющего выявить особенности отражения русской картины мира в языковой составляющей лексикона русскоговорящего населения Республики Крым на современном этапе.

Обращаясь к рассмотрению вопроса о специфике языкового сознания крымчан, следует отметить те факторы, благодаря которым население Крыма после 1991 г. по сегодняшний день сохранило свой русскоязычный облик. Так, «несмотря на постсоветский курс украинизации, жители Крыма сохранили в качестве национального достояния знание и употребление русского языка наряду с обретением второго, а в некоторых случаях и третьего языка. Мало кто из исследователей языковой и этнополитической жизни крымчан задумывался над тем, на каком основании именно в Крыму, несмотря на различные формы и типологию двуязычия, сохранилась русскоязычная среда лучше, чем в остальных регионах Украины, в т.ч. юго-восточных и южных областях. <…> О масштабах реального двуязычия, если судить о них по самооценке крымчан, свидетельствуют данные этносоциологического опроса, проведенного в Симферополе и в прилегающих к нему поселениях в 2012–2013 гг. К числу позитивных показателей языковой жизни симферопольцев, в частности, можно отнести тот факт, что 64% русского населения сохранили русский язык и одновременно владели украинским языком, в т.ч. около 15% «свободно говорили, читали и писали» на нем и еще около 46% могли разговаривать и читать, хотя

думали при этом на русском или каком-либо ином языке» [3, с.4–5]. Следовательно, крымчане в значительной степени сохранили русскоязычный облик, однако в период с 1991 по 2014 гг. фактически были лишены полноценного коммуникативно-цивилизационного контакта с ментальным пространством России, отсутствие которого не могло не сказаться на языковом сознании жителей полуострова. При этом на русского языковое сознание в указанный период времени активно воздействовали украинская, крымскотатарская и некоторые другие ментальные стихии, образуя уникальное лингвокультурное пространство.

Е. А. Оглезнева отмечает, что специфика русского языка в регионе связана прежде всего: «1) с диалектным влиянием, проникающим в различные сферы речевой коммуникации и обусловливающим довольно широкое распространение некоторых диалектных лексем, а также диалектных фонетических особенностей; 2) с наличием в региональной речи особых терминологических лексических систем, обусловленных развитием актуальных для региона промыслово-хозяйственных и других областей деятельности; 3) с геополитическим фактором, определяющим, например, источники заимствований из других языков в регионе; 4) с возможностями самой языковой системы, ведущим к своеобразной, своеобычной реализации, что проявляется, например, в лексических новообразованиях» [5, с.20]. Отметим, что Крым не является национальной республикой, поэтому в русской речи носителей языка могут проявляться не только слова-экзотизмы, отражающие местные реалии, номинации лиц и реалий русской, крымскотатарской, украинской культур (отчасти караимской, немецкой, армянской, еврейской и др.), но и единицы, позволяющие судить о сформированных языковых компетенциях, связанных с жизнью в полилингвокультурных условиях, например, территориально-ограниченные, бытовые и актуальные (межрегиональные) ксенизмы.

Для описания языковой ситуации и особенностей функционирования русского языка крымские лингвисты используют такие термины, как русофония, полилингвокультурная ситуация, полиязычие. В данных исследования основным посылом выступает мысль о том, что

«феномен Крыма включает концептуальную картину мира всех населяющих его граждан, что делает языковую картину, а вместе с ней и языковую ситуацию, специфической и многомерной» [8, с.14].

В наших работах мы используем термины концепции георусистики, основные положения которой изложены в исследованиях А. Н. Рудякова: «Русский язык сформировал русофонию – огромный планетарный языковой мир. Изучение этого мира, его внутреннего устройства, взаимодействия с другими языковыми мирами является, на наш взгляд, объектом изучения георусистики <…>. Структура русофонии включает центр, ядро и обширные периферийные зоны. Граница между ядерной и периферийной частями любого языкового мира формируется, на мой взгляд, двумя параметрами: «родной/выученный», с одной стороны, и «государственный/негосударственный», с другой» [6, с.32].

В современных условиях русофония становится подвижной системой: распространение русского языка и его адаптивные свойства к локальным условиям (как в Российской Федерации, так и за рубежом) обусловлены отношением к русскому языку и его статусностью. Особое значение данные показатели имеют в так называемой «полилингвокультурной ситуации» (Г. Ю. Богданович), когда на одной территории, имеющей особую историко-культурную архитектонику, функционирует несколько взаимовлияющих друг на друга языков. В результате такого взаимодействия в ядерной части русофонии развиваются региональные варианты языка в том случае, если для большей части населения данной территории русский язык является родным, в том числе в условиях иноязычного окружения (для Крыма – украинский и крымскотатарский языки). Соотношение ценностных частей русофонии до сих пор не описано русистами, однако предложено общее понимание возможных границ: «Очевидно, что в разных подсистемах Русофонии интенсивность использования русского языка варьируется: где-то – это главное и единственное средство коммуникации, что свойственно центру системы, где-то – главное, но не единственное, что свойственно

ядру системы, а где-то – неглавное и неединственное, что свойственно ее периферии» [6, с.8].

Как отмечает Б. В. Тарев, «диалог культур в лексикографии может быть исследован через призму специфики особого жанра – словаря лингвокультурем. Описывая в лексикографической форме культурный компонент словаря определенного языка, он участвует в своеобразном моделировании межкультурного пространства общества и влияет на развитие современной поликультурном личности» [9, с.394]. В 2014 г. начался процесс качественной трансформации русофонии в Крыму: сегодня нормы речевого поведения крымчан изменяются в направлении от норм украинского варианта русского языка к нормам современного российского варианта, что является следствием смены статуса русского языка в Крыму: из ближней периферии русофонии в ее ядерную часть (формула «главное, но не единственное средство социального взаимодействия»). Именно в этот исторический период важно описать ядерные «лингвокультуремы» крымского региона.

По справедливому замечанию М. Л. Ковшовой, «основной объект лингвокультурологии – языковой знак разной протяженности – исследуется в его особой, культурной, знаковой функции. Эта функция видится в способности языкового знака содержать в своей семантике культурные смыслы и транслировать их в речи, достигать тем самым значимости эталона, символа, стереотипа, концепта…» [4, с.49]. Применительно к функциональному пониманию лингвокультуремы, коллективом крымских русистов была разработана концепция «Русского лингвокультурологического словаря Крыма».

Основные положения концепции «Русского лингвокультурологического словаря Крыма» могут быть описаны в следующих позициях:

1) лингвокультурологическое описание региональной лексики – это лексикографическое описание единиц, использование которых маркировано либо культурно-историческими признаками региона, либо территориально-административными признаками, либо культурно-

психологической значимостью для носителей русского языка Крыма;

2) словарь одноязычный, включает как литературную лексику, так и регионализмы, жаргонизмы и неологизмы, в том числе онимы, имеющие особую лингвокультурную значимость для языкового сознания крымчан;

3) адресован филологам, культурологам и всем, кто интересуется живой речью Крыма и его социокультурным своеобразием;

4) словарь имеет два входа: алфавитный и идеографический;

5) объем словаря определяется выборками из текстов (русская классическая литература, современная публицистика Крыма, разговорная речь и просторечие), фактов живой речи и данными экспериментальных исследований; предположительный объём словаря – 800–1000 словарных статей;

6) в функции «лингвокультуремы» и единицей словаря выступает *семантема* – единство языкового понятия и словесных средств его экспликации [7], т. е. лексикографическое описание предполагает оперирование 3-мя лингвистическими сущностями: языковым понятием, знаковой единицей (слово, устойчивое словосочетание, оним) и позицией номинации (комплекс условий, которые обусловливают использование данного знака или его восприятие носителями русского языка).

Приведем примеры семантемных статей составляемого словаря.

‘Практика самовольного занятия земельных участков в Крыму, осуществляемая начиная с 90-х годов XX века преимущественно представителями крымскотатарского народа, а также сам незаконно присвоенный такой земельный участок’ – ***самозахват***, *публ., разг.,* жаргонизм; образовано от «самовольный захват земельного участка»; тематические группы «Деятельность», «Функциональное пространство»; ср. ***земля***; иллюстр.: *Муниципальные комиссии формируют перечень земельных участков под самозахватами, составляют списки нуждающихся граждан и определяют массивы, подлежащие бесплатному распределению. Окончательное решение по*

предоставлению участков принимает республиканская комиссия [1].

‘Ситуация, возникшая после присоединения Крыма к России в 2014 г. и положительно оцениваемая со стороны тех или иных субъектов общественно-политического дискурса, а также само положительное отношение к данному историческому событию’ – ***Крымнаш***, *публ., общест.-политич., разг.*, неологизм; образован путем синтаксического словосложения от лозунга (предложения) «Крым наш!», тематические группы «Политика», «Общество», «Субъекты Российской Федерации». Иллюстр.: *– Вы разошлись из-за событий на Украине? – Не только. Мы не договорились по ряду технологических моментов, еще до мировоззренческих конфликтов. «Крымнаш» просто закрепил идеологические отличия* [2].

Как видно из примеров, зона вокабулы подается после зоны дефиниции, что обусловлено идеографической макроструктурой словаря, алфавитный указатель выполняет вспомогательную функцию.

Несомненный интерес представляют единицы, использование которых маркировано либо культурно-историческими признаками региона, либо территориально-административными признаками (например, топонимы: *Аю-Даг*, *Ласточкино гнездо, Массандра, Коктебель* и т.п.), либо культурно-психологической значимостью для носителей русского языка Крыма (например, *ватник*, *укроп*, *блэкаут, вежливые люди, Крымский мост, Крымская весна, крымнашевец, Аксёнов,* слоган-хэштег *«КрымНаш», «КрымРоссияНавсегда»,* прецедентные фразы: «*Крым и Севастополь возвращаются в родную гавань*», «*Скажи мне, чей Крым, и я скажу, кто ты*» и др.). Подобное описание позволит представить все основные региональные особенности использования русского языка в многонациональном Крыме.

Выводы. 1. Крымское языковое сознание в настоящее время переживает в полной мере важнейший период саморефлексии, стимулирующий исследование особенностей картины мира русскоговорящих в ненациональной республике и речевого поведения носителей русского языка в целом.

2. «Русский лингвокультурологический словарь Крыма» призван описывать следующую информацию: национально маркированную лексику, использование которой обусловлено этническим составом полуострова; варианты слов и устойчивых словосочетаний как результат дивергентных процессов по отношению к другим формам русского национального языка (прежде всего литературной и просторечной); культурно и исторически значимую для общенародного языка лексику (например, прагматонимы, онимы, обозначающие реалии Крыма и зафиксированные в текстах классической русской литературы); единицы, характеризуемые культурно-психологической значимостью для носителей русского языка Крыма (по результатам психолингвистических экспериментов).

Составление «Русского лингвокультурологического словаря Крыма» имеет не только теоретическое значение для русистики, но и прикладное, а именно: приобщение всех русофонов к истории, культуре и современным реалиям Крыма.

Литература

1. В Крыму будут легализованы самозахваты [Электронный ресурс] – 30 июля. – 2014. – Режим доступа URL: http://www.3652.ru/news/587150 (дата обращения 25.09.2016).

2. Голубева, А. «Мы не ставим перед собой задачи адекватно оценить реальность» [Электронный ресурс] / А. Голубева, Е. Петров. – Режим доступа URL : http://www.colta.ru/articles/media/3331 (дата обращения 15.08.2017).

3. Губогло, М. Н. Языковая жизнь и региональная идентичность крымчан – оплот антиукраинизации (из опыта этносоциологических исследований в Крыму 2013 г.) / М. Н. Губогло, Р. А. Старченко // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М., ИЭА РАН, 2014. – Вып. 239. – 72 с.

4. Ковшова, М. Л. Словарь лингвокультурологических терминов: идея, принципы, схема, опытный образец / М. Л. Ковшова // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / Редкол. М. Л. Ковшова, В. В. Красных, А. И. Изотов, И. В. Зыкова. – М. : МАКС Пресс, 2013. – Вып. 46. – С. 48–56.

5. Оглезнева, Е. А. Дальневосточный региолект русского языка как региональный вариант русского национального языка / Е. А. Оглезнева // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. – 2013. – Вып. 10. – С. 20–37.

6. Рудяков, А. Н. Георусистика: русский язык в глобальном мире / А. Н. Рудяков. – М. : ЛЕКСРУС, 2016. – 320 с.
7. Рудяков, А. Н. Лингвистический функционализм и функциональная семантика / А. Н. Рудяков.. – Симферополь : Таврия-плюс, 1998. – 224 с.
8. Современная картина мира: крымский контекст : коллект. моногр. Кн. 1 / Т. В. Аржанцева, Г. Ю. Богданович, С. С. Дикарева и др. ; [под ред. Г. Ю. Богданович]. – Симферополь, 2017. – 382 с.
9. Тарев, Б. В. Лингвокультурологический словарь как отражение диалога культур / Б. В. Тарев // Функциональная лингвистика. Научный журнал. – №5. – Симферополь, 2013. – С. 393–396.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ОТСЫЛКИ В СТИХОТВОРЕНИЯХ ИЛЬИ СЕЛЬВИНСКОГО

Игнатов Кирилл Юрьевич
Россия, Москва, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
kirill72@yahoo.com

В статье приводятся результаты сплошного анализа репрезентативного корпуса стихотворений Ильи Сельвинского с целью классификации по типам референтов интертекстуальных отсылок, т. е. актуализированных в тексте обращений к объектам внеязыковой реальности. Структура референтов отсылок может быть использована как один из показателей авторского стиля.

Ключевые слова: интертекстуальность, поэзия, Сельвинский, референт, отсылка, стиль.

Исследование построено на материале текстов 247 стихотворений выдающегося советского поэта Ильи Львовича Сельвинского (1899–1968) [5]. В книгу из серии «Библиотека поэта» включены произведения, которые характеризуют разные этапы творческого пути поэта во всей его сложности, противоречивости и многогранности, а поэтому состав стихотворного корпуса можно считать репрезентативным. Ранние варианты стихотворений не учитывались. Входящие в книгу поэмы «Улялаевщина» и роман в стихах «Пушторг» исключены из рассмотрения, поскольку нарративная организация материала предполагает, что отсылки в тексте используются, в том числе, в

функции текстовой связи, а потому они не могут сопоставляться с отсылками в относительно коротких стихотворениях, не выполняющих подобной функции. По той же причине, а также ввиду наличия комментариев и ремарок автора, в материал не включалась и трагедия в стихах «Рыцарь Иоанн».

Под интертекстуальными отсылками понимается непосредственное упоминание имен и неявные аллюзии к объектам, процессам и событиям внетекстовой реальности произведения. Это географические названия, литературные реминисценции, исторические факты, политические имена и события, социальные явления, произведения искусства и бытовые реалии. В самом общем случае – это культура, понимаемая как семиотическая система, в которой любому процессу и результату человеческой деятельности сопоставлено определённое значение.

Интертекстуальные отсылки подобны фразеологизмам, которые А. В. Кунин предложил называть единицами третичной номинации [2, с.159]. Действительно, выражения «ездить в Тулу со своим самоваром», «иерихонская труба» или «аркадская идиллия» – это устойчивые единицы. Изначально же они представляли собой интертекстуальный отсылки к Туле, Иерихону и Библии, а также центральной части Пелопоннеса в Греции, причём аллюзивная связь была устойчивой и понятной. Регулярное воспроизведение этих единиц в речи как целого позволило им перейти в разряд фразеологических единиц. Приведённые примеры являются предельными случаями интертекстуальных отсылок, в целом же интертекстуальные отсылки представляют собой «потенциальные фразеологизмы».

Важной характеристикой авторского стиля может быть не только способ организации и функции отсылки, но и ее референт. Весь набор используемых автором референтов О. Э. Мандельштам метко называл «упоминательной клавиатурой» [3, с.218]. Анализ художественных произведений разных авторов показывает, что выбор категории референта отсылки весьма индивидуален. Особенно важны такие отсылки в стихах, где лексическая ткань предельно стеснена поэтической формой.

Такое понимание интертекста близко теории прецедентных текстов в когнитивной лингвистике. Разрабатывая концепцию языковой личности, Ю. Н. Караулов отмечал, что прецедентные тексты могут существовать, во-первых, в первозданном виде, во-вторых, трансформированными в другой вид искусства или в виде рефлексии на первичный текст, и, наконец, «последний способ следует охарактеризовать как семиотический, когда обращение к оригинальному тексту дается намеком, отсылкой, признаком, и тем самым в процесс коммуникации включается либо весь текст, либо соотносимые с ситуацией общения ... отдельные его фрагменты» [1, с.217]. К прецедентным ученый, в первую очередь, относил тексты литературные, фольклорные, публицистические и политические. Мы же расширяем понятие прецедентного текста на любую единицу неязыковой семиотической системы – человеческую культуру, понимаемую в самом широком смысле как знаковая система.

Явление интертекстуальности, таким образом, трактуется нами исключительно как имманентное свойство литературного текста: его опора в создании художественного образа, передаче идейного содержания и создании эстетического эффекта на прецедентные тексты.

Говоря о «внеязыковой» реальности мы имеем в виду, что для понимания текста, содержащего подобную отсылку, недостаточно знания словарного значения слов, а требуется информация энциклопедического характера. Так, например, в десятом стихотворении венка сонетов «Юность» (1920) Сельвинский пишет: *Я чую зов эпохи молодой / Не потому, что желторотым малым / Полгода просидел над «Капиталом» / И «Карла» приписал в матрикул свой / В честь гения с библейской бородой*. Не только прямые упоминания Библии и фундаментального труда по политэкономии в тексте стихотворения, но и аллюзия на Карла Маркса, «гения с библейской бородой», работают на создание художественных образов и эстетического эффекта. Отсутствие имени собственного, необычность эпитета, поэтичность образа – всё это обретает смысл только с пониманием референта отсылки.

Анализ всего выделенного корпуса стихотворений Сельвинского приводит к выделению 16 групп референтов. К

крупным относятся восемь категорий: топонимы, этнонимы и лингвонимы, эргонимы, реалии, иностранные слова, религиозные источники (включая христианские, исламские, иудейские и прочие), термины, культура. Работа с материалом показала необходимость выделения из группы культурных референтов следующих восьми категорий: история, политика, исполнительское искусство, изобразительное искусство, литература, фольклор, классическая мифология, тексты массовой коммуникации. Таким образом, собственно, в группе отсылок к культуре остались наука (например, в стихотворении «Смерти нет!» приводится цитата из Эйнштейна), философия (Шопенгауэр в «Какое в женщине богатство!») и культурные особенности жизни (в стихотворении «Мотькэ-Малхамовес» упоминается Малхамовес – ангел смерти в еврейской средневековой культуре; «буршами» названы студенты в «Переходниках»). Большинство групп референтов представляются очевидными, поэтому остановимся лишь на некоторых особенностях.

К топонимам относятся все географические названия (например, *Крым*) и производные от них (*крымский*), т. е. как имена существительные собственные, так и образованные от них прилагательные и наречия. Подобным образом, в группу лингвонимов и этнонимов включаются не только имена существительные (*цыгане*), но и образованные от них прилагательные (*советский*) и наречия (*по-русски*).

К изобразительному искусству отнесены живопись, графика, архитектура и скульптура. К исполнительскому искусству – театр, танец и музыка. Термины представлены такими единицами как, например, *брандмауэр*, *триоль*, ‘*pas de six*’ из стихотворения «Лебединое озеро». Многие термины коневодства Сельвинский использует для обозначения цвета, например, *каурый*, *чалый*, *буланый*.

К реалиям относим специфические для определенного социума в определенный исторический период предметы и явления повседневной жизни. Помимо очевидных реалий (обращение *товарищ*, денежная единица – *копейка*, или популярный в начале XX века в России танец *тустеп* в «Кокчетаве»), реалии могут отсылать читателя и к иноязычной

культуре (сандалии *дзори*, императорский титул *микадо* в стихотворении «Сверчок» вводят читателя в мир японской культуры), то есть близки группе культурных отсылок.

Эргонимы представляют собой наименования, закрепленные за зданиями и сооружениями, предприятиями, организациями, которые создаются человеком в процессе хозяйственной деятельности. Например, в строках *Для тебя я – Москворецкий мост, / Планетарий и Большой театр* из стихотворении «Я живу в столице...» три эргонима: мост и два здания.

Одинаково оформленная отсылка в зависимости от контекста может входить в разные группы референтов. Так, например, в стихотворении «Всем! Всем! Всем!» (1957) в строках *Сидел я в кафе. Пил кофе, / Пенку взбивая в крем. / За столом – мой любимый профиль, / За окном – Кремль* за словом *Кремль* стоит комплекс зданий, т. е. референт отсылки относится к эргонимам. В этом же стихотворении в строчке *Несётся призыв Кремля*, очевидно, речь идет о метонимическом изображении советского правительства, сосредоточенного в Москве, поэтому *Кремль* считается отсылкой к географическим названиям.

Отметим, что одна отсылка может относиться к двум референтам. Так, например, в одном из ранних стихотворений Сельвинского «Кредо» в строчке *Нет, не Байрон я, не иной* есть отсылка не только к классику английской романтической поэзии, но также и стихотворению М.Ю. Лермонтова: *Нет, я не Байрон, я другой, / Еще неведомый избранник, / Как он гонимый миром странник, / Но только с русскою душой* (1832). Такие случаи нечасты, но мы считали их как две отсылки. В некоторых случаях одна отсылка может иметь и три референта. Так, парижская гостиница «Истрия» из названия стихотворения “Hôtel ‘Istria’” считается за три: и иностранный язык, и эргоним, и литература (там неоднократно останавливался Маяковский, что важно для понимания стихотворения).

Отметим, что «искаженные аллюзии» также стоит отнести к отсылкам, сделанным *bona fide*, и в этом важное свойство интертекстуальности. Например, фраза *Ака дяка романес* из раннего стихотворения Сельвинского «Цыганская» воссоздает атмосферу «цыганщины», столь популярную в начале XX века в России. Это интуитивно понимает читатель и, вообще говоря, не

так важно, значит ли она хоть что-то по-цыгански или нет. Тот факт, что Матвей Блантер положил это стихотворение музыку, и существует прекрасная запись его исполнения Елены Образцовой, говорят о том, что стихотворение воспринимается как цыганское, то есть отсылка к иностранному языку существует в восприятии адресата независимо от ее объективной обоснованности. Также и в романе «Каторга» (1987) Валентина Пикуля встречается описание: *здесь, в реке Тымь, плавали деликатесные рыбины, на огородах ссыльных вызревали арбузы, а хор ссыльных цыганок распевал для него под звоны гитары «Ака дяка романес…»*. Интересно, что в своих воспоминаниях И. И. Ром-Лебедев, советский цыганский актер, драматург, гитарист и литератор, всю свою жизнь посвятивший цыганскому театру «Ромэн», оставил интересные зарисовки жизни хоровых (т. е. осевших в городе и работающих по ресторанам) и таборных («неиспорченных» городом) цыган до революции. Вот как он описывает будни хора, работавшего в ресторане «Стрельна»: В нашем цыганском доме решались все внутренние дела хора. В гостевом зале разучивались новые песни, романсы. ... Бывало и такое: если цыганка запевала широкую, раздольную таборную песню, ее прерывали: – Что ты, милая, завела «подколёсную»? Не в табор приехала – в Москву!» [4, с.92]. Под цыганскими песнями понимались русские народные песни и романсы, исполняемые «на цыганский манер».

Вместе с тем, аллюзии к «выдуманным» референтом мы не учитываем. Так происходит с «караимским философом Бабакай-Суддуком» в цикле «Анекдоты о караимском философе Бабакай-Суддуке» (1921), но *караимский* считаем этнонимом. В стихотворении «Портрет караимского философа Бабакай-Суддука» (1921) оно используется как название одной из улиц в Евпатории (*Домик по Караимской / Дачка на Альме*) и в этом случае относим его, помимо этнонимов, и к топонимам.

Требует отдельного рассмотрения вопрос об очевидности аллюзий. Например, сонет «Обычным утром в январе...» посвящён читателю и почитателю поэта Владимиру Усову, но даже во время создания стихотворения (1963 г.) он был известен очень узкому кругу друзей и близких, а потому отсылка не

актуализируется. Заглавие стихотворения «Двадцать четвертое октября» называет день рождение поэта, но в самом тексте это не используется. Подобные отсылки мы не учитываем. В то же время стихотворение «Бульдог Бутс» поэт посвящает «Сеттеру Джеку», герою стихотворения Веры Ибнер «Сеттер Джек» 1925 года, в котором преданная собака отправляется однажды в полёт вместе со своим хозяином-лётчиком, и оба погибают в крушении. Между стихотворениями созданы важные переклички, и посвящение «Сеттеру Джеку» следует учесть как литературную отсылку.

Вербализация отсылки может быть разной. Так, в стихотворении «Тинторетто. «Сюзанна в бане»» речь идет о картине «Сусанна и старцы». Несмотря на вербальное несовпадение собственного имени из контекста понятно, что речь идет о полотне живописца венецианской школы эпохи позднего Ренессанса, хранящимся в Лувре, поэтому атрибуция референта однозначна. Заметим, что в данном случае в самом названии три отсылки: две к искусству (одна к художнику, другая – к картине) и одна к христианскому сюжету из Книги пророка Даниила, связанному с Сусанной, несправедливо обвинённой в прелюбодеянии еврейкой из Вавилона.

Собственное имя может быть и искажено в тексте, например «зоилушка» (*А впрочем – пускай зоилушка врёт*) отсылает к греческому философу и критику IV–III веков до н. э. Зоилу, славившегося язвительной и мелочностью. Со времени римских поэтов века Августа, Зоил – нарицательное имя критика завистливого, язвительного и мелочного. Этот пример демонстрирует возможное развитие интертекстуальной отсылки от окказиональной находки до фразеологизма.

Существуют и отсылки без упоминания имени собственного. Так, в «Hôtel ‘Istria’», строчка *Хоть коршуном печень мою расклюйте, / Не отрекусь от огня* отсылает к Прометею, не называя его. Или строки *Редеют наши ряды. / Вот вы. / Ведь вы же искорки ради / Вздымали тонны руды* содержат отсылку к стихотворению «Разговор с фининспектором о поэзии» Маяковского (*Поэзия – / та же добыча радия. / В грамм добыча, / в год труды. / Изводишь / единого слова ради / тысячи тонн / словесной руды*).

Всего в 247 проанализированных стихотворениях было выделено 1199 отсылок. Они содержатся в 172 стихотворениях, т е. средняя степень аллюзивности по стихотворениям составляет 70%, больше 50%, и можно сказать, что для поэзии Сельвинского интертекстуальные отсылки характерны. Выделенные отсылки распределены по 9421 строкам, поэтому степень аллюзивности по строкам, т. е. отношение числа отсылок к общему числу строк в проанализированных стихотворениях, составляет 12,7%. То есть в ста строчках стихотворного текста Сельвинского можно ожидать около 13 отсылок.

На Рис. 1 приведено распределение отсылок по типам референтов. Самый большой сектор, представляющий почти треть всех референтов, – топонимы. Интересно, что их роль еще более возрастает в стихах военной поры. Ещё треть референтов, примерно по 10%, распределена между историческими отсылками, этнонимами и лингвонимами, а также литературными аллюзиями. Далее следуют реалии, иностранные языки и термины, а каждая из оставшихся групп референтов не превышает 5%. В результате анализа получилась своеобразная «культурная ДНК» авторского стиля. В будущем предлагается сравнение полученных результатов для разных авторов и отдельных периодов творчества для выделения индивидуальных особенностей авторского стиля и национальной системы культурно-релевантных прецедентных текстов.

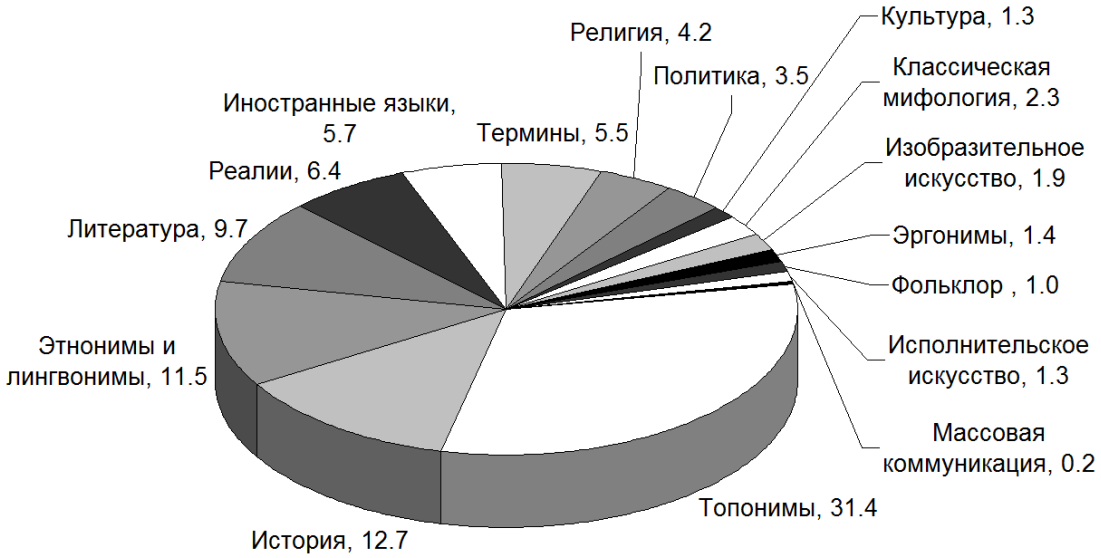

Рис. 1. Распределение интертекстуальных отсылок по типу референтов в процентах, %

Литература

1. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 264 с.

2 Кунин, А. В. Механизм окказиональной фразеологической номинации и проблема оценки / А. В. Кунин // Вопросы фразеологии: сборник научных трудов. – Вып. 168. – М., 1980. – С.158–185.

3 Мандельштам, О. Э. Разговор о Данте / О. Э. Мандельштам. – Сочинения: в 2-х тт. – Т. 2. Проза. – М.: Худож. лит-ра. 1990. – 464 с.

4 Ром-Лебедев, И. И. От цыганского хора к театру «Ромэн» / И. И. Ром-Лебедев. – М.: Искусство, 1990. – 271 с.

5 Сельвинский, И. Л. Избранные произведения / И. Л. Сельвинский. – Л.: Советский писатель, 1972. – 960 с.

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ НАУЧНОЙ РЕЧИ У МАГИСТРАНТОВ (ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ КУРСА «КУЛЬТУРА НАУЧНОЙ РЕЧИ»)

Карякина Мария Валерьевна

Россия, г. Екатеринбург, ФГБОУ ВО «Уральский государственный горный университет», karyakina_m@mail.ru

В статье описан курс «Культура научной речи», способствующий повышению качества научно-исследовательских и квалификационных работ магистрантов технического вуза. Описаны навыки научной речи, последовательно рассмотрены этапы и способы их формирования. Автор опирается на свой опыт преподавания курса.

Ключевые слова: культура научной речи, навыки научной речи, научно-исследовательская работа, магистерская диссертация, научный стиль, научные жанры, редактирование научного текста.

Обязательным разделом образовательной программы подготовки магистров является научно-исследовательская деятельность, а также написание и защита выпускной квалификационной работы. Как справедливо отмечают исследователи: «Молодой ученый, получивший значимый для науки результат, сталкивается со сложной задачей представить этот результат в такой форме, чтобы текст не только адекватно отражал интеллектуальное содержание, но и соответствовал критериям культуры речи в сфере научной коммуникации» [4,

с.5]. Описание проблемы, постановка целей и задач исследования, изложение подходов к решению проблемы, формулирование положений, выводов средствами научного стиля в его устной и письменной форме, а также грамотное написание и оформление научно-практической работы для многих магистрантов технических специальностей, как показывает практика, представляет трудность. На проблемы написания диссертационных работ указывают Н. П. Косарев и М. Л. Хазин: «Соискатели подчас не умеют сжато, логично и аргументированно изложить содержание и результаты своих исследований, что ведет к обилию общих слов, бездоказательным утверждениям, тавталогии, неоправданному увеличению объема диссертаций. В некоторых диссертациях встречаются абсолютно неприемлемые формулировки, большое число стилистических и грамматических ошибок. Серьезным недостатком значительной части диссертаций является склонность к языковым штампам и невыразительный, трудный для восприятия язык изложения материала» [3, с.202]. Причинами указанных недостатков авторы учебного пособия считают невысокий уровень языковой и общей культуры некоторых соискателей, недостаточную требовательность диссертанта к самому себе, а научных руководителей и диссертационных советов – к соискателям.

Для повышения качества подготовки магистрантов в Уральском горном университете с 2012 года апробируется курс «Культура научной речи». Акцент в названии курса сделан именно на культуре речи, так как понятие это многоаспектное, объединяющее этику, коммуникативную прагматику и языковую норму. Дисциплина «Культура речи и деловое общение», которая освоена магистрантами в рамках программ подготовки бакалавров, является базой для данного курса. Для магистрантов объектом изучения становится научный стиль речи. Основной задачей курса является формирование навыков письменной и устной научной речи: умение грамотно создавать и редактировать тексты различных жанров, в соответствии с государственными стандартами и традициями оформлять работу, корректно высказывать свою позицию, задавать вопросы и отвечать на них, вести дискуссию.

На первом этапе обучения магистранты знакомятся с особенностями научного стиля как «одним из функциональных стилей общелитературного языка, обслуживающего сферу науки и производства и предназначенного для передачи объективной информации о природе, человеке и обществе» [6, с.7]. Они учатся выявлять в тексте специфические для этого стиля языковые черты – лексические и грамматические. Обращение к теоретической и практической стилистике позволяет актуализировать имеющиеся лингвистические знания, необходимые на последующих этапах обучения. В рамках данной темы изучается общенаучная лексика и терминология, их происхождение и правописание, делается анализ типичных для научного стиля лексико-грамматических конструкций, обращается внимание на их пунктуационное оформление.

На втором этапе изучается логика научного текста: методы исследования и изложения, композиция, способы связи элементов текста. Сущностным свойством научного текста является системность, обеспечиваемая «смысловой и формальной целостностью, связностью, структурностью, членимостью и иерархичностью» [4, с.46]. Магистрантов важно научить выявлять смысловую структуру текста, т. е. многоуровневую организацию его содержания. Формированию этого навыка способствуют задания на анализ научного текста и составление сложного плана, поиск ключевых слов, на выстраивание логической последовательности предполагаемых пунктов изложения. От понимания структуры эталонного научного текста, невозможного без различения главного и второстепенного, выделения тем, подтем и субтем, магистрантам необходимо дойти до самостоятельного создания гармоничного логически структурированного научного текста. При продуцировании научного текста важно акцентировать внимание на связности текста, которые обучающиеся осваивают путем выявления лексических и грамматических средств связи в готовых текстах и выполнения заданий на связывание неполных предложений в цельный текст.

Создание научных текстов различных жанров – тема третьего этапа обучения культуре научной речи. Вторичные жанры, такие как конспект, реферат (и автореферат), обзор,

аннотация, рецензия, отзыв, опираются на исходные полные тексты и представляют собой их изложение с разной степенью компрессии и оценку. Магистранты осваивают теоретически и практически разные способы компрессии и декомпрессии текста. Продуцирование вторичных текстов связано с пониманием содержания, смысловой структуры исходного текста – навыком, освоенным на предыдущем этапе. «Компрессия основана на раскрытии смысловой структуры текста-первоисточника и выделении в нем основной информации. Только тот текст по-настоящему осмыслен, основное содержание которого можно выразить в сколь угодно сжатой форме» [6, с.184]. Написание оригинального текста, в котором излагаются собственные наблюдения и мысли автора, благодаря изучению предыдущей темы, уже не приводит, как правило, к затруднениям. Внимание акцентируется на жанровых особенностях таких текстов (научная статья, диссертация) и индивидуальном авторском стиле (идиостиле).

В научном тексте гармонично сочетаются стереотип и творчество. Как отмечают в монографии «Идиостилистика научной речи» М. П. Котюрова, Л. С. Тихомирова, Н. В. Соловьева, «индивидуальные особенности стиля изложения наиболее заметно обусловлены стилями мышления» [5, с.8] и «воплощением результатов мышления в научных сочинениях» [2, с.164]. Особенности индивидуального стиля письменной речи ученого, по мнению М. П. Котюровой, Л. С. Тихомировой, Н. В. Соловьевой, соотносимы с такими свойствами речи, как:

– плотность содержания текста;

– логичность, связность и диалогичность речи;

– тональность речи.

Магистрантам необходимо освоить стереотипы научной речи, но уметь их использовать творчески, не избегать образности, выразительности, поскольку «выразительность языка научного документа относится к тем его качествам, которые ускоряют и облегчают восприятие мысли, логических рассуждений и доказательств автора. Желание передать в небольшом объеме большое содержание может быть

удовлетворено тем полнее, чем грамотнее и своеобразнее авторский слог» [1, с.98].

Естественным продолжением курса является изучение темы «Редактирование научного текста». Магистранты приходят к пониманию чрезвычайной важности и сложности саморедактирования. Для успешного выполнения задачи редактирования текста необходимо знать этапы редактирования, параметры, которые отслеживаются на различных этапах, частотные ошибки. Практическая работа по данной теме представляет собой тренинг. Навыки редактирования отрабатываются сначала на монозадачах (на поиск и исправление конкретных ошибок, погрешностей) в дотекстовых единицах (словосочетаниях, предложениях), затем даются комплексные задания, содержащие разнотипные недочеты. Редактирование текстовых единиц, к которым относят сложное синтаксическое целое, в научных текстах обычно равное абзацу, – наиболее трудная задача. «В контексте одного предложения либо – еще у́же – словосочетания такие отклонения от научно-стилевой нормы оказываются незамеченными. Напротив, только в широком контексте и можно обнаружить, с одной стороны, избыточность, с другой – неполноту единиц, выражающих связь самостоятельных предложений, неправильное использование грамматических форм (глаголов), организующих отдельные предложения в *связный* текст» [4, с.210].

Важным представляется не только грамотно написанный научный текст, но и соответствующее требованиям оформление научной работы. Магистранты изучают соответствующие государственные стандарты, а также не упомянутые в них традиционные способы оформления элементов научной работы, описанные в литературе для издательских работников.

Результаты научно-исследовательской работы необходимо уметь не только изложить в письменном виде, но и представить научной общественности устно, например, в форме доклада на конференции или защиты перед аттестационной комиссией. Этапы подготовки к выступлению и особенности выступления на научную тему, взаимодействие с аудиторией и ответы на вопросы, аргументация своей позиции, правила ведения дискуссии. Сформированность навыка устной научной речи

выявляется в ходе тренинга, на котором моделируется научная дискуссия по теме доклада.

При реализации данной программы возникает ряд трудностей. Некоторые из них связаны с исходным уровнем речевой подготовки магистрантов, что требует от преподавателя внимания к освоению обучающимися каждого этапа, дополнительных пояснений, бóльшей практической работы за счет сокращения материала, углубляющего знания. Сложности при обучении иногда вызывает раздел по редактированию научной речи: магистранты не всегда могут самостоятельно заметить речевые ошибки, погрешности, недочеты. Вероятно, это связано с недостаточным вниманием к речи в их опыте как пассивном (чтение научной литературы), так и активном (написание научных статей, выступления с докладами, участие в дискуссиях). Магистранты в своей научно-исследовательской работе сосредоточены на рассматриваемом материале, его анализе, выводах. Но чтобы идея, которую автор хочет донести, предстала в адекватном виде, была воспринята в соответствии с замыслом, необходимо внимание к форме ее воплощения. Наибольшую трудность представляет освоение устной научной речи, что связано с небольшим опытом магистрантов в области обсуждения научных проблем (вполне естественным). Для преодоления ее необходимо больше практики, а так как курс очень насыщенный, то времени, отведенного на данный раздел, не для всех магистрантов достаточно.

Как показывает наш опыт, изучение научного стиля речи, выполнение аналитических и творческих заданий, практических аудиторных и самостоятельных работ, проведение тренингов позволяет магистрантам существенно повысить культуру научной речи, в особенности мотивированным магистрантам, стремящимся успешно защитить магистерскую диссертацию и стать, возможно, в будущем учеными и педагогами.

Литература

1. Бурдин, К. С. Как оформить научную работу: методическое пособие / К. С. Бурдин, П. В. Веселов. – М.: Высшая школа, 1973. – 152 с.

2. Структура лингвостилистики и ее основные категории: межвуз. сб. научн. тр. / О. И. Богословская, М. Н. Кожина; Перм. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Пермь, 1983. – 154 с.

3. Косарев, Н. П. Подготовка кадров высшей квалификации в области геолого-минералогических и технических наук: учебное пособие / Н. П. Косарев, М. Л. Хазин; Урал. гос. горный ун-т. –Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2008. – 481 с.

4. Котюрова, М. П. Культура научной речи: текст и его редактирование: учеб. пособие / М. П. Котюрова, Е. А. Баженова. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 280 с.

5. Котюрова, М. П. Идиостилистика научной речи. Наши представления о речевой индивидуальности ученого: монография / М. П. Котюрова, Л. С. Тихомирова, Н. В. Соловьева; ГОУ ВПО «Перм. гос. ун-т», НОУ ВПО «Зап.-Урал. ин-т экономики и права». – Пермь, 2011. – 394 с.

6. Пособие по научному стилю речи. для вузов технического профиля / Под ред. И. Г. Проскуряковой. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 320 с.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ТРАНСПОЗИЦИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ПРОБЛЕМА ЕЕ ПЕРЕВОДА

Керимова Сабина Усеиновна

Россия, Ростов-на-Дону, Южный Федеральный университет, skerimova@sfedu.ru

В статье рассматривается явление грамматической транспозиции в русском языке, а также даются примеры ее передачи на испанском языке. Автор рассматривает примеры транспозиции на классической русской литературе.

Ключевые слова: грамматическая транспозиция, грамматическая метафора, адекватность перевода, субстантивация, вербализация.

Понятие грамматической метафоры происходит из феномена грамматической транспозиции. Под грамматической транспозицией понимается «перемещение языкового знака из одной категории в другую» [5, с.4]. В языке это явление известно давно. Еще в работах Н. И. Греча и Ф. Я. Буслаева, а позже А. А. Шахматова, Л. В. Щербы, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова и многих др. были описаны явления переходности слов из одной части речи в другую. Эти явления

известны как субстантивация (переход в существительное), адвербиализация (переход в наречие) т. д.

Позже, в 1941 году, в статье А. С. Беднякова «Явления переходности грамматических категорий» помимо явлений переходности между частями речи было отмечено и «перемещение грамматических значений внутри частей речи» [4, с.29].

Транспозиционные процессы – увлекательнейшая область лингвистического исследования на всех уровнях языковой действительности. Транспозиция служит с одной стороны – средством экономии языковых усилий, с другой стороны, благодаря своей образности, становится интересным тропом для языка художественной литературы, создает стиль автора, придает тексту особый юмор, помогает лучше передавать разговорную речь на письме.

Именно из перемещений внутри частей речи и возникает вид метафоры, именуемый грамматической. Грамматическая метафора реализует в тексте такие же функции, что и лексическая: она придает высказыванию художественную выразительность.

Уже у М. В. Ломоносова мы видим: *Что может собственных Платонов / И быстрых разумом Невтонов / Российская земля рождать* [7].

Использование имен собственных *Платона* и *Ньютона* позволяет достичь нескольких целей. Во-первых, это экономия языковых усилий, так как эти имена широко известны, нет необходимости пояснять, что автор имел ввиду тот факт, что в России есть свои гении, а во-вторых, использование этой грамматической метафоры приводит к образности текста. Надо отметить, что подобное использование является окказиональным, авторским, на что указывает то, что эти имена написаны с прописной буквы. Узуальные же случаи, напротив, пишутся со строчной, что говорит о традиционности их использования (ср.: альфонсов и Платонов).

Использование приемов морфологической транспозиции создает дополнительные трудности при переводе художественной литературы на иностранный язык. Не всегда

можно точно передать оттенки значения и иронию, передаваемой грамматической метафорой, поскольку система языка может не иметь подобных аналогов.

Рассмотрим сначала пример транспозиции существительного собственного (Сс) в существительное нарицательное (Сн). *Бывали примеры, что женщины влюблялись в таких людей до безумия и не променяли бы их безобразия на красоту самых* ***свежих и розовых эндимионов*** [6], сравним этот же отрывок с переводом «Героя нашего времени» на испанском языке: *Se han dado casos de mujeres que, perdidamente enamoradas de hombres así, no hubieran cambiado la fealdad de estos por la belleza de los mas* ***lozanos y rubicundos Endimiones*** [11].

Как в языке оригинала, так и в переводе случай перехода Сс в Сн имеет тот же смысл и оттенок, в данном случае, мы можем говорить об адекватности перевода случая морфологической транспозиции. Так же, как и в русском языке, в испанском сохранилось обобщенное значение слова «эндимион». Что касается грамматических параметров, здесь также все совпадает – имя собственное Эндимион употреблено во множественном числе, что является показателем перехода Сс в Сн.

Возьмем похожий случай из произведения М. Булкакова «Собачье сердце»: *... зачем нужно искусственно фабриковать* ***Спиноз****, когда любая баба может его родить когда угодно* [3]. Испанский вариант: *– ¿Para qué fabricar artificialmente* ***Spinozas*** *cuando cualquier mujer, en cualquier momento, puede engendrarlos?* [9]. В данном отрывке мы можем наблюдать нарушение синтаксического строения предложения, в оригинале – это часть сложного утвердительного предложения, в переводе же – независимое вопросительное, но в нашем случае нас интересует перевод именно случая морфологической транспозиции, который так же как и в первом примере, передан точно и в полном объеме.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что при переводе случаев морфологической транспозиции модели Сс – Сн, проблем у переводчика не возникает (речь идет конкретно об испанском языке). Строй языка позволяет передать оттенки смысла, задуманные автором и максимально приблизить смысл к оригиналу.

Однако это можно сказать далеко не обо всех случаях перевода морфологической транспозиции, или так называемой, грамматической метафоры. Гораздо большую сложность для переводчика представляют случаи грамматической транспозиции внутри глаголов.

– Вы, гражданин Шариков, говорите в высшей степени несознательно. На воинский учет необходимо ***взяться****.*

– На учет ***возьмусь****, а воевать – шиш с маслом, – неприязненно ответил Шариков, поправляя бант.* [3].

Испанский перевод: *–Sus palabras revelan una gran inconsciencia, ciudadano Bolla.* ***Es imprescindible figurar en las listas de conscripción.***

*—****Acepto que se me inscriba****, pero para pelear ¡al cuerno! — replicó Bolla con aplomo, reajustándose el nudo de la corbata* [9].

Ср.: *– Ваши слова – от несознательности, гражданин Шариков. Необходимо фигурировать в списках учета.*

– Я согласен, чтобы меня вписали, но воевать – к черту! – ответил Шариков с неприязнью, поправляя узел галстука.

Как мы можем видеть, в данном случае, передано только лишь смысловое значение высказывания, но не передана ирония, заложенная автором в тексте оригинала. Это связано с тем, что в испанском языке в целом другой способ выражения понятия «взяться на воинский учет», и потому передать иронию, да еще и с учетом морфологической транспозиции для переводчика не представляется возможным.

Рассмотрим следующий аналогичный пример:

–Неужели вы скажете, что это он сам собою ***управил*** *так? Не правильнее ли думать, что управился с ним кто-то другой?* [2].

Испанский язык: *– No me dira usted que el mismo* ***decidio*** *sobre el. No es mas correrсto pensar que fue otro quien* ***decidio*** *sobre el?*[10].

Ср.: *– Не говорите мне, что он сам так решил на свой счет. Не правильнее ли думать, что был кто-то другой, кто решил на его счет?*

Как и в предыдущем примере, здесь мы можем наблюдать передачу смысла, причем, передачу весьма хорошую. Хотя

морфологическая транспозиция в переводе никак не передана, но автору удалось иным образом подчеркнуть то, что не сам человек собою управляет, а управляет им кто-то другой. Переводчик передал это при помощи эмфазы, намеренного изменения порядка слов, с целью подчеркнуть субъект действия: ***fue otro quien*** *decidió sobre el.*

Итак, мы видим, что для передачи оттенков смысла у переводчика не всегда есть возможность пользоваться теми же языковыми средствами, что и автор, пишущий на другом языке, однако, при обладании хорошими знаниями строя языка, возможно передавать некоторые оттенки смысла, пользуясь системой языка, на который переводится то или иное произведение.

Приведем другой пример, показывающий удачный перевод и полную передачу смысла при переводе: *– Какие уж* ***мы вам товарищи****! Где уж!* ***Мы*** *в университетах* ***не обучались****, в квартирах по пятнадцать комнат с ванными* ***не жили*** [3].

Испанский язык: *No somos camaradas. Ni mucho menos. No hemos estudiado junto en la Universidad ni ocupamos departamentos de quince habitaciones con cuartos de baño* [9].

Этот пример иллюстрирует полную передачу смысла языка оригинала. Как в русском языке, так и в испанском множественное число может использоваться в значении единственного, что дает возможность переводчику полностью передать задумку автора, сохраняя и лексическое значение и иронический подтекст.

Следующий отрывок достаточно интересен для рассмотрения, поскольку здесь перед переводчиком ставится непростая задача: *–****Они, они****! – козлиным голосом запел длинный клетчатый, во множественном числе говоря о Степе, – вообще* ***они*** *в последнее время* ***жутко свинячат*** [2].

Перевод: *–* ***Aquello, aquello*** *– intervino con voz de cabra el tipo largo de los cuadros, refiriéndose a Stiopa –, últimamente* ***está haciendo*** *muchas inconveniencias* [10].

Ср.: *– Этот, этот – вмешался длинный клетчатый тип с козлиным голосом, обращаясь к Степе, – в последнее время он доставляет множество неудобств.*

Как видно из дословного перевода, морфологическая транспозиция абсолютна не передана, однако, переводчик попытался передать пренебрежительное отношение к Степе употреблением местоимения «aquello», употребленного в среднем роде (который лишь частично сохранился в современном испанском языке), то есть, он говорит о Степе как лице неодушевленном, что так или иначе подчеркивает отношение говорящего к Степе.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что морфологическая транспозиция далеко не во всех случаях может быть передана с русского языка на иностранный, поэтому переводчикам приходится пользоваться иными средствами языка для передачи оттенков смысла, что также не всегда помогает передать точно подтекст. Иногда ирония при переводе теряется полностью, но чаще всего сохраняется лишь часть оттенков смысла. Однако это процесс вполне естественный, поскольку каждый язык обладает своей системой и правилами, и обратный перевод (с испанского на русский) тоже имеет свои трудности.

Сравнение примеров транспозиции с переводами на испанский язык помогает лучше понять своеобразие и уникальность русского языка, а также задуматься над более эффективными способами передачи оттенков смысла, используя средства иностранного языка.

Литература

1. Бедняков, А. С. Явления переходности грамматических категорий / А. С. Бедняков. – Русский язык в школе. – № 3. – 1941. – С. 28–33.

2. Булгаков, М. Мастер и Маргарита / М. Булгаков. – М.: Изд-во ЭКСМО, 2016. – 448 с.

3. Булгаков, М. Собачье сердце /М. Булгаков. – М.: Изд-во АСТ, 2015. – 320 с.

4. Керимова, З. Л. Транспозиция на уровне лексико-грамматических разрядов слов в современном русском языке: дисс. на соискание ученой степени канд. филол. н. / З. Л. Керимова. – Ташкент, 1987.

5. Ким, О. И. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке / О. И. Ким. – Ташкент: Фан, 1978. – 227 с.

6. Лермонтов, М. Ю. Герой нашего времени / М. Ю. Лермонтов. – М.: Изд-во Азбука-классика, 2016. – 224 с.

7. Ломоносов, М. В.. Избранные сочинения. Ода на день восшествия на всероссийский престол ее Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года / М. В. Ломоносов. – М.: Изд-во ОГИ. 2009. – 304 с.

8. Panteleev, Andrej F. Grammatical metaphor in the Russian literature of the 20th century / Andrej F. Panteleev // Language, individual and society in the modern world: 4th International research conference. – Burgas, Bulgaria. – Режим доступа URL: http:// www.science-journals.eu, 2010.

9. Bulgakov, M. Corazon de perro / M. Bulgakov. – Барселона: Изд-во Galaxia Gutenberg. – 1999.

10. Bulgakov, M. El maestro y Margarita / M. Bulgakov. – Madrid: Изд-во Alianza Editorial. – 2012. – 520 с.

11. Lermontov, M. Un heroe de nuestro tiempo / M. Lermontov. – Planeta, 1990 – 183 p.

ПРИКМЕТНИК *БІЛИЙ* В УКРАЇНСЬКИХ СХІДНОСЛОБОЖАНСЬКИХ ГОВІРКАХ

Ковтун Валентина Валеріївна
ЛНР, Луганськ, ДОУ ВПО «Луганський державний університет імені Володимира Даля», vadevilles@mail.ru

У статті на матеріалі записів діалектного мовлення, здійснених в українських східнослобожанських говірках, описано структурно-семантичні особливості прикметника *білий*; виявлено полісемантичну структуру ад'єктива залежно від його сполучуваності з певними групами іменників; з'ясовано особливості семантичного наповнення прикметника *білий* у фольклорному тексті й діалектному тексті-оповіді.

Ключові слова: прикметник (ад'єктив), сема, семантика, сполучуваність, східнослобожанські говірки, діалектний текст, фольклорний текст.

The structural and semantic peculiarities of the adjective *white* based on the material of dialect speech made on East-Ukrainian dialects are described in the article; the polysemantic structure of the analyzed adjective depending on its combinability with definite groups of names has been revealed; the peculiarities of the semantic meaning of the adjective *white* in a dialect text and in a dialect text-narrative have been found out.

Key words: adjective, seme, semantics, combinability, East-Slobozhan dialects, dialect text, folk text.

Підвищена увага мовознавців та інших учених до кольору і назв кольору привела до появи численних теорій і поглядів, що часто знаходяться на стику різних галузей науки. Н. Б. Бахіліна у роботі «Історія кольоропозначення в російській мові» розглядає лексику кольоропозначень в староруській літературній мові у співвідношенні з деякими фактами інших слов'янських мов і в зіставленні з сучасною російською літературною мовою і даними російських народних говорів. У книзі розглядається історія позначення білого, чорного, червоного, синього, коричневого, оранжевого, фіолетового кольорів [1].

У лінгвістів викликають активний інтерес властивості сполучуваності назв кольорів і визначуваних ними предметів, явищ; фразеологія, заснована на колірній лексиці, семіотика кольору в контексті художньої літератури, міфології, фольклору, символіка кольору.

О. Крижанська звертає увагу на необхідність диференційованого підходу до градації колірних ознак, указуючи, що всі українські назви кольорів за походженням можна поділити на дві лексико-семантичні групи: первинні і вторинні. До первинних відносяться назви кольорів, які в сучасній українській мові не співвідносяться з іменниками-референтами і означають абстрактні колірні якості. Їхнє походження та зв'язок з певною конкретною назвою розкривається за допомогою етимологічного аналізу (червоний, рум'яний, рудий, жовтий, зелений і т. д.). Вторинними є українські кольороназви, що передають конкретний колір за колірною подібністю до предметів і явищ навколишнього світу [4, с.22–24].

Структурний і семантичний аналіз кольоропозначення ґрунтовно досліджує О. Дзівак, визначає як синонімічний ряд, мікросистему, яка має певну внутрішню структуру [2]. Класифікацією кольороназв української мови займались А. Критенко, А. Кириченко та ін. [5; 3].

Мета статті – дослідити семантичну структуру прикметника *білий* в українських східнослобожанських говірках. Поставлена мета передбачає розв'язання таких завдань: виявити асоціативне підґрунтя прикметника в межах східнослобожанської діалектної

зони; виконати семний аналіз значень ад'єктива; визначити референтну сферу аналізованого прикметника в діалектному тексті-оповіді й у фольклорному тексті.

У статті використано матеріали історичної праці В. Іванова «Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии: очерки по этнографии края» [Иванов], матеріали фольклорно-діалектологічних експедицій [УССГ]; [Старобільщина], а також власні записи діалектного матеріалу.

Прикметник *білий* функціонує в широких контекстах, окреслюючи тематичну групу 1) *одяг, взуття, вироби з матеріалу*, яку складають різноманітні іменники: *хустка, плаття, фата, сорочка, капці, полотно, постіль, нитки* та ін.:

Ста|р'і |л'уди но|сили ста|р'і |реч'і // ***плат|ки*** *бу|ли |****б·іл'і*** */ а заў|йазували йіх п·ід |бороду* [Старобільщина, с. 86]; *На п|лат:'а наби|раў же^{и}|них кре^{и}пти|шин |б·ілий* [Слов'яносербськ]; *На бабачкъ кумачная рубашка,/ А* ***платочек*** *на ней* ***бѣленькій, / Он бѣленькій****, да съ обдѣлочкой* [Иванов, с.149]; *І* ***білі носочки*** [Старобільщина, с.58]; *А нам на|д'іти |н'іч'ого / нап|риклад / йа хо|дила так / |с'од'н'і і|ду* ***ў |б¨ілих |тапоч'ках*** */ а |заўтра ў |ч'орних // а йак |д'елали / на|мажеимо |б¨ілим і п¨і^{е}р'іп|л'оточ'ку ж так / шоб по|хоже бу|ло / у|же йа ў |ч'орних прийш|ла* [УССГ, с.336]; *Х|лопч'іки йдут' / х|лопч'іки йдут| благопо|лушн'і / і* ***ру|башеч'ка б¨і|лен'ка*** */ і б|р'уч'ки го|жен'к¨і / йак це |тепло / а йак |холодно / кос|т'умч'іки |л'убо ў поди^{е}|виц':а* [УССГ, с. 40]; *Я нагаечку спалю, / А шабельку зломлю, /* ***Постіль білу*** *постелю, / Сама у козла пиду* [Иванов, с.254; *Я свекруси угодю: /* ***Билу постель*** *постелю* [Иванов, с.256]; *После цего воны побачылы двох дидивъ* ***въ билыхъ*** *шырокыхъ* ***шароварах*** [Иванов, с. 330]; *На |с'іўки на|мотуйеш |каждиў ден' / о|но ж там йа|киў |хоч'еш хва|сон / п¨ідби^{е}|райеш / йа|киў ц'в¨ет / ну в осноў|ному |ран'ше полот|но т|кали / так о|то ж* ***ни^{е}т|ки*** *і так* ***|б¨іл'і*** */ і так |****б¨іли^{е}ми*** *т|кали* [УССГ, с.188]; *Вона шила, вышивала / Тонки,* ***бѣлы рукава*** [Иванов, с.166]. Весільний одяг нареченої білого кольору є символом віри і чистоти: *На ми^{е}|н'і бу|ла |****б·іла фа|та*** */ цв·і|тасте^{и}н'ке плат|:а і ч'об·іт|ки на но|гах // с|вад'ба бу|ла |ос'ін':у* [Старобільщина, с.39]; *Моло|да ў* ***п|лат':і |б·ілому*** */ в·:ін|ку* [Старобільщина, с.51]; Ну нар'а|дили кра|с'іво |б·іле п|лат':а / |б·іл'і пер|ч'атк·і в те в|рем·а ж ўже [Слов'яносербськ].

Українці здавна славилися майстерністю прясти полотно, докладаючи чимало зусиль, щоб воно в кінцевому результаті стало досконалим – білосніжним. Збільшення інтенсивності ознаки білого кольору реалії респонденти передають з допомогою повної редуплікації *білий-білий*, а також демінутива *біленький*: ***Во|но*** *[полотно] ста|вало* ***б·і|лен'ким*** *не^{и} з|разу* [УССГ, с.11]; *|Сипе^{и}ш |попе^{и}л / ки^{е}пйат|ком проми|вайеш / і ўже |п·ісл'а |ц'ого* ***полот|но б·іле / |б·іле*** [УССГ, с.129].

В аналізованих говірках, уживані іменники ***плат|ки |б·іл'і / платочек бѣленькій*** (хустки), ***ру|башеч'ка б·і|лен'ка*** (сорочка), ***білі носочки*** (шкарпетки), *|тапоч'ки* (капці), ***билу постель*** (постіль), закріпилися в мовленні респондентів під впливом російських говірок. Діалектоносії подібними конструкціями передають основне спектральне значення: ад'єктив *білий* реалізує сему 'білий', а також семи 'чистий' і 'святковий'.

В іншій тематичній групі, яка вербалізує *2) зовнішність людини, частини тіла*, регулярно маркованими виступають іменники: *тіло, лице, руки, ноги, груди*, напр.: *Ой, я бачивъ, – младецъ, / Все дыковынку: / Пидъ кустомъ лежыть /* ***Тило билое****, / И нихто жъ къ тому тилу / Не прывернецьця* [Иванов, с. 163]; *Крычить Гапа, репетуе, / Нихто ии не ратуе; / Треба Гапи уставаты, /* ***Били ниженьки*** *каляты* [Иванов, с.149]; *Я бъ самъ по водыцю ходывъ / И барыню за ручку водывъ, /* ***За ручечку за билесеньку****, / За Хвеклычку молодесеньку* [Иванов, с. 152]; *Скован, Скован /* ***По бѣлых рукахъ****, / по* ***бѣлыхъ ногахъ****, / Важкии желёзочки / Брязчать на ногахъ* [Иванов, с.165]; *Сванечко,* ***билое лычко****, / Заспивай нам хочъ одни / Прыйизжои веселои писенькы* [Иванов, с.223]; *Мальчишичка, бидняжичка, / Склонывъ свою головушку, / На правую сторонушку. / На правую, на лѣвую, /* ***на грудь*** *мою* ***на бѣлую*** [Иванов, с.155]. У зафіксованих текстах прикметник *білий* у сполученнні з іменниками *тіло, лице, руки, ноги, груди* виражає позитивну конотацію. Особливо ад'єктив *білий* виділяємо з номенами *руки* і *лице,* бо саме ці соматичні сполучення представлені найбільше, напр.: *Заручена Марьечка, заручена / Положила* ***билу ручку*** *на заручку. /* ***Ручка*** *моя* ***билесенька*** *у батенька, / Чы буде же така* ***била*** *и въ свекорка? / Якъ будешъ ты, Марьечко, покирненька,*

Будь жъ твоя та ***рученька*** *все* ***биленька*** [Иванов, с.216]; ***Лыцем била****, серцем щира* [Иванов, с.471]. Такими конструкціями мовці передають уявлення про красу людини, її зовнішню досконалість, отже актуалізовано сему ‘красивий’, ‘вродливий’.

Уявлення про ідеал краси передають тексти, в яких епітет *білий* ужито в сполученнях з іменником *рука*, але, на відміну від попередніх прикладів, тут опосередковано йде мова про дівчину, символічно використано образ голубки. Семантика аналізованого прикметника розкривається в широкому контексті: *Голубку назвавъ винъ дружиною; / Узявъ голубку* ***за билу руку*** [Иванов, с.23*); Голуба вбывъ, / Голубку вловывъ, / Та взявъ голубку /* ***За билу руку*** [Иванов, с.24].

Аналізовані смисли в цій мікрогрупі мають позитивну семантику, оскільки білий колір – чистий, світлий, але за прикметником *білий* у свідомості мовців закріпилася й негативна конотація, яка вербалізована в таких контекстах: Пор.:

а) *Я бъ самъ по водыцю ходывъ / И барыню за ручку водывъ, /* ***За ручечку за билесеньку****, / За Хвеклычку молодесеньку* [Иванов, с.152];

б) *Попереду самъ хозяенъ / Расхаживаетъ; /* ***Били ручкы*** *у карманы / Закладываетъ* [Иванов, с.334]; ***Рука*** *руку мые, щобъ* ***била*** *була* [Иванов, с.368].

Зазначені приклади виражають сему ‘красивий’, але в широкому контексті накладаються додаткові конотації:

а) семантичне наповнення позитивне: ‘красивий’, ‘милий’, ‘кращий’;

б) семантичне наповнення змінюється, хоча не можна сказати, що набуває різко негативної семантики: ‘красивий, але ‘некорисний’, ‘який не любить важкої праці’.

Зі словом *білий* у свідомості мовця закріпилися й асоціації зі світлим кольором волосся, шкіри. Відносимо їх до тематичної групи 2) *зовнішність людини, частини тіла*: ***Д’ітки*** *у них у с’і йак анге и лоч’ки* ***б·іл’і / б·іл’і*** [УССГ, с.68]; *У мене йе* ***доч ка*** */ ви е со ч’ен’кого росту /* ***б·і лен ка*** [УССГ, с.133]; *Кра сива / та ка кра сива / во лос’:а вол нисте / гла за ч’орн’і йак тер нина / а* ***са ма б·іла / б·іла*** [Слов’яносербськ]. Мовці Східної Слобожанщини в подібних конструкціях осмислюють ад’єктив *білий* як ‘світлошкірий’, ‘світловолосий’. У мовленні уживають

спеціальний колоративний номен, напр.: синонімічний ряд *блонˈдин* (*блонˈдинка*, фонетичний варіант *бланˈдˈін*), *бˑіˈлˈавка*, *ˈбˑілий, бˑілоˈлицˈа , білошˈкˑірий.* Речення типу *Стойить побли стежки, пидперсь палюгою старый, старый дидуга, у пояс* ***била борода*** [Иванов, с.401] також характеризує зовнішність людини, але несе в собі іншу конотацію – ‘старий’.

Лексеми *білий* та *чорний* нерідко уживають у парі: *Та не дала жъ вона / Ему молодому / Ны счастия, ны доли; / Та дала жъ ему /* ***Биле лычко****, / Та* ***чорніи бровы*** [Иванов, с.20]; *Якъ узявъ жону / Не по любови, -* ***/ Ни биле лычко****, /* ***Ни чорни бровы*** [Иванов, с.23]; *То жъ нэ ясна зоря, / То жъ* ***дивчина*** *моя. / Ой* ***чорнявая****, / Та* ***билявая*** [Иванов, с. 659]; *Чого винъ моргае? / Чи на мойи волы, / Чи на мойи коровы? / Чи* ***на*** *мое* ***билэ лычко****, / Чи* ***на чорни бровы****?* [Иванов, с.661[; *Брала вона, выбэрала / Й до лыченька промовляла: / «****Лычко*** *й* ***ручки билэсэньки****, / й* ***бривки*** *мойи* ***чорнэсэньки*** [Иванов, с.663]. Така діада *білий – чорний* повніше розкриває семантичне наповнення речень, конденсуючи номінацію та оцінку.

Характеризуючи *колір приміщення, його елементів та предметів побуту (тематична група 3)*, прикметник *білий* сполучається з широким колом іменників, зокрема такими: *хата, свічка, подушка, скатертина.*

Образ «білої хати» в східнослобожанському тексті – символ добра й усього позитивного – набув етнічної ознаки: *Реˈсунка неᵘˈма / обоўйазˈково* ***ˈбˑілˈі ˈхати*** [Старобільщина, с.85]; *А въ сосида* ***хата била****, / А въ сосида жинка мыла* [Иванов, с.667]. У поданих реченнях ад’єктив *білий* представлений як мовленнєвий актуалізатор номінації та оцінки, поєднує семи ‘білий’ і ‘чистий’, ‘красивий’.

Речі домашнього вжитку, такі необхідні для кожної людини знайшли своє місце й продовжують жити в загадках Східнослобожанського краю, що говорить про спостережливість його мешканців. Предмети побуту персоніфіковано чи метафорично передаються за допомогою тварин, людей, елементів одягу: *Маненьке, гостреньке (****биленьке****) скризь тынъ кишечки тягне* (Голка) [Иванов, с. 380]; ***За билою дерезою*** *лежить Тилилейко* (Языкъ) [Иванов, с.381]; *Сыдыть* ***билый***

пивень *на верби, распустивъ крыла до земли* (Скатерть) [Иванов, с. 383]; *Безъ души й безъ тила, а* ***сорочка била*** (Подушка) [Иванов, с.384]; ***Билый чоловикъ****, а сорочка въ пазуси* (Свичка) [Иванов, с.384]. Аналізований прикметник осмислюється як засіб представлення основного спектрального кольору ‘білий’.

З допомогою слова *білий* діалектоносії описують і *колір природи, природних об’єктів, які їх оточують(тематична група 4)*. Позначимо регулярно марковані такі іменники*: пісок, глина, крейда, хмари, пил, піна*, *ріка, камінь*: ***Пил’у*** ˈ***га*** *бу*ˈ*ла* ˈ***б·іла / ˈб·іла*** */ і ми йак* ˈ*миш·і у му*ˈ*ц’і* [УССГ, с.88]; ***Биле*** *якъ* ***снигъ****, дметься якъ михъ, а въ води гине* (Пина) [Иванов, с.384]; ***Биле сыто****, ным свитъ юдей покрыто, й юзли знать, та нельзя розьезать* (Небо й ёблака) [Иванов, с.384]; *Йе ǐ п·іш·*ˈ*ч’ан’і кар*ˈ*йери / ба*ˈ*гато / п*ˈ*рит’ма ў них* ***п·іс*** ˈ***ку*** */ йе ǐ* ˈ***б·илиǐ*** */ і* ˈ*жоўтиǐ / к*ˈ*расниǐ* [УССГ, с.52]; *І* ***г*** ˈ***лина*** *ў*ˈ*с’ака / йе* ˈ*гожа /* ***б·і*** ˈ***лен·ка*** [УССГ, с.52]; *Те*ᵘˈ*пер се*ᵘˈ*ла не*ᵘˈ*ма / та ǐ йа*ˈ*ри о*ˈ*то ж там кре*ᵘ*ǐ*ˈ*д’ан’і / ту*ˈ*ди ж ми по к*ˈ*реǐду* ˈ*ходимо / йак само*ˈ*р’ідна* ***г*** ˈ***лина*** ˈ***б˙іла*** */ ко*ˈ*лотимо йі*ˈ*йі і* ˈ*мажи*ᵉ*мо ж* ˈ*хати / ч’і са*ˈ*райі / ч’і ў* ˈ*кого ш˙ч’о йес’т’* [УССГ, с.377]. В основі таких і подібних висловів респонденти вкладають, звичайно, кольорову ознаку: *білий* як ‘білий’.

Окрему мікрогрупу становлять уживання описуваного прикметника з семантикою *білого* кольору для характеристики води і водних об’єктів, які мають вузьколокальне поширення: *Во*ˈ*ни* ˈ*мили* ˈ*ноги ў* ˈ*р’ічк˙і / а йак по*ˈ*бач’іли / шч’о* ***во*** ˈ***да*** ˈ***б˙іла*** */ то ска*ˈ*зали / аǐ да* ˈ***б˙ели*** ᵉ***йе*** ˈ***води*** *// так о*ˈ*но і п˙ішл*ˈ*о наз*ˈ*ван’ійе // д*ˈ*ело ў том / шо ў нас го*ˈ*ра м˙ело*ˈ*ваїа / а ко*ˈ*ли і*ˈ*де дошч’ / то во*ˈ*да зб˙і*ˈ*га по го*ˈ*р’і ў* ˈ*р’іч’ку/ і ў* ˈ*р’іч’к˙і* ***во*** ˈ***да*** *ста*ˈ*нови*ᵉ*ц’:а* ***б˙іла*** [УС Говірки 2011, с.16-17]; *ў* ˈ*нашоʸму се*ᵘˈ*л’і йе* ˈ***р’іч’ка*** */ во*ˈ*на те*ᵘˈ*ч’е ў нас пр’ам* ˈ*б˙іл’а кре*ᵘ*ǐ*ˈ*д’анойі го*ˈ*ри / пр’ам аж* ˈ***б˙іла*** *та*ˈ*ка / во*ˈ*на ǐ з*ˈ*вец’а* ˈ*Б˙ілойу* [УССГ, с.244]. Семантика прикметника *білий* здебільшого пов’язана із зоровим сприйняттям реалій. Східнослобожанський край багатий на таку корисну копалину, як крейда, тому такі асоціації мешканців, близькі до символічних і психологічних сприймань кольору, можна віднести до географічних. ˈ*Кажут’ / гл’а*ˈ*ди / шо на*ˈ*звали так Б·іло*ˈ*воц’ке в·ід сл’іў* ˈ***б·іл’і*** ˈ***води*** */ бо грун*ˈ*тов·і* ˈ***води*** *розми*ˈ*вайут’ м·іло*ˈ*в·і* ˈ*гори / і ста*ˈ*йут’* ˈ***б·ілими*** [УССГ, с.52]. Аналізований прикметник мовці уживають, якщо не прямо в

якості мовленнєвого актуалізатора білого кольору природних об'єктів, то в принаймні для позначення світлого кольору. У зафіксованих прикладах семантика *білий* ототожнюється зі *світлий*, а отже, відбувається заміщення в семантичному плані.

У мовній свідомості діалектоносів східнослобожанських говірок закріпилася асоціація зі словом *крейда* за кольором, тому респонденти в свїй мові описово називають корисну копалину, таку необхідну в господарстві слобожан: *Там ˈ**кам·ін'** ˈбили ˈ**б·ілиї*** *ˈбили на стˈроїку саˈрайіў* [Старобільщина, с.48] *Шче буў йеˈрок кˈрайн·ії / там ˈ**кам·ін'** ˈбили ˈ**б·ілиї*** [Старобільщина, с. 48]; *По оˈдин б·ік ˈр'іч'ки леᵘˈжит' Груˈзинкаˈмаˈбут' / шо коˈлис' ˈпаном буў груˈзин / а ˈможе / то ˈл'уди см·іˈйуц':а / так ˈкажут' // ўсе ˈм·істо тут креїд'аˈне // Йакˈшоˈкоˈмус' ˈнужна **кˈрейда / ˈб·іла-ˈб·іла** / йак сн'ігˣ / поˈмазати ˈхату / то за кˈреїдойу їˈдут' на Груˈзинкуˈйіˈйі ˈможна доўбⁿˈти с'к˙р'із' // кˈреїда на доˈроз'і / і на бугˈр'і / і на гоˈродах // ˈнейу с'т'іˈрали оˈдежу / бо не буˈло ˈмила //* [УССГ, с.88].

Вираз *білий камінь, білий льод – камінь* уживається і з іншою семантикою, пор.: *Не десь и не здесь, а на сынёму мори лежыть **каминь билый*** [Иванов, с.9]; *На мори, на окияни, на острови Буяни, лежыть **билый лед – камень**. На тому камени сияла дивка рожу* [Иванов, с.8]; *На мори, на окияни, на острови Буяни, лежыть **билый лед – камень**. Сходылыся къ тому **билу леду – каменю**, – воры, розбойники, колдуны и все злоумышленники. Когда той **билый лед – каминь** розибьють и по карманам рознесуть, тоди у раба Божого (имя) и (извѣстную вещь) возьмуть* [Иванов, с.8]. Такі мовні звороти мешканці використовують у замовляннях «для остановленія крови», «от вора» та ін. Семантична структура сполучення «*билый лед – камень»* в ілюстрованих прикладах виступає не в своєму основному значенні – кольорова семантика, а набуває символічного значення – віри в чудесні можливості каменя. Отже, у конструкціях ад'єктив *білий* реалізує семи 'чудесний', 'чарівний', 'незвичайний'.

Не надто довіряючи медицині, слобожанці зверталися по допомогу до місцевих знахарів, які у свою чергу лікували замовляннями й народними методами. «Выливаніе переполоха на

олово»: выходы, *переполохъ, съ головы, съ косты, съ мозку, съ русыхъ волосъ, съ* ***билого лыця****, съ твоёго серця* [Иванов, с.34];

«Выливаніе переполоха на яйцо»: *Тутъ тоби не стояты, жовтои косты не ломаты, червонои крови не пыты, щыраго серця не вьялыты,* ***билого тила*** *не сушиты, крещеного, рожденного раба Божого (имя)* [Иванов, с.34];

«Выливаніе волоса»: *Лыйся, волосъ, на колосъ* […] *Тутъ тоби ны стоять и ны бувать, а жовтои косты ны ломыть, и* ***билого тила*** *ны сушыть, и червонои кровы ны мутыть, и суставa ны крутыть* [Иванов, с. 36];

«Волосъ выливаютъ»: […] *тутъ тоби нэ буты, тутъ тоби нэ стояты,* ***билой косты*** *нэ ломаты, червонои крови нэ пыты* [Иванов, с.1003].

Порівняємо наведені приклади в замовляннях з тим самим компонентом *биле лице, биле тіло* з піснями східнослобожанського ареалу: *А тэбэ бъ самого / я бъ змалювала, / Та й въ* ***билэнькэ лычко*** */ Що дня бъ цилувала* [Иванов, с.672]; *Ой, я бачивъ, – младецъ, / Все дыковынку: / Пидъ кустомъ лежыть /* ***Тило билое****, / И нихто жъ къ тому тилу / Не прывернецьця* [Иванов, с.163]. Ми вже говорили, що ад'єктив *білий* у сполученні з іменниками на позначення *зовнішності людини, частин тіла,* зокрема зі словами *тіло, лице*, в контексті виражає сему 'красивий'. У реченнях-замовляннях інтерпретуємо означені сполучення зі смислом 'здорова людина'. Потужна віра в слово, яке може матеріалізуватися і подіяти, щоб хвороба не проймала людину, підштовхувала слобожанців до визначеної семантичної структури: «прикметник + іменник». Білий колір зовнішності людини: *біле лице, біле тіло* – не просто зовнішня краса, а й краса здорової людини. У замовлянні «Волосъ выливаютъ»: […] *тутъ тоби нэ буты, тутъ тоби нэ стояты,* ***билой косты*** *нэ ломаты, червонои крови нэ пыты* [Иванов, с.1003] сталий вираз *біла кість* у словниках має позначку *зневажливе*: 'люди знатного, дворянського походження' [ФС – т.1, с.378]. В означеному замовлянні не має розмежень за майновим становищем чи походженням людини, семантичне наповнення прикметника в складі ідіоми розкриває контекст: реалізована сема 'здоровий', яка закріпилася в межах функціонування ад'єктива – в замовляннях.

Прикметник *білий* нерідко слобожанці вживають у складі ще одного сталого виразу: *Голубыни глаза / **На свитъ билый** не глядять, / Про любови говорять говорять, / Якъ любыла одного / И страждала одного* [Иванов, с.161]; ***На свитъ билый** не глядя, на прыгорки Маша стояла, тай соловейко держала* [Иванов 856); *Лежить мистъ въ добрий ристъ, на киньци цвитъ, **на** весь **билый свитъ*** (Великдень) [Иванов, с.382]. Спочатку у свідомості, а вторично у мовленні закріпилася асоціація про *білий* як колір божого світла: *світ → божий → світлий → білий*. Ідіому в даних контекстах інтерпретуємо як ‘божий світ’, ‘світлий’.

Лексема *білий* має розгалужену семантику і в складі вільних сполучень: *Там хата моя, / **Билымъ свитомъ** вся / Обгорожэна; / Викна вузэньки, / Й стэля тэмнэнька / Небомъ прыкрыта* [Иванов, с.663], не вказуючи на конкретну кольорову семантику, реалізує сему ‘навколишній світ, природа’

У мовленні діалектоносіїв вербалізовано і розуміння сполучення *на білому світі:* «на землі, серед людей» [СУМ – т.1, с.181]: *Полу|ч’іли ми з|нач’іт’ г|рош ̈і / |йіхала о|дин раз / хо|т’іла со^{у}|б’і шос’ ку|пити / а ў трам|вайі ме^{и}|не об ̈ік|рали / хо|т’іла ўже йти |в ̈ішац’:а / а|ле д’іў|ч’ата ме^{и}|не спас|ли / ĭ не хо^{у}|т’іла **на |б ̈ілому с|в ̈ім’і** жит’* [УССГ, с.218]

Аналізований прикметник визначає також початок дня, світанок. Знову ж таки лексеми *білий* і *світлий* ототожнюються, і трансформований зворот має узагальнене значення ‘світлий’ у зафіксованому обряді – сватання: *Вчора звечера пороша пала, / Та по тый пороши куночка походыла, / А **къ билому свиту** охотныкы на слидъ спалыся, / Тай кунучку пиймалы; / Вчора звечера порошенька впала, Та по тий пороши Паранька походыла, А **къ билому свиту** старосты на слидъ спалысь, Тай Параньку выслидовалы* [Иванов, с.345]. Із загальною семантикою ‘світлий’ сприймаємо лексему в складі ідіоми *білий день*, тобто ‘денна година’, ‘світла доба’: ***Середъ билого дня** / Пишовъ жоночку искать; / Пишовъ жоночку искать, / Шинкарочку пытать* [Иванов, с.152].

Отже, проведене нами дослідження показало, що прикметник *білий* в українських східнослобожанських говірках має розгалужену семантику, яка повною мірою може розкритися

саме в тексті. Інтерпретація фактичного матеріалу засвідчує взаємозалежний зв'язок: сприйняття певних реалій навколишнього світу через зоровий канал, спогади та інше пов'язане з кольоровими асоціаціями, свідомо чи підсвідомо викликає, як один з основних, чорний колір – позитивні чи негативні асоціації. Слобожани сполучають ад'єктив *білий* з іменниками на позначення зовнішності людини (*тіло, лице, руки, ноги, груди*), на позначення одягу, взуття, виробів з певного матеріалу (*хустка, плаття, фата, сорочка, капці, полотно, постіль, нитки* тощо); з назвами природних об'єктів (*пісок, глина, крейда, хмари, пил, піна*, *ріка, камінь* тощо) та ін. Аналіз діалектних текстів східнослобожанського ареалу виявив, що прикметник *чорний* у сполученні з іменниками вербалізує і спектральне значення, і додаткові смисли.

1. Перспективу подальших наукових досліджень убачаємо в аналізі семантичної структури прикметника *білий* у сполученні з іншими групами іменників (приміщення, його елементи, предмети побуту, рослинний світ, харчові продукти тощо).

Література

1. Бахилина, Н. Б. История цветообозначений в русском языке / Н. Б. Бахилина. – М., 1975. – 289 с.

2. Дзівак, О. М. З історії назв кольорів / О. М. Дзівак // Українська мова і література в школі. – 1973. – № 9. – С. 81–84.

3. Кириченко, А. П. До семантичної характеристики назв кольорів у східнослов'янських мовах / А. П. Кириченко // Питання українського мовознавства. – Львів : Вид-во Львівського ун-ту, 1960. – Книга 4. – С. 127–136.

4. Крижанська, О. Яким буває червоне? (Синонімічні кольороназви в українській мові) / О. Крижанська // Урок української. – 2001. – № 2 (24). – С. 22–24.

5. Критенко, А. П. Семантична структура назв кольорів в українській мові / А. П. Критенко // Мовознавство. – 1967. – № 4. – С. 97–112.

Список джерел

ФС – Фразеологічний словник української мови: у 2 кн. / укл. В. М Білоноженко та ін. – К. : Наук. думка, 1993. – Кн. 1. – 528 с.

Старобільщина – Старобільщина : матеріали фолькл.-діалектол. експедицій / за ред. З. С. Сікорської. – Луганськ: Шлях. – 2000. – 128 с.

Иванов – Иванов, В. В. Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии: Очерки по этнографии края / под. ред. В. Иванова. – Харьков, 1898. – Т. 1. – 1008 с.

СУМ – Словник української мови : в 11 т. / ред. кол.: І. К. Білодід, А. А. Бурячок, В. В. Винник та ін. – К. : Наук. думка, 1970-1980. – Т. 1.

УССГ – Українські східнослобожанські говірки : сучасні діалектні тексти : навч. посіб. / за ред. К. Д. Глуховцевої. – Луганськ : Вид-во ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2011. – 424 с.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОБЪЕКТ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Колесникова Ольга Вячеславовна
Россия, Симферополь, Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», olgakolesnikova128@gmail.com

В статье рассмотрены фразеологизмы семантической группы «Эмоциональное воздействие на объект». Представлена структура данной группы, предполагающая вычленение таких семантических рядов, как «Вызывать эмоции», «Вызывать положительные эмоции» и «Вызывать отрицательные эмоции». Лингвокультурологический анализ позволяет выявить представления о национально-культурных особенностях репрезентации эмоционального воздействия, зафиксированного в фразеологической картине мира русского языка.

Ключевые слова: фразеологизм, лингвокультурология, эмоциональное воздействие, каузатор, каузируемое лицо.

Для современного языкознания характерно стремление изучать язык в тесной связи с жизнью человека. При таком подходе большой интерес представляет изучение языковых единиц, отражающих явления, характерные для культуры народа, носителя языка. Интерес к проблемам взаимосвязи языка и культуры, языка и этноса способствовал активизации исследований по фразеологии в лингвокогнитивном аспекте, включая лингвокультурологическую парадигму. Внимание учёных сосредоточено на следующих вопросах: национально-культурная специфика семантики фразеологических единиц (ФЕ)

(М. В. Жуйкова, О. М. Каракуця, Е. П. Левченко, В. А. Маслова, Ю. Ф. Прадид, Л. В. Савченко, Е. А. Селиванова, В. Н. Телия, В. Д. Ужченко, А. М. Эмирова и др.), антропоцентризм фразеологической семантики (Н. Ф. Грозян, О. В. Забуранна, Н. Б. Демьяненко, И. В. Навроцкая, А. М. Эмирова, и др.), ономасиологическая структура ФЕ (А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, А. М. Эмирова, Е. А. Селиванова и др.) и т. д.

Актуальность темы данного исследования обусловливается значимостью описания эмоциональных состояний как ценностной составляющей русской фразеологической картины мира.

Целью работы является анализ фразеологизмов семантической группы «Эмоциональное воздействие на объект» как репрезентантов ассоциативно-образного изображения действительности.

Анализ фактического материала, извлеченного путем сплошной выборки из фразеологических словарей [1; 2; 8], позволил выявить структуру исследуемой семантической группы ФЕ, которая представлена следующими семантическими рядами: «Вызывать эмоции»; «Вызывать положительные эмоции» и «Вызывать отрицательные эмоции». Ситуации, представленные ФЕ указанной группы, подразумевают наличие каузатора и каузируемого лица. В роли каузатора может выступать человек (группа людей), явление или какое-л. событие.

ФЕ указанной семантики подробно исследовались в работах Э. Н. Покровской, Ю. Ф. Прадида, В. И. Шаховского, А. М. Эмировой и др., где основное внимание уделяется их структурно-семантическим характеристикам.

В нашей же работе ФЕ указанной семантики рассматриваются с учетом каузальной ситуации и лингвокультурологической парадигмы изучения языка.

Показательно, что в структуре данных ФЕ присутствуют компоненты *душа, сердце,* символизирующие место средоточия эмоций.

Семантический ряд **«Вызывать эмоции»** представлен такими ФЕ, как: *пронзать / пронзить душу (сердце) чью (чьё), кому; затрагивать (задевать, забирать) /затронуть (задеть,*

забрать) за живое; брать (хватать) /взять за душу (за сердце); поражать / поразить в (самое) сердце кого и т.д. Во внутренней форме данных ФЕ используются глаголы со значением физического действия *(пронзать / пронзить; затрагивать (задевать, забирать) / затронуть (задеть, забрать); брать (хватать) / взять),* которые привносят сему интенсивности в значение всего фразеологизма. В данном случае не конкретизируется, какие именно эмоции вызывает каузатор у каузируемого лица, что и обусловливает нейтральную эмотивную окраску ФЕ данного ряда: *Лихо! – поскреб каракулевую макушку Нгале Агвара. - Безграмотно, зато как* ***берет за душу!*** *Да, это понаглее прежних манифестов...* (А. Дмитрук. Ветви большого дома); *И сразу отпустило, и цикады уже не* ***бередили*** *душу трепетным многоголосием, а убаюкивали...* (Б. Акунин. Пелагия и белый бульдог).

Семантический ряд ***«Вызывать положительные эмоции»*** представляют ФЕ *согреть душу; отогревать / отогреть душу (сердце); развеселить душу* и т.д. При этом подразумевается, что каузатор вызывает эмоции радости, счастья у каузируемого лица. Образ данных ФЕ может быть основан на метафоре «механическое воздействие на предмет – изменение эмоционального состояния». В данном случае во внутренней форме ФЕ лежит архетип огня. Данные ФЕ получают коннотации одобрения: *Греция – православная страна, и это вызывает родственные чувств*а, *как-то согревает душу* (В. В. Овчинников. Своими глазами).

Семантический ряд ***«Вызывать отрицательные эмоции»*** является наиболее многочисленным *(надрывать / надорвать душу (сердце); рвать душу (сердце); приводить / привести в сердце кого; бередить рану (душу) (душевную рану) чью, в ком* и т. д.). Необходимо отметить, что негативные эмоции концептуализированы в языке в большей степени, что свидетельствует о преобладающей интроспекции человека своих негативных ощущений над позитивными. При этом подразумевается, что каузатор вызывает эмоции грусти, печали, злости, раздражении и т. д. Данные ФЕ получают коннотации неодобрения.

Образы данных ФЕ основаны на представлениях о душе как о субстанции (согласно религиозным представлениям бессмертная, нематериальная основа в человеке), которая испытывает внешнее воздействие и наделяется следующими особенностями: она имеет физические характеристики объёма, ёмкости, густоты или жидкости; физиологические – боли, повреждения и т.д. Во внутренних формах ФЕ присутствует метонимия «человек – его часть». Мы выделяем синонимический ряд ФЕ, в образе которых локализация психической сферы объективирована при помощи физических характеристик объема: *бередить рану (душу) (душевную рану) чью, в ком; как ножом по сердцу полоснуть (резонуть) кого* и т.д.: *Безответные вопросы «почему» и «зачем» бередили душу (*Андрей Троицкий. Удар из прошлого).

Семантическое единство образует также синонимический ряд ФЕ, механизмом образования которых является метафорическая схема «вызывать негативные эмоции – пытаться деформировать предмет»: *терзать душу (сердце); тянуть (за) душу; трепать душу* и т. д.: *За окном облетает листва.* ***Душу треплет*** *пустая молва* (И. Мордовина. Одиноко молюсь в тишине).

Следующий синонимический ряд ФЕ характеризуется наличием каузативного глагола с семантикой ‘нарушение целостности предмета’: *надрывать /надорвать душу (сердце); рвать душу (сердце); вырывать душу* и т.д.: *Из нашего общества уйдет коррупция, уйдут разврат, нечистота, обман, стяжательство – все то, что* ***надрывает душу*** (www.annews.ru/2007/5/14).

В рамках данного семантического ряда мы рассматриваем также ФЕ, не включающие в свой состав компонент *душа (сердце): наступать /наступить на (любимую) мозоль кому; задевать / задеть за больную струну кого; переполнять / переполнить чашу терпения; портить (трепать / потрепать) нервы кому; портить (трепать / потрепать) нервы кому; доводить / довести до белого каления кого; выводить из себя; сводить / свести с ума кого; портить / испортить кровь кому* и т.д.

Компоненты *(любимая) мозоль* и *больная струна* в составе ФЕ *наступать / наступить на (любимую) мозоль кому; задевать*

/ задеть за больную струну кого; выступают символами страдания. Компоненты *наступать / наступить, задевать / задеть* связаны с деятельностным кодом культуры и несут семантику ‘обидеть, причинить боль’: *Инельга злобно зашипела, то ли от боли, то ли от того, что Рейнар, сам того не желая,* ***наступил*** *ей* ***на любимую мозоль*** **(**В. Свержин. Капитан Брасид); *– Отец, Вы* ***задели*** *самую* ***больную струну*** *моего сердца. Да, мы об этом еще не говорили. И хотя, как горец, я не боюсь ни волка, ни камнепада, но этого разговора, не буду от Вас скрывать, я страшусь* (Н. Абдуллаева. Исповедь счастливой женщины). Компонент *чаша* в структуре ФЕ *переполнять / переполнить чашу терпения* выступает в роли эталона, т.е. меры терпения человека. Компонент *переполнять / переполнить* соотносится с деятельностным кодом культуры и символизирует избыточность чего-л.: *Все медработники прекрасно понимают свою ответственность перед больными. Поэтому в пикете будут участвовать лишь те, кто свободен в этот день.* ***Чаша терпения переполнена,*** *и люди больше не могут молчать* (www.shans.com.ua/2008/5/17).

ФЕ *портить (трепать / потрепать) нервы кому; доводить / довести до белого каления кого; сводить / свести с ума кого; портить / испортить кровь кому* и т.д. употребляются с семантикой ‘раздражать’. При этом компоненты *нервы, ум, кровь* соотносятся с телесным кодом культуры и символизируют жизненные силы: *Как уточнил господин Маркин, между «Воронежпромбанком» и Сбербанком существует договоренность не* ***трепать*** *друг другу* ***нервы*** (www.kommersant.ru/2008/9/24).

ФЕ могут описывать высшую степень раздражения объекта: *выводить / вывести из равновесия; доводить / довести до белого каления; выводить /вывести из себя.* ФЕ *выводить / вывести из равновесия* и *выводить / вывести из себя* восходят к ситуации потери самообладания: *- О, как меня* ***выводила из себя*** *эта его невозмутимая манера, этот менторский тон! Но я старался держать себя в руках* (Б. Акунин. Коронация). ФЕ *доводить / довести до белого каления* описывает высшую степень раздражения путём уподобления железа при кипении чувствам

человека: *Опаленный снаружи, раскаленный внутри», его лирический герой доводит до белого каления музыковедов элементарной мелодикой и грандиозным самомнением, нарочитой набожностью, ежеминутным напоминанием, что он пролетарская косточка, из голытьбы* (Комсомольская правда, 2012.12.14).

Итак, ФЕ данной группы описывают ситуации, в которых каузатор вызывает положительные или негативные эмоции у каузируемого лица. Вторая ситуация гораздо чаще представлена фразеологическими средствами, чем первая, что связано с более сильным переживанием негативных эмоций. Эмоциональное состояние, вызванное каузатором, в ряде случаев может не конкретизироваться.

В образе данных ФЕ часто присутствует компонент *душа (сердце),* который наделяется физическими, физиологическими характеристиками и включается в метонимию «человек – его часть».

Литература

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. – 2-е изд. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.

2. Жуков, В. П. Словарь фразеологических синонимов русского языка / В. П. Жуков, М. И. Сидоренко, В. Т. Шкляров. – М.: Русский язык, 1987. – 448 с.

3. Ковшова, М. Л. Семантика и прагматика фразеологизмов: лингвокультурологический аспект: автореф. дисс. на соискание ученой степени докт. филол. наук. / М. Л. Ковшова. – М., 2009. – 48 с.

4. Колесникова, О. В. Лингвокультурологическое описание фразеологизмов тематической группы «Социальные действия человека» / О. В. Колесникова // Научный диалог. – Выпуск № 11 (59). – Екатеринбург, 2016. – С. 40–51.

5. Маслова, В.А. Homo lingualis в культуре / В. А. Маслова. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.

6. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

7. Ященко, Т. А. Каузация в русском языковом сознании / Т. А. Ященко. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2006. – 478 с.

8. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1986. – 1335 с.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С СЕМОЙ «ЭМОЦИЯ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С. ДОВЛАТОВА

Колесникова Ольга Вячеславовна,
Грищенко Анастасия Сергеевна
Россия, Симферополь, Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», olgakolesnikova128@gmail.com

В статье рассмотрены эмотивные прилагательные, репрезентированные в произведениях С. Довлатова. Представлены основные структурно-семантические особенности лексем и описаны лексико-семантические группы: эмотивные прилагательные каузации состояния, эмоционального отношения, эмоционального состояния, бытийного состояния.

Ключевые слова: эмотивность, эмотивная лексика, структурно-семантический анализ, прилагательные с семой «эмоция».

Эмоции – одна из форм отражения, познания и оценки объективной действительности. Каждый человек испытывает эмоции, они влияют на его поведение, эмоционально окрашивают речь. Наиболее ярко и многообразно эмоции представлены на лексическом уровне. Они представлены существительными, глаголами, прилагательными, наречиями, междометиями, фразеологизмами и словами категории состояния.

Изучение эмотивной лексики очень важно для современной лингвистики, ведь до сих пор не существует ее единой классификации. Перед учеными, изучающими эмотивную лексику, стоит главная задача – создание полной классификации эмотивной лексики и выделение совокупности эмоциональных средств, которыми она выражена.

Изучению эмотивной лексики посвящены труды таких известных лингвистов, как Л. Г. Бабенко, В. И. Шаховского, В. В. Виноградова, О. В. Растопчинской, Н. В. Козыревой и многих других.

Все большее внимание лингвистов привлекают идеи классификации эмотивной лексики и анализ ее отдельных лексико-семантических групп.

Цель нашего исследования – классификация прилагательных с семой «эмоция» в произведении С. Д. Довлатова «Чемодан» и их распределение по лексико-семантическим группам.

Одной из форм отражения, познания и оценки окружающего нас мира являются эмоции. Человек испытывает их на протяжении всей своей жизни, они сопровождают его во время любой деятельности или бездеятельности. Нередко используется термин «чувства» как идентичное обозначение переживаний, ощущений и психологических состояний человека. По мнению В. Х. Шингарова, эмоции и чувства являются абсолютно разными ступенями развития эмоциональной сферы отражения реального мира [7, с.153]. В то же время В. С. Дерябин считает, что эмоции и чувства очень тесно связаны, их невозможно отделить друг от друга [3, с.99].

Анализ толковых, психологических и философских словарей позволил сделать вывод о том, что эмоции и чувства неравнозначны. Их основное различие заключается в длительности проявления. Эмоции ситуативны, а чувства являются более устойчивыми.

Учеными предпринималось множество попыток классифицировать эмоциональные состояния и переживания. Это делали Д. Юм, Р. Декарт, К. Ушинский, однако их классификации не получили широкого признания, так как были построены на неправильной теоретической основе [5, с.105].

Б. И. Додонов создал классификацию, в которой описываются те эмоции, которые являются «ценными» для людей. Ученый среди всего многообразия языка выделяет десять категорий эмоций, каждая из которых основывается на определенной потребности человека или его стремлении к чему-либо. Например, *глорические* эмоции связаны с потребностью человека в самоутверждении; *гедонистические* — с потребностью в удовольствии, удобствах и комфорте; *эстетические* – с восприятием произведений искусства, наслаждение их красотой, звуками и т. д. [5, с.109–122].

По мнению исследователя, наиболее ярко и многообразно эмоции представлены на лексическом уровне. Они выражаются с помощью существительных, прилагательных, глаголов, наречий, междометий и слов категории состояния.

Изучение эмотивной лексики является важной проблемой лингвистики, так как она долгое время практически не изучалась, это было связано с трудностью ее выявления в живой речи и в текстах художественных произведений. С течением времени лингвисты стали уделять ей все больше внимания.

Нами была классифицирована эмотивная лексика сборника рассказов С. Д. Довлатова «Чемодан». За основу была взята классификация Л. Г. Бабенко, которая рассматривает эмотивную лексику в основных морфологических классах русского языка: глаголах, существительных, прилагательных, наречиях, словах категории состояния и междометиях [1, с.3–4].

Проанализировав эмотивную лексику в сборнике рассказов С. Довлатова «Чемодан», мы получили процентное соотношение морфологических классов эмотивной лексики, которое представлено в следующем процентном соотношении: глаголы (43,4 %), существительные (22,8%), прилагательные (15%), наречия (9,8%), фразеологизмы (3,9 %), слова категории состояния (4,2 %) и междометия (0,9%).

Одной из наиболее многочисленных групп эмотивной лексики являются эмотивные прилагательные, которые составляют 15% всей эмотивной лексики, представленной в сборнике рассказов С. Довлатова «Чемодан». Эмотивные прилагательные из-за своей ситуативности семантически притягиваются к глаголу, а грамматически тяготеют к существительным. Мы предлагаем делить их на следующие лексико-семантические группы (далее – ЛСГ):

1) Прилагательные каузации состояния определяются как «вызывающие чувства». Они составляют наименьшую группу эмотивных прилагательных (3%). В данной группе над лексемами с положительной семантикой преобладают прилагательные, описывающие негативные эмоции. К лексемам с положительной семантикой относятся следующие прилагательные: *трогательный* («*Короче, наши матери*

превратились в одинаково грустных и ***трогательных*** *старух*» («Куртка Фернана Леже»)), *привлекательный* («*Все они казались мне тогда загадочными, сильными,* ***привлекательными***» («Креповые финские носки»)).

Прилагательные с негативной семантикой представлены более широко: *оскорбительный* («*К тому же их любовь носила* ***оскорбительный*** *для меня характер*» («Зимняя шапка»)), *скорбный* («*Вид у него был просительный и* ***скорбный***» («Офицерский ремень»)), *страшный* («*Увидев меня, брат поднял* ***страшный*** *крик*» («Зимняя шапка»); «*Жилище ее производило* ***страшное*** *впечатление*» («Приличный двубортный костюм»)). Несколько раз в рассказах используется прилагательное *ненавистный* для передачи негативного чувства к людям («*В действительности же слуги любят* ***ненавистных*** *хозяев гораздо больше, чем кажется*» («Куртка Фернана Леже») и неодушевленным существительным («*Кажется, я сказал ему, что Румыния мне* ***ненавистна***» («Куртка Фернана Леже»)).

2) Прилагательные эмоционального отношения. Данная ЛСГ является немногочисленной (3 %). В ней, как и в предыдущей группе, практически все прилагательные имеют негативные коннотации.

Наиболее употребляемым является прилагательное *уродливый*. Его автор использует несколько раз в разных рассказах. Данная лексема выражает крайне негативное отношение к предметам («*Собираясь в редакцию, я натянул* ***уродливую*** *лыжную шапочку, забытую кем-то из гостей*» («Зимняя шапка»); «*Это –* ***уродливый*** *цирковой номер!*» («Креповые финские носки»)). Интересно отметить, что данная лексема не используется автором для описания героев произведений.

Единожды употребляются эмотивные прилагательные: *жалкий* («*Мне было приятно хранить эту* ***жалкую*** *тайну*» («Куртка Фернана Леже»)), *пропащий* («*А между ними –* ***пропащая****, бесценная, единственная жизнь*», (Предисловие)), *злополучный* («*Нам предстояло вывесить свой* ***злополучный*** *рельеф*» («Номенклатурные полуботинки»)), *гнусный* («*Настроение у меня было* ***гнусное***» («Зимняя шапка»)). Лишь два прилагательных имеют положительные коннотации:

бесценный, *единственный* («А *между ними – пропащая,* ***бесценная, единственная*** *жизнь*» (Предисловие)).

3) Прилагательные эмоционального состояния (3%) выражают чувства и эмоции**.** В сборнике рассказов С. Довлатова «Чемодан» все прилагательные данной ЛСГ имеют отрицательные коннотации. К ним относятся: *злой* («*Его лицо становилось все более* ***злым*** *и угрюмым*» («Офицерский ремень»)), *страдальческий* («*Временами по его лицу бродила* ***страдальческая*** *улыбка*» («Номенклатурные полуботинки»), *невозмутимый* («*Зато водитель оставался совершенно* ***невозмутимым***» («Шоферские перчатки»)), *растерянный* («*Я, разумеется, не видел этого. Но я догадывался об этом по выражению его* ***растерянного*** *лица*» («Номенклатурные полуботинки»)).

4) Прилагательные бытийного состояния являются наиболее многочисленной группой, которая составляет 6,3%. В нее входят прилагательные, описывающие какие-либо чувства. В отличие от других ЛСГ данная группа содержит равное количество лексем с положительной и отрицательной семантикой.

К прилагательным с положительной семантикой относятся: *влюбленный* («*Я заметил – когда человек* ***влюблен*** *и у него долги, то предметом разговоров становится его моральный облик*» («Креповые финские носки»)), *радостный* («*На секунду появился мой брат, возбужденный и* ***радостный***» («Зимняя шапка»)), *смущенный* («***Смущенную*** *барышню в дешевом купальнике под размашистой надписью «Евпатория»*» («Поплиновая рубашка»)), *счастливый* («*Какая ты* ***счастливая****, Нора*» («Куртка Фернана Леже»).

Таким образом, в результате нашего исследования мы пришли к следующим выводам: эмотивные прилагательные, репрезентированные в произведении С. Довлатова, описывают в большинстве своем отрицательные эмоции и лишь немногие – положительные. Распределение фактического материала по 4 лексико-семантическим группам (каузация состояния; эмоцинальное состояние; эмоциональное отношение; бытийное

состояние) позволило выявить основные структурные и семантические особенности лексем указанной семантики.

Литература

1. Бабенко, Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с.
2. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л. Г. Бабенко. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 496 с.
3. Дерябин, В. С. Чувства, влечения, эмоции / В. С. Дерябин. – Л.: Наука, 1980. – 258 с.
4. Довлатов, С. Д. Чемодан [Электронный ресурс] / С. Д. Довлатов. – Режим доступа. URL : http://www.sergeidovlatov.com/books/chemodan.html (дата обращения 08.08.2017).
5. Додонов, Б. И. Эмоция как ценность / Б. И. Додонов. – М.: Политиздат, 1978. – 271 с.
6. Ивашкович, Т. И. Эмотивные смыслы в семной структуре слова / Т. И. Ивашкович, Е. О. Максимова // Международный студенческий научный вестник [Электронный ресурс]. – Режим доступа. URL: http://www.scienceforum.ru/2014/pdf/2949.pdf (дата обращения 10.09.2017).
7. Ленько, Г. Н. Анализ категории эмотивности и смежных с нею понятий / Г. Н. Ленько // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – №1. – 2015. – С.84 –91.
8. Маслова, В. А. Homo lingualis в культуре / В. А. Маслова. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.
9. Миниханова, Л. К. Художественная картина мира как особый способ отражения действительности / Л. К. Миниханова, Ф. Г. Фаткуллина // Вестник Башкирского университета. – №3(I), Т. 17. – 2012. – С.1626–1627.
10. Шингаров, Г. Х. Эмоции и чувства как форма отражения действительности / Г. Х. Шингаров. – М.: Наука, 1971. – 223 с.

К ВОПРОСУ ОБ АЛГОРИТМИЗАЦИИ ДИСКУРСИВНОГО ПРОЦЕССА

Кондрашкина Екатерина Юрьевна
Россия, Саранск, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, katarina.uk@mail.ru

В статье раскрываются вопросы, касающиеся возможности воссоздать дискурс с помощью алгоритма. Автор на примере инструктивного дискурса указывает на необходимость в моделировании дискурсивного процесса, который отражает переход компонентов коммуникативной ситуации инструктирования в текстовые категории, и приходит к выводу о применимости алгоритма при описании языковых явлений.

Ключевые слова: инструкция, инструктивный дискурс, инструктивный текст, модель, моделирование, алгоритм.

Рубеж XX–XXI веков ознаменовался господством антропоцентрической парадигмы, в центре внимания которой находится личность человека во всем ее многообразии. Язык предстает не как обособленная система, опосредованно связанная с деятельностью человека, а как её неотъемлемая часть. На передний план выходят теории, позволяющие исследовать язык в действии. Одной из самых популярных теорий является теория дискурса. Дискурс обычно определяется в соотношении с тем или иным типом текста. В одной из работ мы выявили и описали инструктивный дискурс как особое явление коммуникативного порядка. Он представляет собой «процесс написания инструкции и результат, заключающийся не только в создании текста как свода правил, но и в предполагаемой обратной реакции адресата, выраженной соответствующими ожидаемыми действиями» [2, с.57]. Инструктивный дискурс возникает как реакция на проблемную ситуацию инструктирования, однако не является простым сочетанием коммуникативной ситуации и текста, поскольку механизм трансформации ситуации в текст носит более сложный процессуальный характер. Мы считаем необходимым показать особенности переложения компонентов

коммуникативной ситуации в смысловые компоненты текста через моделирование этого процесса. Моделирование как метод подходит для аналитического описания таких языковых явлений, которые мы не можем наблюдать в естественных условиях. В. В. Доброва отмечает, что термин «моделирование» в отношении языковых единиц употребляется в трех смыслах: 1) специфическое отображение действительности языковыми единицами; 2) строение и построение языковых единиц по определенным образцам, эталонам; 3) научное описание строения, образования и функционирования языковых единиц в соответствии с изложенными методологическими принципами [1, с.149]. Первое значение отображает общее свойство моделирования преобразовывать окружающее пространство. Второе значение отражает частный процесс построения некой структуры – модели, которая также подвергается исследованию, на что прямо указывается в третьем определении. Соответственно, моделирование предполагает общее обоснование особенностей моделирования, построение модели и последующее ее изучение. Модель, как отмечает Ю. В. Кравцова, «это конкретный образ исследуемого объекта, в котором отображаются реальные или предполагаемые свойства, либо другой объект, реально существующий наряду с изучаемым и сходный с ним в отношении определенных свойств или структурных особенностей» [3, с.182]. Модели в лингвистике используются с целью выявления и изучения структур, лежащих в основе разнообразных языковых явлений, что способствует уточнению тех или иных лингвистических понятий и связей между ними при описании языка. В любой модели фиксируются: объекты, соответствующие данным непосредственного наблюдения, – множество звуков, слов, предложений; объекты, конструируемые исследователем для описания, – заранее заданные, строго ограниченные наборы категорий, признаков, элементарных смысловых структур и т. п.

Характер соотношения модели и моделирования емко сформулировал И. Н. Ремхе, поясняя, что данные понятия используют для указания на процесс и результат этого процесса. Моделирование заключается «в генерации и проверке гипотез о функциональной структуре наблюдаемого явления, <…> модель

– это сама структура, обладающая объяснительной силой и изображаемая с этой целью в виде схем, объясняющих поведение наблюдаемой ситуации [5, с.95]. По замечанию Ю. В. Поветкиной, создать модель объекта – значит «выдвинуть гипотезу о его возможном устройстве и реализовать ее в виде логического устройства, способного перерабатывать некоторый материал так же, как это делает реальный механизм в естественных условиях» [4, с.133].

Чтобы проследить трансформацию смыслов, нужна модель разветвленная, многослойная, затрагивающая все уровни организации текста. Безусловно, такая модель будет менее универсальной и применимой только к определенному типу текстов, однако и более результативной. Эта модель в любом случае будет экспериментальной, в которой допустимы преобразования элементов. Преобразование осуществляется исследователем на основе тех объективных данных, которые даны на входе и выходе модели. Однозначность исходных данных и четкость процедур моделирования напоминает математический алгоритм. И сама инструкция с указанием «что делать» также является алгоритмом.

Теория алгоритмов разрабатывалась в рамках математики и нашла свое применение не только в науках технического профиля. Все чаще алгоритмы используются при описании языковых процессов. С одной стороны, положения теории алгоритмов позволяют упорядочить характеристики исследуемых объектов, выявить структуру и взаимосвязи между элементами и задать последовательность представления. С другой стороны, теорию алгоритмов следует применять с некоторыми допущениями, поскольку механизмы регулирования математической системы и языка отличаются. Язык более вариативен, соответственно, термин исключения применительно к математическим и языковым знакам имеет различную трактовку. Проблема и заключается в том, что теория алгоритмов пока еще не адаптирована к языку. Выявим некоторые особенности алгоритма применительно к данному исследованию. Сразу отметим, что алгоритм формализует такую пошаговую процедуру, на вход которой поступает некоторое исходное

представление, а на выходе получается результирующее представление (похоже на устройство «черного ящика»).

Алгоритм – сформулированное на некотором языке правило, указывающее на действия, последовательное выполнение которых приводит от исходных данных к искомому результату. Алгоритм должен быть понятен для исполнителя, команды последовательны и точны, причем фиксируется момент начала и окончания действия, а также результат исполнения. Результативность – одна из наиболее важных характеристик алгоритма, поскольку суть его воплощения и заключается в достижении результата. Массовость алгоритма обеспечивается его применимостью к любой формулировке задачи, для которой он разработан.

Однако алгоритм – система жестких предписывающих правил, поскольку реализуется посредством компьютерных процедур. Для нас важным является осуществление алгоритма человеком. При моделировании дискурса мы сталкивается с проблемой, когда строгость построения алгоритмов вступает в противоречие с принципами функционирования изучаемого объекта. Аспекты взаимосвязи текста и компьютера находятся в ведении прикладной лингвистики. Это одно из направлений языкознания, которое адаптировало алгоритм к исследованию текстов. Однако эти исследования в большей степени связаны с проблемой «компьютер–речь», «область данных» и другими сторонами, отражающими перспективные прикладные аспекты языка. При исследовании языка и речи мы не можем быть столь категоричны, особенно в случаях, когда речь идет о сложной разноуровневой модели. О возможности использования «нежестких» процедур пишут В. М. Савицкий, Е. М. Савицкая. Нестрогие (эвристические) алгоритмы называют планами. «План – нечетко заданная, приблизительная программа решения задачи, предполагающая в той или иной мере творческий поиск пути, на котором принимаются во внимание параметры макро- и микроконтекста задачи» [6, с.771]. Творческий подход, по их мнению, подразумевает интеллектуальную способность человека решать задачи, для которых не создано алгоритмов, то есть способность созидать алгоритмы решения задач, учитывая социокультурные и психологические факторы. Процесс они

описывают следующим образом: «Строя высказывание, субъект ориентируется на социокультурный сценарий, в котором происходит коммуникативный акт. Он оценивает его социосемиотические параметры и подстраивается под них, чтобы достичь своей коммуникативной цели. Необходимости подчиняться условиям общения и в то же время реализовать свое речевое намерение подчас требует от говорящего творческого подхода к построению речи. Это и есть эвристический компонент коммуникации, предполагающий применение гибкой стратегии по нестрогому алгоритму, который оставляет некоторую свободу для речетворчества, лифт, возможности выбора в определенном диапазоне возможностей» [6, с.772]. Авторы справедливо отмечают, что применение алгоритма для лингвистических целей должно носить творческий характер. Мы творческий характер видим в *реализации* алгоритма. Сама же система должна быть жестко прописана, с учетом потенциальных исключений и возможных вариаций. Система жестких предписаний в совокупности с творческой переработкой данных позволяют адекватно охарактеризовать специфику текста и максимально снизить субъективный фактор.

Алгоритм и процесс его выполнения алгоритма напоминает соотношение языка и речи, т. е. систему, механизмы, по которым строится эта система, и использование ее элементов для решения конкретной задачи в процессе коммуникации. Благодаря такой системе мы можем описать дискурс и текст, выявить и объяснить спорные моменты в исследовании этих явлений. Согласимся с выводами А. А. Стриженко о том, что исследования с применением математических теорий нужны «для более чёткого выделения категорий, индикаторов и признаков текста как рамочной конструкции» [7, с.29].

Введение алгоритма для моделирования инструктивного дискурса мы считаем оправданным, поскольку эта теория согласуется со всеми аспектами исследования. Во-первых, сама инструкция указывает на порядок, способ осуществления чего-либо. При обращении к инструкции адресат получает ответ «что делать», чтобы достичь результата. Алгоритм – порядок шагов, который регламентирует действия исследователя, предписывает

определенную систему действий, с помощью которого создается тип решения задачи. Строгое следование алгоритму влияет на эффективность процедур и достижение результата. Императивность, претерпевающая вариации в зависимости от прагматических факторов, стандартизированность формы и процедур, результативность – свойства, сближающие инструкцию и алгоритм. Выполнение шагов алгоритма – процесс, что потенциально отражает процессуальный характер дискурса. Этот процесс позволит «восстановить» неизвестные величины между ситуацией и реализацией ее характеристик в тексте и объяснить противоречия.

Таким образом, при воссоздании инструктивного дискурса мы скорее будем говорить не о моделировании, а об алгоритмизации дискурса, которая представляет собой набор строго разработанных процедур, творчески преобразовывая которые исследователь получает на выходе текст.

Литература

1. Доброва, В. В. Моделирование как метод познания ненаблюдаемых объектов / В. В. Доброва // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – № 1. – Киров : Изд-во Вятского государственного университета, 2015. – С. 146–152.

3. Кондрашкина, Е. Ю. Инструктивный дискурс в коммуникативно-прагматическом аспекте / Е. Ю. Кондрашкина // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия : Русская филология. – № 5. – М. : Изд-во Московского государственного областного университета, 2016. – С. 55–62.

4. Кравцова, Ю. В. Моделирование в современной лингвистике / Ю. В. Кравцова // Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка. – № 5 (77). – Житомир : Изд-во Житомирского государственного университета имени Ивана Франко, 2015.– С. 181–189.

5. Поветкина, Ю. В. Моделирование как метод лингвистического исследования / Ю. В. Поветкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 6 (17). – Тамбов : Издательство «Грамота», 2012. – С. 132–136.

6. Ремхе, И. Н. Статус модели в лингвистических науках и ее реализация в когнитивном моделировании языка / И. Н. Ремхе // Вестник Челябинского государственного университета. – № 8 (86). – Челябинск : Изд-во Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, 2007. — С. 94–98.

7. Савицкий, В. М. Порождение высказывания как эвристический алгоритм / В. М. Савицкий, Е. М. Савицкая // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Филология. – Т. 14. – № 2 (3). – Самара : Изд-во Самарского научного цента РАН, 2012. — С. 771–775.

8. Стриженко, А. А. Лингвистика текста: взаимодействие общих и частных категорий / А. А. Стриженко // Мир науки, культуры, образования. – № 1 (20). – Горно-Алтайск : Редакция международного научного журнала «Мир науки, культуры, образования», 2010. – С. 25–29.

КРИТЕРИИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПРОПОЗИТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Кручинкина Нина Дмитриевна
Россия, Саранск. Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, ndk-07@mail.ru

Предложение как номинант внеязыковых событий интерпретируется как двусторонний полный знак, мотивированный в своей функциональной отражательной характеристике. Категоризация и определение структуры парадигм пропозитивных знаков осуществляется на объективной грамматической основе с учетом семантических характеристик конституентов.

Ключевые слова: пропозитивный знак, событие, категория, парадигма, функциональный конституент.

Предложение прямо или косвенно было определено отечественными учеными объектом изучения синтаксической семантики [4, с.8–13; 8, с.22–26; 11, с.26–33; 18, с.37–39; 21, с. 52–55]. Одним из лингвистов, которым в свое время было уделено пристальное внимание критериям дифференциации пропозитивных отношений, была О. И. Москальская. Она посвятила описанию предложения специальное исследование, в котором представлены модели предложений с разными структурными схемами и разной категориальной семантикой отношений между конституентами [19; 20]. В ее дефиниции пропозиционный концепт предложения уподобляется самой пропозиционной номинации как результату означивания.

Пропозиционная номинация события состоит «из глагольного ядра и его именных спутников, или аргументов, охарактеризованных по их семантической роли относительно предиката» [19, с.10].

Предложение как коммуникативная единица представляет особый интерес и потому, что является номинантом событий реального мира, а взрослая языковая личность воспринимает и отражает внеязыковую действительность не в отдельных субстанциях или действиях, а в целостных событиях.

Как само событие, так и его языковое выражение в форме простого предложения по своей сущности являются функциональными образованиями. Семантически эту функциональную сторону образно представил Л. Теньер. Он фактически обозначил содержательную функциональную сторону предложения, назвав предложение драмой, в которой есть действующие «актеры» (актанты) и обстоятельства (сирконстанты) [22, с.102]. С другой же стороны, Л. Теньер основную часть своего фундаментального труда посвятил описанию синтаксической стороны «драмы»: алгоритмам деятельности актантов в соотношении с синтаксическим центром – глаголом.

Обозначив в дефиниции предложения концепт драмы, он назвал и содержательную сторону этих актантов – их роли в разыгрываемых событиях как функциональных конституентов предложений разной валентной структуры [22, с.105–114]. Тем самым лингвист предложил новую модель описания и новую точку отсчета структурной синтаксической классификации предложения, связав ее с полной зависимостью от глагольной валентности.

Предложение для лингвистов представляет интерес в разных ипостасях: и как основная коммуникативная единица, и как единица номинации. В этом аспекте она изучается как знак пропозитивного оформления. Так, В. Г. Гак и О. И. Москальская предложение полным знаком, в отличие от неполного знака, каким является лексический знак – слово [7, с.14–18; 19, с.9–10]. О. И. Москальская, выделяя специально номинативный аспект предложения, интерпретирует предложение в этом ракурсе как сложный знак, денотатом которого является не предмет, а целая

ситуация [19, с.9; 20, с.9]. Такой знак, непосредственно соотносящийся с ситуацией, она называет знаком ситуации. Слово же интерпретируется ею как частичный знак, который оказывается включенным в ситуацию лишь в составе полного – пропозитивного знака. В. Г. Гак демонстрирует идентичное видение знакового характера предложения. Как и О. И. Москальская, он видит в предложении полный целостный знак –знак отражаемого события [7, с.15; 9, с.354–355].

Другие лингвисты, анализировавшие предложение в синтаксической семантике с точки зрения его знаковости, так же определяли его как имя отображаемых событий (экстралингвистических ситуаций) [10, с.58], семантических ситуаций [1, с.32], а по способу выражения – как актантно-предикатную структуру [6, с.39–76] или предикативную конструкцию с тем или иным конструктивным потенциалом [1, с.43–115].

Н. Д. Арутюнова отмечает склонность лингвистов, выступающих с позиций семантического синтаксиса, соотносить предложение с обозначаемой ситуацией как в структуре означаемого, так и означающего [3, с.63]. Г. В. Колшанский видит в знаковости языка форму «языкового выражения познавательного процесса мышления», и функцию «обозначения мыслительных, а в итоге и материальных объектов … в качестве материализованной субстанции» [12, с.38]. Он считает, что не только для предметной номинации существует онтологический базис, но и номинация событийных отношений имеет онтологическое обоснование [13, с.109].

Категоризация и выделение парадигм пропозитивных категорий во избежание субъективности, проводятся лингвистами на объективной, грамматической основе. Поэтому О. И. Москальская называет пропозитивные категории в их означаемом семантико-синтаксическими. Категории синтаксического означающего пропозитивных знаков характеризуются ею как структурно-синтаксические [19, с.17, 12].

Как языковое выражение того или иного функционального действа предложение считается формой отражения событийного

денотата – номината. В своей же внутренней знаковой сущности предложение, как и лексический знак, представляет двуединство событийного означаемого и пропозитивного означающего: это знаковое образование имеет свое функциональное семантическое (концептуальное) означаемое и функциональное синтаксическое оформление этого означаемого. Такая интерпретация знаковой характеристики предложения вполне соответствует нашей точке зрения [14, с.6–8; 15, с.178–183].

Лингвисты, занимающиеся исследованием предложения, отмечают, что концептуальной основой категоризации предложений является стремление отразить парадигму событийных отношений между субстанциями в рамках общей картины мира. Однако без опоры на грамматическое выражение любая классификация, тем более такой конструктивной единицы, окажется диффузной. Поэтому мы, проводя категоризацию пропозитивных отношений, исходим, следуя в этой стратегии и идеям О. И. Москальской, из грамматических критериев дифференциации категориальной пропозитивной номинации, сопряженной с ее функциональными семантико-синтаксическими особенностями.

Интерес к исследованию и описанию предложения в его знаковом аспекте со времен структурной лингвистики не только не угас, но и обрел новые перспективы.

Ю. Д. Апресян отметил, что исходя из понимания взаимосвязи между семантикой предложения и его синтаксической структурой, структурная лингвистика посчитала возможным описание значения «предикатных выражений» через посредство синтаксиса, как наиболее объективное и к тому же наиболее экономичное и наиболее простое [2, с.8, 14].

Авторство утверждения правомерности подобного подхода к описанию и классификации синтаксической семантики языковых знаков принадлежит У. Вайнрайху, аргументацию которого приводит в одной из своих статей В. Г. Гак. По мнению У. Вайнрайха, в любом естественном языке синтаксис семантичен, а семантика синтаксична [9, с.272]. Об этой взаимозависимости двух сторон пропозитивных знаков пишет и Ю. Д. Апресян, который отдельно рассматривает вопрос о

давлении семантики на синтаксис и синтаксиса на семантику [2, с.23–32].

В ходе тщательного функционального синтагматического анализа речевых реализаций пропозитивных репрезентаций прототипов событийных отношений очень важно выделить инвариантные структуры, которые стоят в вершине парадигм категориальных функциональных отношений и представлены пропозитивными выражениями, функционально симметричными относительно соответствующих прототипов событий и относительно своих внутренних функциональных конституентов.

В. Г. Гак называет проблему семантического инварианта предложения одной из важнейших проблем синтаксической семантики. Как он отмечает, «без установления принципов определения инварианта предложения невозможны ни выявление семантических типов предложения, ни семантическая классификация предложений» [8, с.22].

В системе языка учитываются только те события, которые прошли этап категоризации. Поэтому в силу обобщающего характера любых языковых знаков – простых и сложных, в системе языка речь идет о номинации типовых событий, которые именуются в языке не как отдельное событие, а как класс, тип однородных событий. В языковом сознании номинатора они предстают в качестве прототипов таких событий.

Такие категоризованные события (в терминологии В. В. Богданова – ситуации) названы им абстрактными, т. е. отвлеченными от конкретного речевого воплощения. В отличие от эмпирических ситуаций о них в сознании номинатора содержатся лишь прототипические характеристики [5, с.164; 16, с.57; 17, с.26, 39–41]. Поэтому, говоря о пропозитивных знаках в системном плане, их соотносят с типовыми (абстрактными) ситуациями, или типовыми событиями.

Так как сами события представляют собой функциональную структуру отношений их участников, то их событийное означаемое в пропозитивных знаках характеризуется функциональным содержанием событийных отношений. Владеющая языком языковая личность функциональную семантическую структуру переводит в симметричную,

изофункциональную синтаксическую репрезентацию. Так, например, воспринятое и функционально концептуализированное сознанием реципиента-номинатора событие адресации, представляющее трех участников – адресанта, объект адресации и адресата – в инвариантном выражении представлено в первичных синтаксических функциях: соответственно, подлежащего, прямого дополнения и косвенного дополнения в бенефактивном значении: *La mère donne un bonbon à sa fille. La jeune fille écrit une lettre à son amie.*

Для объективной внутренней классификации пропозитивных парадигм и их внешней иерархической систематизации мы считаем необходимым опираться на валентную способность глагола-предиката как релятора соотношений между субстанциальными конституентами событийных отношений. В нашем понимании, система событийных отношений событийной картины мира вполне укладывается в основанную на таком принципе классификацию. Поэтому, например, можно выделить следующие категориальные функциональные типы пропозитивных номинантов в их конструктивной иерархии от простого к сложному конструктивному образованию: пропозитивные номинанты 1) с одним актантом, 2) с двумя актантами, 3) с тремя актантами, 4) с двумя актантами и обязательным локативным сирконстантом.

Так как событийные отношения в субстанциальном плане являются физически зримыми, характер субстанций, реализующих событийные процессы, в большой мере связан с выполняемыми ими функциями. Так, например, первичной функцией антропоморфной субстанции является ее возможность выступать в качестве агента действия, первичной функцией предметной субстанции – ее способность выступать в событийном процессе в роли объекта действия (воздействия). Поэтому системная иерархическая классификация пропозитивного языкового выражения событийных отношений не может базироваться лишь на синтаксической комбинаторике конституентов. Материальное содержание участников событийных отношений влияет и на семантическое содержание отражаемых пропозитивных отношений. Поэтому внутри валентных структур предложений могут наблюдаться разные

функциональные семантические типы событийных означаемых. О. И. Москальская показывает на примерах моделирования пропозитивных структур эффективность учета такого комплекса факторов [19, с.23–48; 20, с.25–46]. Так, одноактантные (одноместные) пропозитивные структуры могут иметь пропозитивные значения: а) свойства (*Cet homme fume* = Il est fumeur), б) состояния (*L'enfant dort*), в) акциональности (*Le père travaille* (à ce moment-là)). В основанной на грамматических критериях классификации выделяются лишь такие пропозитивные категории, которые могут быть представлены парадигмой грамматических репрезентаций. Так, например, во французском языке, значения локативной статики (*L'enfant est à l'école*) и динамики (*L'enfant va à l' école*) не выражены грамматически дифференциально. Поэтому одноактантные предложения с обязательным локативом при выражении семантических значений местоположения и движения должны быть отнесены к вариантным выражениям одной парадигмы с общим парадигматическим значением.

В двухактантной структуре пропозитивных номинантов семантически можно выделить отношения реляции (*Pierre aime Marie*) и отношения каузации (воздействия): *La mère lave la vaisselle*. Однако, в том случае, если для такого разграничения не обнаруживается грамматической дифференциации, такое семантическое различие не учитывается в качестве отдельных категориальных значений. Поэтому иерархическая система пропозитивных парадигм с различными категориальными значениями во французском языке может отличаться от таких системных парадигм в других языках.

Литература

1. Алисова, Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка: Семантическая и грамматическая структура простого предложения / Т. Б. Алисова. – М.: Изд-во Москов. ун-та, 1971. – 294 с.

2. Апресян, Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола / Ю. Д. Апресян. – М.: Наука, 1967. – 251 с.

3. Арутюнова, Н. Д. О номинативном аспекте предложения / Н. Д. Арутюнова // Вопр. языкознания. – 1971. – № 6. – С. 63–73.

4. Бархударов, Л. С. Глубинная структура предложения в семиотическом аспекте. // Проблемы синтаксической семантики / Л. С. Бархударов. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1976. – С. 8–13.

5. Богданов, В. В. Моделирование семантики предложения / В. В. Богданов // Прикладное языкознание. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. – С. 161–200.

6. Богданов, В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В. В. Богданов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. – 204 с.

7. Гак, В. Г. О двух типах знаков в языке (высказывание и слово) / В. Г. Гак // Язык как знаковая система особого рода. – М., 1967. – С. 14–18.

8. Гак, В. Г. О семантическом инварианте предложения / В. Г. Гак // Проблемы синтаксической семантики. – М.: МГПИИЯ им.М. Тореза, 1976. – С. 22–26.

9. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.

10. Колшанский, Г. В. Использование языковых универсалий при описании языков мира // Принципы описания языков мира / Г. В. Колшанский. – М.: Наука, 1976. – С. 53–63.

11. Колшанский, Г. В. Категория семантики в синтаксисе / Г. В. Колшанский // Проблемы синтаксической семантики. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1976. – С. 26–33.

12. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и в языке / Г. В. Колшанский. – М.: Наука, 1990. – 108 с.

13. Колшанский, Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г. В. Колшанский. – М.: Наука, 1975. – 232 с.

14. Кручинкина, Н. Д. Пропозитивный номинант как тип языкового знака / Н. Д. Кручинкина // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – Серия. Филологические науки. – Выпуск 2. – 2009. – С. 6–8.

15. Кручинкина, Н. Д. Простое двусоставное предложение как инвариант означающего номинанта (языковое выражение прототипа событийного отношения) / Н. Д. Кручинкина // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ. – 2009. – № 2 (10).– С. 178–183.

16. Кустова, Г. И. О семантическом потенциале слов энергетической и эксперенциальной сферы / Г. И. Кустова // Вопр. языкознания. – 2005. – № 3.– С. 53–79.

17. Кустова, Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г. И. Кустова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.

18. Москальская, О. И. О предмете синтаксической семантики / О. И. Москальская // Проблемы синтаксической семантики. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1976. – С. 37–39.
19. Москальская, О. И. Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка) / О. И. Москальская. – М.: Высш. школа, 1974. – 156 с.
20. Москальская, О. И. Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка) / О. И. Москальская. – М.: Высш. школа, 1981. – 2-е изд., перераб. и доп. – 175 с.
21. Юрченко, В. С. О соотношении семантической и формальной сторон предложения (на материале русского языка) / В. С. Юрченко // Проблемы синтаксической семантики. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1976. – С. 52–55.
22. Tesnière, L. Eléments de syntaxe structurale / L. Tesnière. – P.: Klincksieck, 1959. – 659 p.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СМЫСЛА ИДИОМ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Кудрявцева Ирина Петровна
Россия, Москва, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», ikudriavtseva@bk.ru

Рассматривается взаимосвязь интерпретации образных идиом современного английского языка и фоновых знаний общекультурного и лингвострановедческого характера. Предлагается выборка и классификация языковых единиц с этимологическими комментариями из современных словарей идиом английского языка.

Ключевые слова: идиома; этимология; фоновые знания.

Верное понимание значения идиомы зависит от знаний о культуре, истории, литературе как страны изучаемого языка, так и в более широком масштабе – мира. В основе каждой идиомы лежит образ, прототипная ситуация, обладающая культурной значимостью. В переносных значениях идиом воспроизводятся смысловые ассоциации и коннотации, относящиеся к разным областям человеческой деятельности. Интерпретация смысла идиом зависит от фоновых знаний, которыми владеет адресат [2,

с.35]. В данной статье приводится систематизация и классификация областей фоновых знаний, необходимых для понимания смысла идиом английского языка.

Предметом исследования послужили более ста идиом современного английского языка с этимологическими пометами, разъяснениями истории их появления в языке. Идиомы были отобраны из двух словарей идиом современного английского языка методом сплошной выборки [3; 4]. Описываемые идиомы обладают образной внутренней формой и могут быть распределены по группам в зависимости от их этимологического характера. С практической точки зрения данное исследование может использоваться для расширения словарного запаса изучающих английский язык и повышения общего уровня образованности учащихся. В статье даются словарные дефиниции идиом не частотных в употреблении в речи и мало узнаваемых изучающими английский язык.

Идиомы – это национально-окрашенные лексические единицы, представляющие культурную и языковую ценность. Идиома даёт понимание исторического движения языка. Первоначально исследуемые идиомы можно разделить на две большие группы: 1) идиомы общекультурного характера; 2) идиомы лингвострановедческого характера [1, с.212]. К идиомам общекультурного характера относятся заимствованные идиомы. Здесь можно выделить библеизмы и заимствования из разных языков. Идиомы лингвострановедческого характера подразделяются на три группы. Первая группа: исконно английские единицы нетерминологического происхождения, имеющие связь с историей народа. Вторая группа: исконные единицы терминологического характера, переосмысленные термины из разных областей деятельности англичан. Третья группа: идиомы, имеющие литературные источники происхождения: в первую очередь, произведения Шекспира, Скотта [1].

Рассмотрим идиомы общекультурного характера (всего 68). К библеизмам относятся следующие идиомы: *cast (or throw) pearls before swine; doubting Thomas; milk and honey; manna from heaven (also manna in the desert/wilderness); wash your hands of sb/sth; out of the mouths of babes (and sucklings); a wolf in sheep's*

clothing; the writing on the wall. Данные устойчивые выражения являются распространенными и узнаваемыми. А вот следующие идиомы, на наш взгляд, требуют разъяснений смысла: *cast your bread upon waters* – to take a risk without expecting to get any advantage from it (Ecclesiastes) [3]; *out of the ark* – extremely old-fashioned (Genesis 6-7) [4]; *to be all things to all men/people* – to please or be useful to all types of people, when this is not possible (I Corinthians) [3].

Заимствования – вторая большая группа идиом общекультурного характера (всего 21). Идиомы в английский язык заимствовались из французского языка: *castles in Spain* (chateaux en Espagne)**, *the game is not worth the candle*** (le jeu ne vaut pas la chandelle); ***enfant terrible*** (произносится с французским произношением). Также среди заимствований многочисленны идиомы ведущие свою истории из античности и распространённые во многих языках: ***cross the Rubicon, fiddle while Rome burns, pass the torch (also hand on the torch), rest on one's laurels, rise like a phoenix from the ashes, a Pyrrhic victory, an olive branch; the Gordian knot, the Procrustean bed, the Trojan horse, the Midas touch, the sword of Damocles*.** Как нам кажется, пояснений об истории происхождения и, соответственно, о значении особенно требуют следующие идиомы этой группы: ***dog days*** – 1) period of time during which something is not very successful 2) (also the dog days of summer) the hottest days of the summer in July and August (the ancient Romans called these hot days 'dog days' because a star called the dog star rises and goes down at the same time as the sun during the hottest weeks of the year) [3]; ***no _ worth his/her salt would do sth*** **(also any _ worth his/her salt would do sth)** – used in order to say that someone who is good at their job would do a particular thing (in ancient Rome soldiers were paid in salt instead of money) [3]; ***in the lap of the Gods*** – (of the success of a plan or event) open to chance; depending on factors that you cannot control (this expression comes from one used in several passages in the works of the Greek epic poet Homer. The original Greek refers to the 'knees' of the gods, possibly because suppliants laid gifts on the knees of those who were sitting in judgment upon them.) [4] and ***halcyon days*** – used about a pleasant time of happiness

or success without problems or worries, especially a time in the past that was better than the present (the word ‘halcyon’ comes from the Greek word for a bird called a kingfisher in ancient times it was believed that the kingfisher say on its eggs on the surface of the sea for fourteen days in the middle of winter, during which time the sea was always calm) [3].

К идиомам общекультурного характера также относятся идиомы, заимствованные из других языков и культур (всего 35). Вот некоторые из них: ***the emperor’s (new) clothes*** (this idiom comes from the title of a story by ***Hans Christian Andersen***); ***wear/don sackcloth*** **(and ashes)** – to behave in a way that shows everyone that you are very sorry for something you have done, often used humorously (this idiom comes from a very old ***Hebrew custom*** of wearing sackcloth and ashes for some religious ceremonies) [3]. Из старинных сказаний и поверий пришли такие известные идиомы, как: **(*the pot of gold at) the end of the; cry wolf; shed crocodile tears*** *and* ***a rolling stone***. Интересна история идиомы ***have a frog in your throat*** – (the idiom comes from an old belief that if you drank water containing the eggs of a frog, the frogs would grow inside your body. The difficulty in speaking was supposed to be caused by frog trying to escape) [3].

Второй крупный класс идиом – это идиомы лингвострановедческого характера (всего 73). Первая группа представлена **исконно английскими единицами нетерминологического** происхождения, имеющими связь с историей народа (всего 28). Многие из них знакомы нам по учебникам английского языка, художественной литературе, упражнениям, посвящённым английской идиоматике, либо обладают прозрачной внутренней формой и о значении идиомы можно догадаться: ***wear your heart on your sleeve; carry coals to Newcastle; give someone the cold shoulder; bring home the bacon; speak/talk to the organ grinder, not his monkey; pull someone’s leg; drop/fall like ninepins; once in a blue moon; a/the curate’s egg; red tape; pleased as punch/Punch*.**

Однако ряд следующих идиом, по мнению автора, являются малознакомыми и обязательно требуют словарного комментария. Например, ***get brownie points*** (also score, win, earn etc brownie points) – to do something that impresses someone and makes them

like you (a ‘brownie’ is a young girl who is in the lower level of an international social organization called the Guides (BrE) which trains girls in practical skills and helps them to develop their character. Brownies get special rewards for doing things, which is where the idea of ‘brownie points’ comes from) [3]. К подобным, трудным для понимания, идиомам относим: ***What’s the crack?; press-gang sb into doing sth; read (sb) the riot act; go for a Burton; get on your/a soapbox; get the sack; spend a penny; go for a song; be like turkeys voting for Christmas; nutty as a fruitcake; Joe Bloggs.***

Некоторые идиомы этой группы включают устаревший компонент, и его понимание затрудняет понимание всей идиомы. Например, ***be the bane of sb’s life/existence*** – to be something that causes continual trouble or unhappiness for someone (Bane is an old word meaning poison); ***the devil take the hindmost*** BrE – old-fashioned used in order to say that people should look after themselves and not try to help anyone else, especially in a difficult or dangerous situation (this idiom comes from the old expression ‘every man for himself, and the devil take the hindmost’. People use every man for himself more frequently than this part of the idiom.) [3]; ***pay on the nail*** – pay without delay (the origins of this expression are uncertain. It may be related to the obsolete phrase *to the nail*, meaning “to perfection” or “to the utmost”, which derived from the habit of sculptors giving a finishing touch to their work with a fingernail, or to joiners testing the accuracy of a joint in the same way. A North American equivalent is *on the barrelhead*) [4]; ***buy a pig in a poke*** – something that is bought or accepted without knowing its value or seeing it first (in this expression, a poke is a small sack or bag, a sense which is now found chiefly in Scottish use) [4].

Отдельной подгруппой идут идиомы, зародившиеся у кокни в виде рифмованного сленга. Такие идиомы всегда требуют словарного комментария с расшифровкой. Догадаться о их значении практически невозможно. Например, ***Brahms and Liszt BrE*** – slang of Cockney for drunk, rhymes with «pissed» which is slang for «drunk» [3]; ***use your loaf*** – old-fashioned a slightly rude expression used in order to tell someone that they should think about something more carefully than they have (this idiom is Cockney rhyming slang. ‘Loaf of bread’ sounds the same as ‘head’) [3].

Другие идиомы, являющиеся творчеством кокни: ***have/take a butcher's; tell porkies; know your onions; trouble and strife***.

Вторая группа: **исконно английские единицы терминологического характера**, переосмысленные термины из разных областей деятельности англичан (всего 45). Подгруппы представлены идиомами, содержащими термины ремесла (***against the grain; a rule of thumb; be putty in sb's hands; be on tenterhooks***), спорта (***from pillar to post; straight from the shoulder; hand/pass on the baton; move the goalposts; be/come/get off the (starting) blocks; knock sb/sth for six***), военного дела (***a loose cannon; catch/take/get (a lot of) flak (flack); run the gauntlet; a___-free zone; the standard bearer of***) и морские (***give sb/sth a wide berth; be at a low ebb; nail your colours to the mast; take sb down a peg (or two); know/learn the ropes; go full steam ahead (with); rub salt in/into sb's wounds (also rub salt in/into the wound); make heavy weather (out) of sth; flotsam and jetsam; between Scylla and Charybdis; when your ship comes in; a shot across the/sb's bows***). Идиомы из других областей представлены одной-двумя единицами: театр ***(play to the gallery; pull sb's strings***), автомобили (***make/do a U-turn; do you see skid marks on my forehead***), карточные игры (***have/keep sth up your sleeve; follow suit***), криминал (***the heat is on***), медицина (***sb has tunnel vision***), охота (***have sb/sth in your sights***), политика (***the black hole of Calcutta***).

Третья группа: идиомы, имеющие **литературные источники** происхождения: в первую очередь, произведения Шекспира, Скотта и других авторов (всего 14). Больше всего, конечно, идиом, пришедших из произведений Шекспира: ***have/take/want your pound of flesh; be hoist with your own petard; there's/here's the rub; in/at one fell swoop; the world is your oyster; a brave new world; the green-eyed monster.*** Идиомы из произведений других авторов: ***a tangled web*** (Sir Walter Scott's poem, *Marmion: O what a tangled web we weave,/ When first we practise to deceive*) [3]; ***an albatross (around sb's neck)*** (Coleridge's poem, The Rime of the Ancient Mariner, a sailor kills an albatross and has to wear it around his neck as a punishment) [3]; ***jam*** (Through the Looking Glass, by Lewis Caroll, the Red Queen tells Alice, "The rule is, jam tomorrow, and jam yesterday, but never jam today") [3]; **not**

with a bang but a whimper (this comes from a line in one of TS Eliot's poems called The Hollow Men.) [3]; ***Jekyll and Hyde*** (this idiom come from R.L. Stevenson's book 'The Strange Case of Dr Jekyll and Mr Hyde' in which Dr Jekyll fids a drug that changes him into a person called Mr Hyde, who has all of Mr Jekyll's most evil qualities) [3].

Итак, для понимания смысла необходимо обладать как общекультурными, так и лингвострановедческими знаниями. Уяснить смысл идиом можно через знакомство с историей, литературой и традициями народа, породившего устойчивые выражения. Идиомы современного английского языка являются исконными или заимствованными из других языков и культур. Значительная часть идиом пришла из Библии и из классических произведений литературы. Другая, не меньшая часть – английские традиции, реалии и термины из разных областей человеческой деятельности, которые путём приобретения переносного значения стали устойчивыми, популярными в устной и письменной речи. Перечисленные области и являются составляющими тех фоновых знаний, которые необходимы для правильной интерпретации смысла современных английских идиом.

Литература

1. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак.иностр.яз. 2-е изд., перераб. / А. В. Кунин. – М.: Высш.шк., Дубна: Феникс, 1996. – 381 с.

2. Попова, Т. Г. Роль фоновых знаний в процессе перевода / Т. Г. Попова // Лингвистика, лингводидактика и межкультурная коммуникация: теория и практика: сборник научн. трудов III Межд. научно-практ. конф., 23-24.04 2015. – Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2015. – С. 35-41.

3. Longman idioms dictionary. UK: Pearson Education Limited, 2000. – 398 p.

4. Siefring, J. Oxford Dictionary of Idioms / J Siefring. – OUP, 2004. – 323 p.

ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА В РАССКАЗЕ Б. П. ЕКИМОВА «БЕЛАЯ ДОРОГА»

Ланская Ольга Владимировна
Россия, Липецк, МБОУ СШ № 14,
o.vlad.lanskaja@rambler.ru

В статье в связи с понятием «языковая личность» рассматривается языковое воплощение пространства в рассказе Б. П. Екимова «Белая дорога», анализируется символическое значение ключевого словосочетания, вынесенного в название произведения, номинации лексико-тематической группы «пространство», восходящие к понятиям «русская деревня», «святой человек» и др.

Ключевые слова: пространство, лексико-тематическая группа, сема, словосочетание, топоним.

В «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» под редакцией М. Н. Кожиной говорится о том, что «языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [4, с.660].

Исследователь М. П. Котюрова отмечает, что «в лингвистике языковая личность – это понятие, связанное с изучением *языковой картины мира* (ЯКМ), которая представляет собой результат взаимодействия системы ценностей человека с его жизненными целями, мотивами поведения, установками и проявляется в текстах, создаваемых данным человеком» [4, с.660].

В свою очередь, «языковая картина мира отражает способ речемыслительной деятельности, характерный для той или иной эпохи, с ее духовными, культурными и национальными ценностями» [6, с.67].

Актуальность статьи, посвященной анализу рассказа Екимова «Белая дорога», определяется необходимостью целостного исследования категории пространства в художественных текстах как феномена, запечатлевшего мировоззрение писателя, его ценностно-нравственные установки.

Объектом исследования является языковое воплощение художественного пространства в рассказе Екимова «Белая

дорога».

Предметом – совокупность элементов пространственной структуры произведения Екимова, ключевое слово *дорога*, номинации лексико-тематических групп, раскрывающих смыслы, реализуемые в данной лексической единице.

В рассказе Екимова «Белая дорога» повествуется о Степе, простом человеке, которого люди считали святым. В своей жизни он много трудился, чинил обувь, всем помогал и умер на дороге: «Где-то здесь, в этих песках, он умер. Шел и шел белой дорогой. Потом лег ли, а может, упал и умер» [2, с.77]. Память о герое сохранилась на долгие годы, о нем часто рассказывали. Повествователь сообщает: «Степу я, конечно, не знал. Он жил задолго до моего рожденья. Осталась память, рассказы. Мой нынешний – один из них» [с.77].

Вынесенное в название словосочетание *белая дорога* приобретает в тексте символическое значение. Обозначает оно не только «полосу земли, служащую для езды и ходьбы»; «место для прохода, проезда»; «направление, путь следования» [МАС, т.I, с.432], но и жизненный путь; «место, где проявляется судьба, доля» [5, с.145].

По М. Фасмеру, *дорога* означает овраг, лощину, улицу, след, а также «продранное в лесу пространство» [8, т.I, с.530]. Данная лексическая единица имеет семы «пространство», «труд», «преодоление»; приобретает семы «поиск», «испытание», «познание», «наказание», «упорство» и т. д.

В тексте слово *дорога* связано с понятиями «жизнь», «смерть» и «память», т. к. именно дорога напоминает повествователю о Степе, сапожнике, жившем задолго до его рождения, о предназначении человека, его уходе из жизни.

В тексте автор использует противопоставления «дорога – белая дорога» и «белая дорога – белая дорога, иная, высокая», которые выявляют новые семы в номинации *дорога*. Это «тайна», «неизвестность», «особое влияние на человека»: «Но порой встречаются *белые дороги*, неведомо кем проложенные в сыпучих песках… Эти *белые дороги* завораживают. Будто и не знаешь округу: там – Рюминский хутор, в той стороне – Старая Сокаревка, за ней – Песковатка. Но к хуторам ведут *дороги*

проезжие. А эти? Белая колея петляет меж песчаных холмов, порою взбегая на них. Кто ее проторил, эту *дорогу*, и куда?» [с.76–77].

Противопоставление «белая дорога – белая дорога, иная, высокая» создает представление о православном пространстве и восходит к противопоставлению «земля – небо»: «<…> ушел Степа тоже *белой дорогой*, но *иной*, *высокой*. Вот она тянется по блеклому осеннему небу легкой перистой грядою, из края в край» [с.82]. Это дорога небесная, по которой уходят в мир иной праведники. Одновременно эта колея продолжение дороги реальной, земной, свидетельствующей о дихотомическом построения мира, противопоставлении в сознании человека мира земного и небесного и в то же время его единении.

Противопоставление «земля – небо» выстраивается в тексте через текстовые антонимы *пески – небо*, соотношение номинаций *жаворонок, коршун – ящерка*: «Редкий *жаворонок* вспорхнет из-под ног; редкий *коршун* проплывет в вышине; *ящерка* прошуршит – и все» [с. 76].

Фиксируется в тексте пространство и через ключевое слово *дом*, которое в тексте имеет синоним *пристанище*: «Жил и кормился Степа в том *доме*, куда приходил работать»; «Своего *пристанища*, *дома* он не имел» [с.78].

Пространство в произведении через топонимы создает образ конкретного места: Среднего Дона, что придает повествованию документальность, достоверность, влияет на определение жанра произведения: рассказ приобретает элементы очерка. При определении пространства автор использует словосочетания *озеро Некрасово*, *Рюминский хутор*, *станица Голубинская*, *Старая Сокаревка*, *Средний Дон*, слова *Песковатка, Рюмино, Сокаревка, Вертячье, Дон*, *Пески*, *Пйски, Усуры, Липолебедевское, Каменнобродское, Тепленькое, Липологовское*: «Я пошел в *Пйски*. *Пйски* их у нас называют, хотя правильней, конечно, *Пески*» [с. 76]; «В округе *станицы Голубинской*, что *на Среднем Дону*, на всех ее хуторах, далеких и близких: в *Усурах, Липолебедевском, Каменнобродском, Тепленьком, Липологовском* – Степу-глухого знал каждый, от старого до малого» [с.77]; «Но в *Песковатке* Степу не видали. Не появлялся он и в рядом лежащих хуторах – *Рюмино, Сокаревке, Вертячем*» [с.81].

Определяется пространство в тексте с помощью слов *хутор*, *станица, озеро, пески, берег, пустыня, бугры* (*кучугуры*), словосочетаний *песчаные пустоши*, *песчаная страна, десятки верст*: «Огромные *песчаные пустоши* тянутся левым *берегом* Дона на многие *десятки верст*. <…> *Песчаная страна*, считай, *пустыня*; желтые *бугры – кучугуры*, редкая зелень: солянка, молочай, желтый бессмертник, ползучий чабер» [с.76].

Определено в тексте и время действия: это 1921–22 гг. XX в.: «Годы были тяжкие – *двадцать первый* да *двадцать второй*: голод, разруха, только что война прошла» [с.77]. Именно в это время, по мнению автора, появляются праведники, такие люди, как Степа.

Степа был странником, дома своего не имел, семьи тоже (говорили, что дети у него погибли или умерли от голода или болезней), жил у тех людей, которые давали ему кров и пищу за выполненную работу. Занимался Степа тем, что ходил по домам и чинил обувь. Притом плату за работу не просил. Характеризуя героя, автор использует слова *сапожник* и *сапожный мастер* с семами «трудолюбие», «мастерство», «профессия», «род занятий» и др. Называет Екимов героя и Степа-глухой, подчеркивая таким образом его особенность.

Слова *малохольный* (в значении «тот, кто отличается странностями, причудами в поведении» [3]), *тронутый* (в значении «имеющий странности, несколько ненормальный психически» [7, т.IV, с.415]), *святой* (в значении «безгрешный, непорочный» [7, т.IV, с.59]), словосочетания *умом тронутый*, *святой человек* характеризуют Степу как личность неординарную, напоминают о героях житийной литературы: «Откуда он взялся такой, *малохольный* ли, *умом тронутый*, толком никто не помнит» [с.78]; «За это его уважали, называя порой *святым человеком*, какие не от земли, а от неба» [с. 79].

Добросовестно относился герой к своей работе: чинил всем старую обувь. Дня него неважен был достаток семьи, для которой чинил он обувь: «Но Степа хозяев не выбирал, сытно живут или впроголодь; он шел, куда звали» [с.79].

Обращает автор внимание на внешность героя. Для описания его использует определения *худой* и *морщинистый*,

чистая, *поношенная*, *заштопанная* (одежда), номинации *усыхал, чернели*: «Одежда на степе была *поношенная*, но всегда *чистая*, аккуратно *заштопанная*, петли обметаны, пуговицы крепко сидят»; «Всегда *худой* и *морщинистый*, тогда он и вовсе *усыхал*, зубы от желудей *чернели*» [с.78–79].

Характеризует Степана его отношение к деньгам: они не представляли в то время никакой ценности, ничего не значили эти бумажки и для героя. Но он брал их, когда люди, на которых он работал, платили ему за ремонт обуви: «Бумажными деньгами в ту пору игрались дети да старухи обклеивали ими крышки сундуков. Степа был «тронутым», и поэтому ему порой, может для очистки совести, вручали за труды эти пестрые бумажки» [с.78].

Пространство дома, его атмосфера, изменяется в тексте с появлением глухого. Фиксируется оно с помощью слова *праздник.* В тексте говорится о том, что Степан очень любил детей: «Для них начинался *праздник*, когда он приходил в дом» [с.79]. Для детей работа мастера была настоящим чудом, чудом были и игрушки, которые он для них делал. В связи с эти автор использует в тексте словосочетания с семой «инструменты» (*деревянные обувные колодки, сапожные ножи*), «материал для ремонта обуви» (*конопляная дратва*, *сапожные шпильки, березовые кружки*), слова *вар* и *шпильки-гвоздики*: «На низенький столик, за каким работал, из мешка выкладывал Степа *деревянные обувные колодки, сапожные ножи, вар, конопляную дратву*» [с.80].

Использует Екимов и слова с семой «игрушки»: «А между делом для ребячьей забавы Степа-глухой нарежет пахучих деревянных *кубиков* да *колесиков*, *тележку* смастерит, вырежет острым ножом *куклу*, *солдатика*, игрушечное *ружье*» [с.80].

Итак, языковая личность через создание языковой картины мира раскрывает особенности национального сознания автора, его представление о мире, идеале, которому должен следовать человек. Герой Екимова честен, бескорыстен, добр и отзывчив. Главное для него – служение людям.

Литература

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т./ В. И. Даль. – М.: Рус. яз. – Медия, 2006. (Сл. Д.).
2. Екимов, Б. П. Возвращение: Рассказы о живой жизни / Б. П. Екимов. – М.: Никея, 2016. – 352 с. Далее в скобках указаны страницы.
3. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. [Электронный ресурс]. Режим доступа*:* www.efremova.info/word/malaxolnyj.html *(*дата обращения 14. 07.2017).
4. Котюрова, М. П. Языковая личность / М. П. Котюрова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожиной. – М.: Флинта, Наука, 2003. – С. 660 – 661.
5. Левкиевская, Е. Е. Дорога / Е. Е. Левкиевская. // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М.: Междунар. отношения, 2002. – С. 145–146.
6. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика: Учеб. пособие / В. А. Маслова. – Мн.: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
7. Словарь русского языка: в 4-х т.; под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1985 –1988.
8. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. – 4-е изд., стер. / М. Фасмер. – М.: ООО «Издательство Астрель»: «Издательство АСТ», 2004.

KOMMUNIKATIVE STRATEGIEN DER IMAGEBILDUNG IM INTERNET

Lenets Anna Viktorovna

Russland, Rostow am Don, Südliche föderale Universität,
annalenets@mail.ru

Das Ziel des Artikels ist es, einzelne kommunikative Genres der Internetkommunikation zu vergleichen und kommunikative Strategien zur Imagebildung im Internet zu beschreiben. Die im Artikel präsentierten Funktionen der virtuellen Kommunikation werden am Beispiel verschiedener Kommunikationsformen im Internet illustriert. Das Konzept der Imagegestaltung wird im Zusammenhang mit kommunikativen Strategien betrachtet.

Schlüsselwörter: kommunikative Strategie, Image, virtuelle Interaktion.

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА В ИНТЕРНЕТЕ

Ленец Анна Викторовна
Россия, Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет, annalenets@mail.ru

Цель статьи заключается в сравнении отдельных коммуникативных жанров Интернет-коммуникации и описании коммуникативных стратегий формирования имиджа в Интернете. Представленные в статье функции виртуального общения проиллюстрированы на примере различных форм общения в Интернете. Концепция формирования имиджа рассматривается в связи с коммуникативными стратегиями.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, имидж, виртуальная интеракция.

The purpose of the article is to compare individual communicative genres of Internet communication and to describe communicative strategies of the imageformation in the Internet. The functions of virtual communication presented in the article are illustrated by the example of various forms of communication in the Internet. The concept of imageformation is considered in connection with communicative strategies.

Keywords: communicative strategy, image, virtual interaction.

Статья публикуется при поддержке гранта РГНФ 16-34-00014а1 «Коммуникативное взаимодействие как способ конструирования имиджа в современном медийном пространстве»

I. Einführung

Heutzutage werden immer mehr die alten und neuen Medien und damit verbundenen Begriffe untersucht [1; 4]. Dabei sind vor allem Printmedien, Online-Medien und Multimedia, sowie auch Medienkunde, Mediathek und Medienlandschaft gemeint. Selbst der Terminus „Medien“ wird seit ca. 20 Jahren öfters gebraucht. Die Medien sind Kommunikationsmittel, die durch bestimmte Kommunikationsformen dargestellt sind. Die durchgeführte Analyse der theoretischen Literatur zeigt, dass die wichtigen Merkmale der medienvermittelten Kommunikation sind: *geschriebene Sprache* (Zeichentyp), *Distanz* (fernmündliche und fernschriftliche Kommunikation), *Quasi-Synchronie* (SMS, MMS, Instant Messaging

(IM), der Chat u.a.), *dialogischer Charakter des Zeichensystems* im Internet (Eins-zu-Eins-Kommunikation oder Eins-zu-Viele-Kommunikation), *Internet, Computer oder Telefon* als Kommunikationsmedien. Der moderne vernetzte Computer bietet immer mehr Kommunikationsformen an (Z.B. man kann jetzt nicht nur die Briefe schreiben, faxen, telefonieren, sondern auch mailen, chatten, bloggen u.a.) [3].

Von besonderer Bedeutung ist in dieser Hinsicht die Identifizierung neuer Informationstechnologien, die von den Medien genutzt werden, für die Imagebildung. Im Laufe von Kommunikationsprozessen verschiedener sozialer Gruppen wird von ihnen das Image geformt, wo jeder Mitglied der Interaktion sich auf die gesellschaftlichen Erwartungen konzentriert und produktivste Formen des sprachlichen Ausdrucks findet.

Der Begriff „Image“ wurde im XX. Jahrhundert ursprünglich in der kommerziellen Werbung verwendet, um die Waren zu differenzieren [6]. Im aktiven Lexikon kam der Begriff „Image“ aus der journalistischen Praxis der 60er Jahre des letzten Jahrhunderts, wo es vor allem darauf geachtet wurde, die Aufmerksamkeit auf das szenische Bild der populären Künstler zu lenken. Gleichzeitig wurde mit der Entwicklung neuer Methoden zur Organisation der Kommunikation das Image weithin genutzt, um die Teilnehmer der Interaktion zu differenzieren [6]. Das Image wird als ein künstlich geformtes Darstellung eines Politikers, Unternehmers, Schauspielers, eines festen, sozialen oder politischen Phänomens dargestellt. Unter dem Gesichtspunkt der modernen Linguistik wird das Image im weitesten Sinne (Z.B. das Image einer sozialen, politischen Gruppe, des Staates usw.) verwendet.

Das Ziel dieses Artikels ist es, die Ergebnisse einer linguistischen Analyse der Verwendung von kommunikativen Strategien in der Interaktion von deutschsprachigen Teilnehmern für eine Imagebildung im virtuellen Raum zu präsentieren. In Zusammenhang mit diesem Ziel werden folgende Fragen berücksichtigt: 1) Bestimmung der kommunikativen Strategien im virtuellen Raum; 2) Einfluss dieser Strategien auf das geformte Image des Sprechers.

II. Kommunikationsstrategien bei der Imagebildung

Die modernen institutionellen und alltäglichen Diskurstypen sind Imagebildung und Absatzförderung zugleich. Zahlreiche Praktiken visueller Kommunikation, die auf die medienbedingte Forcierung der Selbstdarstellungen sowie auf deren Präsenz im öffentlichen Raum eingestellt sind, entstehen schon in der ersten Hälfte des XX. Jahrhunderts. Die Identität verschiedener Objekte kondensiert nun als „Image“ im Sinne der Gesamtheit von Bildern, die die jeweiligen Objekte identifizieren. Indem sich die Verfahren der Bildherstellung in fast allen Bereichen (Journalismus, Unterhaltung, Mode, Nation-Branding, Literatur, u. a.) mit eigens entwickelten Bildsprachen auf diesen Sachverhalt einstellen, lässt sich von Image-Kommunikation sprechen.

Das Image in einer virtuellen Kommunikation ist der Eindruck, den der Benutzer in den Augen anderer schafft; das ist nicht das, was eine Person wirklich ist, nicht die Summe seiner wirklichen persönlichen Qualitäten, sondern ein Bild, das in der Wahrnehmung von anderen über diesen Benutzer geschaffen wird. Mit anderen Worten, das Image ist eine Art Visitenkarte des Benutzers, die mit Hilfe von allen Mitteln wie Personifikation (Spitznamen, Avatare, Farbe und Schriftart, usw.) und Sprachmittel (Kommunikationsstil, Wortwahl) erstellt wurde [5]. Das Bild des Sprechers also ist oft im virtuellen Raum anders als die Person wirklich ist. Es spielt eine große Rolle bei der Einwirkung auf die Gesprächspartner. Und der Schlüssel zum Erfolg der Kommunikation sind die Strategien, die der Sprecher für die virtuelle Kommunikation auswählt.

Bei der typologischen Analyse von Kommunikationsstrategien wurde ein funktionaler Ansatz vorgeschlagen, laut dem sie in drei Haupttypen unterteilt werden können: Konventionsstrategie, Selbstpräsentationsstrategie und Manipulationsstrategie [2, c.160; 6].

Die *kommunikative Konventionsstrategie* basiert sich immer auf einer Konvention, auf Vereinbarungen über die Harmonisierung der Interaktion. Der Zweck der konventionellen Kommunikationsstrategie ist es, die Kommunikation zwischen verschiedenen Interaktionspartnern die Konvention, aussagekräftiger Vertrag innerhalb einer bestimmten Gruppe oder sogar einer ganzen Gesellschaft, die einerseits ganz praktische Aufgaben umsetzen kann (um etwas zu realisieren), um andererseits eine Struktur der Kommunikationsumgebung zu schaffen, die es ermöglicht. Eine

konventionelle Kommunikationsstrategie kann in miteinander verknüpften Schritten dargestellt werden: die Erstellung eines Textes, eine Konventionsanerkennung, die als Beratungsprozess bezeichnet werden. Bei der Umsetzung dieser Strategie wird die Wahl der sprachlichen Mittel vom Absender unter Berücksichtigung der notwendigen Interaktionsregeln durchgeführt. Diese Konventionsstrategie wird vorwiegend in der Geschäftskommunikation und in den öffentlichen Sozialnetzwerken gebraucht. Der Sender ist interessiert darin, beim Empfänger ein positives Image zu bilden.

Die kommunikative Selbstpräsentationsstrategie ist ein Weg, um kommunikativen Raum zu schaffen und sich selbst in einer Kommunikation zu repräsentieren. Diese Konventionsstrategie ist vom Sender auf sich selbst eingerichtet. Dieser Typ der Kommunikationsstrategie stellt einen separaten Typ, nur weil die Selbstpräsentationsstrategie immer ein relativ unabhängiges und in irgendeiner Weise autarkes Kommunikationsstadium ist. Die Intention der Selbstdarstellung ist z. B. in der Rede der Politiker unweigerlich vorhanden. Gleichzeitig setzt die führende absichtliche Richtung des politischen Diskurses die Selbstdarstellung als notwendige Voraussetzung für die Zielerreichung der Kommunikation voraus, und unter diesen Bedingungen wird die Selbstdarstellung weit und oft in einer direkten, expliziten Form verwirklicht. Daher ist die kommunikative Präsentationsstrategie eine der führenden bei der Imagebildung der Politiker oder bei den Jugendlichen [1, c.183; 6].

Moderne Strategien zur Imagebildung im virtuellen Raum beruhen auf zwei Kommunikationsstrategien: Präsentationsstrategie (Taktik der Popularisierung und Konsolidierung), durch die ein attraktives eigenes Bild der Politik geschaffen und diskreditiert wird (die Taktik der Beschuldigung und der Infektivität), deren Ziel es ist, Konkurrenten im Wahlkampf zu präsentieren.

Die *manipulative Kommunikationsstrategie* wird immer da eingesetzt, wo es wichtiger ist, das Ziel zu erreichen als die Zeichenwahl. Manipulative Kommunikationsstrategie zeichnet sich am häufigsten aus, um Informationen wie Ideologie, Propaganda und Werbung zu strukturieren. Bei der manipulativen Kommunikationsstrategie sind die Verhaltensmodellen und das Ziel,

das unter diese Kontrolle gestellt wird, in der Regel von Personen verborgen, deren Verhalten kontrolliert wird. Der kommunikative Raum des Textes wird im Voraus erstellt und in gewisser Weise „verpackt“, um seine semantische, Ziel- oder Wertidentifikation durch den Empfänger zu ändern.

Manipulative Kommunikationsstrategie hat eine Reihe von typischen nur für ihre Sprachmittel und Markierungen. Z. B. die Taktik der Transformationssituation wird durch die Manipulation Strategie gekennzeichnet.

III. Zusammenfassung

Abschließend seien die wichtigsten Merkmale von Medien, Kommunikationsstrategien und Imagebildung zusammenfassend aufgelistet:

Medien sind technische Mittel, mit deren Hilfe Distanzkommunikation möglich ist. Sie stellen aber keine notwendige Voraussetzung für Kommunikation dar. Ein Medium dient nicht nur zur Produktion der Zeichen, es kann auch als Hilfsmittel zur Rezeption fungieren. So gilt für die Internet-Kommunikation, dass sowohl der Sender als auch der Empfänger ein technisches Gerät (nämlich einen vernetzten Computer) benötigen. In jedem Gesellschafts-, Kultur- und Wirtschaftszweig gibt es Personengruppen, die das Verhalten anderer maßgeblich beeinflussen und prägen.

In diesem Zusammenhang wird auch auf die Frage der Unterscheidung von kommunikativen Strategien und Kommunikationsformen eingegangen. Die wichtigsten Kommunikationsformen sind: für die Selbstpräsentationstrategie – eine Botschaft, für die Manipulationsstrategie – eine Mitteilung, für eine Konventionsstrategie – ein Dialog.

Die Ergebnisse von Kommunikation sind Images, die durch die Wechselbeziehung zwischen einer Botschaft geprägt sind, die Image-relevante Informationen enthält, und dem Empfänger, der ein Image formiert. Insofern kann die Bildung von Images als Aufeinanderfolge einzelner Rezeptionssequenzen vorgestellt werden. Eine dieser Sequenzen ist das Aufeinandertreffen von Informationen zu einem Image-Objekt und der Einstellung des Empfängers zu diesem Image-Objekt.

Литература

1. Васюк, А. В. Neue Medien und Jugendsprache / А. В. Васюк // Молодой ученый. – 2012. – № 10. – С. 183–185.
2. Саенко, Л. А. Интернет-пространство как фактор формирования сетевого общества / Л. А. Саенко, М. В. Егоров // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Том 7. № 1.– С. 159–162.
3. Dittmann, J., Siebert, H. Medium und Kommunikationsform – am Beispiel der SMS [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mediensprache.net/de/ networx/docs/networx-50.aspx. (дата обращения 15.09.2016)
4. Hess-Lüttich, E. W. B. Medien, Texte und Maschinen. Angewandte Mediensemiotik / E. W. B. Hess-Lüttich. – Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2001. – 265 s.
5. Schlobinski, P. Sprache und internetbasierte Kommunikation – Voraussetzungen und Perspektive/ P. Schlobinski // Websprache.net. Sprache und Kommunikation im Internet. – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2005. – S. 1-15.
6. Schnitzer, C.-V. Linguistische Aspekte der Kommunikation in den neueren elektronischen Medien. SMS-E-Mail-Facebook/ C.-V. Schnitzer// [Электронный ресурс]. URL: https://edoc.ub.uni-muenchen.de/ (дата обращения: 10.02.2016).

РОЛЬ МЕТОДА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В ВЫЯВЛЕНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ АВТОРА

Мещерякова Ольга Александровна
Россия, Елец, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
lameo56@yandex.ru

Филологический анализ текста включает в себя лингвистический, литературоведческий, культурологический. Их единство расширяет возможности выявления черт языковой личности автора, стоящего за художественно-речевой системой текста. Благодаря филологическому анализу можно установить, в чем авторская языковая личность близка национальной, а в чем проявляет индивидуальные черты.

Ключевые слова: филологический анализ, языковая личность, автор художественного текста.

Филологический анализ текста строится на синтезе трех направлений в изучении художественного текста – литературоведческого, лингвистического и культурологического. Их сближение стало возможно в силу развития филологии как «высшей формы гуманитарного образования, формы, соединительной для всех гуманитарных наук» [4]. Кроме того, объединение различных типов анализа в одном связано с развитием полипарадигмального состояния науки о языке и тексте в целом [3] и обусловлено вниманием к знаковой сущности языка, речи и культуры как однородных семиотических систем. В силу такой своей онтологической сущности филологический анализ становится методом, использование которого помогает пролить свет на многие вопросы гуманитаристики, в том числе и на проблему языковой личности автора.

Ю. Н. Караулов, актуализировавший термин *языковая личность*, считал, что за этим следует понимать «совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание им речевых произведений (текстов)» [2, с.3].

При рассмотрении языковой личности автора художественного текста за ней видится обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций [1].

Вместе с тем языковая личность в ее конкретной индивидуальной реализации имеет специфические особенности психологического плана, определенные ценностно-установочные критерии, что ведет к «уникальному, неповторимому эстетическому и эмоционально-риторическому колориту ее речи [2, с.420]. Он проявляется в социальном и личностном выборе языковых средств различных уровней, за которым стоит авторское видение мира.

Филологический анализ текста помогает определить, что писатели и поэты в своей речевой деятельности, с одной стороны, воплощают характерный для их самосознания идеал, отражающий культуру данной эпохи, данного народа; с другой стороны, этот идеал имеет индивидуальные черты.

Обратимся к рассказу И.А. Бунина «Грамматика любви».

Его заглавие прямо выражает коммуникативный импульс автора и предъявляет для обсуждения с читателем тему любви. Это открывает прагматический уровень языковой личности автора, его коммуникативное намерение и одновременно «выводит» на когнитивный уровень, демонстрируя приоритеты авторской художественной когниции, сформированность эмоционального концепта ЛЮБОВЬ. Выведенное в заглавии, слово *любовь* и его дериваты находят неоднократное употребление в самом тексте – всего 22 раза, что можно признать частотным с учетом небольшого объема рассказа.

Коммуникативная востребованность слов с корнем *люб*-, центральная позиция концепта ЛЮБОВЬ в концептосфере автора вполне согласуется с национальными представлениями о любви, зафиксированными во многих фольклорных источниках.

Для русских людей любовь – это самое дорогое, что есть у человека. Признак ‘значимость предмета любви’ отражён в достаточно большом количестве русских пословиц, где содержится указание на отрицательные эмоции при отсутствии любимого или любимой: *Не мил и свет, коли милого нет; Дружка нет: не мил и белый свет; Без тебя пуст высок терем; Без тебя заглох широкий двор; Без тебя не цветно цветы цветут, не красно дубы растут в дубровушке, Много хороших, да милого (милой) нет*.

Для Бунина любовь также составляет основу жизни. Эту мысль он передает своим повествованием о судьбе помещика Хвощинского. Для этого героя жизнь без любимой ведет к тому, что <> *все пошло прахом: он затворился в доме, в той комнате, где жила и умерла Лушка, и больше двадцати лет просидел на ее кровати* <>. В этом фрагменте, используя словесный ряд *в доме – в той комнате*, *где жила и умерла Лушка – на ее кровати*, Бунин показывает, как сужается жизненное пространство человека, потерявшего свою любимую. В этом описании, как и в пословицах, подчеркнуто, что обширное реальное пространство не воспринимается сознанием человека тогда, когда нет предмета любви, и весь окружающий мир теряет свою ценность.

Вместе со своими героями Бунин размышляет о том, насколько важно для предмета любви быть красивым. Так, герой

Ивлев признается: <…> *я в молодости был почти* ***влюблен*** *в нее, воображал, думая о ней, бог знает что, хотя она, говорят,* ***совсем нехороша*** *была собой*. Способность к любви вне зависимости от эстетически приятных черт любимого или любимой – одно из главных народных представлений о любви. Русские пословицы и поговорки часто указывают на отсутствие эстетической мотивированности выбора объекта любви: *Милому мила – и без белил бела, Каждому своя милая – самая красивая; Милёнок – и не умыт белёнок / Кто кому милёнок – и не умыт белёнок*. Эти пословицы говорят о том, что ценность имеет предмет любви, а не его внешние свойства.

Эту мысль подсказывает читателю и Бунин. Его героиня носит имя *Лушка*. Несмотря на уменьшительно-пренебрежительную форму, оно указывает на притягательность героини для Хвощинского, ведь *Лушка* образовано от *Лукерии*, а оно в свою очередь – от *Гликерии*, это имя в переводе с греческого означает «сладкая». В таком именовании героини Бунин близок Сервантесу, а его герой Хвощинский – Дон Кихоту, который свою любимую назвал Дульцинеей: dulce – (исп.) ‘сладкая, нежная’, хотя от нее пахло потом.

Представление об эстетической немотивированности выбора предмета любви перерастает в представление о «неподконтрольности» самого чувства. Это подчеркивают пословицы: *Полюбится сова – не надо райской птички; Покажется (полюбится) сатана (сова) лучше ясного сокола; Приглянулся черт ягодкой; Любовь зла – полюбишь и козла; Деревенщина Ермил, да посадским бабам мил*. Бунин также считает чувство любви неподконтрольным разуму. Предмет любви Хвощинского – Лушка – социально ниже его, она – горничная, однако для Хвощинского это не играет роли. Неподконтрольность любви подчеркивается Буниным через несобственно прямую речь, отражающую оценку Хвошинского его окружением: *он когда-то слыл в уезде за редкого умницу. И вдруг свалилась на него эта любовь, эта Лушка* <…>. Номинация *редкий умница* предполагает разумность, рацио; *свалилась эта любовь* указывает на подчинение разума чувству.

Заметим, что выражение содержит отрицательную оценку любви, приравнивается к беде. Для русского сознания любовь и

беда часто тождественные понятия: *Нельзя не любить, да нельзя не тужить; Где любовь, там и напасть; Полюбив / полюбишь, нагорюешься; У моря горе, у любви вдвое; Тошно тому, кто любит кого, а тошнее того, кто не видит его*.

Бунинское представление о любви также основывается на идее неразрывности любви и страдания. Смерть любимой становится причиной страданий Хвощинского, который двадцать лет после смерти Лушки жил горестью этой потери, сознательно оградив себя от каких бы то ни было радостей мира: <> *даже у себя в усадьбе не показывался никому, насквозь просидел матрац на Лушкиной кровати* <…>. Сама фамилия *Хвощинский* призвана подчеркнуть те физические страдания, которые отразились во внешности героя, ведь в русской поговорке *хвощ* рифмуется с *тощ*: *тощ, как хвощ*.

В рассказе страдание героя обусловлено трагической разлукой с любимой. Идею разлуки осмысливают и пословицы, видя в ней непременный атрибут любви. Ею проверяется любовь. Поэтому оценка разлуки как спутницы любви двойственная. Положительная – разлука дает свободу (*С глаз долой – из сердца вон*) или, напротив, усиливает чувство (*Реже видишь – больше любишь*). Но чаще всего разлука оценивается отрицательно и связывается с тоской по любимому, причем повествование о страданиях часто дается от лица женского пола: *Без солнышка нельзя пробыть, без милого нельзя прожить; Без тебя, мой друг, постель холодна, одеялочко заиндевело, Милый далеко – сердцу не легко*.

Бунин наделяет даром страдать без любимой именно мужчину. Страдание его героя столь велико, что, по мнению других, лишает его разума. Ивлев в разговоре с графиней называет Хвощинского *этот чудак*, его мечты о ней – *сумасшедшими*, потом в своих рассуждениях он размышляет: *Сумасшедший или просто какая-то ошеломлённая, вся на одном сосредоточенная душа*?, а в разговоре с сыном Лушки говорит о болезни отца. Особенно странным кажется поведение Хвощинского соседям, потому что Хвощинский не только отрекся от мира, но и сделал Лушку центром вселенной, все события в мире объясняя её силой: *Лушкиному влиянию приписывал*

буквально всё, что совершалось в мире: гроза заходит – это Лушка насылает грозу, объявлена война – значит, так Лушка решила, неурожай случился – не угодили мужики Лушке... Такие речи и воспринимаются как слова сумасшедшего.

Примечательно, что возможность сойти с ума из-за разлуки с предметом любви отражается и в русской пословице: *От мила отстать – в уме не устоять*. В других пословицах возможность сумасшествия связывается с силой любви: *Любовь не тюрьма, а сводит с ума*. Однако пословичное упоминание патологии – скорее гипербола, чем номинация болезни. Сумасшествие представляется высшей точкой иррациональности любви, и соотносится не с болезнью как таковой, а с неспособностью следовать здравому смыслу, логике: *Любовь и умника в дурака ставит*.

Бунин дает двойственную оценку характера поведения Хвощинского. Наряду с мыслями Ивлева и соседей о Хвощинском, писатель приводит и свидетельста:

– сына (прямая речь): – *То есть чем болен? – сказал он, и в голосе его послышались более мужественные ноты. – Это всё сплетни, они умственно нисколько не были больны... Они только всё читали и никуда не выходили, вот и всё;*

– Писарева (косвенная речь): <…> *Писарев, единственный, кого он иногда допускал к себе по старой дружбе, утверждает, что во всем остальном он нисколько не был помешан*.

Упоминая о Хвощинском столь разные точки зрения, сталкивая их, автор доказывает, что любовь героя привела не к сумасшествию, а к нарушению отношений с миром. Разлука с любимой как бы заставила его «растворить весь внешний мир», для того чтобы устремиться к новым горизонтам своего существования. Это другое существование обрело для него исключительный смысл и стало подлинным обретением своей сущности – сущности любящего человека, сосредоточенного на предмете любви. Может ли разрыв с внешним миром и окружение себя «пустотой» быть обретением?

По Бунину, да, потому что внешний мир мешает вхождению в мир любви. Во внешнем мире чувство любви утрачено, подменено или любовью к деньгам (сын Лушки, малый, который везет Ивлева) или привычкой «ничегонеделания», пустой

болтовней (графиня). Бунин показывает, как этот внешний мир довлеет над человеком, управляет им, и человек не замечает, что вся эта духовная и душевная пустота воспринимается как норма. Хвощинский, создавая вокруг себя внешнюю пустоту, преодолевает пустоту внутреннюю. Он ищет возможности соединиться с любимой.

В русском сознании любовь как раз связывается с умением воссоединяться с любимым, несмотря на дальние расстояния. *Хоть топиться, а с милым сходиться; Хоть пловом быть, да у милого быть; К милому другу крюк (круг) не околица; К милому и семь верст не околица; Не далеко к милому – девяносто в сторону*. Использование в этих пословицах глаголов и существительных с обозначением движения или его направления, числительных с обозначением меры длины указывает на интенсивное желание быть рядом с любимым:

Для бунинского героя также важно преодолеть разъединение с любимой, но он стремится пересечь не пространственную границу, а границу небытия. Сын Хвощинского говорит об обручальном кольце и хранящихся в доме венчальных свечах: *Они уже после ее смерти купили эти свечи... и даже обручальное кольцо всегда носили*... Во все времена свеча выступала символом индивидуального существования человека, символизировала одинокую трепетную человеческую душу, а при описании свеч Хвощинского используется множественное число. Множественное число образует новый «неграмматический» смысл: свечи показывают соединение душ любящих людей. На них зелёные ленточки – цвет жизни и радости, и нет цветовой символики траура – чёрного. Номинации предметов в тексте обозначают нерасторжимую связь любящих, независимо от того, на том, или на этом свете они находятся. Кольцо выступает воплощением вечности, у которой, как у любви, нет ни начала, ни конца.

Венчальные свечи, обручальное кольцо после смерти – пословицы не фиксируют такого метафизического воссоединения с любимым. Это авторское представление, хотя изначально оно идет от народного представления о необходимости совершать невероятные усилия во имя соединения любящих.

Таким образом, установить, в чем языковая личность Бунина близка национальной, а в чем проявляет свои уникальные черты, помогает филологический анализ текста, который объединяет лингвистический анализ (этимология слова, его прямое и переносное значение, роль заглавия и т. п.); литературоведческий анализ (соотнесение семантики авторского текста с семантикой паремий; анализ хронотопа и др.); культурологический анализ (семантика артефактов в ритуалах, обрядах). Благодаря филологическому анализу текста можно утверждать, что языковая личность Бунина близка национальной, но не тождественна ей.

Литература

1. Кубрякова, Е. С. Парадигмы научного знания в лингвистике и её современный статус / Е. С. Кубрякова // Известия РАН. Серия литературы и языка. – Т. 53. – № 2. – 1994. – С. 3–15.

2. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты: Сборник научных трудов. – Волгоград – Архангельск, 1996. – С. 3–16.

3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 264 с.

4. Лихачев, Д. С. О филологии: Об искусстве слова и филологии [Электронный ресурс] / Д. С. Лихачев. – Режим доступа URL : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Lih/12.php (дата обращения 14.09.2017).

ДИСТРИБУТИВНО-ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ МЕТОД АНАЛИЗА В ОПРЕДЕЛЕНИИ ПАДЕЖНОЙ СЕМАНТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ БЕСПРЕДЛОЖНОГО ДАТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА)

Мокашов Виталий Владимирович
Гиринская Людмила Владимировна
Белоглазова Лилия Борисовна
Россия, Москва, Российский университет дружбы народов,
kafedra3@inbox.ru

В настоящей статье рассматривается роль дистрибутивно-трансформационного метода анализа в выявлении глубинных значений

падежей, приводятся примеры исследования на материале беспредложного дательного падежа, а также даются определения 17-ти выявленных глубинных значений дательного падежа без предлога.
Ключевые слова: падежная семантика, дистрибутивно-трансформационный метод анализа, предикативная фраза, актанты, структурно-семантическое образование, глубинное значение

Развитие современной науки предполагает усовершенствование методики изучения особенностей языковых систем. Исследование семантики падежей с учетом их дистрибуции, выявление глубинных значений, получающих на поверхностном уровне (уровне выражения) ту или иную падежную форму, представляет одну из интересных проблем современной лингвистики.

Сложившееся традиционное мнение, когда семантика падежей выражается только через определенную абстракцию понятий практически не отражает ту действительную ситуацию, которая существует в языке в отношении выражения семантико-синтаксических структур понятийного уровня поверхностными грамматическими формами. Падеж не является лишь поверхностной формой выражения заключенного в нем содержания, его глубинного значения.

Именно об этом говорит академик В. В. Виноградов, подчеркивая, что «абстрактная схема падежных значений, выработанная сравнительно-исторической грамматикой индоевропейских языков, едва ли может покрыть все разнообразие значений современных русских падежей».

С точки зрения структурной семантики падеж представляет собой глубинное семантико-синтаксическое образование понятийного уровня. Падеж это – глубинное значение, оформленное и ограниченное определённой падежной рамкой, фреймом. Падеж не существует без контекста, так как в своем истинном смысле он появляется только в среде управляющего им глагола и окружающих актантов – дистрибуции (в предложениях, где эксплицитно глагол не выражен, он, тем не менее, всегда присутствует имплицитно.) Более того, значение падежа или, иначе говоря, сам падеж как структурно-семантическое образование может быть определен только через

значение управляющего им глагола и окружающих актантов.

Таким образом, падеж есть глубинное структурно-семантическое образование, содержащее в себе не только эксплицитную сему, выражаемую анализируемой падежной формой (в частности, «субъект», «объект» или «адресат»), но и имплицитные для данной падежной формы семы окружающих актантов и управляющего глагола. Выхваченная из предикативной фразы конкретная падежная форма, в свою очередь, выражает не только значение данного актанта, но и значение глагольного признака, а также предметные значения других актантов предикативной фразы. Итак, падеж как глубинное структурно-семантическое образование имеет основную сему, выраженную анализируемой формой, и периферийные, выраженные окружающими актантами и управляющим глаголом.

Все глаголы, как известно, распределяются по семантическим классам. Учитывая данный факт, можно утверждать, что глубинное значение надежа определяется не просто через значение управляющего глагола, а через значение семантического класса глаголов. По сути дела, падеж является актуализацией семантического потенциала класса глаголов с ориентацией на главную сему данного падежа при учете имплицитных сем окружающих актантов.

Так, например, если в предложении – *Дед принес яблоки внуку* – глагол *принести* проявляет семантический потенциал через семы «кто» (сема субъекта), «что» (сема прямого объекта) и «кому» (сема адресата), выражаемые в высказывании актантами в соответствующей поверхностной грамматической форме, то каждый из этих актантов имеет глубинное падежное значение, учитывающее весь комплекс этих сем (значений управляющего глагола и окружающих актантов).

Таким образом, глубинное падежное значение, например, формы традиционно именительного падежа «кто» будет определяться здесь как «субъект, который доставляет объект адресату», глубинное значение формы традиционно винительного падежа «что» как «объект, который субъект доставляет адресату», глубинное значение формы дательного падежа «кому» как «адресат, которому субъект доставляет

объект».

Подтверждением правильности вышеизложенного понимания падежного значения может служить тот факт, что при трансформации семантико-синтаксической конструкции в эквивалентную ей по значению, но неравнозначную по аранжировке (месту и/или падежной форме актантов), одно и то же глубинное значение зачастую меняет падежную форму своего выражения. Это, в свою очередь, говорит о возможности оформления одного падежа как структурно-семантического образования (т.е. глубинного падежа) двумя или даже тремя различными падежными формами.

Так, например, во фразе – *Пчела жалит морду медведю* – глубинное значение «объект, часть тела которого подвергается точечному ранящему физическому воздействию со стороны субъекта» выражено беспредложной формой дательного падежа, а при трансформации этой фразы в – *Пчела жалит медведя в морду* – или во фразу – *Пчела жалит морду медведя* – названное глубинное значение выражается уже, как видим, беспредложной формой винительного либо беспредложной формой родительного.

Дистрибутивно-трансформационный метод анализа падежной семантики может быть применен при исследовании глубинных значений любого падежа. С помощью данного метода анализа можно определить все семантическое богатство каждого конкретного падежа.

Так, например, при анализе семантики беспредложного дательного падежа с помощью дистрибутивно-трансформационного метода выявляются 17 глубинных значений (в сущности – семнадцать падежей, имеющих одной из форм своего выражения беспредложную форму дательного).

Пятнадцать из этих значений могут быть распределены по пяти семантическим группам согласно каким-либо объединяющим их семам.

Два глубинных значения не входят ни в одну из пяти этих групп и не имеют ничего общего между собой. Невозможность слияния нескольких глубинных значений, объединенных в одну семантическую группу, объясняется, в первую очередь,

различием в их дистрибутивно-трансформационной характеристике, а также некоторыми семантическими отличиями.

Семантика беспредложных форм дательного 1-й группы определяется как «адресат, которому предназначается объект (в частности, какой-либо предмет, реже – живое существо)». В эту группу входят 6 значений типа: «адресат, которому субъект действия что-либо

1) дает,
2) продает,
3) обеспечивает,
4) доставляет,
5) скармливает,
6) предпринимает какие-либо действия с объектом».

Примером конструкции с такими значениями может служить условная фраза (где каждый глагол соответствует определенному значению): «Молодой человек дал / продал / обеспечил / принес / скормил / достал торт девушке».

Подобным образом могут быть охарактеризованы остальные группы значений. Можно привести определения этих групп, а также отдельных значений:

2-я группа условно объединена общей главной семой «адресат (в основном лицо) какого-либо сообщения» (2 значения);

3-я группа – «адресат (в основном лицо) какой-либо рекомендации» (2 значения);

4-я группа – «одушевленный объект (лицо или животное), часть тела которого подвергается физическому воздействию со стороны одушевленного субъекта» (4 значения);

5-я группа условно объединена общей главной семой объекта действия – предмета (реже живого существа). В последнюю входят 3 значения: «объект, с которым сравнивается / которому противопоставляется другой объект», «объект, которому субъект придает новое качество» и «объект, которому субъект преграждает путь».

Два отдельных глубинных значения, не входящие ни в одну из перечисленных групп, интерпретируются следующим образом: «одушевленный объект, являющийся носителем

некоторого отрицательного свойства или производителем некоторого нежелательного действия, которому это отрицательное свойство или действие кем-либо прощается» и «знания, умения и навыки, которые одушевленный субъект передает одушевленному объекту».

Многие из глубинных значений, выявленных у беспредложного дательного падежа, могут быть выражены не только формой данного падежа, но и формами других падежей с предлогами или без. Поэтому скорее всего правильнее говорить здесь не о значениях, выявляемых у дательного беспредложного, а о глубинных значениях, объединяемых в один комплекс благодаря общей для них способности получать поверхностную форму выражения дательного падежа без предлога. Понятно, что многие из этих значений, обладая способностью быть выраженными и формами других падежей, входят также и в другие падежные комплексы.

Подобный подход к пониманию семантики падежа в русском языке позволяет более глубоко и объемно понять структурно-семантическую основу падежа. его системные связи с глаголом как лексико-грамматическим партнером и другими падежами в предикативной фразе, что, в свою очередь, углубляет осмысление всей структуры языка.

Литература

1 Апресян, Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола / Ю. Д. Апресян. – М.: Наука, 1967. – 256 с.

2 Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М.; Л.:Учпедгиз,1947. – 785 с.

3 Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.

4 Филлмор, Ч. Дело о падеже. / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 10. Лингвистическая семантика. – М.: Прогресс, 1981. – 567 с.

ОБЩИЕ КОГНИТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ОППОЗИТИВНЫХ КОНЦЕПТОВ «ГОРЯЧИЙ» – «ХОЛОДНЫЙ»

Мухина Ирина Константиновна
Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
golst@e1.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-06-00340 «Отношения противоположности в словаре и дискурсе: лексикографический, когнитивно-дискурсивный и лингвокультурологический аспекты»).
The work was supported by Act 211 Government of the Russian Federation, contract № 02.A03.21.0006. Работа выполнена при финансовой поддержке постановления № 211 Правительства Российской Федерации, контракт № 02.A03.21.0006.

Статья посвящена обобщению когнитивных признаков концептов «Горячий» – «Холодный». Общими когнитивными признаками концептов являются ядро концептов; в приядерной зоне – прототипически горячие или холодные объекты, интенсивность проявления температурных признаков и др.; в зоне ближайшей периферии – приборы для измерения температуры, субъективность определения температурных показателей и др.; в зоне дальнейшей периферии – оценочные характеристики ощущения тепла/холода и др.

Ключевые слова: концепт, оппозитивные концепты, когнитивные признаки, отношения противоположности.

Одной из задач прагматической семантики является установление смысла языковых единиц в соответствующих условиях их употребления в дискурсе, в чем большую роль играет языковая компетенция носителей языка, основанная на способности различать общие и дифференциальные признаки ключевых концептов.

Концепты «Горячий» – «Холодный» относятся к денотативно-идеографической сфере «Восприятие» и являются оппозитивными. В связи с этим можно предположить, что определенные когнитивные признаки данных концептов могут пересекаться. Ментальная сущность оппозитивных концептов моделировалась по модели, предложенной Л. Г. Бабенко [1]: в

центре внимания были лексические репрезентации когнитивных признаков, связанные с приядерной зоной и зонами ближайшей и дальнейшей периферии данного концепта, представленными в совокупности когнитивными признаками, отображающими существенные аспекты конкретизации именуемого концептом явления.

Ядро концептов – основные понятийные признаки, выражающие самые существенные представления о концепте – зеркально соотносятся, различаясь только температурными показателями: «Имеющий высокую/низкую температуру; подвергшийся нагреванию/охлаждению».

Приядерная зона концептов, которая формируется когнитивными признаками, отражающими представления о различных существенных для понимания концепта аспектах его конкретизации, содержит как общие, так и дифференциальные для концептов «Горячий» – «Холодный» когнитивные признаки. В пересекающуюся часть концептов входят следующие составляющие: «Объекты реальной действительности, вещества и явления неживой природы могут быть горячими или холодными в зависимости от определенных условий, при которых холодный объект может стать горячим (*нагревать, разогреть*) и наоборот (*охлаждать/охладить*), объект может быть также только горячими (*огонь, лава, кипяток*) или только холодными (*лед, снег*). Существуют объекты, которые в норме должны быть горячими/холодными (*суп, жаркое – холодное течение* и др.), объекты, которые могут приобретать или утрачивать это качество в зависимости от их функционального предназначения (*кипятильник, утюг* и др.)».

Общие когнитивные признаки концептов, входящие в приядерную зону, связаны также со следующими составляющими.

1. Представления о прототипично горячих/холодных объектах: эталонами для сравнения при характеристике температуры объекта выступают природные объекты, а также продукты питания и напитки. «Данная характеристика связана также с климатом и погодой, характеризующимися очень

высокой/низкой температурой воздуха: *жара – холод* (температура обычно выше/ниже нуля градусов по Цельсию».

2. Интенсивность проявления признаков, которая может быть разной: «объект может иметь высокую/низкую или относительно высокую/низкую (обычно ниже нуля градусов по Цельсию) температуру, которая ассоциируется с температурой значительно выше/ниже температуры тела человека (*горячий – холодный*) или близка к температуре кипения воды (*кипяток*), или выше/ниже обычной, нормальной температуры подобных объектов, как правило, холодных (*теплое море, теплый ветер – прохладный*), а также умеренно высокой, соотносящейся с температурой тела человека (*теплый*)».

3. Способы определения температуры объекта: «Температуру объекта обычно можно определить, используя органы осязания: тактильно, на ощупь, руками, а также подошвами ног (*горячий песок – холодная земля, холод пола*), органами осязания в ротовой полости (*горячее молоко – ледяной квас*) и всей кожей (*горячий ветер – холодный ветер, воздух, дождь*) при непосредственном контакте, а также органами обоняния и по внешним признакам предмета».

Ближайшая периферия концептов формируется сопряженными с другими ментальными сущностями когнитивными признаками, несущими информацию о реальных связях, существующих в действительности. Ближайшая периферия концептов «Горячий» – «Холодный» включает следующие общие когнитивные признаки.

1. Приборы для измерения температуры: «Для измерения объективной температуры чего-либо используют специальный прибор – термометр».

2. Субъективность определения температурных показателей объекта: «Оценка температуры чего-либо как низкой или высокой, ощущения от воздействия высокой температуры воздуха достаточно субъективны. Существует представление об условной температурной норме, достижение которой необходимо для реализации определенных практических целей (*согреть, подогреть, разогреть, нагреть, вскипятить – заморозить, остудить*)».

3. Изменение температуры объекта: «Температуру неживого объекта можно изменять (*накаливать – холодить, остудить*). Нагревание/остывание объекта может происходить за счет внутреннего тепла самих природных объектов (*горячий источник, пепел, лава, костер, пламя, зола – холодный источник, ледник, вечная мерзлота*)».

Итак, общими способами изменения температуры объектов является использование воды и контакт с источником тепла или холодным объектом.

4. Способы сделать объект горячим или холодным.

- Использование различных предметов.

«Объект можно сделать горячим/холодным, горячее/холоднее в результате использования имеющей высокую/низкую температуру воды, осуществления в течение некоторого времени контакта с источником тепла (*греть*) – с холодным объектом (*приложить холод*)».

- Специальные приспособления, одежда, материалы.

Существуют предметы одежды и обуви, сохраняющие тепло, предохраняющие человека от воздействия холода. С одной стороны, широко применяются специальные утеплители – материалы, предназначенные для защиты предметов, различных устройств, помещений от нежелательного охлаждения; с другой стороны, существуют теплоизолирующие материалы, предназначенные для защиты различных устройств, помещений от нежелательного теплового обмена с окружающей средой.

- Самопроизвольность процессов нагревания/охлаждения.

Объект может нагреться / стать холодным, холоднее в результате самопроизвольного процесса, протекание которого не связано с целями человека и не контролируется им (*остыть, выстудиться, подмерзать, холодеть*).

5. Процесс приготовления горячих/холодных продуктов питания.

С одной стороны, «большинство продуктов питания, кушаний и напитков предполагают тепловую обработку (*с пылу, с жару; В Москве калачи, как огонь, горячи; Всяк подьячий любит калач горячий*) или разогревание перед употреблением».

С другой стороны, «существуют специальные способы приготовления пищи впрок, предполагающие обработку объектов, способных стать пищей, с использованием низкой температуры (*замороженный, холодное копчение*).

Остывшую, холодную пищу перед употреблением разогревают, а замороженные продукты – размораживают».

6. Восприятие как горячей/холодной температуры воздуха в каком-либо помещении.

7. Ощущение человеком высокой/низкой температуры собственного тела: «существует нормальная температура тела человека (36,6˚ по Цельсию)».

8. Воздействие на человека высокой/низкой температуры окружающей среды, каких-либо предметов и его последствия.

При прикосновении к горячему/холодному предмету человек ощущает резкий контраст температур. Воздействие как высокой, так и низкой температуры на организм человека может иметь различные последствия (*ожоги, перегреться на солнце, тепловой удар – озябнуть, продрогнуть, переохлаждение, обморожения, окоченеть*). Как низкая, так и высокая температура воздуха, воды и т.п. может нанести человеку ущерб, вплоть до смертельного исхода.

Дальнейшая периферия ментальной сущности концептов «Горячий» – «Холодный» состоит из когнитивных признаков, выражающих представления о субъективно-модальных и оценочных смыслах и репрезентированных во фразеологических единицах и паремиях.

При этом оценке подвергаются следующие признаки.

1. Ощущение тепла/холода.

«Ощущение тепла связывается в пословицах с ощущением сытости (*Хлеб греет, не шуба; Сытый по голодном, а теплый по холодном не плачут*), а холода – с ощущениями, которые испытывает голодный (*Кто голоден, тот и холоден; Где холодно, тут и голодно; Стужа да нужа – нет их хуже; холод да голод – не легче того*) или терпящий нужду человек (*И холодно, и голодно, и мошна пуста; И холодовал, и голодовал, и нужу знавал; Нужда и голод погонят на холод*). При этом указывается, что сытые и богатые обычно едят горячую пищу, а голодные и

бедные – холодную (*Горячее едят подьячие, голодные едят холодное*)».

2. Воздействие высокой/низкой температуры.

Положительно оцениваются:

- «***умеренно высокая температура*** (*теплый*), так как соприкосновение с таким объектом или нахождение в таких условиях обычно приятно человеку»;
- «***умеренно низкая температура*** объекта (*прохладный*), погода, характеризующаяся умеренным холодом, свежестью (*прохлада, свежесть, морозный день*), особенно по контрасту с утомительной жарой, в меру низкая или более низкая температура воздуха в каком-либо месте, промежутке времени (*холодок, свежо*), холодные поверхности или прохладный объект, температура которых ниже температуры тела человека, но не составляет с ней резкого контраста, поэтому соприкосновение с ними вызывает приятные ощущения, особенно если человеку жарко, охлаждающий до приятного состояния ветер (*свежий ветер*), специально охлажденные пищевые продукты и кушанья или прохладительные напитки (*прохладный морс, холодное пиво*), приятно охлаждающая ткань (*прохладный шелк*)».

Отрицательно оцениваются следующие явления.

- «Воздействие ***высокой температуры воздуха***, окружающей среды, горячего предмета вызывает у человека чаще неприятные, болезненные ощущения. При этом поверхностные ощущения различаются по силе (*горячо, гореть, пылать, жечь, обжигать*)».
- «Как правило, ***низкая температура воздуха***, характерная для зимы или поздней осени, весной и летом воспринимается как отклонение от нормы. Признак низкой температуры может восприниматься как негативный, нежелательный, досадный, неблагоприятный для жизни.

3. Степень проявления температурного признака.

Таким образом, общими когнитивными признаками концептов «Горячий» – «Холодный» являются когнитивные признаки, составляющие *ядро* концептов; *в приядерной зоне* – прототипично горячие или холодные объекты, интенсивность проявления температурных признаков, способы определения

температуры объекта; в зоне ближайшей периферии – приборы для измерения температуры, субъективность определения температурных показателей объекта, изменение температуры объекта, способы сделать объект горячим или холодным (использование различных предметов; специальные приспособления, одежда, материалы; самопроизвольность процессов нагревания/охлаждения), процесс приготовления горячих/холодных продуктов питания, восприятие как горячей/холодной температуры воздуха в каком-либо помещении, ощущение человеком высокой/низкой температуры собственного тела, воздействие на человека высокой/низкой температуры окружающей среды, каких-либо предметов и его последствия; *в зоне дальнейшей периферии* – оценочные характеристики ощущения тепла/холода, воздействия высокой/низкой температуры, степени проявления температурного признака.

Другие когнитивные зоны концептов формируются дифференцированными когнитивными признаками: концепты «Горячий» – «Холодный» ассоциативно связаны с различными образными смыслами и национально-культурными представлениями.

Сопоставительный количественный анализ лексических репрезентаций концептов показал, что соотносимыми по объему когнитивных признаков и лексических репрезентаций являются ядерная и приядерная зона, а также зона образных и культурологических ассоциаций концептов.

Литература

1. Бабенко Л. Г. Предисловие / Л. Г. Бабенко // Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): проспект словаря; под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. – С. 3–20.

О СВЯЗИ ЛЕКСИЧЕСКИХ И КОМПОЗИЦИОННО-СИНТАКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ ГЛАГОЛОВ СВ В АОРИСТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОВЕСТВОВАНИЯ

Никитина Екатерина Владимировна
Россия, Москва, Российский университет дружбы народов,
niekaterina@gmail.com

Статья посвящена исследованию взаимосвязи лексических и композиционно-синтаксических значений глагольных форм прошедшего времени СВ в аористической функции с повествовательным типом речи. Семантика глаголов СВ в аористической функции позволяет им выражать последовательность. Выявлено, что по своему лексическому значению данные глаголы относятся к предикатам «событиям» («постепенного осуществления» и «мгновенного осуществления»).

Ключевые слова: аористическая функция глагольных форм СВ, лексическое значение глагольных форм СВ, композиционно-синтаксическое значение глагольных форм СВ, повествовательный тип речи.

Средством нашего общения служит текст (письменный и устный, различного назначения), в связи с чем он стал одним из главных объектов исследования современной лингвистики.

Текст представляет собой коммуникативную систему благодаря совокупности организующих его универсалий «человек», «время» и «пространство». Отношения между этими универсалиями характеризуются взаимовлиянием и взаимодополнением: в художественном произведении человек изображается в конкретном месте и текстовом времени.

Главную роль в построении композиции текста играют видо-временные глагольные формы. Исследование их текстовых функций позволит выявить стилистический потенциал данных форм, а также поможет определить специфику композиционной структуры текста, облегчит его понимание.

Изучением функционирования глагольных форм в текстах занимались А. В. Бондарко, Т. В. Булыгина, В. В. Виноградов, Г. А. Золотова, Ю. С. Маслов, Е. В. Падучева, Н. С. Поспелов,

А. А. Потебня и многие другие. Работы этих лингвистов являются теоретической базой данного исследования.

В ограниченных рамках статьи рассматриваются лишь глагольные формы прошедшего времени СВ в аористической функции (под функцией, вслед за Г. А. Золотовой, мы понимаем «предназначенность языкового элемента как части коммуникативного целого служению в предложении или в тексте» [4, с.476].

Структурообразующая роль видо-временных форм в текстах обуславливает их выбор и последовательность, которые зависят от функционально-смыслового типа речи. Глаголы СВ в аористической функции употребляются только в повествовании. При этом их грамматические и лексические значения остаются неделимыми. Поэтому анализ глагольных форм СВ в аористическом употреблении, используемых в повествовательном типе речи, проводился нами с учётом их лексического наполнения.

В числе лингвистов, пытавшихся классифицировать глагольные предикаты, следует назвать Ю. С. Маслова, З. Вендлера, Т. В. Булыгину, А. Д. Шмелева, Г. А. Золотову.

Данное исследование основывается на типологии предикатов, предложенной Т. В. Булыгиной, поскольку, на наш взгляд, она наиболее полно раскрывает взаимодействие семантических, морфологических и синтаксических элементов в системе русского глагола и представляется оптимальной для выявления взаимосвязи семантики глаголов прошедшего времени с логико-смысловой основой повествования.

Цель исследования заключается в выявлении связи видо-временных, лексических и композиционно-синтаксических значений глагольных форм прошедшего времени СВ с повествовательным типом речи.

Все рассмотренные положения проиллюстрированы примерами из текстов рассказов И. А. Бунина.

Грамматическая категория вида обозначает различия в представлении протекания действия. Лингвисты определяют значение СВ по-разному. Так, в качестве основных определений рассматриваемого значения называют недлительность, результативность, завершённость действия, ограниченность

действия внутренним пределом, целостность обозначаемого действия.

В художественных текстах реализуются частные значения глагольных форм СВ.

Глаголы прошедшего времени в аористическом значении изображают отдельные, уже свершившиеся события и действия изолированными от момента речи. Эта разобщённость с моментом речи является важнейшей составляющей семантики глаголов СВ с аористическим значением. Как правило, обозначаемое ими действие представляется мгновенным, кратковременным, независимо от его фактической продолжительности. Например:

Было начало августа. Он только что ***отмахал*** *порядочный крюк. Из Осиновых Дворов прошел он в Красную Пальну, на суд с соседом. Из Пальны сделал верст пятнадцать до города* (…). *Из города приехал по железной дороге в село Шипово и пошел в Осиновые Дворы через Жилое: это еще верст десять. Да не то свалило его* («Захар Воробьев»).

В приведенном примере глагол СВ в аористической функции *отмахал* обозначает действие, происходившее долгое время, что поясняется глаголами СВ с перфектным значением *прошел*, *сделал*, *приехал*, *пошел*, выполняющими ретроспективную функцию. Однако читателю кажется, что герой рассказа «отмахал порядочный крюк» за весьма непродолжительное время.

Неспособность связать действие с настоящим позволяет глаголам СВ с аористическим значением структурировать повествовательный тип речи. Как известно, повествование содержит в себе прогрессивное развитие действия в направлении, соответствующем объективной последовательности событий. Обозначая возникшие и законченные действия, рассматриваемые глаголы «естественно используются для выражения последовательности или близких к последовательности отношений предшествования/следования. Функция эта вытекает из значения СВ, поскольку каждое следующее в последовательной цепи действие может начаться лишь по завершении предыдущего» [8, с.28].

Далее рассмотрим композиционно-синтаксические значения глаголов в аористическом употреблении, развивающих сюжет.

Исследуемые глаголы могут передавать отдельные действия, которые представляются коммуникативно-самостоятельными, единичными, внезапными. Например:

Однажды в полдень, когда в мягком светоносном блеске млели в высоком млеющим небе, над хлебами и нагретой пыльной дорогой, чуть видные сияющие облака, возле амбара ***остановилась*** *пара лошадей. В тележке сидела полная барыня, которая, как знала Парашка, много была должна Устину* («При дороге»).

Невысокий месяц мирно светил в два больших окна напротив, озарял кровать теплым золотистым блеском, и все вокруг было так просто и прекрасно, так безмолвно и спокойно... Мог ли я думать, засыпая, что так страшно будет мое пробужденье среди ночи? Я ***проснулся*** *сразу, от какого-то стука. Кто-то громко стучал ко мне снаружи, в верхнюю половину оконной рамы. Стук был так страшен, что я вне себя вскочил на кровати* («Ужас»).

В данных микротекстах глаголы с аористическим значением *остановилась* и *проснулся* указывают на одноактные действия в прошлом. В рассказах И. А. Бунина глаголы СВ с этим значением часто служат введением к последующему описанию. Как известно, соотношение различных типов речи в художественных текстах подчиняются коммуникативным целям автора и законам жанра, что было наглядно продемонстрировано нами в предыдущих исследованиях [6, с.150].

В повествовании глаголы СВ с аористическим значением также используются для передачи последовательных единичных действий, выстроенных в цепь. В связи с этим В. В. Виноградов отмечал, что «движение форм прошедшего времени совершенного вида создаёт смены вытесняющих друг друга действий и их результатов в их хронологической последовательности. Оно направляет – по разным линиям или по прямому направлению – сюжет к развязке, к заключительному финалу» [3, с.458]. В качестве иллюстрации к сказанному приведём фрагмент из рассказа «При дороге», в котором все глаголы выражают аористическое значение. Обозначенные ими

отдельные действия линейно сменяют друг друга во временной последовательности.

*Никанор **оглянулся**, **увидал** голыш, на котором точили топоры, **схватил** его в обе руки и с навесу **стукнул** по замку. Замок **отвалился** вместе с петлей – и Парашка, не дав ему упасть, **подхватила** и крепко **зажала** его в своей маленькой загорелой руке. Еще больше сдвинув на затылок картуз, мокрый от пота, Никанор с тяжевой оборотью в руке **вошел** в денник и **склонил** голову к плечу, вглядываясь в сумрак, отшатнувшись, **изогнулась** и **прижалась** к стене гнедая кобыла, красавица с лиловыми глазами. Парашка, сделав большой шаг, неумело, но изо всей силы **ударила** его в висок замком. Он коротко **споткнулся** и **упал**, **ткнулся** головой в навоз. Парашка **подскакнула**, как стрела **метнулась** вон из денника и **понеслась** к воротам. Лошадь Никанора, стоявшая у ворот, **всхрапнула** – и вместе с нею **вылетела** на дорогу. Пыля и гремя телегой, она **подхватила** в одну сторону, к городу, в белесую блестящую даль за перевалом, а Парашка – в другую, через дорогу, ко ржам. На бегу обернувшись, она вдруг **остановилась**: из ворот **выскочил**, без картуза, весь облитый по лицу и по рубашке алой кровью, Никанор и, почти падая, **ударился догонять** свою обезумевшую лошадь. Парашка **взвизгнула** и **нырнула** в душную гущу колосьев...*

В данном фрагменте глаголы прошедшего времени СВ в аористическом употреблении следуют друг за другом довольно «концентрированно», в результате чего формируются контексты лаконичных чередующихся конкретных действий. Подобное близкое следование глаголов СВ друг за другом делает описание события достаточно детальным и привлекает внимание к его отдельным этапам. А все эти детали, в свою очередь, замедляют ход художественного времени.

Некоторые глаголы СВ в аористическом употреблении обозначают начальную стадию, зарождение каких-либо действий, состояний. В качестве примера приведём фрагмент из рассказа «Слон», в котором рассматриваемое значение выражено начинательными глаголами с приставкой *-за* (*заговорила,*

заплакала) и сочетанием инфинитива с вспомогательным глаголом «стать» *стала пить*:

Но мама улыбнулась уже нарочно и ***заговорила*** *с дамой о чем-то другом, совсем неинтересном. И тогда, искоса поглядывая на мальчика, девочка ерзнула со стула, подбежала к буфету и, чтобы опять обратить на себя внимание,* ***стала пить*** *воду прямо из горлышка графина, задыхаясь, булькая и обливая себе подбородок. А когда совсем облилась и захлебнулось, бросила и* ***заплакала****.*

Иногда обозначенное глаголом СВ в аористическом употреблении действие выполняет в некоторых контекстах функцию итогового завершения предшествующих действий. Например: *Староста поднёс сперва Мите, потом Трифану, потом Федосье, – она с удовольствием вытянула чашку до донышка, – и, наконец,* ***налил*** *себе* («Митина любовь»).

Также глаголы СВ в аористическом употреблении активно используются в текстах для передачи прямой и косвенной речи. Приведём в качестве примера фрагмент из рассказа «При дороге», в котором повествование реализовано глаголами *сказал* и *ответила*, передающим косвенную и прямую речь:

Под дубками он твердо, кратко, оглядываясь, ***сказал*** *ей, зачем пришел: она должна помочь ему свести с отцовского двора двух кобыл и бежать с ним в Ростов. Она тупо* ***ответила****, не поднимая глаз:*

- Хорошо.

Проведенный анализ текстов рассказов И. А. Бунина показал, что повествовательные высказывания формируются глаголами СВ в аористической функции, относящимися к предикатам динамических явлений. Данную группу предикатов Т. В. Булыгина выделяет на основе наличия у них признаков временной локализованности и динамичности. В свою очередь, среди предикатов динамических явлений Т. В. Булыгина различает предикаты «процессы» и предикаты «события», характеризующиеся разным отношением к признаку длительности. Именно предикаты «события», лишенные признака длительности, способны взаимодействовать с контекстом повествовательного типа речи наравне с аористическим значением.

В лексико-семантической классификации предикатных выражений Т. В. Булыгиной предикаты «события» делятся на две подгруппы – предикаты «постепенного осуществления» vs «мгновенного осуществления» (предполагающие и не предполагающие предшествующий «развивающий» процесс события). Все относящиеся к указанной подгруппе глаголы СВ в аористическом значении употребляются в повествовании.

Способность рассматриваемых глаголов организовывать повествовательный тип речи объясняется присущими им свойствами. Глаголы «постепенного осуществления», включающие в себя одновременно указание на процесс, ведущий к определённой конечной точке, и указание на эту конечную точку, не предполагают актуализации действия в настоящем. Это позволяет им выражать смену ситуаций, последовательность. Например:

Митя с удовольствием ***съел*** *тарелку щей и* ***выпил*** *бутылку пива, потом опять задремал, – глубокая усталость напала на него* («Митина любовь»).

В семантике глаголов СВ «мгновенного осуществления» компоненты «деятельность» и «достижение результата» не отделены друг от друга. Данные предикаты имеют «чисто событийный» характер и способны лишь указывать на отдельный факт в прошлом или называть последовательные действия. Например:

И вот однажды, выйдя в зал, полный предвечернего солнца, к чаю, Митя неожиданно ***увидел*** *возле самовара почту, которую он напрасно ждал все утро;*

Во время обеда нарочный со станции ***привез*** *телеграмму − Аня и Костя извещали, что будут завтра вечером* («Митина любовь»).

Анализ глагольных форм прошедшего времени СВ в аористическом употреблении, участвующих в реализации повествовательного типа речи в художественном тексте, позволяет сделать следующие выводы:

1. Глаголы прошедшего времени СВ в аористической функции релевантны для выражения последовательности в повествовательном типе речи. Это обусловлено семантикой

рассматриваемых глаголов, главными компонентами которой является изолированность от момента речи и завершенность действия.

2. В художественных текстах глагольные формы прошедшего времени СВ могут обозначать единичные или последовательные действия, прямую и косвенную речь, начальную стадию действия, итоговое завершение предшествующих действий.

3. С повествовательным типом речи взаимодействуют не только аористическая функция глагольных форм СВ прошедшего времени, но и их лексическое наполнение. По своему лексическому составу рассматриваемые глаголы относятся к предикатам динамических явлений, а именно, к предикатам «событиям», которые лишены признака длительности.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применять полученные результаты в учебных курсах морфологии и лексикологии современного русского языка, стилистики и лингвистики текста.

Литература

1. Бондарко, А. В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени / А. В. Бондарко. – С.-Петербург: Издательство СПбГУ, 1996. – 260 с.

2. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 576 с.

3. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – Высшая школа, 1986. – 640 с.

4. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М.: Издательство МГУ, 1998. – 528 с.

5. Маслов, Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке / Ю. С. Маслов // Очерки по аспектологии. – Л.: ЛГУ, 1984. – С. 48–65.

6. Никитина, Е. В. Композиционно-регистровая структура рассказа И. Бунина «Поздний час» / Е. В. Никитина // Вестник Российского университета дружбы народов. Вопросы образования: языки и специальность. – 2015. – №1. – С. 150–155.

7. Падучева, Е. В. Семантические исследования / Е. В. Падучева. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

8. Рассудова, О. П. Употребление видов глагола в русском языке / О. П. Рассудова. – М.: Издательство МГУ, 1982. – 150 с.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГЕНДЕРА В ОБРАЗАХ ЖЕНЩИН-ПОЛИТИКОВ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЫ)

Овсиенко Татьяна Владимировна
Россия, Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет, ovsienkotv@mail.ru

В статье рассмотрено понятие гендерного стереотипа и освещены основные признаки репрезентации образа политика в гендерном аспекте. Исследование проводилось на материале статей немецких онлайн-изданий. В результате проведенного анализа было установлено, что чаще всего под влиянием гендерных стереотипов образ женщины-политика представляется негативно.

Ключевые слова: языковые средства, образ, женщина-политик, пресса, гендерный стереотип.

Пресса как средство массовой информации является важным инструментом влияния на формирование общественного мнения и в частности на создание образа политика, деятельность которого получает широкую огласку в СМИ.

С увеличением числа женщин в политике возрастает интерес к лингвистическому исследованию создания образа женщин-политиков журналистами, авторами статей в прессе. Актуальность изучения данного вопроса обусловлена, в первую очередь, признанием того факта, что теоретически существует гендерное равенство, а в действительности наблюдается гендерная асимметрия распределения ролей и тем самым создание противоречивых образов.

Целью данной статьи является анализ языковых средств репрезентации гендера при формировании образа женщины-политика в немецкоязычной прессе.

Материалом исследования послужили статьи онлайн-версий журнала Focus, Spiegel, Stern, газет Berliner Zeitung, Süddeutsche Zeitung, Welt, Zeit, освещающих образ женщин, которые

занимаются политической деятельностью. Тексты представляли собой, как правило, новостные, информационные, аналитические события и комментарии.

Обратимся к основным понятиям статьи. Под образом понимается субъективная картина мира, которая включает самого субъекта, его окружающих и временную последовательность событий [3, с.24].

В сознании человека образ создает определенное отношение. Через положительный образ политика признается его авторитет. Признание авторитета – объективное превосходство политического лидера по наиболее существенным для окружающих качествам, полномочиям, способностям, видам деятельности и вере в него как государственного деятеля и публичного политика [5, с.247]. Образ политического деятеля формируется из определённых характеристик, выделяемых и усиливаемых в текстах СМИ. С одной стороны, он отражает реальные черты политика, с другой – проецирует ожидания адресата. Образ может быть как положительным, так и отрицательным. Положительный образ создается при помощи идеальных характеристик политика, в то время как качества, расходящиеся с образом идеального политика, формируют образ с отрицательной оценкой [4, с.92].

Образ формируется целенаправленно, что приводит к вырабатыванию стереотипных представлений о политиках. Стереотип считается разновидностью образа [4, с.24]. Понятие стереотипа определяется через образ, иными словами, стереотип – стандартизированный и неизменный образ предмета или явления в сознании человека. Следовательно, образ женщин-политиков сравнивается с образом мужчин-политиков на основании существующих стереотипов о женщинах, мужчинах и политике в целом.

Под гендерным стереотипом понимается определённое культурное и социальное мнение о качествах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке. Гендерные стереотипы фиксируются в языке, часто выражают оценку и влияют на формирование ожиданий от представителей того или другого пола определенного типа поведения [2, с.66].

Система гендерных стереотипов в средствах массовой информации строится на бинарной оппозиции маскулинности – феминности. Маскулинность рассматривается автоматически как культурное, цивилизационное начало, а феминность – как природное, пассивно-репродуктивное начало.

В немецкоязычной прессе не наблюдается явная тенденция к противопоставлению женщин-политиков политикам мужского пола, женщины-политики изображаются с помощью традиционных стереотипичных представлений об их гендерной роли. В статьях о женщинах-политиках часто встречается лексика, семантически связанная с женской сферой, например, внимание уделяется внешности, одежде, семейному положению женщины-политика. Иными словами, создавая образ, авторы статей намеренно подчёркивают их феминные черты.

В соответствии с гендерными стереотипами ожидается, что люди будут вести себя согласно представлениям, свойственным их полу. Так, например, мужчина представляется, как правило, носителем таких качеств, как: компетентность, предприимчивость, доминантность, независимость, наличие деловых навыков, легкость в принятии решений, самодостаточность и других. Типичная женщина является в свою очередь, нежной, заботливой, не использующей грубых выражений, неуверенной, нуждающейся в защите и т. д. [1, с.47].

Гендерные стереотипы в прессе динамичны и подвижны, следовательно, созданный образ не всегда может совпадать с оригиналом.

Проанализировав стереотипы о мужчинах и женщинах, мы пришли к выводу о том, что женщине-политику зачастую, ввиду её «мужской» профессии приписываются мужские качества, которые влияют на формирование её образа. Но нельзя не отметить, что и женские качества не опускаются намеренно, а, наоборот, подчёркиваются.

При изучении гендерных стереотипов нами были выделены следующие тематические группы, которые, оказывают, по нашему мнению большое влияние на формирование образа женщины-политика в немецкоязычной прессе:

1. Внешность.

Внешность женщины-политика рассматривается в СМИ весьма подробно. Интересным является тот факт, что описание внешности при формировании образа мужчины-политика не упоминается, по сравнению с образом женщины-политика. Соответственно, происходит перенос внешнего вида женщины на её политическую сферу.

Так, например, считается, что Ангела Меркель является одной из влиятельнейших женщин мира благодаря неяркой внешности и скромному гардеробу: *Ein Vorteil von Angela Merkel zum Beispiel ist ja ihr Aussehen* [9]. Хиллари Клинтон во времена президентства мужа выделялась тем, что носила большие очки, а ее одежд напоминала хиппи. Являясь министром иностранных дел США, она носила брючные костюмы, цвет которых напоминал коробку с цветными карандашами: *Die Farben ihrer Hosenanzüge erinnerten dabei häufig an eine Kiste Buntstifte* [17]. Тереза Мэй выделяется экстравагантной обувью, например: *Mal waren es Overknee-Stiefel, mal Exemplare im Leopardenprint* [10]. Президент Литвы Даля Грибаускайте одета просто, но элегантно: *Die Haltung immer aufrecht, kerzengrade, dazu ist sie schlicht, aber elegant gekleidet, die blonden Haare kurz hochtoupiert* [8]. Используя иронию в некоторых примерах, авторы пытаются убедить читателя в том, что женщин больше заботит внешний вид, чем работа. Стереотипные представления о внешности женщины сравниваются с типичными проявлениями ее характера, что переносится на сферу ее политической деятельности.

2. Личная жизнь.

Большое влияние при формировании образа женщины-политика в СМИ оказывает описание её личной жизни, наличие семьи и детей. Если у женщины-политика нет семьи, то СМИ, как правило, считают нужным подчеркнуть этот факт. А бездетность/ *Kinderlosigkeit* Ангелы Меркель и Терезы Мэй могут вызывать недоверие, и указывать на неумение управлять страной*: Angela Merkel hat keine eigenen Kinder* [7].

Детальному рассмотрению подвергаются члены семьи, описывается их происхождение, подвергается анализу их деятельность. И, как следствие, снова перенос, на политическую карьеру, характер и деятельность женщины-политика.

Подтверждением этому служат следующие примеры: *Als Tochter eines Elektrikers und einer Verkäuferin musste sie (Dalia Grybauskaite) für ihren Erfolg hart arbeiten. Ihr Studium der politischen Ökonomie in Leningrad finanzierte sie mit einem Job in der Pelzfabrik Rotfront* [14]. Хиллари Клинтон, предстает перед читателем, в первую очередь, как жена бывшего президента Билла Клинтона, и лишь затем, как министр внутренних дел США и кандидат в президенты: *Die Ehefrau des ehemaligen US-Präsidenten Bill Clinton war unter anderem selbst vier Jahre lang Außenministerin der Vereinigten Staaten. 2016 hoffte sie darauf, die mächtigste Frau der Welt zu werden. Doch die 1947 geborene Demokratin verlor die Präsidentschaftswahl überraschend* [12]. Министр обороны Германии Урсула фон дер Ляйен является дочерью Э. Альбрехта, известного политика Христианско-демократического союза Германии, а также бывшего премьер-министра Нижней Саксонии: *Sie hat Politik schon in die Wiege gelegt bekommen, denn Ursula von der Leyen ist die Tochter von Ernst Albrecht, einst CDU-Ministerpräsident von Niedersachsen* [13]. Данные факты о членах семьи могут, с одной стороны, свидетельствовать о формировании характера, с другой стороны – указывать на то, что благодаря членам семьи, их должностям и помощи, женщина-политик смогла построить свою политическую карьеру.

3. Черты характера.

По мнению социологов, к власти «допускаются» женщины, которые прошли жесткий отбор: у них должно быть высшее образование, поддержка мужа или отца, материальный достаток, а также желательно, чтобы женщина была немолодой, тогда факт её пола не вызовет у общественности никаких сомнений. К тому же, женщина-политик должна обладать такими качествами, как: ум, мужественность, интуиция и гуманность, дипломатичность, гибкость. *Sie (Theresa May) gilt als Pragmatikerin und kühl, arbeitet hart und viel* [10]. *Was sie (Dalia Grybauskaite) denkt, ist richtig und wenn sie redet, dann fühlt sich das schnell an wie eine Befehlsausgabe* [8].

Кроме того, в текстах часто встречается лексика, указывающая на отрицательные черты характера женщин, их

недостатки. Так, например, А. Меркель предстает перед читателями как ученица, скромная школьница: *wie eine Elevin, wie eine Schülerin, schüchtern und zurückgekommen. ... missachtet sie bedenkenlos Regeln und auch Gesetzte* [16]. А. Меркель критикуют за желание принять всех мигрантов и возникновение проблем в миграционных вопросах Европы. Бразильский политик Дилма Русефф изображается как женщина, не добившаяся вовремя расположение народа, она считается упрямой, не харизматичной, зацикливающейся на мелочах: *In den wohl letzten Stunden ihrer Amtszeit versucht Rousseff, die Herzen der Menschen zu erreichen, die sie so lange nicht bewegen konnte. Gilt sie doch als stur, als detailversessen, wenig charismatisch* [11].

4. Политические взгляды.

Стереотипным считается мнение, что политика исключительно мужское дело, женщинам не место в политике. Женщины, как «слабый пол», не могут проявлять стальную волю, упорство и дальновидность. Однако сегодня существует много примеров, когда женщины меняли ход истории, приходили к власти и оказывали большое влияние на развитие государства. В наше время существует ряд всемирно известных женщин-президентов, женщин-канцлеров, женщин-премьеров. Ангела Меркель стала первой женщиной-канцлером Германии, она многократно оказывалась в списке самых влиятельных женщин по версии журнала Forbes. *Sie ist eine Frau, und sie kommt aus dem Osten. Frauen mit solch beharrlichem, völlig selbstverständlichem Machtwillen waren zuvor nicht bekannt gewesen* [16]. В данном примере явно подчёркивается принадлежность Меркель к женскому полу. Особый акцент ставится на то, что до неё не было известно женщин с таким характером.

Стереотип о том, что принятие решений в вопросах мировой политики подвластно только мужчинам, постепенно стирается. Женщины, пришедшие в политику, вынуждены играть по мужским правилам, которые диктует современное общество. Женщины перенимают мужской стиль, что заставляет читателя убедиться в том, что женщины-политики уверенные и решительные, не отступают перед трудностями и в состоянии принимать обдуманные решения. Подтверждением вышесказанному могут служить следующие примеры: *Heute ist*

Dalia Grybauskaite Präsidentin Litauens und zeichnet sich vor allem durch einen bisweilen arroganten Führungsstil aus. So kann sie es nicht leiden, wenn es nicht nach ihren Vorstellungen läuft [8]. *Im Streit mit Griechenland tritt die litauische Präsidentin kompromisslos auf. Die Trägerin des schwarzen Gürtels in Karate schont sich selbst nicht…. Von 2004 an war sie EU-Haushaltskommissarin und schon damals bekannt für ihr harsches Auftreten* [14]. Тереза Мэй предстает перед читателем как сторонник жесткой линии в политике, не опасающаяся никаких трудностей: *Als Innenministerin hat sie (Theresa May) sich mit ihrer Migrationspolitik einen Ruf als Hardlinerin gemacht. ... Auseinandersetzungen scheut sie nicht* [10].

Критика в адрес женщины-политика относительно ее политических взглядов встречается чаще, чем критика политика мужчины. Возможные ошибки женщин-политиков подвергаются тщательному анализу и комментированию в современных СМИ. Практически всегда акцент ставится на то, что допустила ошибку не политик, а женщина. Создается впечатление, что женщина-политик просто не имеет право допускать ошибки, в то время как ошибки мужчины-политика анализируются, но не происходит перенос пола на деятельность. Например, *Die Fehler liegen Merkel zufolge sehr viel weiter in der Vergangenheit. „Ein Fehler, der uns noch lange beschäftigen wird“ – ... die Entscheidung von Angela Merkel (61, CDU), Flüchtlinge aus Budapest direkt nach Deutschland zu lassen* [7]. *Australiens Regierungschefin ist an der Männergesellschaft gescheitert* [15].

Широкому обсуждению подлежит вопрос: а место ли женщине в политике вообще, что свидетельствует о подтверждении стереотипа о том, что «политика – не женское дело». *In Deutschland regiert Angela Merkel seit 2005. ... Heute steht ihre Politik durchaus für einen weiblichen Führungsstil* [17]. Большой критике подверглась бывшая президент Федеративной Республики Бразилия, о чем свидетельствуют следующие примеры: *Sie ist keine Politikerin, sie beherrscht das Tricksen nicht. Rousseff hatte sich mit dem System arrangiert, weil sie anders nicht regieren konnte. ... Rousseff war eine schwache Präsidentin, ihre Zustimmung betrug zum Schluss weniger als zehn Prozent. Mit einer*

verfehlten Wirtschaftspolitik und ihrer autoritären, oft schroffen Art hat sie zu ihrem Niedergang beigetragen [11].

В заключение следует отметить, что гендерные стереотипы способствуют созданию неблагоприятного имиджа женщин-политиков в средствах массовой информации, за счет переноса личных качеств, внешности, семейной жизни женщины на ее политические качества. Образ транслируется через языковые средства и способствует определенному восприятию. Следовательно, такая неравноправная репрезентация женщин-политиков отражает отношение общества к ним в целом, а средства массовой информации выражают отношение авторов к происходящему.

Литература

1. Ильин, Е. П. Пол и гендер / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2010. – 688 с.
2. Кирилина, А. В. Гендерные стереотипы в языке / А. В. Кирилина // Словарь гендерных терминов; под ред. А. А. Денисовой. – М.: Информация – XXI век, 2002. – С. 66–67.
3. Ковальчук, А. С. Основы имеджеологии и делового общения / А. С. Ковальчук. – Ростов н/Д: «Феникс», 2004. – 256 с.
4. Пронина, Е. С. Языковые средства формирования образа женщины-политика в англоязычной прессе: дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.02.04 – «германские языки» / Е. С. Пронина. – М., 2014. – 203 с.
5. Шепель, В. М. Имиджеология. Как нравиться людям / В. М. Шепель. – М.: Народное образование, 2002. – 576 с.
6. Berliner-zeitung, 2017 [Электронный ресурс] – Режим доступа URL: http://www.berliner-zeitung.de/25040052 (дата обращения 15.06.2017).
7. Bild, 2013 [Электронный ресурс] – Режим доступа URL: http://www.bild.de/politik/inland/angela-merkel/geheimes-familien-leben-kanzlerin-29813482.bild.html (дата обращения 03.02.2017).
8. Deutschlandfunk, 2015 [Электронный ресурс] – Режим доступа URL: http://www.deutschlandfunk.de/litauens-praesidentin-widerspruch-unerwuenscht.795.de.html?dram:article_id=324942 (дата обращения 07.09.2017).
9. Tagesspiegel, 2016 [Электронный ресурс] – Режим доступа URL: https://causa.tagesspiegel.de/politik/die-merkel-republik-wie-hat-die-kanzlerin-das-land-veraendert/merkel-muss-immer-wieder-stereotype-aufbrechennbsp.html (дата обращения 01.10.2016).

10. Spiegel, 2016 [Электронный ресурс] – Режим доступа URL: http://www.spiegel.de/politik/ausland/theresa-may-alle-fakten-zur-neuen-britischen-premierministerin-a-1102713.html (дата обращения 10.09.2017).
11. Spiegel, 2016 [Электронный ресурс] – Режим доступа URL: http://www.spiegel.de/politik/ausland/michel-temer-folgt-in-brasilien-dilma-rousseff-das-system-schlaegt-zurueck-a-1110309.html (дата обращения 01.09.2017).
12. Spiegel, 2017 [Электронный ресурс] – Режим доступа URL: http://www.spiegel.de/thema/hillary_clinton/ (дата обращения 05.06.2017).
13. Stern, 2015 [Электронный ресурс] – Режим доступа URL: http://www.stern.de/politik/deutschland/themen/ursula-von-der-leyen-4540112.html (дата обращения 10.09.2017).
14. Süddeutsche, 2015 [Электронный ресурс] – Режим доступа URL: http://www.sueddeutsche.de/politik/profil-dalia-grybauskaite-1.2558137 (дата обращения 10.09.2017).
15. Süddeutsche, 2016 [Электронный ресурс] – Режим доступа URL: http://www.sueddeutsche.de/politik/brasilien-praesidentin-rousseff-ihres-amtes-enthoben-1.3143697 (дата обращения 05.06.2017).
16. Welt, 2015 [Электронный ресурс] – Режим доступа URL: http://schmid.welt.de/2015/09/30/startet-angela-merkel-gerade-durch/ (дата обращения 01.10.2016).
17. Zeit, 2016 [Электронный ресурс] – Режим доступа URL: http://www.zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2016-09/hillary-clinton-us-wahl-frauen-praesidentin-angela-merkel/komplettansicht (дата обращения 05.06.2017).

ЯЗЫКОВЫЕ ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ НАРОДНОЙ МУДРОСТИ В РОМАНЕ К. Ф. СЕДЫХ «ДАУРИЯ»

Пляскина Елена Ивановна
Россия, Чита
ФГОБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»,
PlyaskinaEI@mail.ru

В статье рассматриваются пословицы, бытовавшие в говоре забайкальских казаков станицы Орловской в начале 20 века и зафиксированные в романе К.Ф. Седых «Даурия», описывающем жизнь и быт этих казаков. Их жизненный опыт (народная мудрость), приобретенный в процессе освоения новой территории, как и тот, что достался им от предков, репрезентируется различными фразеологическими единицами, в том числе и пословицами. В результате семантического

анализа выявлено региональное своеобразие выражения народной мудрости в говоре казаков.

Ключевые слова: народная мудрость, пословица, вариант пословицы, локально ограниченные или региональные пословицы.

Роман известного забайкальского писателя К.Ф. Седых «Даурия», полностью опубликованный в 1948 году и отмеченный Государственной премией в 1950, «дает широкое полотно жизни всего забайкальского казачества в предреволюционные годы и в первые годы после революции»; его обаяние заключается «в необычайной правдивости, простоте и горячей взволнованности» [5, с.429, 431]. В центре повествования – казачий поселок Мунгаловский, входящий в Орловскую станицу, расположенную на юго-востоке Забайкалья, – в XVII–XVIII веках эта земля называлась Даурией и русские казаки-первопроходцы осваивали ее.

Интерес исследователя к роману и его языку обусловлен тем, что, с одной стороны, забайкальские казаки – представители русского этноса, сохранившие его мировоззрение, с другой, – жизнь в совершенно новых условиях в течение примерно двух веков освоения новой территории дала им новые знания, что, естественно, сказалось на их мировидении.

Жизненный опыт, накопленные знания отражаются в устойчивых народных выражениях, которые составляют народную мудрость (*мудрость* – глубокий ум, опирающийся на жизненный опыт; *народная мудрость* – также о сложившихся в народе изречениях, отражающих его жизненный опыт, знания [4, с.369]) и представляют собой пословицы и поговорки. Предметом настоящей статьи являются пословицы, бытовавшие в говоре забайкальских казаков станицы Орловской в начале 20 века и зафиксированные автором романа «Даурия» К. Ф. Седых. Ее цель – выявление своеобразия выражения народной мудрости в этом говоре.

Пословица, по мнению В. И. Даля – это «коротенькая притча, суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком» [1, с.13]; по определению известного современного лингвиста-паремиолога В. М. Мокиенко, – это «логически законченное образное или безобразное изречение афористического характера, имеющее назидательный смысл и характеризующееся особой

ритмической и фонетической организацией [3, с.10]. Исходя из определений, были использованы следующие критерии отбора этих языковых единиц: 1) форма, равная предложению; 2) переносное (часто обобщённое) значение; 3) ритм или рифма (факультативно).

Основной метод исследования – семантический анализ контекстов, содержащих пословицы, для выявления мировоззрения (системы взглядов на природу и общество) забайкальских казаков, сформировавшегося в рамках их языковой картины мира, а также для выяснения значения пословиц, так как некоторые из них, в том числе и включающие в свой состав диалектную лексику, являются локально ограниченными. Эти пословицы обусловливают своеобразие выражения народной мудрости в говоре.

Всего в романе встретилось чуть больше 50 пословиц, представляющих собой назидание (поучение, наставление) или суждения (мнения, заключения) о разных предметах: о Боге, о надежде на него; об отношении к службе, к спиртному; о социальной справедливости и несправедливости; о поведении людей, их возможностях, желаниях, качествах; о неправедно нажитом богатстве и бедности, о семейной жизни и т.п. Далее представлены некоторые пословицы (в связи с ограничением объема статьи) и контексты их употребления, результаты семантического анализа контекстов и результаты поиска фиксации пословиц в словарях и сборниках пословиц (указана в скобках).

По мнению православных забайкальских казаков, ***Бог милостив*** (пословица выражает утешение, обнадеживание [2, т.1, с.103], но надеяться только на него недостаточно, сам человек (казак) должен много трудиться, быть умелым и ловким воином, что подтверждается такими назидательными пословицами и их вариантами ***Если сам плох – не поможет Бог, Коли сам плох – не подаст Бог*** (общерусский вариант *Коли сам плох, так не даст и Бог* [6, т.1, с.370]), ***На Бога надейся, да сам не плошай*** [8, т.1, с.370], ***Береженого Богу легко беречь*** (общерусский вариант – *Береженого Бог бережет* [4, с.44]), употребленными в следующих контекстах:

«– Как бы они казаков пулями не переметили.

– Авось сойдет, *бог милостив*. Стрелки они аховые. Разве случайно в кого влепят…» [5, с.54].

«Каргин снова напустился на Платона:

– Баба ты, Платон, или казак? Это бабе простительно на судьбу пенять, на бога надеяться. Если бы я так на японской войне думал, меня бы десять раз убили. А *я на бога надеялся, но и сам не плошал*. А *береженого и богу легко беречь*… Не судьба это. Такую судьбу, как говоришь ты, по бревнышку раскатать можно, да только срок тому не вышел» [5, с.343].

«Раньше, когда, бывало, пробовала Степанида Кирилловна упрекать его в равнодушии к богу, он (Сергей Ильич Чепалов) огрызался решительно и зло:

– Пускай дураки на лбу шишки набивают, им все равно нечего делать. А у меня, слава богу, забот хватает. Вспомни ( ) старую пословицу: *если сам плох – не поможет бог*. Справедливая пословица. По ней и жить надо, пока живется. Придёт старость, тогда можно и помолиться, в грехах покаяться» [5, с.305].

«Отец-покойник, бывало, учил меня: «*Коли сам плох – не подаст бог*». Ну и рвал я тогда, метал, от этого и старался больше рта схватить. Зимой и летом ни разу меня не застало солнце в постели. Не щадил я тогда ни себя, ни других» [5,с.108].

Внешней приметой православного человека является нательный крест, поэтому его недостойное поведение связывается с отсутствием креста, что закреплено в пословице ***Креста на вороте нет (у кого-либо)*** (общерусский вариант *Креста нет (на ком-либо)* [7, т.1, с.518]**.** В эпизоде поимки беглого каторжника один из персонажей, обещавший беглому отправить хлеба с ребятишками, а сам рассказавший о нём поселковому атаману, который организовал облаву, так и охарактеризован: «Окровавленный, перемазанный бурой глиной, плача от злобы и бешенства, поднялся кривой на ноги.

– Эх, дядя! *Креста* у тебя *на вороте нет*, – узнав Никифора, крикнул он плачущим голосом. Неожиданно рванувшись вперёд, залепил он в усталое лицо Никифора обильным вязким плевком» [5, с.53].

Напротив, человек, сообразующий свои действия с заповедями Бога, ссылается на ***крест на вороте*** как на доказательство этого. В разговоре двух казаков после ранения главного героя один из них таким образом отводит от себя подозрение:

«– Да ты его не сам ли как-нибудь нечаянно уложил? – спросил Иннокентий.

– Что ты, Кеха… Да ты за кого считаешь меня? У меня *крест на вороте*» [5, с.256].

Православная вера рекомендует прощать до конца и не напоминать о плохом поступке провинившемуся, но пословица ***Кто старое помянет – тому глаз вон, а кто забудет – тому два долой*** (общерусский вариант *Кто старое (вс)помянет, тому глаз вон* [6, т.1, с.103, 233] предостерегает от такой забывчивости: «Разговор снова становился неприятным для купца, и он поспешил его закончить:

– Хватит, хватит. *Кто старое помянет – тому глаз вон.*

Но Епифан, хотя и добродушно, а все-таки добавил:

– *А кто забудет – тому два долой*. Я так, сват, думаю… А теперь давай ради доброго конца выпьем по маленькой» [5, с.219].

На такую особенность в поведении русского человека как частое откладывание необходимых действий на потом указывает пословица ***Пока гром не грянет, креститься и не подумают*** (региональный вариант общерусской пословицы *Пока гром не грянет, мужик не перекрестится* [4, с.306]: казаки не мужики, не *сиволапые*, как презрительно называли забайкальские казаки крестьян), употреблённая одним из персонажей романа:

«– Ну тебя к богу, – отмахнулся от него смущённый кум. – Мы свое пожили. А молодые, *пока гром не грянет, креститься и не подумают*… Так что жените его и никаких» [5, с.282].

Главной в жизни казаков была служба, которую нужно было исполнять не щадя себя, что отражают близкие по смыслу пословицы ***Либо голова в кустах, либо грудь в крестах*** и ***Либо грудь с крестом, либо смерть под кустом*** (общерусский вариант *Или грудь в крестах, или голова в кустах* [4, с. 305]. Они звучали в наказах отцов, провожавших на службу своих сыновей:

«Повинным в смерти сына считал он (Андрей Григорьевич) в первую голову себя. На проводинах Терентия, подвыпив, наказывал он ему: «*Либо голова в кустах, либо грудь в крестах*. Нашей родовы не срами» [5, с.8].

«А у тех вон кустов, что чернеют на седловине перевала, поцеловал он последний раз Алену, когда погнали его на службу. «*Либо грудь с крестом, либо смерть под кустом*, – наказывал ему на проводинах отец. Бедный старик, это он на людях храбрился» [5, с.107].

Желание торжества справедливости, уверенность в том, что зло всегда наказывается, выражено в вариантных пословицах ***Отольются волку овечьи слезки*** (общерусская *Отольются волку овечьи слезы* [6, т.1, с.180] и ***Отольются вам наши слезы***, употребленных в качестве грозного предсказания в ситуациях обиды и недовольства: «…он остановился перед Семеном и, грозя обкуренным пальцем, прохрипел:

– Подождите, казачки. *Отольются* когда-нибудь *волку овечьи слезки*, ой, отольются» [5, с.104].

« – Вот это, называется, утешили! Двоих порешили – и правое дело!.. – возмущенно горланила за углом многочисленная родня Кустовых и Тонких и люто грозила: – Подождите, сволочи, *отольются вам наши слезы*!» [5, с.343].

На сходство судеб людей, принадлежность их к одному слою общества указывают пословицы ***Одного поля ягодки*** (общерусский вариант *Одног Одного поля ягода* [6, т.2, с.289], ***Видать сокола по полёту*** [7, т.2, с.64]; различие же людей, невозможность между ними дружеских отношений подчёркивается локально ограниченной пословицей ***Волк овце не товарищ*** (построена по типу общерусских пословиц *Гусь свинье не товарищ, Голодный сытому не товарищ, Пеший конному не товарищ, Слуга барину не товарищ, Бедный богатому не товарищ* [2, т.4, с.409] возможно, на основе пословицы *Овце с волками худо жить* [2, т.1, с.233]):

« – Об этом ты, дедка, атаманам говори, богачам, а *я одного* с тобой *поля ягодка.* Наше с тобой счастье *на один аршин меряно.*

– *Волк овце не товарищ*! – снова закипятился старик» [5, с.104].

«– Старики, вы сдурели, что ли? Разве мы посёльщиков убивали? Чего же нас всех в это дело путаете?

– Замри!.. Из одной шайки с Никитой. *Видать сокола по полету*» [5, с.340].

Необходимость смирения в некоторых жизненных ситуациях выражается назидательными пословицами ***Плетью обуха не перешибешь*** (общерусская: 2, т.2, с.629) и ***Голыми руками шипишку не сломишь*** (региональная, так как содержит диалектное слово *шипишка*, обозначающее шиповник (колючий кустарник); возможно, появилась на основе общерусской пословицы *Голыми руками ежа не ухватишь* [6, т.2, с.26]): «… Семен рассказал ему историю с *залежью* (чужой целинной землёй, принадлежащей богатому казаку Чепалову, которую распахал Семен в ответ на подобное действие другого богатого казака в отношении бедного, за что был посажен в *каталажку* – помещение для арестантов [4, с.269]). Старик похвалил Семена:

– Твердый у тебя характер, каменный… Только *плетью обуха не перешибешь*. А за твердость тебя похвалить можно…» [5, с.105].

«– Поехать и раскатать весь совдеп по бревнышку за такие штуки, – сказал подвыпивший Платон. – Садись, казаки, на коней, да айда в станицу наводить порядок.

– Не кипятись до поры до времени, – оборвал его Каргин. – Раскатаешь их, как же. Они тебя вперёд раскатают. *Голыми руками шипишку не сломишь*. Наше дело теперь одно – ждать удобного случая» [5, с.343].

Необходимость обдумать свой ещё не совершенный поступок, не торопиться утверждается пословицей ***Десять раз отмерь, потом отрежь***, которая является локально ограниченным вариантом общерусской *Семь раз (семью) примерь, один раз (а однова) отрежь* [2, т.2, с.753] и употреблена в рассуждениях поселкового атамана Каргина: «Рассуждаю хорошо, а делаю глупость за глупостью. Ну, за каким мне чертом нужно было ехать к этапу? Так нет же, понесла нелегкая. Вот и влип… А все из-за чего? Из-за гордости своей, из-за желания показать себя. Нет, теперь я эту свою гордость на цепь посажу,

десять раз отмеряю, а потом уж отрежу. Времена-то вон какие подходят» [5, с.314].

Отношение казаков к спиртному в целом положительное, особенно во время общения, отражает пословица ***Сухая ложка рот дерет, трезвому разговор на ум не идёт*** (общерусский вариант *Сухая ложка рот дерет* [4, с.179], которую использовал один из персонажей романа в ситуации сватовства:

«– *Сухая ложка рот дерет, трезвому разговор на ум не идет*… Давайте, дорогие хозяин с хозяюшкой, выпьем, а потом и потолкуем.

После выпивки Епифан стал покладистей» [5, с.171].

Другая ***Пей, да ума не пропивай*** (общерусский вариант *Пить пей, только ума не пропей* [6, т.2, с.244]) советует это делать в меру: «На бивуаке полковник Филимонов подарил Семёну новенькую четвертную.

– Можешь выпить. Разрешаю. Только *пей, да ума не пропивай*…» [5, с.96].

Из рассмотренных в статье пословиц больше половины (12 из 21) имеют назидательный смысл (*Либо грудь с крестом, либо смерть под кустом, Отольются волку овечьи слезки, Десять раз отмерь, потом отрежь* и др.), то есть показывают, как надо и как не надо делать; остальные представляют собой результаты обобщенных наблюдений над поведением людей и животных (*Креста на вороте нет (у кого), Пока гром не грянет, креститься и не подумают, Видать сокола по полету, Волк овце не товарищ, Голыми руками шипишку не сломишь* и др.). В целом они отражают жизненный опыт забайкальских казаков, который в какой-то части был накоплен ещё их предками и перешёл к ним по наследству – это общерусские пословицы (*Бог милостив, На Бога надейся, да сам не плошай, Видать сокола по полету, Плетью обуха не перешибешь*; полностью с зафиксированными в словарях и сборниках пословиц совпадают только эти 4, другие использованные в романе имеют незначительные отличия: *Либо голова в кустах, либо грудь в крестах, Отольются волку овечьи слезки, Одного поля ягодки*), а в какой-то части обретен уже в Забайкалье и отражен в четырех (из рассмотренных в статье) локально ограниченных пословицах (*Крест на вороте (у кого), Отольются вам наши слезы, Волк овце не товарищ, Голыми*

руками шипишку не сломишь) и 8 региональных вариантах общерусских пословиц (*Если сам плох – не поможет Бог, Коли сам плох – не подаст Бог, Креста на вороте нет (у кого), Береженого Богу легко беречь, Пока гром не грянет, креститься и не подумают, Либо грудь с крестом, либо смерть под кустом, Десять раз отмерь, потом отрежь, Пей, да ума не пропивай*). Две пословицы *Кто старое помянет – тому глаз вон, а кто забудет – тому два долой* и *Сухая ложка рот дерет, трезвому разговор на ум не идет* отличаются от общерусских наличием второй части; скорее всего, она была изначально, и забайкальские казаки сохранили ее. Ритмическая организация характерна для 10 пословиц из рассмотренных (*Десять раз отмерь, потом отрежь, Пока гром не грянет, креститься и не подумают* и др.)

Таким образом, своеобразие выражения народной мудрости в говоре забайкальских казаков станицы Орловской проявляется в наличии 4 пословиц, не зафиксированных в словарях и сборниках пословиц, 8 региональных вариантах общерусских пословиц и 2 пословиц, которые имеют две части в отличие от общерусских.

Литература

1. Даль, В. И. Напутное / В. И. Даль // Пословицы русского народа: в 2 т. – М: Художественная литература, 1984. – 782 с.

2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М: Русский язык, 1981. – 699 с.

3. Мокиенко, В. М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) / В. М. Мокиенко // Мир русского слова, 2010. – № 3. – С. 6–20

4. Ожегов. С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М: А Темп, 2010. – 874 с.

5. Седых, К. Ф. Даурия / К. Ф. Седых. – Иркутск: Восточно-Сибирское издательство, 1975. – 431 с.

6. Даль, В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. / В. Даль. – М.: Художественная литература, 1984. – 782 с.

7. Фразеологический словарь современного русского литературного языка в 2-х томах / под ред. А. Н. Тихонова. – М.: Флинта. Наука, 2004. – 832 с.

8. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1978. – 543 с.

УЧЕБНЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Подолина Оксана Владимировна
Донецк, ГОУ ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР»,
davdpodoliy54@gmail.com

В статье дается краткая характеристика проблем изучения текста, в частности учебного. Поднимается вопрос о его стилевой принадлежности, сопоставляется проявление стилевых черт учебного и научного текстов. На основе полученных данных делается вывод о том, что учебный текст целесообразно рассматривать в рамках педагогического, или учебного, дискурса как единицу речи.

Ключевые слова: дискурс, макротекст, микротекст, текстообразование, диахрония, рецепиент.

Наиболее актуальными проблемами современной лингвистики текста являются следующие: проблема изучения структурно-семантической и коммуникативно-смысловой организации целого текста, проблема установления его формальных и содержательных грамматических категорий, проблема определения статуса текста в дихотомии языка.

Среди множества определений текста как высшей категории языковой коммуникации наиболее оправданным представляется определение текста в узком и широком смысле слова. Текст в узком смысле (микротекст) – это сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое, являющееся объектом грамматики текста. Текст в широком смысле слова (макротекст) – это речевое произведение, исследованием которого наряду с лингвистикой текста занимается ряд других наук. В рамках же лингвистики текста макротекст является объектом изучения стилистики [3, с.9–17].

В зависимости от коммуникативной ситуации, определенных прагматических и социальных условий текст материализуется в различных структурах, варьирующихся от текста, представленного одним предложением, до текста – научной статьи, текста-монографии и т. д. Текст, следовательно, можно изучать не только в терминах его внешней и внутренней

структуры, но также с точки зрения его прагматической социолингвистической обусловленности, организации. Целью такого анализа является установление соответствия использования определенного типа (модели) текста коммуникативной ситуации. Исследователя в данном случае интересует природа корреляции между вариативностью на уровне языка и вариативностью на уровне контекста, контекста социального, прагматического, стилистического. Некоторые лингвисты выделяют следующие факторы экстралингвистического контекста, предопределяющее его лингвистическую вариативность: 1) тема сообщения; 2) условия протекания общения; 3) кому адресовано сообщение и кем; 4) цель сообщения; 5) способ передачи сообщения [3, с.7].

Изучение структуры текста заставляет по-новому подойти к осмыслению ряда явлений системы языка, которые сами по себе уже были достаточно изучены ранее. Однако одним из видов текстовой грамматики, разработанных еще недостаточно, является изучение функционирования лексических единиц в структуре текста, изучение учебного текста в диахроническом аспекте.

Лингвистика текста, опираясь на результаты лингвистических исследований в области грамматики, занимается изучением специфики «поведения» грамматических структур, изучением особенностей одной или нескольких их моделей в текстах разных типов.

Признанной структурной единицей текста стал абзац, анализу которого посвящено большое количество работ на материале разных функциональных стилей. Синтаксической единицей меньше предложения является словосочетание. Однако до сих пор остаются невыясненными вопросы о роли данной языковой единицы в структуре текста, его функциях в текстообразовании.

Кроме того, текст представляет собой систему взаимосвязанных элементов, среди которых выделяются микроструктуры и макроструктуры. Как микро-, так и макроструктуры образуются по определенным правилам. Каждая единица низшего порядка входит в единицу высшего порядка, то

есть микроструктуры входят в макроструктуры, а последние входят в текст. Вхождение структур низшего порядка в структуру высшего происходит по правилам, которые нуждаются также в изучении.

Тематическая структура текста не гомогенна, она складывается из ряда взаимосвязанных тем, среди которых можно выделить микротемы (развернутое определение, ограниченный объект описания и т. п.) и макротемы (совокупность связанных между собой обстоятельств рассуждения, дискурсов; параграфы, разделы текста). Микро- и макротемы связаны друг с другом теми же зависимостями, что и микро- и макроструктуры. Однако между ними нет прямой пропорциональной зависимости: абзац как макроструктура может быть как политематическим, так и монотематическим.

Каждый тип текста может быть рассмотрен с точки зрения его структурной и семантической организации. Оба аспекта рассмотрения тесно связаны между собой и одни и те же элементы языкового уровня могут служить средством как структурной, так семантической организации текста. Так, лексический повтор, выступая средством повторной номинации, служит одним из средств семантической организации текста. Но тот же лексический повтор, входя в предложения, следующие друг за другом, является средством цепной синтаксической связи между предложениями.

Единицей семантической организации текста в денотативном аспекте является обозначение (номинация) как связь между языковым элементом и обозначаемым им внеязыковым объектом [1, с.46]. Различные типы номинации, их языковая форма, их взаимодействие в тексте являются существенным элементом характеристики текста. Однако в текстах разных функциональных стилей по-разному проявляются свойства и качества составляющих их лексических единиц.

В лингвистической литературе понятия «текст научный» и «учебный текст» зачастую не разграничиваются, употребляются как синонимические понятия. Так, Н. А. Метс пишет: «Если это учебник или учебное пособие, цель которых дать основы научных знаний, то в них излагаются научные факты, готовые, проверенные выводы, изложение материала ведется

беспристрастно, в полном отрыве от участников общения» [4, с.9]. Такое утверждение оспаривается другими исследователями: «… в тексте учебника должно быть отражено представление автора о жанре и особенностях рецепиента и особенностях его восприятия» [2, с.22].

Дело в том, что учебный текст по специальности характеризуется наличием специфического текстового предмета – так называемой онтологической темы как элемента энциклопедического знания.

Так, например, текстовым предметом учебных текстов экономического профиля является фрагмент дисциплинарного значения, содержащего в себе понятия, категории, законы финансово-экономической деятельности человека и так далее. В учебных текстах по юриспруденции - это сведения (сообщения, данные) о предметах (юридические термины, нормативные правовые акты, юридические документы, вещественные доказательства; заключение эксперта, обстоятельство (факт) преступления, юридические факты); явления социальной среды, правовые явления, правовые проблемы; события (преступления, правонарушения, коррупционное поведение); процессы (о профессиональной деятельности юриста: нормотворческая деятельность; правоприменительная и правоохранительная практики; юридические консультации). Для юридических учебных текстов характерно слияние научного стиля с деловым, а иногда и публицистическим.

Таким образом, учебные тексты, организующие соответствующие области как отрасли дисциплинарного знания, очень разнообразны. Каждый текст уникален, он строится по определенным закономерностям, которые предписываются функциональным стилем, жанровой принадлежностью текста, его основным коммуникативным заданием и тематической структурой.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что различная форма письменной коммуникации, каковой являются «научный текст» и «учебный текст», влияет на способ организации смысловой информации в тексте. Выбор лингвистических средств, как мы упоминали выше, обусловлен

экстралингвистическими факторами, которые трактуются как коммуникативно-прагматические. К коммуникативно-прагматическим факторам относятся авторская интенция, прагматическая направленность и пресуппозиция.

Тексты учебника по специальности содержат систему знаний и совокупность понятий по данному учебному предмету. Наука представлена в них в необходимом для овладения специальностью объеме с определенной установкой – донести до обучаемого не науку в целом, а учебный предмет. Текстовой предмет определяет тему текста – элемент языкового знания, представляющий содержательное ядро любого текста, которое организует вокруг себя все сообщение и определяет текстовую структуру. Понятие темы текста неотделимо от понятия подтемы. Данные понятия находятся между собой в отношениях целого и части целого, обладающей его качественными характеристиками. В процессе создания текста учебника, представляющего собой целостное, осмысленное целесообразное единство, происходит четкая делимитация его текстовой информации (разделение текста на части, разделы, параграфы, абзацы с помощью графических средств). Это обусловлено прагматической направленностью учебного текста, что находит свое выражение в достаточно четкой его сегментации с целью помочь читателю выделить важную информацию, ту или иную подтему, отделить главное от второстепенного. Учебная литература отличается от строго научной отбором материала, особой методической формой изложения знания.

Таким образом, при создании текста учебника обязательно наличие особых социально-прагматических отношений между автором и адресатом. Кроме прагматики текста при его создании автор вынужден также учитывать ограниченность фоновых знаний рецепиента (в отличие от знаний рецепиента собственно-научного текста), что трактуется многими учеными как «комплекс условий, удовлетворение которых необходимо, чтобы высказывание было понято» [2, с.25]. Фактор пресуппозиции обусловливает в учебных текстах наличие развернутых дефиниций основных и сопутствующих понятий, соответствующую грамматическую специфику построения текстов.

Дискурсный анализ текста в сочетании с когнитивным подходом сможет обеспечить возможность комплексного осмысления текста и законов его построения, так как позволит рассматривать текст на разных этапах его существования - от момента порождения до момента восприятия адресатом. Следовательно, учебный текст целесообразно рассматривать в рамках педагогического, или учебного, дискурса как единицу речи.

И в этом плане перспективным представляется анализ функциональных особенностей составных наименований различных подъязыков профессиональной сферы общения. Исследование характерных особенностей данных языковых единиц в период их зарождения, а затем функционирования в устоявшейся форме в структуре учебного текста позволит выявить их текстообразующий потенциал, а также на основании семантических критериев провести классификационное описание типовых моделей словосочетаний, вариативно реализующихся в текстовой деятельности адресанта.

Литература

1. Гак, В. Г. Повторная номинация и ее стилистическое использование / В. Г. Гак // Вопросы французской филологии: сб. трудов МГПИ им. В. И. Ленина. – М. : 1997. – С. 43–75.

2. Гринцевич, Т. И. Специальная лексика в грамматической и семантической структуре текста (на материале учебников по специальности для сельскохозяйственных вузов): дис. …канд. филол.наук: спец. 10.02.01 – «русский язык как иностранный» / Т. И. Гринцевич. – М. : 1991. – 195 с.

3. Иванова, Т. П. Стилистическая интерпретация текста / Т. П. Иванова, О. П. Брандес. – М. : 1991. – 143 с.

4. Метс, Н. А. Особенности синтаксиса научного стиля речи и проблемы обучения иностранных учащихся / Н. А. Метс. – М. : Изд-во МГУ, 1979. – 54 с.

5. Москальская, О. И. Грамматика текста (пособие по грамматике немецкого языка для ин-тов и фак. иностр. яз.): Учеб. пособие / О. И. Москальская. – М. : Высш. школа, 1981. – 183 с.

РЕЧЕВОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ОНТОГЕНЕЗА ТВОРЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ (КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АСПЕКТ)

Пузырёв Александр Владимирович
Андреенко Мария Алексеевна
Григорян Анна Олеговна
Россия, Орехово-Зуево, Государственный гуманитарно-технологический университет,
puzyrev-a-v@yandex.ru; mariiaandreenko@mail.ru;
grigoryann@yandex.ru

Рассматривается речевое проявление онтогенеза творческой языковой личности. Устанавливается связь между характером протекания детства и объемом текстов таких писателей, как А. П. Чехов, Н. В. Гоголь, И. А. Бунин. И. С. Тургенев, А. И. Куприн, В. Гюго, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, М. А. Шолохов, О. де Бальзак. Показано, что любовь и принятие ребенка в самом раннем детстве затем, в зрелом возрасте, проявляется в биологической силе писателя, в его тяготении к большим прозаическим формам.

Ключевые слова: детство писателя, объем текстов, продолжительность жизни.

Цель статьи состоит в том, чтобы обозначить связь между количеством жизненных сил, полученных писателем в детстве, и объемом произведений данного писателя. Работа выполнена на материале творчества таких известных десяти прозаиков, как А. П. Чехов, Н. В. Гоголь, И. А. Бунин. И. С. Тургенев, А. И. Куприн, В. Гюго, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, М. А. Шолохов, О. де Бальзак. Для того чтобы на результаты не повлияла системно-языковая специфика текстов, к анализу были привлечены тексты этих писателей на русском языке (оригинальные и переводные). Понятия «произведение» и «текст» в данной статье используются как абсолютные синонимы.

Методика анализа. Книги указанных писателей были взяты в Интернете и скачаны в формате DOC. С помощью автоматической функции в программе Microsoft Word были подсчитаны количество страниц (А4) и количество слов в каждом

произведении. Все скачанные тексты были переведены в один шрифт (Times New Roman) и кегль (12). Было подсчитано также среднее арифметическое значение количества страниц и слов в текстах указанных писателей. Поскольку у одного и того же автора к анализу привлекались произведения заведомо разных жанров (рассказы, повести, романы), другие статистические методики – в силу очевидности неоднородности выборок – нами не использовались.

Результаты анализа. Стало очевидно, что среди указанных прозаиков четко выделяются две группы: писатели, в целом тяготеющие: 1) к небольшому объему произведений, 2) к значительному объему своих текстов. Это хорошо видно из составленной нами таблицы.

Писатели, тяготеющие к малым прозаическим формам		
Произведение	Кол-во стр в А4	Кол-во слов в произведении
Н. В. Гоголь		
«Мёртвые души»	201	116355
«Вий»	21	11627
«Шинель»	16	10019
«Тарас Бульба»	63	36728
«Женитьба»	32	13780
Среднее арифм.значение	*66,6*	*37701,8*
И. С. Тургенев		
«Отцы и дети»	112	54325
«Муму»	21	8389
«Накануне»	108	43709
«Ася»	26	13895
«Дворянское гнездо»	85	47008
«Бурмистр»	8	3832
Среднее арифм.значение	*60*	*28526,3*
А. П. Чехов		
«Моя жизнь»	57	29279
«Степь»	49	28891
«Человек в футляре»	7	4010
«Смерть чиновника»	2	673

«Хамелеон»	2	962
Среднее арифм.значение	*23,4*	*12763*
А. И. Куприн		
«Гранатовый браслет»	27	13933
«Олеся»	41	22158
«Поединок»	37	65955
«Молох»	43	22354
«Яма»	128	89111
Среднее арифм.значение	*55,2*	*42702,2*
И. А. Бунин		
«Жизнь Арсеньева»	140	84341
«Господин из Сан-Франциско»	12	6474
«Митина любовь»	30	16897
«Первая любовь»	6	3078
«Лёгкое дыхание»	3	1670
Среднее арифм.значение	*38,2*	*22492*
Писатели, тяготеющие к значительному объему своих текстов		
В. Гюго		
«Отверженные»	808	441193
«Собор парижской Богоматери»	278	141560
«Человек, который смеется»	339	175410
«Последний день приговоренного к смерти»	112	27068
«Девяносто третий год»	234	98641
Среднее арифм.значение	*354,2*	*176774,4*
О. де Бальзак		
«Блеск и нищета куртизанок»	287	151614
«Утраченные иллюзии»	317	181379
«Лилия долины»	149	88137
«Шагреневая кожа»	137	75067
«Отец Горио»	139	77010
Среднее арифм.значение	*205,8*	*114641,4*
Ф. М. Достоевский		

«Преступление и наказание»	350	194087
«Братья Карамазовы»	473	293219
«Униженные и оскорбленные»	190	118314
«Бесы»	550	281996
«Идиот»	402	228834
Среднее арифм.значение	*393*	*223290*
Л. Н. Толстой		
«Война и мир»	844	477736
«Анна Каренина»	472	269674
«Воскресение»	246	136299
«Казаки»	84	45228
«Детство, отрочество, юность»	228	126809
Среднее арифм.значение	374,8	*211149,2*
М. А. Шолохов		
«Тихий Дон»	883	422476
«Поднятая целина»	381	204878
«Судьба человека»	18	10907
«Они сражались за Родину» (главы из романа)	86	47265
Среднее арифм.значение	*273,6*	*171381,5*

Из составленной таблицы с очевидностью следует, что Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, А. П. Чехов, А. И. Куприн, И. А. Бунин тяготеют к малым прозаическим формам, тогда как В. Гюго, О. де Бальзак, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой и М. А. Шолохов тяготеют к эпическим формам повествования.

С какими психологическими закономерностями связано – оказавшееся вполне объективным – разделение писателей на две указанные группы? Не связано ли разделение прозаиков на тех, кто тяготеет к малым формам, и тех, кто мыслит эпически, с характером их детства? Не связано ли оно с количеством жизненных сил, полученных данным писателем в его детстве?

Согласно многочисленным исследованиям в сфере возрастной психологии, достоверно известно, что в самом раннем детстве (до одного года жизни) человек осуществляет фундаментальный выбор «жить – не жить». В эпигенетической

теории Э. Эриксона первый выбор определяется как базальное доверие к миру, оптимизм, стремление к жизни. Второй выбор, соответственно, определяется как базальное недоверие к жизни, пессимизм, стремление к смерти.

Все имеющиеся биографические материалы, опубликованные ранее в статье «Детство известных писателей и объем их произведений» [4], свидетельствуют о том, что любовь и принятие ребенка в самом раннем детстве затем, в зрелом возрасте, проявляется в биологической силе писателя, в его тяготении к большим прозаическим формам. В тех же случаях, когда в ранние детские годы ребенок, будущий писатель, недополучает любви и обожания, это тоже сказывается на его творчестве – но уже в тяготении к малым прозаическим формам, в бóльшем количестве проблем со здоровьем.

Возьмем писателей первой группы, тяготеющих к малым прозаическим формам. Практически всем им в детстве не хватало любви и обожания со стороны родителей (приведём лишь один пример).

Николай Васильевич Гоголь. Его самое раннее детство было отмечено не любовью матери к сыну и безусловным его принятием, а ее страхом (вполне возможно, и неосознаваемым желанием) его потерять. Именно поэтому его детство, да во многом и его взрослая жизнь прошли под знаком крайней болезненности: «Придя в себя, Мария Ивановна, сначала очень переживавшая за исход родов, тут же обеспокоилась здоровьем своего сына. Он выглядел хилым, бледным, болезненным. И она все время опасалась его потерять. Это смутная тревога была навеяна двумя дорого стоившими ей исходами предыдущих попыток. В ее сознании он вдруг представал перед ней то умершим, то гением, покоряющим своим талантом весь мир»; «Здоровье маленького Николая все никак не улучшалось. Он перенес нервный кризис и с трудом дышал. Кроме того, врач определил у него и золотуху. Его бледный цвет лица всегда чуть окрашивался на солнце или во время игры. Из ушей подтекал гной» [2].

О болезненности Н. В. Гоголя не только в детстве, но и во взрослые годы пишут многие авторы. М. Зощенко, например, напрямую связывает ее с отношением Н. В. Гоголя к матери:

«Отношение Гоголя к матери было в высшей степени противоречивым и странным.

Его «почтительная сыновья любовь» к матери уживалась с нежеланием ее видеть. Он находил разные предлоги и мотивировки для того, чтобы не поехать к ней, и для того, чтоб она не приехала к нему.

Он отговаривался делами, нездоровьем и тем, что он дома испытывает хандру.

Он писал матери (в декабре 1837 г.):

«Когда я был в последний раз у Вас, я думаю, сами заметили, что я не знал, куда деваться от тоски… Я сам не знал, откуда происходила эта тоска…»

В другой раз, когда Гоголь поехал к матери, он почувствовал эту тоску уже в экипаже» [3, с. 88-89].

Отсутствие безусловной материнской любви в самом раннем детстве и стало основной причиной нехватки жизненных сил у великого писателя.

Лев Николаевич Толстой – пример противоположного характера. Как пишет Н. Н. Гусев, «Толстой полагал, что любовь к нему была последней страстной любовью его матери, заменившей для неё любовь к старшему сыну Николеньке, ко времени рождения Льва уже перешедшему в мужские руки. «Мне говорили, – пишет Толстой в “Воспоминаниях”, – что маменька очень любила меня и называла “mon petit Benjamin”» [1, с.62].

Вообще, детство Л. Н.Толстого прошло под знаком заботящейся о нем семьи, под знаком безусловной любви. Н. Н. Гусев пишет: «В повести “Детство” Толстой рассказывает целый ряд эпизодов своей детской жизни и своих детских настроений, в которых проявлялось это переполнявшее все его существо любовное отношение к окружающим; как он перед сном мечтал о том, «какие все добрые и как я всех люблю», как, прежде чем заснуть, он молился о том, чтобы «бог дал счастье всем, всем» и пр. Подобные картины находим и в автобиографической повести Толстого «Записки сумасшедшего» (1884 год). Здесь мальчик, которого няня только что уложила спать, перед сном, закутавшись одеялом, предается таким размышлениям: «Я люблю няню; няня любит меня и Митеньку; а

я люблю Митеньку; а Митенька любит меня и няню. А няню любит Тарас; а я люблю Тараса, и Митенька любит. А Тарас любит меня и няню. А мама любит меня и няню. А няня любит маму, и меня, и папу. И все любят, и всем хорошо» [1, с.89].

Список тех, кто любил маленького Лёву, и тех, кого он любил в детстве, оказывается бесконечным. Сам Толстой затем говорил, что от детства остались у него только радостные воспоминания, «грустных, тяжелых не было».

Вероятнет всего, именно эта любовь, которую получил в детстве Л. Н. Толстой, и послужила главным (но не единственным) источником колоссального объема им написанного и его хорошего здоровья.

О здоровье говорится не случайно. Произведем несложные арифметические действия.

Первая группа писателей, тяготеющих к малым прозаическим формам:

Н. В. Гоголь, 20 марта 1809 – 21 февраля 1852 = 43 года

И. С. Тургенев, 28 октября 1818 –22 августа 1883 = 65 лет

А. П. Чехов, 17 [29] января 1860 – 2 [15] июля 1904 = 44 года

А. И. Куприн, 26 августа (7 сентября) 1870 – 25 августа 1938 = 68 лет

И. А. Бунин (10 [22] октября 1870 – 8 ноября 1953) = 83 года

Средняя продолжительность жизни в годах = (43+65+44+68+83):5 = 60,6

Вторая группа писателей, тяготеющих к большим прозаическим формам:

В. Гюго, (26 февраля 1802 – 22 мая 1885) = 83 года

О. де Бальзак (20 мая 1799 – 18 августа 1850) = 51 год

Ф. М. Достоевский (30 октября [11 ноября] 1821 – 28 января [9 февраля] 1881 = 59 лет

Л. Н. Толстой (28 августа [9 сентября] 1828 – 7 [20] ноября 1910) = 82 года.

М. А. Шолохов (11 [24] мая 1905 – 21 февраля 1984) = 78 лет

Средняя продолжительность жизни в годах =83+51+59+82+78=70,6

Нетрудно убедиться, что писатели второй группы в среднем прожили на десять лет больше, нежели писатели первой группы.

Любовь и безусловное принятие ребенка в самом раннем детстве оказывается мощной жизненной опорой человека и сказывается как на его творчестве, так и на продолжительности его жизни.

Литература

1. Гусев, Н. Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1828 по 1855 год / Н. Н. Гусев / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; отв. ред. М. К. Добрынин. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 720 с.

2. Золотусский, И. Гоголь. Жизнь замечательных людей: [Электронный ресурс] / И. Золотусский – Электронная библиотека bookz.ru, 2003. Режим доступа: URL: http://bookz.ru/authors/igor_-zolotusskii/jzl43/1-jzl43.html (дата обращения: 13.03.2015)

3. Зощенко, М. М. Повесть о разуме / М. М. Зощенко. – М.: Педагогика, 1990. – 192 с.

4. Пузырёв, А. В. Детство известных писателей и объем их произведений / А. В. Пузырёв, М. А. Андреенко, А. О. Григорян // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XV-й Международной научной конференции (Орехово-Зуево, 13-15 мая 2015 г.) / Отв. ред. проф. А. В. Пузырёв. – М.: Ин-т языкознания РАН, Институт русского языка РАН; Орехово-Зуево: ГОУ ВО МО «Московский государственный областной гуманитарный институт», 2015. – С. 77–91.

ЭТНИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА В ЗЕРКАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Пузырев Александр Владимирович
Белова Ирина Алексеевна,
Филимонова Ольга Владимировна
Россия, Орехово-Зуево, Государственный гуманитарно-технологический университет,
puzyrev-a-v@yandex.ru; irabelova@list.ru;
olda.filimonova@yandex.ru)

Рассматриваются этнические установки М. Ю. Лермонтова. Устанавливается их конструктивная, созидательная направленность. Обосновываются такие признаки этнических установок М. Ю. Лермонтова, как осознание важности вопроса о своей национальной принадлежности, альтруистичность, развитая национальная идентичность,

националистичность, но также и бездетность, которая связывается со спецификой семейного сценария М. Ю. Лермонтова.

Ключевые слова: Лермонтов, пирамида установок, признаки, конструктивная направленность этнических установок.

Как известно, в требования базового уровня Образовательного стандарта среднего (полного) общего образования по литературе входит знание основных фактов жизни и творчества писателей-классиков, к которым, несомненно, относится и Михаил Юрьевич Лермонтов. В настоящем докладе представлена часть достаточно обширного исследования того, как формировались психологические установки поэта [8; 9], что, полагаем, соответствует требованиям Образовательного стандарта среднего (полного) общего образования по литературе и свидетельствует о практической ориентированности представленного исследования.

При изучении установок (аттитюдов) М. Ю. Лермонтова авторы исходят из пирамиды социально-психологических установок, предложенной в работе первого из авторов [6] и уточнённой в его более поздних работах, в частности, в работе 2016 года [7]. В настоящем докладе основное внимание обращается на формирование этнических установок М. Ю. Лермонтова и на их отражение в его поэтическом творчестве.

Из психологических работ известно, что почти одновременно с межличностными, но чуть позже, примерно в четыре года, ребёнок начинает понимать, что он принадлежит к конкретной национальной общности. Общение вне дома, разговоры с родителями способствуют его этнической самоидентификации. Известно, что ***этнические установки*** относятся к наиболее устойчивым психологическим установкам личности, поскольку они: по своему содержанию чрезвычайно консервативны; включают в себя яркие образы; передаются от поколения к поколению и опосредуют действия и поведение человека как представителя конкретной этнической общности [10, с.78–80; см. также: 5, с.130]. Будучи заложенными в памяти представителей конкретной этнической общности, национальные установки «извлекаются» из неё автоматически и во многом

предопределяют поведение личности в том или ином виде деятельности. Наиболее отчётливо этнические установки проявляются в межнациональных контактах. О том, что этнические установки закладываются в достаточно раннем детстве, пишут многие исследователи [см.: 10; 3, с.183 и др.].

Какого рода этнические установки характеризовали Лермонтова?

Табл. 1 – Признаки установок этнического уровня

Этнические установки	
способствовать национальному возрождению	**способствовать национальному вырождению**
1) ***осознающий важность вопроса о своей национальной принадлежности***	1) не принимающий важности вопроса о своей национальной принадлежности
2) ***альтруистичный***, работающий на благо своего этноса	2) эгоистичный, работающий на собственное благо
3) ***обладающий развитой национальной идентичностью***	3) обладающий ослабленной национальной идентичностью
4) ***националистичный, симпатизирующий представителям своего этноса***	4) космополитичный, не видящий разницы между представителями различных этносов
5) плодовитый, многодетный	5) ***бездетный***

Знакомство с детством поэта позволяет предполагать, что у М. Ю. Лермонтова с раннего возраста (в четыре года) стали формироваться **конструктивные этнические установки**.

Так, он рано осознал ***важность своей национальной принадлежности***. П. А. Висковатов пишет: «О разных славных битвах восторженно рассказывал своему питомцу Капэ. Но особенно его трогали рассказы о бородинском сражении, и в этом случае мальчик-поэт не внимал своему наставнику, а всецело склонялся на сторону русских рассказчиков, которых было немало» [4, с.6].

О справедливости приведённого суждения известного лермонтоведа свидетельствует восхищение М. Ю. Лермонтова силой русского оружия в хрестоматийно известном «Бородино»:

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..

«Платя дань обычаю времени, бабушка старалась сделать для внука французский язык родным. Тетради носят на себе следы этих французских упражнений. Даже переписка Лермонтова-юноши с близкими людьми велась на французском языке. Но поразительно верное чутье, которым всегда отличался поэт наш, рано подсказало ему, что не иноземная, а русская речь должна служить его гению. С Лермонтовым не повторялось того, что видим мы в Пушкине, – он не на французском языке пишет свои первые опыты» [4, с.8].

Эти и другие высказывания исследователей позволяют утверждать, что у Миши Лермонтова с детства формировалась развитая национальная идентичность. Вероятней всего, именно эта ***развитая национальная идентичность*** сквозит в словах:

– Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спалённая пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые?
Да, говорят, ещё какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина.

Симпатизирование представителям своего этноса сквозит здесь в каждой строке.

Об ***этнической альтруистичности*** Лермонтова свидетельствует то, что, как указывает П. А. Висковатый, после убийства на дуэли Пущкина «ему приходило даже на мысль вызвать убийцу и мстить за гибель русской славы» [4, с.42].

Альтруистичная направленность личности М. Ю. Лермонтова проявляется, например, и в его письменном показании относительно побудительных причин своего стихотворения «На смерть Пушкина»: «Я был ещё болен, когда

разнеслась по городу весть о несчастном поединке Пушкина. Некоторые из моих знакомых привезли её и ко мне, обезображенную разными прибавлениями. Одни, приверженцы нашего лучшего поэта, рассказывали с живейшею печалью, какими мелкими мучениями, насмешками он долго был преследуем и, наконец, принужден сделать шаг, противный законам земным и небесным. Другие, особенно дамы, оправдывали противника Пушкина, называли его благороднейшим человеком; говорили также, что Пушкин негодный человек и прочее... Невольное, но сильное негодование вспыхнуло во мне против этих людей, которые нападали на человека, уже сражённого рукою Божией, не сделавшего им никакого зла и некогда ими восхваляемого: и врождённое чувство в душе неопытной – защищать всякого невинноосуждаемого – зашевелилось во мне ещё сильнее по причине болезни раздражённых нервов... Наконец, после двух дней беспокойного ожидания, пришло печальное известие, что Пушкин умер, и вместе с этим известием пришло другое – утешительное для сердца русского: Государь Император, несмотря на прежние заблуждения Пушкина, подал великодушно руку помощи несчастной жене и малым сиротам его. Чудная противоположность его поступка с мнением (как меня уверяли) высшего круга общества увеличила в моём воображении, очернила ещё более несправедливость последнего... Тогда, вследствие необдуманного порыва, я излил горечь сердечную на бумагу, не полагая, что написал нечто предосудительное... Правда всегда была моей святыней; и теперь, принося на суд свою повинную голову, я с твёрдостью прибегаю к ней, как единственной защитнице благородного человека перед лицом царя и лицом Божиим» [1, с.41–42]. Конечно, нельзя не делать поправок на условия появления данного показания, но то, что в действиях М. Ю. Лермонтова отсутствовал всякий элемент корысти и выгоды, утверждать можно с полным на то основанием.

Несомненно, что М. Ю. Лермонтов обладал ***развитой национальной идентичностью.*** Очень рано он понял, что его главным поэтическим источником должна стать народная поэзия:

«Родная литература наша тогда ещё мало могла дать ему. Образцовые наши поэты бледнели от сравнения с иностранными, так что около того времени Белинский мог говорить о несуществовании русской литературы. Лермонтов в тех тетрадях, в которых занят Байроном, как бы с отчаянием восклицает: «Наша литература так бедна, что я из неё ничего не могу заимствовать. В пятнадцать же лет ум не так быстро принимает впечатления, как в детстве, но тогда я почти ничего не читал. Однако же если захочу вдаться в народную поэзию, то верно нигде больше не буду ее искать, как в русских песнях» [4, с.15].

В любви к своей родине М. Ю.Лермонтов объяснился в стихотворении, так и названном – «Родина» (первоначально «Отчизна»). П. А. Висковатый пишет: «Лермонтов в год смерти ещё выражает мысль, что любит родину особою любовью, не за то, за что ее прославляют, не за политическое могущество и военную славу. «Ни слава, купленная кровью, ни полный гордого доверия покой, не шевелят в нем отрадного мечтанья» [4, с.38].

Любовь поэта к родине носит не официальный, но пронизанный задушевностью характер. И потому поэт, не понаслышке знакомый с крестьянским бытом, так радуется нечастым крестьянским праздникам:

С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно,
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужиков.

На несомненную ***развитую национальную идентичность*** М. Ю. Лермонтова указывал ещё В. Г. Белинский: «Он всевластный обладатель царства явлений жизни, он воспроизводит их как истинный художник; он поэт русский в душе – в нем живет прошедшее и настоящее русской жизни <…> И уже недалеко то время, когда имя его в литературе сделается народным именем…» [2, с.99, 100].

Единственное отступление от конструктивной направленности этнических установок проявляется в

бездетности М. Ю. Лермонтова. Заметим, однако, что при том семейном сценарии, который был им унаследован и воплощался в жизнь, на многодетность М. Ю. Лермонтову рассчитывать было более чем затруднительно [8].

Таким образом, имеющиеся сведения позволяют утверждать, что у М. Ю. Лермонтова примерно с возраста 4-х лет стала формироваться положительная этническая установка – **«способствовать национальному возрождению».**

Литература

Авенариус В. П. М. Ю. Лермонтов : биографический очерк / В. П. Авенариус. – СПб. : Изд-во книжного магазина П. Б. Луковникова, 1914. – 63 с.

2. Белинский, В. Г. Стихотворения М. Лермонтова / В. Г. Белинский // В. Г. Белинский. Избранные статьи. – М.: Детская литература, 1981. – С. 59–100.

3. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. – М.: Наука, 1983. – 413 с.

4. Висковатый П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество / П. А. Висковатый. – М. : Современник, 1891. – 74 с.

5. Крысько, В. Г. Этническая психология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений] / В. Г. Крысько. – 5-е изд., стер. – М. : Издательский центр «Академия», 2009. – 320 с.

6. Пузырёв А. В. Пирамида установок и способ определения созидательного или разрушительного характера текста массовой песни / А. В. Пузырёв // Психология XXI столетия: Теория. Эксперимент. Социальная практика. Материалы Международного конгресса (Кострома, 10–13 сентября 2009 года). – Т. II. – М.; Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009. – С. 346–352.

7. Пузырёв А. В. Онтогенез пирамиды установок // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XVI-й Международной научной конференции (Орехово-Зуево, 11–13 мая 2016 г.) / Отв. ред. проф. А. В. Пузырёв. – М.: Ин-т языкознания РАН; Орехово-Зуево: ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет», 2016. – С. 30-42.

8. Пузырёв А. В. Установки М. Ю. Лермонтова / А. В. Пузырёв, И. А. Белова, О. В. Филимонова // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XVI-й Международной научной конференции (Орехово-Зуево, 11-13 мая 2016 г.) / Отв. ред. проф. А. В. Пузырёв. – М.: Ин-т языкознания РАН; Орехово-Зуево: ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет», 2016. – С. 168–182.

9. Пузырёв А.В. Зависимость социально-психологических установок М.Ю. Лермонтова на социальном, принципиальном и интегративном уровнях от характера протекания его детства и юности / А. В. Пузырёв, И. А. Белова, О. В. Филимонова // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XVII-й Международной научной конференции (Орехово-Зуево, 17-19 мая 2017 г.) / Отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. – М.: Ин-т языкознания РАН; Орехово-Зуево: ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет», 2017. – С. 37–63.

10. Tajfel, H. Human groups and social categories : Studies in social psychology / H.Tajfel. – Cambridge, Cambridge University Press, 1981. – 384 p.

РЕПРОДУКТИВНЫЕ ФРАГМЕНТЫ В ОПИСАНИИ ИСТОРИИ РУССКИХ УСАДЕБ

Роговнева Юлия Васильевна,
Степаненко Виктория Евгеньевна
Россия, Москва, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
vinnipuh61@yandex.ru, nika-step@mail.ru

В статье представлен анализ регистровой характеристики описаний истории русских усадеб и место фрагментов репродуктивного регистра в них. Особое внимание уделено языковым средствам, с помощью которых введены блоки репродуктивного регистра, их синтаксической композиции и позиции автора.

Ключевые слова: репродуктивный регистр, информативный регистр, анализ текста, позиция автора, описание, видо-временные функции предикатов.

Тексты, в которых излагается краткая или относительно подробная история усадьбы (музея-усадьбы), можно встретить на любом официальном сайте этой усадьбы, а также и в различного рода путеводителях (как печатных, так и электронных). Коммуникативная цель (стратегия) авторов этих текстов – познакомить читателя и потенциального туриста с самой усадьбой и с историей ее появления, обратить его внимание на наиболее интересные и важные ее составляющие. Эта стратегия выражается в конкретном тексте определенной тактикой, то есть набором языковых средств и их комбинацией [1]. В нашей статье

мы проанализируем регистровую характеристику таких текстов и определим, какое место занимают в них фрагменты репродуктивного регистра, в которых представлена сенсорно воспринимаемая действительность (о коммуникативных регистрах, их разграничении и типологии см. [1; 3; 2]). Материалом для анализа послужили тексты, размещенные на официальных сайтах 5 русских усадеб и музеев-заповедников: «Мелихово», «Поленово», «Спасское-Лутовиново», «Дубровицы», «Архангельское». Все тексты являются нефикциональными, поскольку в них описывается реальная, несмоделированная автором действительность в прошлом или настоящем [4].

Одним из обязательных условий репродуктивного регистра является актуальный хронотоп происходящего или описываемого: говорящий воспроизводит средствами языка то, что видит, слышит или чувствует в настоящий момент времени, находясь в данном месте. Если в художественной литературе автор может свободно перемещаться по созданной им самим реальности и таким образом находиться в актуальном хронотопе в воображении, то в нефикциональных текстах хронотоп говорящего актуален, если тот действительно находится в заданном месте. Особенностью взятых нами для анализа текстов – описаний истории усадьбы является то, что в них представлен неактуальный хронотоп: автор находится на одной временной линии с читателем и воспроизводит в тексте информацию, которая ему известна (информативный регистр). С другой стороны, автор может, как и в художественном тексте, менять свою позицию, погружаясь во временной план излагаемого и делая хронотоп изложения актуальным, но актуальным в воображении. В любом случае следует признать, что эти тексты занимают промежуточное положение между художественными и нефикциональными (ср., например, типичное нефикциональное описание усадебного парка, дома, флигеля и т.п.).

Как мы уже отметили, тексты, в которых изложена история усадеб, являются информативными: автор передает читателю известную информацию, которая воспринимается не сенсорно, а ментально. С другой стороны, в этих текстах может быть

представлено и сенсорно воспринимаемое описание усадьбы в различные этапы ее истории. Такие фрагменты (или отдельные элементы) образованы блоками репродуктивного регистра. Языковые средства, с помощью которых они введены в целый текст, их синтаксическая композиция и позиция автора являются предметом исследования нашей статьи. В результате анализа этих фрагментов мы выделили следующие группы репродуктивных включений в информативное описание истории усадеб.

1. *В 1897 году бревенчатое здание Большого дома было оштукатурено. Временный флигель был перенесен из Бёхова и поставлен около Большого дома. В нем расположились служебные помещения и кухня, соединенные с домом крытым коридором. Строительные работы в усадьбе начались в 1891 году, а завершились в 1904. Усадьба была окружена оградой из местного тарусского камня. За эти тринадцать лет кроме главного здания – Большого дома, – появились хозяйственные постройки: деревянная четырехскатная Погребица, Коровник, Курятник, Каретный сарай, Сенной сарай и Конюшня, деревянный одноэтажный дом для рабочих, получивший название «Дом управляющего». Недалеко от огорода, напротив Большого дома был поставлен Фахверковый сарай – кладовая и столярная мастерская, где талантливый плотник-столяр И. М. Никишин делал лодки для поленовской флотилии. В конце аллеи, ведущей к реке, по левую сторону стоял небольшой белый лодочный сарай – Адмиралтейство, куда на зимнее время убирались лодки домашней флотилии, а летом был склад вёсел, парусов, рыболовных принадлежностей. На самом краю усадьбы, ближе к реке, стояла бревенчатая баня для строителей, которая в конце 1930-х годов получила название «Дом Прокофьева»: именно там, во время летнего отдыха, С. С. Прокофьев работал над музыкой к «Ромео и Джульетте». Белое кирпичное здание с красной крышей, прозванное за архитектуру «Аббатством», – мастерская Поленова, напротив – маленькая Избушка для детей. Хозяйственные постройки и стена вокруг усадьбы полностью сложены из местного известняка, который художник ценил, называя «тарусский мрамор». Неузнаваемо изменился и сам некогда пустынный холм: вокруг усадьбы поднялся молодой*

лесок, в котором стараниями художника, наряду с местной флорой – сосна, осина, береза, дуб, клен, – появились туя, американский клен, кедр, пихта. Пришло время – и прорубили просеки, проложили дорожки (история усадьбы «Поленово» http://www.polenovo.ru/ru/istoriya_myzeya).

Предикаты в прошедшем времени выполняют перфективную функцию во фрагменте, указывая на изменение состояния составляющих усадьбу частей. При этом весь фрагмент написан в информативном регистре: в его начале автор указывает даты и временной промежуток наблюдаемых изменений внешнего вида усадьбы, а после этого переходит к репродуктивному описанию этих изменений. Предикатами в данном случае являются именные формы глагола в сочетании с неполнознаменательным глаголом или без него (*был перенесен*), статуальные глаголы (*изменился*), а субъектами – синтаксемы, обозначающие части описываемого пространства (*здание, Фахверковый сарай*). В некоторых случаях появляются предикаты в имперферфективной функции, которые обозначают протяженность изменения состояния во времени (*сдавалось, ветшали*). Автор фрагмента находится в актуальном для читателя хронотопе.

2. *С горечью писали журналисты тех лет об угасании тургеневского родового гнезда: «Парк обратился в сплошной лес, заросший кустами орешника, крапивой и бурьяном. Дом сгорел, на его месте поднимаются из-за бурьяна почерневшие остатки стен и груды кирпича. От бывших хозяйственных построек в большинстве и следа не осталось. Аллеи заросли травой, на большом протяжении парк превратился в густо заросшую чащу; кусты беспорядочно разрослись и перемешались с крапивой и репейником. Получилась полная картина запустения»* (история усадьбы «Спасское-Лутовиново» http://spasskoye-lutovinovo.ru).

Репродуктивное описание в этой группе представлено в виде цитаты журналистов. Фрагмент включает предикаты в перфективной функции, которые сообщают изменившееся состояние усадьбы (*заросли, перемешались*). Этот фрагмент оформлен, как и текст первой группы, но автор передает позицию наблюдателя журналистам и цитирует их описание. При этом он

присутствует в первых предложениях, которые представляют собой информативный регистр, после чего следует репродуктивное описание действительности.

3. *К концу XVII в. вблизи храма посреди обнесенного решетчатым забором двора стояли рубленые жилые хоромы – три светлицы, связанные сенями. Рядом был еще один сруб – баня, а чуть дальше, вдоль забора, - поварня, ледник, погреб, конюшенный двор и амбары. Ко двору примыкали «огородец» и сад в полторы десятины. Архангельское было типичной подмосковной вотчиной «средней руки». Вокруг усадьбы располагались хозяйственные постройки: скотный двор, конюшня, ткацкие избы и пильная мельница. Рядом находились две оранжереи* (история усадьбы «Архангельское» http://www.arhangelskoe.su/the_museum/history).

Неполнознаменательные глаголы прошедшего времени в имперфективно-характеризующей функции, которые образуют статический описательный фрагмент. Автор текста находится в одном хронотопе с читателем и в начале фрагмента указывает на время описания информативной конструкцией (*к концу XVII в.*). Динамика и изменение состояния в тексте отсутствуют, перед читателем – статичная картина прошлого вида усадьбы.

4. *Проект Большого дома принадлежал французскому архитектору Ш. Герну. Строительные работы во дворце велись в той или иной степени более сорока лет. Обилие застекленных дверей и окон свидетельствует, что это летний дворец. Характерной особенностью является наличие многочисленных колонн. Они имеются на всех фасадах, придавая достаточно монументальному зданию легкость и изящество. В центре главного и боковых фасадов четыре римско-ионические колонны образуют портики. Колоннады из четырнадцати пар тосканских колонн организуют переходы от северного фасада дома к флигелям. Такие же парные колонны поддерживают балконы верхнего этажа боковых фасадов. Шесть ложных колонн на южном фасаде украшают двери выступающей полуротонды. И, наконец, восемь пар римско-коринфских колонн обрамляют появившийся позднее бельведер. Еще одной особенностью дворца является разная высота его этажей. На первом, более высоком, размещались парадные залы, а на втором*

– *жилые комнаты и библиотека* (история усадьбы «Архангельское» http://www.arhangelskoe.su/the_museum/history).

Первые два предложения во фрагменте оформлены предикатами в прошедшем времени в имперфективно-характеризующей (*принадлежал*) и имперфективно-процессуальной (*велись*) функциях. Эти предложения формируют информативный регистр: автор сообщает известную ему информацию. Следующие конструкции оформлены предикатами в настоящем времени в имперфективно-характеризующей функции (*поддерживают, обрамляют*). Можно предположить, что автор описывает современное состояние усадьбы, сохранившееся до сегодняшнего дня, с другой стороны, автор может перенести свою точку наблюдения из актуального хронотопа в прошлое и описывать усадьбу глазами очевидца.

Проанализированные нами фрагменты показали, что репродуктивному описанию в истории усадеб всегда предшествуют информативные включения, сообщающие о конкретном времени, в котором произошли наблюдаемые изменения места. При этом автор текста, как правило, остается в актуальном хронотопе с читателем. Во всех репродуктивных фрагментах представлено разделение целого пространства на части с последующим более или менее подробным описанием каждой части. Репродуктивные конструкции различаются только формой и функцией предикатов (прошедшее, настоящее, будущее время, перфективная или имперфективная функция).

Литература

1. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 528 с.

2. Роговнева Ю. В. Коммуникативные регистры в описании человека / Ю. В. Роговнева // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. – № 3–4. – М.: 2015. – С. 75–79.

3. Сидорова М. Ю. Регистровая техника и ее возможности / М. Ю. Сидорова // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста; Сборник статей, посвященный юбилею Галины Александровны Золотовой. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – С. 487–497.

4. Сидорова М. Ю. Соотношение часть – целое в описательных текстах, основанных на непосредственном наблюдении /

М. Ю. Сидорова, Ю. В. Роговнева // Филология и человек. – 2016. – № 2. – С. 142–152.

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АКТА ПРОВОКАЦИИ НА МАТЕРИАЛЕ СООБЩЕНИЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Сапожникова Анастасия Александровна
Россия, Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет, sapozhnikova_anastasia@mail.ru

Целью данной работы является рассмотрение прагматической характеристики акта провокации в сети Интернет. В ходе анализа эмпирического материала были выявлены наиболее часто используемые приемы кибербуллинга на материале англоязычного дискурса и составлена их классификация.

Ключевые слова: прагматика, провокация, речевой акт.

В современном мире важную роль играет коммуникация посредством сети Интернет. Основным онтологическим свойством онлайн общения является анонимность, поскольку люди, которые общаются анонимно и не испытывают страха перед возмездием, в состоянии действовать в соответствии со своей идентичностью, которая не подвергнута давлению со стороны окружающих или социальных требований [5].

Термин провокация восходит к латинскому выражению «Provocatio ad populum» и его первоначальное значение представлено правом апелляции в уголовных вопросах от магистрата к народу [2]. В настоящее время данный термин не используется в своём первоначальном значении. Современное понятие «провокация» было подвержено кардинальному изменению семантического компонента, и является объектом изучения ряда гуманитарных наук, в том числе лингвистики.

В работе О. С. Иссерс провокация определена как целенаправленное, мотивированное, преимущественно контролируемое коммуникативное поведение, направленное на получение информации, которую собеседник не желает сообщать добровольно, либо дестабилизацию его эмоционального состояния. Оба вида провокации нередко осуществляются

комплексно – через сознательный выбор речевых и языковых средств разных уровней. К провокационным речевым действиям можно отнести выбор речевой тактики, языкового кода, неприемлемого для собеседника, выбор лексической единицы с нежелательной для партнера коннотацией и т. д. [1, с.93].

Целью настоящей статьи – рассмотрение прагматической характеристики акта провокации в сети Интернет.

Основываясь на анализе эмпирического материала, к данному определению считаем целесообразным добавить, что провокативное коммуникативное поведение может манифестироваться посредством сообщения о действии или поведении объекта провокации, которые противоречат конвенциально установленным, морально-этическим и правовым нормам, либо посредством использования поликодовых объектов, содержащих резко отрицательный или оскорбляющие адресата семантические компоненты.

В информационной сети Интернет провокация представлена в виде кибербуллинга, который определяется как преднамеренное пагубное поведение, осуществляемое с помощью технологических средств, таких как мобильные телефоны или Интернет [4]. В результате проведенного анализа эмпирического материала сайта cyberbullying.org [3] были выявлены следующие виды кибербуллинга в сети Интернет: кибер-преследование, оскорбление, троллинг / флейминг, угрозы, распространение порочащей информации.

Рассмотрим данные виды более подробно с точки зрения теории речевых актов:

1. В данном примере присутствует кибер-преследование, выражающееся в навязчивой передаче сообщений, что, исходя из контекста анализируемого высказывания, было воспринято адресатом как имплицитное проявление агрессии: *«My son has been receiving text messages that are being set up on a computer internet webmail address. The person is sending him* ***little messages, not really threatening, but bothersome****. The person set up a bogus email address and sends messages to his cell phone* ***up to 50 to 60 at a time of the same message****. It ties up his phone and is a problem. He has already had to change his number once but the person found it.*

We are going to go to our State's Cyber bullying division for help after local police could not do anything». В ходе анализа данной ситуации нами было выявлено, что перлокутивный эффект дестабилизации эмоционального состояния был достигнут при помощи постоянной отправки повторяющихся сообщений, не несущих в себе негативного характера.

2. В качестве оскорблений наиболее частотно используются лексемы, содержащие негативную оценку интеллектуальных, физических и морально нравственных характеристик человека: «I have a formspring account, which anonymously allows people to ask you questions. Instead of receiving what i thought would be nice questions, i constantly was sent comments like ***'you're ugly', 'you're stupid', 'you're a slut'***, etc. I have a total of over 1000 formspring "questions" and i would say that 95% of them were verbal abusing me and completely destroying my self-esteem». В данном случае имеет место быть эксплицитное проявление агрессии, выраженное при помощи репрезентативных эмоционально окрашенных высказываний в форме осуждения: *«you're ugly», «you're stupid», «you're a slut»*.

3. Формой кибербуллинга, смежной с оскорблением являются троллинг и флейминг. Основным дифференциальным признаком является достижение перлокутивного эффекта – вовлечения адресата в конфликтный диалог: *«I found my daughter was being cyber bullied a week ago. It had started a few weeks earlier but became extreme last week. This was part of an ongoing bullying campaigned by a group of girls at her school after a broken friendship. When it became Cyber I kept copies of the harassment which was lucky as I was able to take it to the school.* ***She had been called vile horrible names, accused for things she hadn't done and set up to appear racist. There were threats of bashing. Finally she was provoked and she ended up using language out of character in retaliation».*** Таким образом, провокатор, при помощи реперезентативных высказываний *«called vile horrible names, accused for things she hadn't done and set up to appear racist»,* смог убедить жертву вступить в диалог, таким образом, желаемый перлокутивный эффект был достигнут.

4. В данном примере в эксплицитном виде представлен речевой акт угрозы, осуществляемый группой лиц посредством

использования электронных устройств: «*I stopped being friends with this girl who was just a bad influence on me, and* ***she got a couple of her friends to hate me. On MSN they had a group chat room, and it was the two girls, and they were threatening to bully me at school****, and I got scared about it. (The first girl) said if I came to school* ***she would beat me up during recess****, so during that day I hid in the bathroom at lunch».* В данном примере при помощи репрезентативных высказываний, выраженных угрозами *«they were threatening to bully me»,* адресат смог добиться необходимого перлокутивного эффекта, а именно испуга адресата – *«I got scared about it», «during that day I hid in the bathroom at lunch».*

5. Наиболее частотным проявлением кибербуллинга данного типа является распространение ложной информации об объекте, на которого направленна агрессия: «Some girl in my daughter's grade ***started a rumor that my daughter is a lesbian***, this got all over school, not happy with that she starting texting her with all this comments. I spoke to her mom and ask her to please make her stop. Well big mistake...she post ***comments on Facebook, mocking her***. We will start counseling very soon, I'm afraid for my daughter safety, not sure how bad this is affecting her, and she tells me that she's trying to avoid them in school. This is a terrible experience that no child have to go thru». В вышеприведённом отрывке присутствует реперезентативное высказывание *«my daughter is a lesbian»* и указание на эмотив, выраженный при помощи насмешек *«mocking her»*.

Вышеприведённые виды провокативного поведения в сети Интернет редко встречаются в чистом виде и, как правило, сочетаются в целях достижения субъектом желаемого перлокутивного эффекта, а именно дестабилизации эмоционального состояния объекта агрессии: «Cyber Bullying is a serious topic! I was bullied and began to cut myself... You may want to know why... time to tell I was bullied, stalked, and harassed. Never to my face but online the ***people who bullied me would make fake pages and put me on them saying I'm how and everything I'm willing 'to do' with a guy***, but nothing on them were true... ***They told people to walk up to me and ask me if I was a hoe, lesbian, dyke,***

slut, pregnant.. etc. I couldn't take it anymore I was on the verge of suicide and when you're going through this you want to handle it alone, but truthfully you can't». В данном примере одновременно представлено кибер-преследование «*people who bullied me would make fake pages»* , а также оскорбление, выраженное в прямой, выраженной репрезентативами *«I'm how and everything I'm willing 'to do' with a guy»* и косвенной форме, выраженной риторическими вопросами***:*** *«They told people to walk up to me and ask me if I was a hoe, lesbian, dyke, slut, pregnant..»* Таким образом, перлокутивное намерение говорящих было достигнуто *«I was on the verge of suicide»* и необходимый негативный эмоциональный отклик оппонента был достигнут.

Следует отметить, что сетевой буллинг может сопровождаться физической травлей оппонента или быть предпосылкой нанесения физического ущерба: «This is a story about a best friend I had who committed suicide right in front of me. And all it started was a crush she had, it was such a small thing. All she wanted to do is have a normal teenage life; that never happened. She wanted to join in the group but ***everyone called her «gloomy, sullen, creepy».*** It wasn't very nice at all. The tone of their voices changed when she came in the room***, there were thumbnails in her shoes, dead animals in her desk***, and many more. ***There were also a lot of hate mail***. Sometimes just to ease the pain I deleted the mails before she could even see them, but that didn't do much good». Так, в данном примере оскорбления, выраженные эмоционально окрашенными репрезентативами *«gloomy, sullen, creepy»,* производимые в сети Интернет, происходят одновременно с буллингом.

Таким образом, нами были выведены пять типов провокативного общения в сети Интернет, которые используются для дестабилизации эмоционального состояния оппонента. Данные типы могут сочетаться между собой для скорейшего достижения указанного перлокутивного эффекта. Агрессия, в основном, выражена эксплицитно, при помощи репрезентативных речевых актов, однако, встречаются случаи её имплицитного проявления, которая может быть выражена риторическими вопросами и повторяющимися сообщениями.

Литература

1. Иссерс О. С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге / О. С. Иссерс // Русский язык в научном освещении. – М., 2009. – № 2 (18). – С. 93.
2. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон – С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон. 1890–1907. [Электронный ресурс] – Режим доступа URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz/17670 (дата обращения 01.09.2017).
3. Cyberbullying Stories [Электронный ресурс] – Режим доступа URL: https://cyberbullying.org/stories (дата обращения 28.08.2017).
4. Patchin, J. W., & Hinduja, S. (2006). Bullies move beyond the schoolyard: A preliminary look at cyberbullying. Youth Violence and Juvenile Justice, 4(2), 148–169. [Электронный ресурс] Patchin, J. W., & Hinduja, S. – Режим доступа URL: http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1541204006286288?journalCode=yvja (дата обращения 03.10.2017).
5. Saskia, S. «We are Anonymous» Anonymity in the Public Sphere – Challenges of Free and Open Communication Global Media Journal German Edition ISSN 2196-4807 Vol. 3, No.1, Spring/Summer 2013 [Электронный ресурс] Saskia S. – Режим доступа URL: http://www.globalmediajournal.de/2013/05/28/we-are-anonymous-anonymity-in-the-public-sphere-%E2%80%93-challenges-of-free-and-open-communication/ (дата обращения 10.01.2017).

О НАИМЕНОВАНИЯХ ТЮРЕМНЫХ ХРАМОВ ДОНБАССА

Синенко Екатерина Станиславовна
ДНР, Донецк, ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР»,
sinenko.ye@yandex.ru

В статье рассматривается структура наименования тюремного культового сооружения на примере названий храмов Донбасса, располагающихся на территории мест отбывания наказания. Автор раскрывает мотивы номинации молитвенных помещений в честь Анастасии Узорешительницы, Благородного разбойника, Пантелеймона Целителя и святого Вонифатия.

Ключевые слова: экклезионим, тюремный храм, номенклатурный термин, престольный номинатор.

Издавна на Руси заботились о заключенных и обездоленных. В праздничные дни тюрьмы разрешалось посещать мирянам,

которые приносили узникам угощения и одежду. Известно, что патриарх Никон, святитель Митрофан Воронежский, Тихон Задонский посещали темницы, наделяя заключенных милостыней и пастырским утешением. Вплоть до XIX века забота об узниках держалась за счет личной инициативы отдельных служителей церкви и мирян. По просьбе заключенных в связи с их болезнью или по их желанию священнослужители приходили в тюрьмы для исповеди или напутствия. Духовенство сопровождало смертников до места совершения приговора, перед казнью приговоренных к смерти исповедовали и причащали. Однако в зданиях тюрем церкви специально не строились и службы совершались нерегулярно.

В 1816 году в царствование Александра I было учреждено «Человеколюбивое общество», членам которого разрешалось посещать тюремные заведения с целью попечения о заключенных. На основе наблюдения за арестантским бытом в 1819 году создается Общество попечительное о тюрьмах, по инициативе которого и на средства местных его комитетов и отделений в тюремных заведениях России стали появляться тюремные храмы и часовни, ставшие к началу XX века обязательным атрибутом каждого пенитенциарного учреждения.

Именно в XIX веке тюрьма становится не просто местом отбывания наказания, а местом перевоспитания и нравственного возрождения личности. (Слово ‘пенитенциарный’ происходит от латинского poenitentia – раскаяние) С 1887 года в штат тюрьмы были введены священники для нравственного исправления преступников и наставления их в правилах христианского благочестия. В обязанности тюремных священнослужителей вменялось не только проводить богослужения в тюремных храмах и беседовать с заключенными, но и создавать школы при тюрьмах, заведуя ими и преподавая в них, организовывать и содержать тюремные библиотеки.

В течение 1918 – 1919 гг. церкви в тюрьмах стали закрывать и священники прекратили их посещать.

С момента возобновления взаимодействия православной церкви с пенитенциарными учреждениями (начиная с 1990 г.) священнослужители получили право на посещение заключенных и совершение духовного окормления в местах лишения свободы.

На территории учреждений исполнения наказания вновь возводятся храмы, часовни, молитвенные помещения.

В пенитенциарных учреждениях Донбасса насчитывается 30 церковных помещений, среди которых есть 1 *молитвенный уголок*, 4 *молитвенных (молебных) комнаты*, 13 *храмов*, 10 *часовен* и 2 *храма-часовни*. Церковные сооружения располагаются в исправительных колониях (далее – ИК) и следственных изоляторах (далее – СИЗО), поэтому номенклатурный термин содержит уточняющую часть *при / в ИК № ___* , либо *при / в СИЗО № ___*, либо *при / в исправительном центре № ___*: *храм иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» при Западной ИК №97, молитвенная комната преподобного Алексия, человека Божия, в Луганском СИЗО № 17, храм святого Александра Невского в Мариупольском исправительном центре № 138*.

Для наименования церковных объектов в местах лишения свободы используются отагионимные и отиконимные экклезионимы. Храмов, посвященных христианским праздникам, нами не выявлено.

Среди посвящений святым отмечаются наименования во имя *святой великомученицы Анастасии Узорешительницы* (6 экклезионимов), *святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца* (5), *Благоразумного разбойника Раха* (2), *святого великомученика Георгия Победоносца* (2), *святого преподобного Серафима Саровского* (1), *святого великомученика Пантелеймона Целителя* (1), *святого праведного Иоанна Русского, исповедника* (1), *святого мученика Вонифатия* (1), *святого князя Александра Невского* (1), *святого преподобного Алексия, человека Божия* (1), *святого равноапостольного князя Владимира* (1).

Среди отиконимных экклезионимов имеются названия в честь *иконы Божией Матери «Нечаянная радость»* (2); *иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость»* (2), *иконы Божией Матери «Споручница грешных»* (1), *иконы Божией Матери «Отрада и Утешение»* (1), *Казанской иконы Божией Матери* (1).

Выбор святого, в чью честь получает наименование церковное помещение, в большинстве случаев мотивирован.

Остановимся на нескольких наиболее интересных, с нашей точки зрения, названиях.

Большинство тюремных церковных сооружений на Донбассе посвящено Анастасии Узорешительнице: *молитвенный уголок святой Анастасии Узорешительницы в Снежнянской ИК № 127*, *храм Святой великомученицы Анастасии Узорешительницы при Торезской ИК № 28*, *часовня святой великомученицы Анастасии Узорешительницы при Приазовской ИК № 107*, *часовня Мученицы Анастасии Узорешительницы при Славяносербской ИК № 60*, *храм святой великомученицы Анастасии Узорешительницы при Червонопартизанской ИК № 68*, *часовня в честь святой великомученицы Анастасии Узорешительницы при Краснолучской ИК № 19*.

Из жития известно, что Анастасия родилась в знатной римской семье. Ее отец был язычником, а мать – тайной христианкой. Девочка тоже исповедовала веру в Христа. После смерти матери отец выдал Анастасию замуж за язычника. Будучи верна христианскому учению, святая втайне от мужа посещала темницы и ухаживала за узниками-христианами. После смерти отца и мужа она стала странствовать, помогая страждущим и используя свое имущество на нужды заключенных. За верность Христу Анастасия приняла мученическую смерть.

Великомученица Анастасия признана Церковью помощницей узникам. Само имя *Анастасия* имеет греческое происхождение и переводится на русский язык ‘воскресшая’. В греческой традиции святая именовалась *Фармаколитрия*, что в переводе означает ‘исцеляющая от ядов или болезней’. В русской же традиции Анастасия получила имя *Узорешительница* за то, что облегчала страдания (дословно ‘разрешала от тяжких уз страданий’) узников-христиан.

Два церковных тюремных помещения получили название в честь *Благоразумного разбойника Раха*: *храм при Селидовской ИК № 82* и *молебная комната в Мичуринской ИК № 57*. Это посвящение редкое для наименования культовых сооружений. Кроме названных церковных построек, в селе Анишино Венёвского района Тульской области возведена часовня, посвященная Благоразумному разбойнику.

Храм при Селидовской ИК № 82 был освящен в декабре 2003 года, став первым в истории православия, посвященным Благоразумному разбойнику. Дата постройки часовни в селе Анишино точно не установлена. Более того, нет точных данных, освящена ли она Русской православной церковью.

В новом СИЗО «Кресты-2», по данным сайта Санкт-Петербургской митрополии Русской православной церкви, планируется возвести отдельно стоящий храм для осужденных хозотряда и сотрудников изолятора. Его планируется освятить во имя Благоразумного разбойника.

Согласно Евангелию от Луки, по обе стороны от Христа были распяты злодеи. Разбойник, прозванный Безумным, говорил Спасителю, что если он Христос, то пусть спасет себя и их, висящих на кресте преступников. Распятый же по правую руку от Иисуса разбойник, прозванный Благоразумным, признал, что осуждены они справедливо и раскаялся в совершенных им преступлениях. Он жалел Христа, признавая, что Иисус страдает безвинно, в отличие от них, совершивших злодеяния. Благоразумный разбойник обратился к Иисусу со словами: «Помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое!» И в ответ Спаситель пообещал, что раскаявшийся преступник будет с ним в раю. Считается, что Благоразумный разбойник стал первым спасенным человеком, уверовавшим в Христа, и третьим из людей обитателем рая после Еноха и Илии, взятых на небо живыми.

Таким образом, библейская история говорит, что любой человек, даже совершивший преступление, раскаявшись, может быть прощен. Освящая храм во имя Благоразумного разбойника, священник дает надежду заключенным на то, что и для них не потеряно спасение.

Проприальная часть экклезионима уникальна. Престольный номинатор выражен агионимным компонентом, главным элементом которого является не имя святого, как в большинстве отагионимных экклезионимов, а прозвище – *Благоразумный разбойник*.

В состав полного наименования двух тюремных храмов Донбасса, посвященных Благоразумному разбойнику, входит

оним *Рах*, происхождение которого не выяснено. Исследователи считают, что, возможно, имя Рах – это результат эволюции имени *Варвар – Варах – Рах*. В литературных источниках, по словам Губаревой О. В., имя *Рах* не встречается, а в апокрифической литературе Благоразумного разбойника именуют *Дисмас*. Сохранились русские православные надвратные алтарные иконы XVI-XVII веков с изображением разбойника и надписью *Благородный разбойник Рах*. Исследователь отмечает, что слово *рах* существует в современных русских диалектах и имеет значение «палка с развилкой на конце, рогуля, деревянная рогулька для нанизывания мяса». Исходя их этого, Губарева делает предположение, что древняя надпись на иконах «Рах» была не именем Разбойника, а прозвищем, означавшим «подвешенный за рогатку», «распятый» [3].

В Ждановской ИК № 3 содержатся заключенные, которые больны туберкулезом. Тюремный храм в колонии посвятили *святому великомученику Пантелеймону Целителю*. В житии святого рассказывается, что он родился в Никомидии в знатной семье язычника и христианки. При рождении ему дали имя *Пантолеон*, что значит ‘лев во всем’. Получив медицинское образование, юноша стал известен императору Максимилиану, который нанял его на службу при дворе. Пантолеон уверовал во Христа после того, как сумел оживить с помощью молитвы укушенного змеей ребенка. После крещения он получил христианское имя *Пантелеймон*, что означает ‘всемилостивый’. После смерти отца Пантелеймон посвятил свою жизнь нуждающимся в помощи людям. Он безвозмездно врачевал, посещал темницы, лечил узников от ран именем Христа. Слава о его искусстве исцеления распространилась по городу, после чего к нему стали обращаться жители, оставив всех остальных врачей.

Благодаря своему языческому имени *Пантолеон* святой почитается Русской православной церковью как покровитель воинов. Христианское же имя *Пантелеимон* прославляет святого как целителя. Отсюда идет традиция освящать храмы, находящиеся на территории больниц, в честь святого Пантелеймона: *Пантелеимоновский храм при городской больнице № 2* в Горловке, *Пантелеимоновский храм* в приспособленном помещении *при Реабилитационно-Диагностическом Центре* в

Константиновке, *Пантелеимоновский храм при 3-й городской больнице* в Краматорске, *молитвенные комнаты в честь святого великомученика Пантелеимона при больнице* в городах Соледар и Северск, *молитвенная комната в честь святого великомученика Пантелеимона при Центральной городской больнице* в Шахтерске.

С 1977 по 2004 год Калининская ИК № 27 являлась наркологической колонией. Несмотря на то что в 2004 она была перепрофилирована в колонию среднего уровня безопасности для неоднократно судимых, в ней функционирует стационарное наркологическое отделение. На территории колонии находится *молебная комната в честь святого мученика Вонифатия*. Выбор посвящения не случаен. Имя *Вонифатий* в переводе с латинского означает «делающий добро». Святой считается помощником в борьбе со страстями.

В житии говорится, что Вонифитий был рабом-управляющим в доме богатой молодой римлянки Аглаиды, с которой состоял в любовной связи. Оба они были христианами и понимали греховность своей страсти, поэтому щедро раздавали милостыню и помогали нуждающимся. Однажды, узнав, что если благоговейно хранить мощи святых мучеников в доме, то можно их молитвами получить спасение, Аглаида направила Вонифатия в Малую Азию выкупить мощи мучеников. В городе Тарс молодой человек становится свидетелем мученической смерти 20 христиан. Это событие сильно повлияло на веселого, вполне обеспеченного юношу. Он открыто признал себя последователем Христа, за что был подвергнут пыткам и принял мученическую смерть, о которой раньше всерьез и не задумывался.

Святой Вонифатий почитается как покровитель трезвости. Святому молятся, веря, что он избавляет людей от алкоголизма и наркомании. Часто святому Вонифатию посвящают церкви, находящиеся на территории наркологических центров. Например, на территории Донецкого областного наркологического диспансера стоит *храм мученика Вонифатия*.

Литература

1. Белова, Н. А. Русская православная церковь и тюремные учреждения: традиции взаимоотношений / Н. А. Белова // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – № 15. – Вологда : Изд-во Вологодский институт права и экономики Фередальной службы исполнения наказаний, 2011. – С. 75–81.
2. Бугаевский, А. В. Вонифатий Римский [Электронный ресурс]: Православная Энциклопедия под. ред. Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла. – Электрон. энциклопедия. – М. : Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 1998–2014. – Режим доступа URL : http://www.pravenc.ru/text/155230.html (дата обращения 17.09.2017).
3. Губарева, О. В. Благоразумный разбойник [Электронный ресурс] / О. В. Губарева. – Режим доступа URL : http://www.portal-slovo.ru/theology/48690.php (дата обращения 17.09.2017).
4. Михайлов, П. Б. Анастасия Узорешительница [Электронный ресурс] / П. Б. Михайлов, О. В. Лосева, Е. П. Беспахотная //Православная Энциклопедия; под. ред. Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла. – Электрон. энциклопедия. – М. : Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 1998-2014. – Режим доступа URL : http://www.pravenc.ru/text/114938.html (дата обращения 17.09.2017).
5. Скоморох, О. А. История тюремного служения христианской церкви в связи с пенитенциарными реформами XVIII-XIX веков. / О. А. Скоморох // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – Том 12. Вып. 1. – Санкт-Петербург : Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2011. – С. 240–249.

РОЛЬ ГЛАГОЛЬНОГО КОМПОНЕНТА В ФОРМИРОВАНИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СУБКАТЕГОРИИ ОТНОШЕНИЯ

Соколова Анастасия Александровна

Россия, Тюмень, Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, asok19@yandex.ru

Статья посвящена роли глагольного компонента в формировании процессуальных фразеологизмов субкатегории отношения. В статье рассматриваются глагольные компоненты, различные по семантике, по морфемному составу и грамматическим свойствам. Анализируются

глагольные компоненты как непроизводные, так и производные, образованные при помощи префиксов, суффиксов, постфиксов.

Ключевые слова: процессуальные фразеологизмы субкатегории отношения, глагольный компонент.

Глагольный компонент обязателен для всех процессуальных фразеологизмов, однако состав глагольных компонентов, их фразообразующие возможности и степень яркости создаваемого ими категориального процессуального значения в каждой субкатегории имеют свою специфику.

В образовании процессуальных фразеологизмов субкатегории отношения принимают участие 837 глагольных компонентов, различающихся по семантике, по морфемному составу, грамматическим свойствам.

Из 837 глагольных компонентов непроизводных оказалось 123, например: *беречь, бить, верить, вести, гнать, гнуть, грозить, дать, есть, жить, знать, иметь, крыть, рыть,* и др.

Большинство непроизводных глагольных компонентов является одновидовыми несовершенного вида (55): *беречь, бить, болеть, быть, вилять, висеть, воротить, иметь, пить,* и др. Они участвуют в образовании таких фразеологизмов, как ***беречь как зеницу ока*** *что-л.,* ***бить по больному месту*** *кого-л.,* ***вилять хвостом*** *перед кем-л.,* ***висеть на шее*** *у кого-л.* и др.

В особую группу среди непроизводных глагольных компонентов выделяются одновидовые глаголы со значением однонаправленности и разнонаправленности действия (всего 10). Так, в глаголах *идти, вести, гнать, лезть, катить* реализуется значение однонаправленности действия, а в глаголах *ходить, носить, водить, возить, ездить* – разнонаправленного действия: ***идти навстречу*** *кому-л.* в значении «оказывать содействие, помощь, сочувственно относясь к кому-л. или к чему-л.» [5, с.181], ***носить на руках*** *кого-л.* в значении «оказывать особое расположение кому-л., проявлять большое внимание к кому-л.» [5, с.286] и др.

Фразеологизмы с глагольным компонентом со значением однонаправленности и разнонаправленности действия не имеют коррелятивных пар. Глаголы однонаправленного движения обычно обозначают действие, протекающее в одном

направлении, непрерывно и в определенный момент, следовательно, привносят во фразеологизмы сему «направленности на определенную цель»:

– *Я* ***иду навстречу*** *человеку до тех пор, пока он меня не предает (МК, 07.11.1999).*

Глагольные компоненты разнонаправленного движения могут обозначать действие, которое является обычным занятием для грамматического субъекта, привычным делом. Поэтому в форме настоящего времени эти глаголы могут обозначать вневременное действие [3, с.385]. Следовательно, в процессуальные фразеологизмы субкатегории отношения глагольный компонент привносит сему «постоянный признак» и не может обозначать одномоментное действие:

Бунин и Найденов теперь герои в Одессе. Их там ***на руках носят***. (*А. Чехов, ПСС, Т.20, с.9)*.

Непроизводные глагольные компоненты, образующие процессуальные фразеологизмы субкатегории отношения, семантически разнообразны. Они могут обозначать деятельность (*вилять, гнуть, делать, катить, лезть, метать, петь, рвать* и др.), состояние (*быть, дышать, чаять* и др.), отношение (*беречь, вменять, дружить, клясть, любить, морочить, хранить* и др.).

Большинство глагольных компонентов этимологически имело лексическое значение деятельности как наиболее конкретное. Так, во фразеологизме ***вилять хвостом*** *перед кем-л.* глагольный компонент *вилять* этимологически имел значение «двигать, мотать из стороны в сторону». Субкатегориальное значение отношения фразеологизма *заискивать перед кем-л.* возникает в результате метафоризации, формируется на основе возникающего образа.

Глагол *дышать* этимологически имел лексическое значение состояния «при помощи органов дыхания втягивать в организм воздух и удалять углекислый газ». Во фразеологизме ***дышать в спину*** *кому-л.* в значении «настигать кого-л, конкурировать с кем-л.» глагольный компонент преобразует свою семантику в субкатегориальную семантику отношения.

Глагол *морочить* этимологически имел лексическое значение отношения «вводить в заблуждение, обманывать» и

привнес эту сему во фразеологизм ***морочить голову*** *кому-л.*, не изменив своей субкатегориальной семантики.

Глаголы с семантикой отношения участвуют во фразообразовании реже, чем глаголы с семантикой других субкатегорий, так как значение отношения является наиболее абстрактным и развивается из значений деятельности и состояния. Но в составе исследуемых фразеологических единиц глагольные компоненты преобразуют лексическую субкатегориальную семантику деятельности и состояния в субкатегориальную фразеологическую семантику отношения.

714 глагольных компонентов, входящих в состав процессуальных фразеологизмов субкатегории отношения, являются производными и образуются при помощи префиксов, суффиксов, постфиксов.

В составе глагольных компонентов процессуальных фразеологизмов субкатегории отношения вычленяется 21 префикс*: в-(во-), воз-вос-(вз-вс-), вы-, до-, за-, из-, по-, на-, над-, о-, об-(обо-), от-, пере-, под-подо-, при-, пре-, пред-, про-, раз-рас-, с-(со-), у-,* с помощью которых образовано 376 приставочных глагольных компонентов.

Самыми продуктивными являются два префикса: с помощью префикса **на-** образуется 39 глагольных компонентов, а с помощью префикса **вы-** - 38 глагольных компонентов.

У префикса **на-** фразообразующую роль играет значение «направленности действия на кого-что-л.»: *набросить* (***набросить тень*** *на кого-л.*), *навести* (***навести мосты*** *с кем-л.*), *накинуть* (***накинуть узду*** *на кого-л.*) и под.

Фразообразующую роль может играть и значение префикса **на-** «тщательность и интенсивность действия»: *нагладить* (***нагладить харю*** *кому-л.*), *нагреть* (***нагреть бока*** *кому-л.*), *набить* (***набить морду*** *кому-л.*) и под.

У префикса **вы-** фразообразующую роль играет значение «направление движения изнутри наружу»: *выбить* (***выбить дурь*** *из кого-л.*), *выбросить* (***выбросить за борт*** *кого-что-л.*), *вывести* (***вывести в люди*** *кого-л.*) и др.

Реже префикс **вы-** используется в значении «исчерпанность действия, достижение результата»: *вытереть* (***вытереть ноги*** *об кого-л.*) и под.

Высокая частотность употребления префиксов **вы-** и **на-** объясняется тем, что их значения включают сему направленности на кого-что-л., что соответствует субкатегориальному значению процессуальных фразеологизмов субкатегории отношения, которое содержит сему направленности на грамматический объект.

Приставочные образования глагольных компонентов создаются двумя путями. Во-первых, префикс добавляется к глаголу в свободных словосочетаниях и приходит во фразеологизм в составе глагольного компонента, например: *вывести* (***вывести в люди*** *кого-л.*), *вводить* (***вводить в заблуждение*** *кого-л.*), *возложить* (***возложить надежды*** *на кого-л.*) и др.:

Он сейчас в самой выигрышной позиции; обе жены его облизывают, обе ***пылинки*** *с него* ***сдувают*** (*МК, 18.11.1999).*

В этом случае префикс следует считать обязательным для глагольного компонента фразеологизма.

Во-вторых, префикс может указывать на соотношение между формами совершенного и несовершенного вида, например: ***валить/ свалить шишки*** *на кого-л.,* ***вешать/ повесить на черную доску*** *кого-л.,* ***лезть/ полезть в спор*** *с кем-л.* и др.:

Вот так он всю жизнь и ***морочит*** *людям* ***головы*** (*В. Санин, Точка возврата). Они могут так* ***заморочить голову****, что нам действительно покажется: мы страстно хотим того, что нам глубоко не по нутру* (*Работница, № 11, 1999).*

257 глагольных компонентов фразеологизмов субкатегории отношения образуется суффиксальным способом. Самым частотным является суффикс **ва-**: *давать* (***давать зеленый свет*** *чем-л.*), *затевать* (***затевать спор*** *с кем-л.*), *перемывать* (***перемывать кости*** *кому-л.*), *выпивать* (***выпивать кровь*** *из кого-л.*) и др.

Приставочно-суффиксальный способ образования глагольных компонентов малопродуктивен: *возвращать*

(***возвращать с того света*** *кого-л.*), *напирать* (***напирать на пятки*** *кому-л.*), *охранять* (***охранять как зеницу ока*** *кого-л.*).

Постфиксальным и приставочно-постфиксальным способами образуются возвратные глагольные компоненты: *путаться* (***путаться под ногами*** *у кого-л.*), *считаться* (***считаться с мнением*** *кого-л.*), *сочетаться* (***сочетаться браком*** *с кем-л.*), *перемолвиться* (***перемолвиться парой фраз*** *с кем-л.*).

Все глагольные компоненты процессуальных фразеологизмов субкатегории отношения различны по своим фразообразовательным возможностям. Под фразообразовательными возможностями мы понимаем способность того или иного компонента (в данном случае – глагольного) создавать в языке фразеологические единицы.

Наибольшее количество процессуальных фразеологизмов субкатегории отношения образуют 7 глагольных компонентов: *иметь* (153 единицы), *дать* (91 единица), *идти* (85 единиц), *вести* (75 единиц), *ходить* (67 единиц), *водить* (67 единиц), *ставить* (54 единицы). Фразообразующая активность глаголов *иметь, дать* объясняется несколькими факторами.

Во-первых, эти глаголы имеют широкие отвлеченные значения, которые характеризуются наибольшей относительно других глаголов абстрактностью. Во-вторых, глаголы *иметь, дать* переходные, то есть для них обязательно наличие зависимого компонента-имени в форме винительного падежа. В. А. Лебединская отмечала, что «семантическая редукция индивидуального значения глагольного компонента тем сильнее, чем больше фразеологизмов образуется им». Семантическим центром фразеологизмов, образуемых данными глаголами, «является, как правило, именной компонент, возможно, это одна из причин семантического «обесцвечивания» глагольного компонента» [2, с.14].

Самым продуктивным в образовании процессуальных фразеологизмов субкатегории отношения является глагольный компонент *иметь*. Он входит в состав 153 единиц: ***иметь аналог*** *чему-л.*, ***иметь виды*** *на кого-л.*, ***иметь власть*** *над кем-чем-л.*, ***иметь в противниках*** *кого-л.*, ***иметь зуб*** *на кого-л.* и под.

Высокая фразообразующая активность глагола *иметь* объясняется его семантикой. У глагола *иметь* выделяется три свободных значения. Первое значение «обладать, располагать чем-нибудь» относит глагол *иметь* к субкатегории состояния и выражает связь между субъектом-человеком и конкретным физическим объектом-предметом, имущественное состояние субъекта-человека: *иметь утюг, иметь сумку* и т. д. Второе значение «располагать кем-нибудь в качестве кого-нибудь» изменяет субкатегориальную семантику глагола *иметь* с состояния на отношение и выражает социальные отношения между двумя субъектами: *иметь жену слушателем*. Третье значение «находиться с кем-либо в половой связи» выражает отношения между полами: *иметь жену, иметь секретаршу*. [4, с.69-72]. Входя в состав фразеологизмов, глагол *иметь* привносит в них сему «отношение».

Глагол *дать/ давать* участвует в образовании 91 фразеологической единицы: ***дать/ давать взбучку*** *кому-л.****, дать/ давать зеленый свет*** *чему-л., **дать/ давать передышку*** *кому-л.* и под.

Фразообразующую роль в основном играют два значения многозначного глагола *дать/давать*: 1) «в сочетании с существительным выражает действие по значению данного существительного»: ***дать/ давать надежду*** *кому-л. (*обнадежить*), **дать/ давать обещание*** *кому-л.* (пообещать); 2) «нанести (удар), ударить»: ***дать/ давать взбучку*** *кому-л., **дать/ давать в лоб*** *кому-л.* и под. [1, с.14].

Фразообразующая активность глаголов движения объясняется тем, что глаголы движения имеют в своем значении сему «направленность к определённой цели», следовательно, являются семантически недостаточными и требуют наличия при себе обстоятельства места. В. А. Лебединская отмечала, что «явно семантически нагруженными являются глаголы движения в составе процессуальных фразеологизмов: *входить, выходить, приходить, уходить*, а также параллельные им каузативы: *вводить, выводить, приводить, уводить* и под.» [2, с.14].

Сохраняющиеся семантические элементы глагольных компонентов создают основу для формирования антонимических пар: ***входить в доверие*** *к кому-л.* – ***выходить из доверия*** *у кого-*

л., ***входить в конфликт*** *с кем-л.* – ***выходить из конфликта*** *с кем-л.*; пар, единицы в которых находятся в каузативных отношениях: ***выходить в люди*** – ***выводить в люди*** *кого-л.*, ***приходить в чувство*** – ***приводить в чувство*** *кого-л.*

Среднюю фразообразующую активность имеют 35 глагольных компонента, которые образуют от 10 до 40 фразеологических единиц: *класть* (24 единицы), *носить* (29 единиц), *ступить* (31 единица), *звать* (37 единиц) и др.: ***стоять над душой*** *у кого-л.*, ***гнать в три шеи*** *кого-л.*, ***крыть последними словами*** *кого-л.* ***звать на помощь*** *кого-л.* и др.

Минимальная фразообразующая активность выявлена у 795 глагольных компонентов, образующих от 1 до 9 фразеологизмов: *болеть* (1 единица), *беречь* (2 единицы), *вить* (3 единицы), *драть* (4 единицы) и др. 75 глагольных компонентов образуют только по одному процессуальному фразеологизму субкатегории отношения: ***болеть душой*** *за кого-л.*, ***видеть в гробу в белых тапочках*** *кого-л.*, ***пораспихать замуж*** *кого-л.*, ***выцарапать глаза*** *кому-л.*, ***вычеркивать из жизни*** *кого-л.*, ***дурить голову*** *кому-л.*, ***не чаять души*** *в ком-л.*

Низкая продуктивность этих глаголов может быть связана с различными факторами. Образованию фразеологизмов субкатегории отношения может препятствовать ярко выраженная субкатегориальная семантика состояния глаголов (*болеть, видеть, вникать, дышать*). Разговорные или просторечные глаголы привносят во фразеологизм свою стилистическую окраску, что также препятствует образованию большого количества единиц (*вжарить, дурить, пораспихать, обкорнать, лупить, сожрать*). Глаголы, имеющие только одно значение, ограничены в возможностях образования фразеологизмов. Следовательно, отсутствие многозначности у глагола, отсутствие переносных значений также является фактором низкой фразообразующей активности (*чаять* – «ожидать, надеяться», *затеять* – «предпринять, начать что-нибудь делать»). Еще один фактор – это фразеологически связанные значения глаголов. Лексическая отдельность таких глаголов поддерживается лишь наличием словообразовательных производных: *воспылать* (***воспылать аллюром*** *к кому-л.*), *вменять* (***вменять в вину*** *кому-*

л., ***вменять в обязанности*** *кому-л.*), *воротить* (***воротить нос*** *от кого-л.*), *морочить* (***морочить голову*** *кому-л.*).

Таким образом, роль глагольного компонента в формировании процессуальных фразеологизмов субкатегории отношения достаточно велика. В процессе фразеологизации глаголы утрачивают свои конкретные индивидуальные значения и в результате сложного семантического процесса преобразуют их в целостное фразеологическое значение. Редукция глагольного компонента приводит к тому, что семантическим центром процессуальных фразеологизмов субкатегории отношения может стать неглагольный компонент.

Литература

1. Воробьёва Г К. Семантико-синтаксическое описание несвободных объектных словосочетаний русского языка с глаголом «давать»: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / Г. К. Воробьёва. – М., 1982. – 16 с.

2. Лебединская В. А. Процессуальные фразеологизмы современного русского языка / В. А. Лебединская. – Челябинск: ЧГПИ, 1987. – 80 с.

3. Современный русский литературный язык: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2116 «Рус. яз. и лит. в нац. школе» / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов, А. В. Филиппов, С. И. Небыкова, Д. И. Изаренков; Под ред. Н. М. Шанского. – 2-е изд., перераб. – Л.: Просвещение, 1988. – 671 с.

4. Усачёва Н. Б. Структурные и семантические свойства фразеологизмов с компонентом «иметь»: дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / Н. Б. Усачёва. – Курган, 1998. – 212 с.

5. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4 000 словарных статей / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; Под ред. А. И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – 543 с.

ТОРГОВЫЕ НАЗВАНИЯ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ПРЕПАРАТОВ КАК ТОВАРНЫЕ ЗНАКИ

Tomasik Samuela
Польша, Быдгощ, Университет Казимира Великого,
s.tomasik@yandex.ru

Настоящая статья посвящается рассмотрению торговых названий лекарственных препаратов как товарных знаков. Подход, которого автором является А. В. Суперанская, по сей день является актуальным. Торговые названия лекарственных названий, с языковедческой точки зрения, очень похожи на товарные знаки других серийных предметов.

Ключевые слова: названия лекарственных препаратов, товарные знаки, названия серийных продуктов.

Параллельно с развитием торговли, а в том числе и производства как единичных, так и серийных экземпляров, перед покупателями, появилась проблема выбора конкретного продукта. Производители почувствовали нужду каким-то способом маркировать свои изделия. Такое решение со временем являлось необходимостью. Маркировка товара позволяла избежать ряда неудобств в случае, когда надо было срочно определить производителя данного товара, например, в контактах с продавцами, торгующими товарами вдали от места их производства. В таком случае, маркировка служила подтверждением происхождения товара, а также была своего рода подписью производителя, гарантией наилучшего качества. Постепенно такой подход являлся все более популярным. Покупатели привыкали к продуктам определенных производителей, т. е. уже известных им или их близким мастеров. Для того, чтобы легко найти любимый продукт, надо было различать разного рода маркировки многих, похожих друг на друга товаров [3, с.7].

Как замечают ученые, до момента, когда допускалась торговля немаркированной продукцией, многие обращались к этому типу товаров как к товарам худшего качества. Люди не знали, что покупают. Со временем покупатели вырабатывали свои требования, относящиеся к нужным им предметам.

Несомненно, удачная маркировка стала лучшим способом привлечь внимание потенциальных клиентов. Благодаря маркировке, клиент легко может различить похожие товары, но и убедиться в его хорошем качестве [3, с.7]. Сегодня, в странах, в которых закон такое позволяет, многими продавцами допускается продажа мелких товаров сыпью. Такие товары часто не имеют маркировки, но продаются намного дешевле, чем замаркированные аналогичные товары. Однако часто бывает так, что покупатели воспринимают немаркированный товар неполноценным. Легко понять, что во время, когда маркировка не была обязательной, сначала были использованы самые простые словесные знаки, как имя, фамилия производителя или простое определение именуемого товара. С временем были придуманы более сложные словесные знаки. Такое явление можно увидеть и на фармацевтическом рынке. Раньше лекарства приготовливали, производили аптекари, которые на отдельных упаковках лекарств отмечали лишь короткое описание препарата, дозировку и свою фамилию.

Каждый из предпринимателей, товар которого маркирован, имеет право распоряжаться как самым товаром, так и способом его маркировки. Оба этих элемента формально принадлежат владельцу данного предприятия [3, с.7]. Чаще всего, в качестве маркировки (понимаемой уже как название товара или его сорта) используются словесные обозначения, под которыми товар может функционировать на рынке и официальной документации производства.

Закон позволяет больше. Согласно законодательству Российской Федерации, в том числе и Гражданскому кодексу РФ, в «качестве товарных знаков могут быть зарегистрированы словесные, изобразительные, объемные и другие обозначения или их комбинации, [...] (а сам) товарный знак может быть зарегистрирован в любом цвете или цветовом сочетании» [5, 1482].

Товарные знаки регистрируются с целью индивидуализировать товары, направляемые к торговле, производимые отдельными юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями [5, 1477]. Владелец товарного знака имеет право им пользоваться, им распоряжаться.

Одновременно, владельцы товарных знаков имеют право запрещать другим лицам использовать свой товарных знак. Как использование товарного знака Гражданский кодекс Российской Федерации понимает использование другим субъектом уже запатентованного товарного знака в коммерческих целях. Как правило, незаконное воспользование чужого товарного знака влечет за собой уголовную ответственность, так как право на товарные знаки является частью так называемых «объектов сферы прав интеллектуальной собственности».

Главной целью каждого принятого к регистрации товарного знака является, во-первых, индивидуализировать именуемый объект. Товарный знак является одним из основных средств индивидуализации, позволяет различить похожие внешне друг на друга товары, принадлежащие разным производителям. Это способствует облегчению многих коммерческих процессов, в том числе и покупок, совершаемых отдельными покупателями. Во-вторых, товарный знак является прямым указанием на происхождение товара. Приобретая товары и услуги, маркированные одним и тем же товарным знаком, потребитель уверен, что они имеют одного производителя [6]. С временем покупатели запоминают данный товарный знак и умеют отнести его к определенному объекту. В-третьих, как уже было упомянуто, товарные знаки служат средством подчеркнуть качество данного товара. Нетрудно заметить, что потребитель обращается к определенному товарному знаку как письменному подтверждению высшего качества. В-четвертых, товарный знак выполняет рекламную функцию [6]. Официальные характеристики товарного знака совпадают с языковедческими замечаниями А. В. Суперанской «Маркировка товаров преследует две цели: гарантировать хорошее качество товара и убедить покупателя купить именно данный товар» [3, с.3].

Целью настоящей работы является посмотреть на торговые названия лекарственных препаратов как на товарные знаки с языковедческой точки зрения. Несомненно, названия лекарственных препаратов нуждаются в дополнительном комментарии. Для правильного восприятия торговых названий лекарственных препаратов как товарных знаков необходимо

определить форму торгового названия лекарственного препарата. Как я уже несколько раз напоминала, каждое лекарственное средство выступает, одновременно, под, как минимум, тремя синонимическими названиями. Это, прежде всего:

1. химическое название. Оно чаще всего очень сложное по своему составу и поэтому редко употребляется в повседневной жизни. Химическое название, чаще всего, воспользуется как специальное определение химической субстанции и употребляется в профессиональной речи химиков, научных трудах, аннотациях к лекарствам, напр.: *(RS)-2-(4-изобутилфенил)-пропионовая кислота*, *N-(4-гидроксифенил)ацетамид*, *1-(3,4-диметоксибензил)-6,7-диметоксиизохинолин*, *(4-(4-Хлорфенил)-4-окси-N,N-диметил-аа-дифенил-1-пиперидин-бутанамида гидрохлорид)*, */S-(R*,R*)/-альфа-/1-(Метиламино)этил/бензолметанол (в виде гидрохлорида, резината или сульфата)*;

2. международное, непатентированное название. Оно, чаще всего, строится на основе латыницы, транскрибируется на народные языки. Оно короче химического (содержит лишь его элементы). Непатентованное название, чаще всего, воспользуется в профессиональной речи врачей и фармацевтов, напр.: *ибупрофен*, *парацетамол*, *папаверин*, *лоперамид*, *псевоэфедрин*;

3. торговое название. Это название присвоено каждому препарату его производителем, который обязан разместить его на упаковке. Как правило, торговое название вместе с его определенным шрифтом и логотипом помещаются на упаковке, употребляются в рекламных объявлениях. Такие названия характерны, прежде всего, для языка потребителей (пациентов), но ими нередко пользуются также врачи и фармацевты, напр.: *Ибупрофен*, *Адвил*, *Болинет*, *Болифен*, *Брен*, *Бруфен*, *Бурана*, *Долгит*, *Ибалгин*, *Ибупрон*, *Ибупроф*, *Ацетофен*, *Далерон*, *Калпол*, *Панадол*, *Перфалган*, *Проходол*, *Стримол*, *Флютабс*, *Цефекон* Д, *Эффералган, Папаверин, Папаверин буфус, Папаверина гидрохлорид, Папаверина гидрохлорид МС*, *Лоперамида гидрохлорид*, *Лоперамид-Акри*, *Веро-Лоперамид*, *Назол Адванс*, *Дэфедрин*.

Как показывают вышеуказанные примеры, легко заметить, что в качестве товарного знака можно воспринимать лишь

торговые названия лекарственных препаратов. Именно с этими единицами пациенты встречаются в аптеке. Торговое название любого предмета, в том числе и название лекарственного препарата, является одним из основных орудий борьбы за покупателя. Названия лекарственных препаратов должны отвечать многим правовым требованиям, но, кроме этого, должны быть интересными и привлекательными для потенциального клиента. Эта привлекательность выполняется разными способами. Авторы торговых названий лекарственных препаратов борются за внимание пациентов. В этом плане названия лекарственных препаратов не являются исключением. Борьба за покупателя реализуется тоже на языковом уровне. Применяются различные способы и механизмы. Они уже достаточно хорошо описаны в научной литературе.

Теория товарного знака А.В. Суперанской подтверждает тезис, касающийся принадлежности торговых названий лекарственных препаратов к категории товарных знаков. Ученая неоднократно подчеркивала «обратите внимание на некоторые импортные лекарства: на каждой таблетке дано коммерческое название препарата или знак фирмы» [3, с.3]. Надо подчеркнуть, что торговые названия, кроме требований, касающихся маркировки лекарственных препаратов, подвергаются таким же общим требованиям как названия и других предметов. Таким образом, за торговыми названиями лекарственных препаратов как товарными знаками лежат все права и обязанности, свойственны и другим предметам, т. е. возможность вести рыночную борьбу.

Торговые названия лекарственных препаратов, как и названия других предметов, производимых с целью их продажи, имеют ряд свойств характерных для словесных товарных знаков. Это единицы, подлежащие строгим ограничениям, вытекающим из правовых требований, касающихся строения названий лекарственных препаратов, но также из требований, относящихся к наименованиям предметов, принадлежащих к торговле.

Рассмотрение названий лекарственных является серьезной научной перспективой. Для этого необходимо ставить вопрос об их месте в системе языка. Предложенная Суперанской теория

товарных знаков кажется подходящей для этого. Названия лекарственных препаратов в этом плане довольно близки описываемым ученой другим примерам.

В заключение стоит подчеркнуть, что, несмотря на то что теория товарных знаков появилась уже больше двадцати лет тому назад (во время сильнейших государственных перемен), она никак не устаревает. Можно сказать больше – именно она может оказаться мостом, связывающим т. н. ономастические школы – восточно- и западнославянскую. Такой мост необходимо построить, прежде всего, в области собственных названий неодушевленных предметов (серийных и единичных).

Литература

1. Кузнецов, С.А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Изд-во «Норинт», 2008. – С. 534.
2. Машковский, М. Д. Лекарственные средства / М. Д. Машковский. – М.: Изд-во «Новая волна», 2014.– С. 151–187.
3. Суперанская, А. В. Товарные знаки / А. В. Суперанская, Т. А. Соболева. – М., 2017. – 192 с.
4. Gałkowski, A. Chrematonimy w funkcji kulturowo-użytkowej. Onomastyczne studium porównawcze na materiale polskim, włoskim, francuskim / A. Gałkowski. – Łódź: Из-во «Wydawnictwo UŁ», 2008. – С. 390.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации.
6. Товарные знаки и патенты – Режим доступа: http://www.tm-patent.ru/trademark_meaning.html (обращение 15.09.2017).

ВОЕННАЯ КОНЦЕПТОСФЕРА КОНЦА XVIII ВЕКА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ПОЭТА Г.Р. ДЕРЖАВИНА

Третьякова Людмила Николаевна
Россия, Москва, Российский университет дружбы народов, ludmila-tretyakova@rambler.ru

В статье рассматривается когнитивная структура концепта «война» в русском языковом сознании на материале военных стихотворений Г. Р. Державина. Спецификой языка военных стихотворений Державина является широкое метафорическое использование военной лексики. Анализируются лексико-семантические и лексико-грамматические характеристики военной метафоры.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, языковая личность поэта, метафора, картина мира.

Любви к отечеству безмерен в русских пламень
Г. Р. Державин

История человечества в целом и история России – это, прежде всего, история войн. Общественно-политический феномен «война» играет исключительно важную роль в жизни русского человека. В этом фрагменте работы определим место и роль художественного концепта «война» в национальном сознании поэта конца XVIII века – Г. Р. Державина, так как именно Державин воспел русский патриотизм и победы, одержанные Россией на полях сражения в конце XVIII века.

Концепт «война» как общественно-политический феномен находит яркое воплощение в языковой картине мира русского поэта. Концепт «война» является культурным концептом, основное содержание которого сводится к следующим признакам:

1. Предметно-образная сторона концепта – это обобщенный образ противостояния враждующих сторон;
2. Понятийная сторона концепта – это языковое обозначение характеристик войны;
3. Ценностная сторона концепта – это принятые в обществе эксплицитные и имплицитные нормы поведения.

В. Г. Белинский писал, что патриотизм был «господствующим чувством» Державина.

Поэт говорит о том, что у человека одна «*священна должность – храбрым быть!»* (стихотворение «Философы пьяный и трезвый»). Державин утверждал, что русскому народу присуща жажда великих дел, что русские – народ-исполин, русским присуща безмерная любовь к родине: «*Любви к отечеству безмерен в русских пламень*» [I, с.137], они не боятся сложить головы на поле битвы, для них смерть лучше, чем «*униженный мир*» [2, с.311], им чужды хитрость и коварство. Державин подчеркивает значение России для судеб человечества. В оде «На переход Альпийских гор» он говорит современникам о

том, что русские воюют за общее дело: *«За свой, за ваш, за всех покой».*

Среди лингвистических объектов абстрактное имя «война» занимает особое положение: оно отличается многоликостью и неоднородностью экстенсионала, за которым стоят существительные (в бинарной оппозиции «война – мир», «победа – поражение, сражение», воин).

Рассмотрим оппозицию «война – мир» в творчестве Державина.

Тема мира получила особенно сильное развитие у Державина в конце жизни: в записной книжке поэта выделены следующие строки: *«Победа есть прекрасный цвет, приносящий райские плоды: мир и спокойствие»* [3, с.51]. Поэт прославил победы, одержанные Россией на полях сражения, однако для Державина война – это величайшее бедствие, зверство, противное человеческой природе. В стихотворении «На день рождения Ея Величества» (1774) поэт спрашивал: *«Ужель на сей один конец все твари только и созданы, вели чтоб брани непрестанны?»* [3, с.234].

Концепт «война» занимает важное место в лингвофилософской картине мира Державина, в которой существуют бинарные оппозиции, представленные концептами «война-мир», «смерть-жизнь». Эти дуальные аспекты тесно переплетаются в творчестве Державина и мировой культуры в целом. В оде «На шведский мир» поэт рисует картины мира и войны, жизни и смерти:

«… О вы, носящи душу львину,
Герои любящие бой,
Воззрите на сию картину,
Сравните вы её с войной.
Там всюду ужас, стон и крики,
Здесь всюду радость, плеск и лики;
Там смерть, болезнь,
Здесь жизнь, любовь.
Я вижу убиенных тени
И слышу вам их грозны пени,
Вы пролили невинну кровь». [4, с.311]

В «Молитве по отъезде в Армию Александра I» (1807) поэт обращается к Богу: *«Доколи токи крови велишь нам, грешным, лить?».* Державин, таким образом, возлагал ответственность за кровавые жертвы войны не только на людей, но и на Бога. У поэта негативные ассоциации данного концепта остаются стабильными на протяжении всей жизни. Война – это убийство: *«Но ты, о зверских душ забава, Убийство! Я не льщусь тобой…»* [«Мой Истукан»]

Человек – часть природы, и, защищая мир, мы защищаем себя, утверждает поэт. Мирное состояние народов важнее всего: *«Всяк мудрый любит тишину»*. Как и Ломоносов, Державин поставил вопрос о подлинном и мнимом героизме. Русский поэт пересматривает фундаментальные ценности концепта «героизм». Человек не может быть героем, если в угоду своим честолюбивым замыслам погубил тысячи человек. Державин говорит о тщете воинской славы: *«… войною может быть громким и злодей»* [«Памятник герою» (1791)].

Поэт выступает против завоевателей. Например, Державин называет Наполеона безумцем, тигром, который оставляет после кровь, слезы, «погребенные под пеплом города», груды смердящих тел («Слава»). Поэт подводит итог: *«Гнусна убийц народов слава».*

Говоря о значении мира для народов, Державин подводит итог в стихотворении «На отъезд императора»: *«Пусть Греции Александр велик слывет войною: Но мир кто умирит – тот более душою».*

Какова же поэтика батализма у Державина?

Наличие натурметафоры при описании войны, битвы: модель «ВОЙНА, БИТВА – ЯВЛЕНИЕ ПРИРОДЫ», фрейм «Гроза», слот «Гром и молния»: *«И гром о громы ударялся, и молнии с молниями секлись»* (в «Гимне лиро-эпическом. На прогнание французов из Отечества» [5, с.105]; наличие зооморфной метафоры: модель «Пули – насекомые», фрейм «Состав царства насекомых», слот «рой пчел»: *«рой с роем пуль»;* штурм крепости Измаил – сначала извержение вулкана, затем – весеннее, сметающее все на своем пути половодье: *«Как воды, с гор весной в долину низвергаясь пенятся, ревут, волнами*

льдом трясут плотину к твердыням россы так текут…»; русская армия сравнивается с грозовой тучей: *«Идут – как в тучах скрыты громы, как движутся безмолвные холмы»; «грохочущий прибой».*

Наличие олицетворений: *«хохочет ад»* («На переход Альпийских гор»); образ смерти: *«Там бледна смерть в косой в руках, Скрежещуща, в единый мох полки, как классы, посекла»* [6, с.105–106].

Русский поэт использовал не только средства классической поэтики, но и «низкие» просторечные слова, народные поговорки и пословицы: *«…Дралися храбро на войне; ведь пьяным по колени море!»* («Кружка»), *«… не узнав и броду, соваться в воду»* («Голуби»); из разговорного языка – *«поставить вверх и дном»* («Изображение Фелицы»), *«французить»* - подражать французам («Кружка»), «*пообрить кудерки»* («Солдатский и народный диферамб…»).

Таким образом, Г. Р. Державин в своем творчестве дал развитие концепту «война», бинарной оппозиции «война-мир» в русской языковой картине мира, поднял свой голос о бесполезности всех войн вообще:

«Напрасно слышен жалоб крик: напрасно, бранны человеки. Вы льете крови вашей реки, котору должно бы беречь; но с самого веков начала война народа пожирала, священ стал долг рубить и жечь!»

Во-вторых, поэт воспел известных полководцев и создал запечатленную в стихах историю русских войн.

В-третьих, война у Державина отожествляется со злом, уподобляется явлениям и стихиям природы: грозе, извержению вулкана, половодью, грохочущему прибою.

Литература

1. Державин Г.Р. ПСС / Г. Р. Державин. – Т. IV. – СПб., 1870. – С. 137.
2. Державин Г.Р. ПСС / Г. Р. Державин. – Т. IV. – СПб., 1870. – С. 31.
3. Державин Г.Р. ПСС / Г. Р. Державин. – Т. III. – СПб., 1870. – С. 234.
4. Державин Г.Р. ПСС / Г. Р. Державин. – Т. I. – СПб., 1870. – С. 34.

5. Державин Г.Р. ПСС / Г. Р. Державин. – Т. III. – СПб., 1870. – С. 105.
6. Державин Г.Р. ПСС / Г. Р. Державин. – Т. III. – СПб., 1870. – С. 105-106.
7. Западов А. В. Неизвестный Державин / А. В. Западов // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. – Т. 1. – XVII. Вып. 1. – М., 1958. – С. 45–54.

ОДНОЗНАЧНОСТЬ И ПОЛИСЕМИЯ ПРОИЗВОДНЫХ ПРЕДЛОГОВ ЛОКАТИВНОЙ СЕМАНТИКИ В РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Хилько Ирина Анатольевна
Россия, Симферополь, МБОУ «Симферопольская академическая гимназия»,
bokatenko@gmail.com, +7978 851 75 69

Данная статья посвящена однозначности и полисемии производных русских предлогов с локативной семантикой, их сочетаемости, выражаемым отношениям, организуемым синтаксическим конструкциям. Устанавливаются характеристики производных частей речи, их происхождение и различие в структурах с отношениями сходства.

Ключевые слова: производность, предлог, лексикографический, локативность, семантический вариант, однозначность, полисемия.

Современный этап развития русской лингвистики отличается усиленным вниманием филологов к разнообразным проблемам морфологии. Это обусловлено тем, что с развитием семантической, категориальной, функциональной лингвистики возникла проблема по-новому охарактеризовать некоторые явления морфологической организации языка, которые раньше не представили особого внимания.

Цель исследования – рассмотрение и решение проблемы спорного лексикографического описания локальных производных предлогов. Пространственные производные предлоги – это такие предлоги, которые образованы от самостоятельных частей речи путем утраты ими своего значения и морфологических признаков и указывают на пространственные

отношения в определенном контексте или в значении самого предлога. Знаменательные слова при переходе в служебные предлоги во многих случаях изменяют свою семантику, употребляются либо в переносном значении, либо приобретают новую, дополнительную семантику, не свойственную им в их «знаменательной» функции.

Описание производных предлогов в современных словарях требует дальнейшего совершенствования и расширения представляемой информации. Рассмотрение системы производных предлогов как эволюционирующей сложно структурированной системы детерминируется необходимостью экспликации этой системы в словарной статье и обосновывает комплексный, интегративный формат кодификации предлогов.

Часть предлогов, в основном непроизводных, совмещают ряд значений. Так, предлоги *за, под, из, от, в, на* совмещают причинные, пространственные и временные значения. Предлог *через*, выражая пространственные (*через горы*) и временные (*через века*) отношения, в просторечии встречается при выражении причинных отношений, например, *через тебя я лишился семьи*. Другие предлоги совмещают причинные значения со значениями цели, например, *для, по*.

Однозначность и полисемия производных предлогов – очень важный элемент описания, поскольку раскрывает вариативность некоторых служебных единиц с точки зрения их лексикографического тестирования. Современный лингвист О. А. Булгакова считает, что многозначность языковых единиц представляет собой обобщенный способ хранения языковой и энциклопедической информации, регулярный характер полисемии делает ее удобной классификационной категорией. В результате становления антропоцентрической лингвистики, в которой человек мыслится не как безликая имманентная система, но как система, составляющая конститутивное свойство человека, внимание [1, с. 39]. Еще В. К. Гумбольдт писал, что «исследовать функционирование языка в его широчайшем объеме важно не в его отношении к речи и к ее непосредственному продукту, набору элементов, но и в его отношении к деятельности мышления и чувственного восприятия» [2, с.84].

Таким образом, изучение однозначности и полисемии производного слова с данных позиций позволяет решить две взаимосвязанные проблемы: проблему структуры представления знания в языке и проблему способов его категоризации в процессах построения и понимания языковых выражений.

Если мы рассмотрим примеры производных предлогов с семантикой локативности, то увидим, что производные предлоги *около, вдоль,* где пространственность определена семантикой и окружением, – будут однозначными, например, *Девушки, усадив невесту среди горницы на стул, вставали около неё полукругом и начинали петь прощальные песни*. В Толковом словаре Д. Н. Ушакова *около* употребляется в значении «вокруг, кругом кого чего-нибудь» [8]. Очень интересны старинные формы производного предлога *около*, описанные в словаре В. И. Даля [3]: *околь, околе, возле, подле, под, при, у; близ, близко,* в котором *около* осознается и как предлог, и как наречие.

Вокру́г – производный предлог, однозначный, употребляется со значением *круго́м, около* кого-, чего-либо. Например, *Сесть вокруг стола. Путешествие вокруг света. [Сторож] ходит вокруг усадьбы и стучит в свою колотушку* (А.П. Чехов). *Персидская сирень густо росла вокруг развалившихся беседок* (В.А. Каверин). Производные формы с семантикой локативности находим и в устойчивых словосочетаниях, например, *Вокруг да около* (в значении около); *Вокруг пальца обвести* (в значении обвести) [6].

Вкруг – пространственный предлог, локальность которого мыслится на семантическом уровне как место действия и как цель соответственно семантике существительного *круг*, например, *Наши плечи покрыты плащом, вкруг тебя мои руки обвиты* (В.П. Катаев). Синонимичные лексеме *вкруг* языковые формы *окрест, округ, вокруг, кругом, около* характеризуются семантикой обвивания места, расположения по кругу [7].

К числу пространственных производных предлогов относим и предлог *вне* со значением «за пределами чего-либо», например, *Вне города. Восемнадцатого числа наша рота ходила в набег. Я три дня провел вне станицы* (Л.Н. Толстой); *Дома нельзя было говорить о своей любви, а вне дома – не с кем* (А.П. Чехов).

Производный предлог со значение места – *вне границ*, в словарной статье [5] имеет значение – того, что находится за какими-либо пределами, ограничениями. Как видим, этот предлог несет локативную семантику и синонимичен: *за границами, за пределами, за рамками.* Такие предлоги находим и в других контекстах [4], например, *Савва Мамонтов построил для Врубеля отдельный сарайчик вне границ выставки* (М. Горький); *Заключение экспертизы гласит: «решение этих вопросов лежит вне границ, заключающих современные средства науки»* (С. Гедройц); *В процессуальной литературе сделана попытка обосновать, что «оценка доказательств – самостоятельная процессуальная категория, находящаяся вне границ понятия судебного доказывания»*

В словосочетаниях *вне сомнения, вне решения* и под. производный предлог *вне* демонстрирует семантику исключения из пространственного сегмента. Полисемию значений наблюдаем в таких контекстах, как *Вне времени и пространства,* где *вне* употреблено со значением пространственности, которая выходит за рамки реальной действительности. В предложно-именных сочетаниях *вне закона* или *вне себя* предлог *вне* имеет значение исключения, преобразующееся в семантику волнения, возбуждения. *Вне всякого сомнения, производители ноутбуков хотят создавать продукты с низким энергопотреблением* (В.А. Соболев) – в этом контексте *вне* указывает на семантику исключающего сомнения.

Анализ показывает, что полисемия на уровне языковой репрезентации не связана с происхождением производной словоформы и представляет собой для единиц лексикона способ иметь несколько взаимосвязанных значений, которые служат средством номинации различных явлений и дифференцируются в речемыслительной деятельности синтагматически и парадигматически.

В словаре С. И. Ожегова [5] находим производный предлог *в арсенале*, который употребляется при указании на кого-л., имеющего что-нибудь, обладающего чем-нибудь. По аналогии образованы производные словоформы *в распоряжении, в запасе*, например, *Всё необходимое – гель, бигуди и фен – всегда присутствует в арсенале современной модницы* («Даша», 2004).

Интересными для лексикографического описания являются производные предлоги *промеж и промежду* – это исторические эквиваленты. Производный предлог *проме́ж* устарелый и просторечный и употребляется в том же значении, что и *между*, например, *Стали медвежата промеж собой играть* (А. С. Пушкин) или *Индейкам и курам не было числа; промеж них расхаживал петух мерными шагами* (Н. В. Гоголь). *Проме́жду* – производный устарелый и просторечный, также употребляется в том же значении, что и *между*. Но в контекстах указывает не только на семантику расположения, но и окружения. Например, *Всех ты моложе, нарядней, милей, Ты меж сестер словно горлинка белая промежду сизых, простых голубей* (Н. А. Некрасов) – можно сказать в *окружении сизых голубей*. *Он человек столичный, жил в Москве все промежду благородными* (А. Н. Островский) – в толковании присутствует семантика со значением нахождения в окружении, для данного контекста, среди благородных людей. Синонимами к *промеж*, *промежду* называют: *посереди, посередине, посерединке, посередке, посередь, посреди, посредине, посредь, промеж, среди, средь*. Например, *Кто останется в деревеньке с чужой вдовой, а кто посредь степи землянку выроет, дальше не идёт* (Г. У. Садулаев); *И уцелеть средь них совсем не диво?* (В. П. Крейд).

Про́тив и *проти́ву* – это производные предлоги, которые являются историческими эквивалентами, где *про́тив* – употребляется в значении указания на лицо, предмет, место, перед которым находится кто-, что-либо или происходит что-либо, например, *[Штабс-капитан] указал мне пальцем на высокую гору, поднимавшуюся прямо против нас* (М. Ю. Лермонтов). *За кустами, прямо против окна, темнела высокая ограда* (В. М. Гаршин). Во втором значении употребляется при обозначении какого-либо явления, навстречу которому направлено движение, действие, например, *Смотреть против солнца. Я люблю скакать на горячей лошади по высокой траве, против пустынного ветра* (М. Ю. Лермонтов). *Ты не должна идти против родных: ты не должна терять их расположения* (А. Н. Островский).

В толковом словаре Д. Ушакова [8] находим устарелый производный предлог *проти́ву*, который немного отличается семантикой непосредственного направления в сторону объекта, например, *Марья Ивановна увидела даму, сидевшую на скамейке противу памятника* (А. С. Пушкин). *В нравах своих дамы города N. были строги, исполнены благородного негодования противу всего порочного* (Н. В. Гоголь).

Таким образом, производные предлоги локативной семантики широко представлены в лексикографии русского языка. Все критерии, по которым можно определить локативность производного предлога в словарной статье, делим на: 1) предлоги, локативность которых отмечается в словарной дефиниции; 2) предлоги, в словарной статье которых есть служебное производное слово, в состав которого входит словоформа с локативной семантикой; 3) предлоги, выражающие семантику пространства в демонстрационном материале. Необходимо отметить, что локативность производного предлога может регистрироваться одновременно несколькими критериями.

Литература:

1. Булгакова О. А. Полисемия производного слова как результат категоризации антропоцентрического пространтсва языка (на материале русских народных говоров) / О. А. Булгакова // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2007. – № 3 (3): в 3-х ч. – Ч. III. – С. 39–41.

2. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 2000. – 400 с.

3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 2011. – Т. 2. – 685 с.

4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru. (Проверено 01.03.2017).

5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2009. – 944 с.

6. Словарь русского языка: в 4 т. / [под ред. А. П. Евгеньевой]. – 4-е изд. – М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – 702 с.

7. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник / З.Е. Александрова. – М.: Русский язык, 2011. – 569 с.

Толковый словарь русского языка : в 4 т. / [под ред. Д. Н. Ушакова].– М.: Грамота, 2012. – Т. 1. – 912 с.

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПОНЯТИЙ И ТЕРМИНОВ В ДИСКУРСЕ FANFICTION: ИДЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Черкес Яна Алексеевна
Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 12071997@mail.ru

В статье рассматриваются выбранные из текстов отзывов о произведениях fanfiction термины литературоведения и близкие к ним номинации в аспекте их распределения по лексико-семантическим группам. Показано, что идеографические группы терминов литературоведения в дискурсе авторов и читателей fanfiction, их количество и наполнение свидетельствуют о специфике языковой картины мира участников рассматриваемого дискурса

Ключевые слова: Интернет-дискурс, fanfiction, термины литературоведения, идеографическое описание.

Интернет-дискурс (в другой терминологии – электронный дискурс, Интернет-коммуникация, электронная коммуникация, компьютерно-опосредованная коммуникация и т. п.) – явление, активно изучаемое в настоящее время в рамках многих наук, в том числе гуманитарных: лингвистики, социологии, психологии и др. Специфика общения в Интернете предполагает междисциплинарный подход к его изучению, а с лингвистической точки зрения обусловливает значимость коммуникативного и дискурсивного подходов. Так, Е. В. Горина считает, что «Интернет не просто техническое средство общения, передачи информации, ее хранения, обработки, но и серьезное, значимое явление, связанное с жизнью, отражающее ее, следовательно, предлагающее все объекты реальной действительности, которые в Сети получают новые характеристики» [4, с.20], в том числе «содержательные характеристики текста получают в Сети новые черты» [4, с.32]. Вспомним в связи с этим данное Н. Д. Арутюновой классическое определение дискурса: «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными,

психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [1].

Среди важных признаков Интернет-коммуникации исследователи называют такие, как «раскрепощение личности в Интернете, ликвидация психологических барьеров, смещение акцента с результата, то есть с потребления текстов, на сотворческий процесс их созидания» [3]. В полной мере эти особенности характерны для дискурса авторов и читателей fanfiction. Fanfiction (фанфикшен, фанфикшн) обычно определяют как разновидность сетевой литературы, а именно «литературное творчество поклонников произведений популярной культуры, создаваемое на основе этих произведений в рамках интерпретативных сообществ (фандомов)» [8, с.3]. Произведения fanfiction интересны сами по себе, как вторичные, сублитературные тексты, поскольку главный объект творческой деятельности автора (фикрайтера) не окружающая действительность, а мир оригинального произведения (канона). Специфическими характеристиками обладают и участники дискурса – и автор, выступающий как некая виртуальная текстовая личность, и читатель, активно выражающий свою позицию, дающий автору «обратную связь». Наличие отзывов, комментариев, особенно положительных, дает автору поддержку и стимул продолжать работу, тогда как отрицательные отзывы или отсутствие комментариев могут привести к тому, что текст будет заброшен («заморожен»). Таким образом, как справедливо отмечает К. А. Прасолова, «не менее интересным для рассмотрения оказывается и сложившийся в рамках сообщества институт фанатской критики» [8, с.18–19].

Наше исследование проводилось на материале текстов отзывов и комментариев к произведениям fanfiction. Источником материала послужил сайт «Книга фанфиков» [5], где нами было отобрано 150 контекстов. Материал представлен текстовыми фрагментами, содержащими термины литературоведения.

Исследование данного материала представляет интерес по нескольким причинам. Во-первых, сами тексты произведений

fanfiction могут иметь специфические жанровые и другие характеристики, для которых создаются специальные наименования (канон, фанон, AU, сиквел, вбоквел, вхарактерный персонаж и т. д.) и которые комментируются в отзывах. Ср. мнение Т. Ю. Виноградовой о том, что «виртуальные личности становятся творцами новых вербальных и невербальных средств высказывания и общения, творят не только само виртуальное пространство, но и язык, на котором этот социум общается» [3, электр. ресурс]. Во-вторых, для этого типа дискурса важны традиционные понятия и категории литературоведения (герой, автор, сюжет, действие, роман, сказка и др.), но при этом авторы текстов не являются профессиональными писателями и критиками, и смысловое наполнение терминов может отличаться от собственно литературоведческого. В-третьих, самостоятельный интерес представляет распределение терминов по группам и характеристика наиболее частотных из них. Ср., например, исследование в области машинной обработки текстов отзывов о книгах [7, с.53], где показано, что «хороший результат можно получить путем применения к рассматриваемым задачам методов тематической классификации», а именно выделения атрибутов книги, «на которые большинство пишущих обращали внимание» и далее составления списка «наиболее значимых для читателей вещей: язык, сюжет, герои, концовка, впечатления от прочтения, автор и т. д.» [там же].

Идеографический аспект и является предметом настоящего исследования.

Прежде всего приведем классификационную сетку признаков, в соответствии с которой тексты (фанфики) относятся к тем или иным категориям, а читатель может выбрать произведение по заданным параметрам (либо исключая заданные параметры). Для характеристики произведений выделяются восемь групп признаков:

1. Категория (Фэндом): указывается основная направленность фанфика, то, на какой основе пишется произведение (например, *книги, мультфильмы, известные люди (real person fanfiction), фильмы и сериалы, ориджиналы*).

2. Размер: *драббл* (отрывок, который может стать настоящим фанфиком, а может и не стать; часто просто сцена, зарисовка, описание персонажа), *мини* (от одной до двадцати страниц), *миди* (от двадцати до семидесяти), *макси* (от семидесяти страниц).

3. Рейтинг: разрешенная аудитория. G – фанфики, которые можно читать любой аудитории; PG-13 – фанфики, в которых могут быть описаны романтические отношения на уровне поцелуев и/или могут присутствовать намеки на насилие; R – фанфики, в которых присутствуют эротические сцены или насилие без детального графического описания; NC-17 – фанфики, в которых могут быть детально описаны эротические сцены, насилие; NC-21 – фанфики, в которых высок уровень жестокости, насилия, присутствует подробное описание эротических сцен.

4. Перевод или оригинальный текст.

5. Статус: *в процессе, завершен, заморожен* (фанфик не дописан, но добавление частей к нему больше не планируется).

6. Направленность: *джен* – не описываются и не упоминаются сексуальные взаимоотношения или они не играют решающей роли; *гет* – романтические и/или сексуальные отношения между мужчиной и женщиной; *слэш* – романтические и/или сексуальные отношения между мужчинами; *фемслэш* – романтические и/или сексуальные отношения между женщинами; *статья* – публицистический текст о фэндоме или писательском искусстве, строящийся по форме «тезис, аргументы в его пользу, вывод».

7. Жанры, например: *детектив, фантастика; AU* (*Alternative Universe*) – рассказ, в котором герои из мира канона попадают в другой мир; *hurt/comfort* – один из персонажей так или иначе страдает, а другой приходит на помощь; *POV* – повествование ведется от первого лица; *постапокалиптика* – история о мире, где случилась некая катастрофа, поставившая человечество на грань вымирания; *соулмейты* – вселенная, где люди разделились так, что с рождения каждого человека ждет его вторая половинка, а предначертанные персонажи опознают друг друга по заведомо определенным признакам, чаще всего меткам; и др.

8. Предупреждения, которые частично связаны с рейтингом фанфика и информируют об элементах текста, которые могут быть нежелательными для читателя, например: *OOC («out of character» – «не в характере»)* – ситуация, когда персонаж фика ведет себя не так, как можно было ожидать исходя из канона; смерть персонажа; *Мэри Сью* (*Марти Сью*) – оригинальный персонаж, являющийся воплощением либо самого автора, либо тем, кем автор хотел (-а) бы быть; и др.

С целью выявить другие характеристики произведений, важные для авторов и читателей fanfiction, мы распределили встретившиеся нам в текстах отзывов термины литературоведения и близкие к ним номинации по лексико-семантическим группам, взяв за основу классификацию, предложенную в Большом толковом словаре русских существительных [2]:

1. Общие понятия: *герой, жанр, книга, композиция, образ, персонаж, произведение, ритм, рифма, стихотворение, сюжет, текст; канон, мир (вселенная, universe), ориджинал* (оригинальное произведение), *пейринг* (*пейринговать*), *фанфик, фик, OOC («out of character» – «не в характере*»), *ОЖП* (оригинальный женский персонаж), *ОМП* (оригинальный мужской персонаж).

2. Субъекты творчества: *автор, писатель, соавтор, читатель, альфа, бета (публичная бета, бетить), гамма, фикрайтер, фикридер, фэндомщик.*

3. Виды литературного творчества: *поэзия, проза.*

4. Жанры и произведения, созданные в этих жанрах: *PWP, ангст, баллада, драма, мюзикл, омегаверс, поэма, рассказ, сказка, соулмейт, сценарий, трагедия, фантастика, фэнтези, экшн, юмор.*

5. Тип отношений персонажей: *гет, слэш*.

6. Размер произведения: *драббл, макси, миди, мини*.

7. Часть произведения: *завязка, развязка, эпилог, строка, строфа, эпиграф.*

8. Произведение по отношению к другому произведению: *вбоквел, приквел, сиквел*. Здесь следует отметить, что текст, описывающий продолжение событий (*сиквел*), предшествующие

события (*приквел*), описывающий другие (побочные по отношению к основному сюжету) события с теми же персонажами (*вбоквел*) могут быть написаны как автором основного текста, так и другими авторами, что дополнительно свидетельствует о важности понятия сообщества и коллективной текстовой личности.

9. Языковые особенности и выразительные средства: *POV, авторский стиль, диалог, манера письма, монолог, описание, повествование, рассказ, речь, слог, стиль, язык, инверсия, метафора, сравнение, эпитет.*

Как видим, в группы входят единицы как существующие в терминосистеме литературоведения (например, *драма, завязка, рифма* и др.), так и специфические для дискурса fanfiction (например, *ангст* – сильные переживания, физические, но чаще духовные страдания, в фанфике присутствуют депрессивные мотивы и какие-то драматические события; *омегаверс* – особый вид альтернативной вселенной, где герои делятся на три типа: альфа, бета, омега, имеют свои особые сексуальные пристрастия и физиологические особенности; и др.).

В ходе исследования были обнаружены расхождения с классификацией, предлагаемой на сайте для выбора произведения по характеристикам. Например, *POV – point of view,* «точка зрения» – способ изложения в произведении, где события подаются от лица одного из персонажей, и поэтому данный термин мы отнесли в группу «Языковые особенности и выразительные средства», а в терминологии fanfiction *POV* является жанром; *злобный автор* – выразительное средство, когда автор вписывается в фик именно как «автор» или использует свой писательский псевдоним, прием, используемый в основном для достижения комического эффекта; а по терминологии fanfiction *злобный автор* также относится к жанрам; термин *фантастика* определяет вид художественных произведений, в то время как в дискурсе fanfiction *фантастика* является жанром, и под.

В целом же на основании проведенной классификации можно говорить о важности как самих произведений, так и участников дискурса, о развитых связях внутри данного интернет-сообщества: существуют творческие союзы между авторами текстов в сообществе (соавторство, функции *беты* и

гаммы – редакторов, в отличие от автора – *альфы*) и интерактивные отношения между автором и читателями (т. наз. *публичная бета* – возможность для читателей, заметивших ошибку в тексте, отправить сообщение о ней автору). Относительно характеристик произведений можно сделать вывод о том, что значимыми признаками текста fanfiction оказываются типы персонажей и (обычно) романтические отношения между ними, соответствие/несоответствие исходному произведению, жанры и сюжетные особенности текстов, техники создания работ, взаимосвязь между произведениями. Таким образом, если идеографические словари (тезаурусы) показывают, «как конкретный язык членит информацию о действительном мире, образующем общую материальную основу всех содержательных категорий» [6, с.126], то идеографические группы терминов литературоведения в дискурсе авторов и читателей fanfiction, их количество и наполнение свидетельствуют о специфике языковой картины мира участников рассматриваемого дискурса.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс [Электронный ресурс] / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с. – Режим доступа URL: http://tapemark.narod.ru/les/136g.html (дата обращения 01.09.2017)

2. Большой толковый словарь русских существительных. Свыше 15000 имен существительных. Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. – 864 с.

3. Виноградова, Т. Ю. Специфика общения в интернете [Электронный ресурс] / Т. Ю. Виноградова // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. – Казань, 2004. – С. 63–67. – Режим доступа URL: http://philology.ru/linguistics1/vinogradova_t-04.htm (дата обращения 01.09.2017)

4. Горина, Е. В. Конституирующие признаки дискурса Интернета : автореф. дисс. на соискание ученой степени докт. филол. наук: спец. 10.02.19 – «теория языка» / Е. В. Горина. – Екатеринбург, 2016. – 55 с.

5. Книга фанфиков [Электронный ресурс] – Режим доступа URL: https://ficbook.net/ (дата обращения 01.09.2017)

6. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.

7. Поляков, П. Ю. Исследование применимости методов тематической классификации в задаче классификации отзывов о книгах / П. Ю. Поляков, М. В. Калинина, В. В. Плешко // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая–3 июня 2012 г.). Вып. 11 (18): в 2 т. – Т. 2: Доклады специальных секций. – М. : Изд-во РГГУ, 2012. – С. 51–59.

8. Прасолова, К. А. Фанфикшн: литературный феномен конца XX – начала XXI века (творчество поклонников Дж. К. Ролинг) [Электронный ресурс] : автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.01.03 – «литература народов стран зарубежья (западноевропейская и американская)» / К. А. Прасолова. – Калининград, 2009. – 24 с. – Режим доступа URL: www.kantiana.ru/postgraduate/announce/avt_prasolova.doc (дата обращения 01.09.2017)

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ

Чернобривец Светлана Григорьевна

Россия, Симферополь, Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», filologtnu@mail.ru

Традиционно словосочетание рассматривается как одна из синтаксических единиц, не обладающая предикативностью. Однако до сих пор нет единого мнения, какие соединения относить к словосочетанию: любые сочетания слов или только самостоятельные, связанные подчинением или сочинительной зависимостью тоже; формируется эта единица до предложения или выделяется из предложения; это языковая или речевая единица и др.

Ключевые слова: синтаксическая единица, словосочетание, синтаксическая связь, форма слова, предложение.

Как известно, в синтаксисе выделяют не одну, а две или даже три синтаксические единицы: словосочетание, предложение и сложное синтаксическое целое (текст). Словосочетание квалифицируется как низшая синтаксическая единица, не обладающая предикативностью. Эта единица до сих пор привлекает внимание учёных, поскольку окончательно не решены вопросы, касающиеся её статуса.

Прежде всего, не ясно, что относить к словосочетанию: любые соединения слов или только самостоятельные, полнозначные, связанные подчинительной зависимостью, или сочинительной и полупредикативной тоже; являются ли словосочетаниями окказиональные (авторские) сочетания; словосочетание существует до предложения и является его конструктом или выделяется из предложения; как рассматривать сочетание *девушка высокого роста* – простое оно или сложное? Все эти вопросы не нашли в современной синтаксической науке однозначного ответа. Рассмотрим, как лингвисты отвечали и отвечают на эти вопросы.

А. Н. Гвоздев словосочетанием считает любые соединения слов в предложении: «Объединенные по значению и грамматически слова, выражающие отношения между понятиями, называются словосочетаниями» [1, с.19].

В. В. Виноградов к словосочетаниям относит только грамматические единства, выражающие одно, хотя и расчленённое понятие или представление, т. е. словосочетания – это такие соединения слов, «которые, возникая из сочетания слов по законам или правилам данного языка, выражают в составе предложения единые, хотя и расчлененные значения. Такого рода грамматические единства, словосочетания, состоящие, как уже было сказано выше, не менее чем из двух полнозначных слов, являются строительным материалом для предложения. Словосочетания только в составе предложения и через предложение входят в систему коммуникативных средств языка. Их синтаксическое употребление, способы их связей обнаруживаются в структуре предложений. Но рассматриваемые вне предложения, как структурный материал для него, словосочетания так же, как и слова, относятся к области номинативных средств языка, средств обозначения предметов, явлений, процессов и т. п.» [11, с.10]. Таким образом, словосочетания – это сложные названия, образованные по правилам распространения одних слов формами других слов. Однако сочетание подлежащего и сказуемого, по мнению В. В. Виноградова, словосочетанием не является. Не относит к словосочетаниям учёный и компоненты однородного ряда.

Такого же понимания словосочетания придерживаются Н. Н. Прокопович [8] и Н. Ю. Шведова [10, с.486].

В. А. Белошапкова исключает из словосочетаний предикативные соединения и относит к этой низшей единице синтаксиса «непредикативное соединение на основе синтаксической связи слова с формой слова и формы слова с формой слова» [2, с.66]. Таким образом, В. А. Белошапкова признаёт словосочетаниями любые непредикативные объединения на основе как подчинительной, так и сочинительной связи. Такого же понимания придерживается и О. А. Крылова: «Слова, объединённые на основе синтаксических форм связи и не входящие в грамматическую основу предложения, называются словосочетанием» [7, с.9]. Авторы РГ-80 в качестве словосочетания рассматривают «синтаксическое объединение, которое образуется сочетанием знаменательного слова и формы другого знаменательного слова на основе подчинительной связи» и, таким образом, не включают сочинительные соединения в состав словосочетания [9, с.6].

По поводу сочинительных словосочетаний В. В. Бабайцева говорит: «Сочинительные сочетания входят в состав словосочетаний и предложений как цельный структурно-семантический компонент» [3, с.38]. И далее: «Разумеется И. С. Тургенев, определяя русский язык как «великий, могучий, правдивый и свободный», нанизывал в сочинённом ряду п р и з н а к и русского языка, а не «плюсовал» словосочетания: *великий русский язык, могучий русский язык, правдивый русский язык, свободный русский язык*, хотя все эти словосочетания можно получить вне предложения, распространяя сочетание *русский язык*» [3, с.39]. Отсюда следует, что однородный ряд занимает позицию какого-либо члена предложения и вербализует его не в одной, а в нескольких словоформах. В. В. Бабайцева замечает, что «обычно полупредикативные сочетания исключаются из состава словосочетаний, хотя они к ним и близки. Ср.: *Деревья, белые от инея, прекрасны; Белые от инея деревья прекрасны.* При препозиции *белые деревья* типичное словосочетание» [4, с.37].

Для Г. А. Золотовой словосочетание – это такие сочетания, между компонентами которых усматривается согласование или

управление. Другие соединения она называет аналогами словосочетания: «Аналог уподобляется словосочетанию по функции, как распространённое наименование предмета, явления … но отличается по внутренней структуре отсутствием подчинения» [6, с.55].

Н. Ю. Шведова исключает из словосочетаний соединения слов, которые хотя и устроены грамматически правильно, но семантически случайны, окказиональны. Например: ***В области сказали****, что нужно сеять* [10, с.63].

Существует традиционное мнение, что словосочетание входит в предложение как его конструкт, реализующий коммуникативные установки говорящего. Такого понимания придерживаются Л. К. Чиркина и В. В. Шигунов, которые утверждают, что «конкретные словосочетания используются в речи для удовлетворения нужд коммуникации. Однако создаются они до предложения по определённым моделям, структурным схемам, имеющимся в том или ином языке. Об этом свидетельствуют и индивидуальные, авторские словосочетания, образованные вопреки нормам семантической сочетаемости несовместимых понятий, но по языковым моделям, свойственным данному языку: горячий снег, звонкая тишина, кровавый закат, сказать молча, здоровый больной и под.» [12, с.17-18].

Однако доказательством того факта, что словосочетания нет до предложения, послужили экспериментальные данные М. И. Задорожного. Было выявлено, что и русские, и инофоны, изучающие русский язык, вычленяют словосочетание из предложения, а не строят словосочетания до предложения [5, с.14]. А. Н. Гвоздев в своё время также отмечал, что «словосочетание как синтаксическая единица составляет лишь звено общей цепи связанных между собой слов всего предложения, и изолировать его как лексическую единицу не представляется возможным» [1, с.25]. Этот же учёный утверждал, что «следует учитывать, что установить, какому слову подчинено то или иное слово, можно только в предложении. Даже одни и те же слова, употребляемые в одинаковых формах и стоящие рядом, в разных предложениях могут входить в разные сочетания;

например, слова *в комнате матери* в предложении *В комнате матери не оказалось стула* и *В комнате матери не оказалось*. В первом случае имеется сочетание *в комнате матери*, а во втором эти слова не составляют сочетания, в нем слово *матери* подчинено слову *не оказалось*» [1, с.21]. И в сноске: «В дальнейшем словосочетания нередко берутся изолированно, в отрыве от предложения, но это только прием их изучения; при этом всегда предполагается их принадлежность тем или другим предложениям. Такое рассмотрение словосочетаний в отвлечении от предложений аналогично рассмотрению аффиксов в отвлечении от слова, хотя они существуют только в словах» [1, с. 21].

Подводя итог сказанному, мы под словосочетанием предлагаем понимать гипотетическую речевую единицу, представляющую собой свободное соединение по правилам грамматики лексемы и формы слова или формы слова и формы слова с однонаправленной и односторонней связью от главного компонента к зависимому с целью выражения грамматических (смысловых, синтаксических) отношений. Такая единица возникает в предложении-высказывании, может быть выделена из него и проанализирована с точки зрения состава, структуры, грамматической семантики, связи и других позиций в учебно-методических целях.

Литература

1. Гвоздев, А. Н. Современный русский литературный язык / А. Н. Гвоздев. – М.: Изд-во «Просвещение», 1968. – 344 с.

2. Белошапкова, В. А. Современный русский язык. Синтаксис / В. А. Белошапкова. – М.: Высш. школа, 1977. – 248 с.

3. Бабайцева, В. В. Русский язык. Синтаксис и пунктуация / В. В. Бабайцева. – М.: Просвещение, 1979. – 269 с.

4. Современный русский язык: в 3 ч. / В. В. Бабайцева, Л. Ю. Максимов. – Ч 3. Синтаксис. Пунктуация. – М.: Просвещение, 1987. – 256 с.

5. Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка / М. В. Всеволодова. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 502 с.

6. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – М.: Наука, 1973. – 351 с.

7. Крылова, О. А. Современный русский язык. Теоретический курс. Синтаксис. Пунктуация / О. А. Крылова, Л. Ю. Максимов, Е. Н. Ширяев. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 256 с.

8. Прокопович, Н. Н. Словосочетание в современном русском языке / Н. Н. Прокопович. – М.,1966. – 400 с.

9. Русская грамматика : в 2-х т. – Т. 2. Синтаксис. – М.: Наука, 1980. – 700 с.

10. Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970.

11. Грамматика русского языка: в 2-х т. – Т. 2. Синтаксис. Ч. 1. – М.: АН СССР, 1960. – 702 с.

ФАКТОР ВРЕМЕНИ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ НОРМА В ЯЗЫКЕ АНГЛИИ ЭПОХИ ПОЗДНЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Шадманов Курбан Бадриддинович
Курбанова Гульноз Негматовна
Узбекистан, Бухара, Бухарский медицинский институт
qurbonjonsh@gmail.com

В статье дискутируются положения о взаимосвязи и взаимообусловленности фактора времени и философской мысли в процессе становления семантико-функциональной нормы английского литературного языка в истории Англии периода позднего Возрождения (XVI–XVII вв.).

Ключевые слова: фактор, время, Возрождение, функциональная специфика, философская мысль, литературный язык.

Все Возрождение, и особенно позднее Возрождение (XVI–XVII вв.), отмечено, как известно, обращением к общим вопросам бытия. Нарастающие и разражающиеся социальные кризисы, знаменовавшие развитие эпохи, вели к тому, что не только для небольшого круга избранных, но и для многих commons (простолюдин) рушились привычные представления о мире и его закономерностях. Чаще всего это проявлялось в форме ломки и смены религиозных представлений, в борьбе идей, выдвинутых разными направлениями эпохи. Но сами эти идеи в той или иной степени затрагивали и общие проблемы философского характера, а затем в широких размерах здесь происходил и выход за

религиозные, теологические рамки – ставились общие вопросы бытия, причем часто в традициях античной философии, ставшей господствующим трендом Ренессанса.

Философская мысль – в различных, пусть иногда даже в причудливых формах - была в это время разлита так широко и, как никогда прежде, стала достоянием народных масс, поистине демократизировалась. Глубоко знаменательно, что одной из популярнейших народных книг в XVI-XVII веках становится книга о докторе Фаусте, о человеке с безмерно дерзкой мыслью. И хотя довольно скоро, в период феодально-абсолютистской реакции, после победы Контрреформации в одной части Европы и полного очерствления Реформации, в другой ее части, волна философской мысли в народе спадает, она оставила свои неизгладимые следы, в частности, в лучших произведениях литературы Возрождения, и прежде всего у Шекспира. Эпоха Шекспира в истории Англии была периодом глубоких социально-экономических и политических изменений. В это время формирующийся новый уклад берет вверх над старым, феодально-крепостническим.

Процесс формирования английской нации, интенсивно продолжавшийся в 16 веке [2, с.86], обусловил дальнейший рост и распространение как устного, так и письменного национального языка. В качестве письменного языка, роль которого в странах Западной Европы длительное время выполняла латынь, все больше утверждается английский национальный язык, получивший свое литературное оформление в произведениях многих писателей. Практическая необходимость применения родного языка для распространения новых идей и образования, языковые проблемы, возникающие перед переводчиками, борьба со сторонниками латыни, отстаивающими ее право быть единственным языком науки и литературного творчества, – все это приводит к попыткам теоретического обоснования использования родного – английского – языка во все более широких масштабах. Начинается сознательная деятельность по улучшению родного языка [4, с.193].

Для установления общих тенденций, многоаспектно характеризующих основной состав лексики, возникает необходимость проследить трансформации, определяемые

фактором времени. Новые пласты лексики, как заимствованной из латыни посредством французского языка, так и бытовавшей ранее только в обиходно-разговорном стиле, включаются в письменно-литературный язык, при помощи которого находят свое выражение новые понятия, новая трактовка семантики лексических единиц, в свете утвердившей себя опытно-экспериментальной системы Френсиса Бэкона, «истинного родоначальника всей экспериментирующей науки».

Обогащение языка эпохи заимствованиями было обусловлено мощными сдвигами во всей общественно-политической жизни Англии периода Возрождения. Мыслители – поэты, прозаики, драматурги – выступавшие в различных жанрах, каждый по-своему старались объяснить humana studia эпохи: поэзия, проза, песни, стихотворные диалоги, драматургия, политические и научные трактаты, проповеди, памфлеты, описания путешествий, исторические хроники. Подобная языковая ситуация, когда господствовала латынь в таких областях как наука, политическая жизнь, обучение, воспитание и религия, влияла на лексический состав и на совокупность синтаксических приемов организации языкового материала в самых разных сферах и жанрах.

Употребление такой лексики в подавляющем большинстве жанров является одной из характерных черт литературы эпохи, так как новая философия находит свое выражение в новой литературной форме – литературно-риторической, рассчитанной на образованные общественные круги, тем самым включая философско-нацеленные сочинения в общий поток латинской словесности, восстанавливая ее былые связи с художественной литературой, поэзией, историей, политикой, риторикой. Вместе с тем, приобретение словами новых значений, оттенков, характерных для выражения философской мысли, свидетельствует о том, что наблюдается процесс постепенной профессиональной дифференциации философского языка в связи со специализацией знания, оформлением ее в отдельную науку.

Однозначные слова отличаются незначительной частотностью, однако они обладают высокой степенью семантической автономности, независимой от контекста

(modesty «скромность», presupposition «пресуппозиция», ratiocination «рассуждение»). Происходит значительный рост гнезда сочетаемости слов от 2 до 32 лексических единиц при сохранении основного слова в качестве ядра сочетания и увеличение количества лексико-семантических вариантов. Эти два условия говорят о заметном развитии семантической структуры слов философского характера. Усложнение смысловой структуры слов подтверждает мысль о полном их усвоении в семантическом плане. Все взаимодействующие значения слов выполняют как уточняющие, конкретизирующие компоненты первично заимствованного значения.

По своему происхождению абстрактно-философская лексика делится:

1) на слова, возникшие из общенародной исконной лексики;

2) на слова, заимствованные из других языков.

Отмечены некоторые особенности введения в обиход новых заимствованных единиц:

а) авторские толкования в словарях, где по самой природе свойственна простота и ясность изложения;

б) перифразы – обычно путем описательного перевода или посредством использования синонимов, например: *ratiocination is, that cometh of logic of any Commodity, or to echeve any discomodity, levity, lightnesse, inconstancie*; – «попытка разумно обосновать – это значит исходить из логики любого удобства или ... достичь какого-либо неудобства, легкомыслия, поверхностного мышления, непостоянства».

В значительном количестве случаев автор вводит слово без толкования, рассчитывая на лингвистическую эрудицию читателя, при этом контекст помогает определить значение вводимой лексической единицы: *In the mysteries of the Christes person, there is no transition of the deitie into the humanite or humanite into the deitie* – «В тайнах личности Христа нет никакого перехода божества в человеческий образ или наоборот».

Манера изложения от первого лица была типичной в анализируемую эпоху (письма, проповеди, памфлеты, поэзия), что подтверждается преобладанием личных активных форм глагола, в которых есть семантический оттенок оценки,

авторское «я», а также персонализированная форма изложения (псалм, поэзия, трактат), отражающаяся в отборе лексики, особенно с глаголами физического действия и с глаголами «оценки, суждения, намерения». Эти слова являются принадлежностью не только научной философской литературы, но и широко используются в произведениях самого различного жанра: поэзии, драматургии, трактатах, проповедях, корреспонденции, полемических статьях, что позволяет сделать вывод о том, что в исследуемый период в целом абстрактно-философская лексика еще не была строго ограничена в рамках терминосистемы, т. е. не была «чистой» принадлежностью философии, т. к. последняя в качестве Ренессансной только рождалась, а потому проявляла себя в качестве общеупотребительной лексики для выражения философской мысли авторов, чьи произведения характеризуются различной жанровой направленностью [3, с.210]. Это подтверждает общеисторическую тенденцию – факт энциклопедической образованности представителей эпохи Возрождения и разнообразные области применения их способностей.

Слова абстрактно-философского характера в XVI–XVII столетиях используются в различных жанрах. Этому способствовало новое философское мышление – идеология гуманизма, ставшей философской мыслью эпохи, ведь речь шла о глубочайшем перевороте во всей системе философского знания: характере философствования, стиле мышления, облике самого философа, его места в обществе. Особенно это было заметно в области этики (*modesty, levity, constancy, coherence*), выражающей морально-этические качества человека и в использовании слов с широкой семантикой (*fact, gradation*).

Привлечение данных групп слов связано с тем, что они характеризуются абстрактностью, используются преимущественно в стиле письменной речи и характеризует специфику нового гуманистического мировоззрения интеллигенций, возросшая социальная формализация которой четко обозначилась в эпоху Возрождения. Переворот, начавшийся в эту эпоху, означал, прежде всего, смену языка культуры. Профессиональному языку средневековых трактатов гуманисты

противопоставляют изящество возрожденной латинской речи, возвращая философию общей литературной культуре – этого требует теперь понимание философского текста.

Ряд слов с самого начала является принадлежностью философской научной терминологии: *reflex, ratiocination, anticipation, presupposition*. Сфера распространения их весьма узка – произведения философского характера (трактаты, эссе). Выделяется некоторое количество сопрягающихся слов, возникших в пределах одного (XVI) века: *hardheartedness* «твердость (мысли)», *falsity* «ошибочность», *deceitfulness* «обман»; *perspicuity* «ясность (изложения)»; *inclination* «склонность»; *reflection* «отражение»; *the vulgar* «простолюдин»; *forecast* «предвидение»; *epitome* «итог».

Наблюдавшаяся в английском языке более древнего периода и в средние века многозначность семантики этих слов, выражавших то или иное понятие, в XVI веке уступает место более четкому и однозначному выражению понятия, поскольку отношение к тексту стало иным. Отчищая тексты античных авторов и Аристотеля, прежде всего, от средневековых «варваризмов», исправляя неверную терминологию, искажавшую смысл их учения, гуманисты возрождали подлинного философа античности, понять которого нельзя было вне общей литературной, исторической, философской традиции. Так возрожденные философские тексты воспринимались в определенном историческом контексте и ракурсе своего времени.

Английская абстрактно-философская лексика выступает как многомерная система, характеризующаяся наличием многочисленных переходных случаев, отражающих сложность взаимоотношений и взаимосвязей составляющих ее единиц. Философски нацеленная лексика предстает перед нами как единая, целостная система, подчиненная определенным объективным законам истории и мышления, отражающая реально существующую диалектическую взаимосвязь и дальнейшее развитие важнейших философских понятий, мировоззрения представителей эпохи. На переднем плане находится та часть терминов, которая непосредственно связана с

центральными понятиями философии гуманизма (*reflex, modesty, levity, identity, coherence, anticipation, education, correlation*).

Эпоха Возрождения самым решительным образом повлияла не только на содержание, но и на состав философского словаря, о чем свидетельствует появление в XV–XVII веках большого количества слов для объяснения нового мировоззрения и миропонимания в свете революционных научных открытий эпохи. Наличие философски «нацеленных» слов у драматургов, поэтов, теологов говорит о том, что их авторы освоили новое миропонимание, а также были хорошо знакомы с основными произведениями философского характера старого и нового времени, с лексикой, употреблявшейся в таких произведениях.

Литература

1. Актуальные проблемы современной татарской филологии. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2016. – 506 с.
2. Ступин, Л. П. Проблема нормативности в истории английской лексикографии XV–XX вв. / Л. П. Ступин. – Л.: ЛГУ, 1989. – 184 с.
3. Шадманов, К. Английская духовность и язык взаимообусловленность лингвофилософского диалога Запад–Восток. / К. Шадманов. – Дюссельдорф: Изд-во Ламберт, 2015. – 264 с.
4. Ярцева, В. Н. История английского литературного языка IX–XV вв. / В. Н. Ярцева. – М.: Наука, 1985. – 248 с.
5. Mc McCarthy. The Vocabulary. / Mc McCarthy. – Oxf.Univ.Press, 1990. – 250 p.

ГИБРИДНЫЕ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ЧЕЛОВЕКА В НАРОДНЫХ РУССКИХ ЗАГАДКАХ

Шестеркина Наталья Викторовна
Россия, Саранск, Мордовский государственный университет, nvshest@mail.ru

В статье дается определение гибридности и гибрида, рассматривается их роль в гуманитарных науках, в частности, в языкознании и литературоведении. Анализируется мифометафоричность русских народных загадок о человеке, которая представляет собой гибридные метафорические образы и влияет на смену культурных кодов.

Ключевые слова: гибридность, мифометафоры, человек, народные русские загадки, культурные коды.

Одним из первых европейских мыслителей, использовавших в литературоведении термины «гибридный», «гибридная конструкция», «гибридизация», является М. Бахтин, который во всем гуманитарном мышлении отмечал «особую двуплановость и двусубъектность» [2, с.307]. Синонимами *гибрида* выступают слова типа «смесь», «помесь», «мешанина» и др., а *гибридизации* – «перекрещивание», «скрещивание», «смешение», «смещение». Исходными *гибридности* считаются три сферы: 1) биологическая, т. е. мир растений и животных; 2) сфера техники и технологии; 3) в гуманитарных науках применение термина «гибрид» получает не просто нейтральные, но и ценностно-идеологические коннотации [10, с.19].

По типам гибридизации Бахтин отличал три возможности: 1) намеренная (бессознательная), 2) намеренная сознательная и 3) полунамеренная, полуорганическая. Мы в своем исследовании экстраполируем на загадки второй тип – «намеренная сознательная гибридизация» как «смешение двух языков в пределах одного высказывания», – специальный художественный прием, выделенный М. Бахтиным для романа [1, с.171].

Согласно Н. В. Злыдневой, гибрид понимается как объект, образованный сочетанием двух и более объектов, при котором в результате слияния последних сохраняются свойства (и / или память) исходных составных частей. Использование гибрида в сфере гуманитарных наук помогает выявить некоторые важные процессы порождения новых смыслов [4, с.8].

Гибридностью отмечено качество того или иного периода в развитии культуры, характеризуемого переходностью. Гибрид понимается как «частный случай перевода», при котором на основе прежней матрицы возникает новое образование. Такого рода неадекватность в широком смысле, т. е. ретрансляция понятий / информации / образности в систему кодов, отличных от первоначальных, обеспечивает динамику культуры [6]. В качестве граничной структуры гибрид реализует атомизацию целого, разделенность частей по внешней границе и континуальность (новой, парадоксальной, гетерогенной и т. п. их соединенности) по внутренней границе [4, с.11].

Т. о., под гибридностью в лексике языка загадки в вербализации «загадочного» мифоконцепта будем понимать многообразие смешанных форм.

Материалом для анализа послужили народные загадки о человеке из сборника В. Митрофановой (цифры в скобках указывают на номер загадки) [3]. Целью статьи является выделение в материале загадок мифометафорических гибридных форм, что позволяет выявить образные элементы архаической религиозной памяти древнего человека как коллективного творчества. С помощью мифоконцептов можно проследить формирование архаических гибридных мифометафорических значений слов, т. к. язык мифологической стадии развития был целиком метафоричен (о мифометафорах см.: [12]).

В загадках тело человека состоит из конкретных составных частей – туловища, головы, конечностей и проч. **Волосы** переданы самым большим количеством мифометафор (мМ):

Роща со зверьем (1343)*, лес, а в лесу бес / а в лесу свиньи водятся* (1348, 1356), *дремучий лес, в нем ходят дочки* (1366)*, в роще ходят свиньи* (1341)*, ельник, где овцы бегают* (1351)*, березничек с мелкими пташечками* (1365), *дубрава, в ней свиньи роются* (1373)*, малиновый лесочек, в нем бегают маленькие зверечки* (1358)*,* где превалируют природно-ландшафтные мМ. А во фрагментах *костер, в костре свиньи есть* (1369)*, сено, в нем тетерки со своими детьми играют* (1370)*, ржище* (1346)*, солома, на ней козлы* (1360) преобладают зооморфные и орнитоморфные мМ.

1. У каждой мМ есть своя «мифоистория». С *лесом* и его разновидностями (см. ниже) связано много амбивалентной символики, связанной преимущественно с оппозицией *хаос – космос*, принимающей вид *природа – культура*. Лес – часть первозданного хаоса материи, он связан с женским началом и со стихией земли, с животной и растительной жизнью, не подчиняющейся человеку. Лес противопоставлен городу, дому, полю как благоустроенному пространству цивилизации. В лесу обитают враждебные человеку силы (духи смерти и др.). Вначале в христианстве лес имел негативное значение как прибежище языческих духов, т. к. рощи во многих языческих традициях

выступали в качестве храмов, но позже, в эпоху Возрождения, он рассматривался как «храм Природы» [8, с.99; 7].

Ельник. Как и другие вечнозеленые деревья, *ель* – символ бессмертия и вечной жизни, она использовалась для жертвенных костров и в гаданиях, но также и служила знаком траура. В христианстве ель почиталась как образ Христа, воплощения жертвенности, смерти и вечной жизни [8, с.53].

Березничек. Береза олицетворяет одновременно смерть и воскресение, зиму и весну. Ее почки первыми набухают весной. У некоторых народов береза – майское дерево. У восточных славян береза являлась священным деревом, по некоторым данным, она отождествлялась с мировым древом [8, с.13].

Дубрава. Дуб – символ силы и долголетия, прочности и твердости. Благодаря своим размерам и продолжительности жизни дуб в мифологии многих народов почитался как царь леса, поэтому его нередко посвящают верховным богам. Культ дуба существовал у всех народов, это было священное дерево. Нередко дуб предстает как мировое древо [8, с.49].

Свинья – символ нечистых желаний, превращение высшего в низшее, морального разложения, греха. В христианстве свинья – символ дьявола. Занятие свинопаса олицетворяло самый низкий социальный статус [8, с.177]. Свинья связана с землей.

Овца у многих народов – жертвенное животное. С ней связаны боязливость, кротость, беззащитность. Стадо овец – образ общины верующих, нуждающихся в пастыре. Заблудшая овца – человек, отступивший от веры, отдалившийся от Бога [8, с.128].

Козел – олицетворение похотливости, сексуальности, плодовитости, плодородия в целом. Ассоциация козла с богом-громовержцем позволяет истолковывать его образ как символ грома, молнии в индоевропейской мифологии. Козел считается причастным к подземному миру, он – объект жертвоприношения. В христианстве козел воплощает жертвенность – ассоциируется с Христом, с другой стороны – с дьяволом. Отрицательный аспект ассоциируется с его нечистотой [8, с.80].

Пташечки (тетерки). Птицы в рамках представлений о космосе являются классификаторами верхних, небесных зон, т. к. пребывают в этих пределах. В этом плане особо доминируют

водоплавающие, т. к. они одновременно движутся сквозь все три горизонта Вселенной (по воздуху, земле и воде), поэтому имеют значение медиаторов (воды, солнца, человека) между этими зонами [11, с.85].

Изменение культурных кодов: при обычно наличествующих у образа человека антропоморфного / телесного / соматического кодов на первый план выходят природно-ландшафтный, зооморфный и орнитоморфный.

2. **Туловище**: *Короб* (1343)*, бочка* (1348)*, бочонок* (1357)*, столб* (1351)*, ящик* (1365)*, сумка, котомка* (1352)*, овин* (1360)*, подушка* (1368)*; древо* (1369)*, дуб* (1373, 1374), *почка* (1358).

Короб, бочка, бочонок, ящик, сумка, котомка – вместилища, созданные с помощью рук человека.

Столб – образ поддержки, подъема, энергии, прочности. Одинокий столб является аналогом мировой оси и символом центра, средоточием сакральной силы. Это также образ духовной опоры, основы [8, с.194–195].

Овин – место для сушки снопов с очагом или печью, в Древней Руси – место поклонения огню, о чем свидетельствуют источники: «молятся огневи под овином…» [5, с.335].

Древо, дерево – один из центральных символов мировой традиции, связано с плодородием, процветанием, изобилием. Может являться символом вечной жизни, бессмертия. Основные символические формы дерева – мировое древо и его варианты – древо жизни и древо познания. Образ мирового древа включает в себя три космические сферы: нижний мир – корни, земля – ствол, крона – небеса. Само древо имеет функцию взаимосвязи между этими мирами. С мировым древом связываются важнейшие оппозиции культуры: *верх – низ, небесное – земное, мужское – женское*. Горизонтальная структура указывает на четыре стороны света, где моделируются числовые и пространственные отношения, время, стихии [8, с.43–44]. *Дуб* (см. выше).

Изменение кодов культуры: антропоморфный / телесный / соматический → артефактный, инструментальный и природно-ландшафтный коды.

3. **Голова**: *Город* (1343)*, шарик* (1345)*, хороминка* (1365)*, клуб, на клубе семь дыр* (1374)*, доска* (1370); *гора* (1344)*, кочка* (1351)*, остров* (1357).

Город. Древний город воплощает центр мира. Каждый священный город являлся мировой горой, олицетворяет мировую ось, место входа на небо, под землю и в преисподнюю. В библейской и христианской традиции за городом закрепляется негативное значение, т. к. по легенде основателем первого города был Каин [8, с.36–37].

Гора олицетворяет духовное возвышение: место пребывания отшельников и мудрецов. Гора связана с мировой осью, древом жизни, лестницей в небо. В космогоническом мифе гора предстоит как первозданная суша, явившаяся из воды. Гора – наиболее предпочтительное место для отправления культов, там часто строят алтари, святилища, храмы. Считалось, что они находятся ближе к нему, а потому и к божествам [8, с.35–36].

Остров. Это образ первозданной суши, возникшей из глубин мирового океана, поэтому остров воспринимается как райская земля. С другой стороны, острова являются обителью забвения и смерти, становятся образом мира умерших. Остров также является символом спасения, убежища [8, с. 138–139].

Шарик, хороминка, клубок и *доска* – артефакты, созданные в более поздний период.

Изменение кодов: антропоморфный /телесный / соматический → артефактный, инструментальный и природно-ландшафтный коды.

4. **Ноги**: *вилы* (1340), *два столба* (1356), *два кола* (1363)*, две ходули* (1375) представляют числовой парный код*; два пня* (1364)*, палки* (1365) – природно-ландшафный; *два бегуна* (1367) – антропный.

Изменение кодов культуры: антропоморфный / телесный / соматический → природно-ландшафтный, инструментальный и антропоморфный коды.

Числа в загадках имеют особую, не случайную роль. Загадки о человеке относятся к «частным» творениям, в нашем случае это – человек как «цель творения», как «микрокосм, соотносимый с макрокосмом», «миром–вселенной». То, что сакрально, подлежит измерению, счету, но и то, что измеряется,

считается, становится сакральным. Наиболее высока частотность у числа «два», с чем соотносится распространение «бинарных» типов загадочной конструкции. «Два» относится к небу и земле, солнцу и месяцу, огню и воде, т. е. к объектам, сотворение которых и означало возникновение мира-вселенной. Коллективные множества – волосы (см. выше) [9, с.350–359].

Человек в русских загадках часто загадывается в «числово-инструментальном коде», например, *Две* ходули, *два* махала, *два* смотрила, *одно* кивало (1375), *Двое* ходят, *двое* смотрят, *двое* болтаются, *один* водит и показывает (1376) со сквозной числовой доминантой «два», каковая определяет и небо-землю (мир) и их двуединство. Однако чаще человек загадывается как некая механическая конструкция из составных частей, держащихся друг на друге благодаря операциям насаживания, присоединения, напр. *Стоят вилы, на вилах короб, на коробе грабли, на граблях зевало, на зевале мигало, над мигалом ртище* (1346, 1338–1374), начинающимся обычно снизу, с ног [9, с.360].

5. **Глаза**: *Два стекла* (1344) – числовой парный код*;* –*, зеркало* (1353)*,* – числовой парный код*; два брата видаки* (1367) – антропоморфный код.

В символике *стекла* значимо его свойство прозрачности. Т.к. духовное начало олицетворяется стихией света, понимаемого как кладези красоты и премудрости, стекло представляется способствующим трудам человека. Стекло соединяет в себе противоположные качества существования и несуществования, поэтому оно близко к сфере сакрального, но оно ассоциируется и со смертью, т. к. невидимость – атрибут смерти [8, с.192–193].

Зеркало – образ мира и Бога, истины, познания, но и обманчивости, неподлинности. Бог творит мир, чтобы видеть в нем свое отражение, мир – это отражение божества [8, с. 64].

Изменение кодов культуры: антропоморфный / телесный / соматический → артефактный и антропный

6. **Руки**: *Грабли* (1346)*, вилы* (1357)*; два брата ухвати* (1367). Изменение кодов культуры: Антропоморфный / телесный / соматический → артефактный и антропный

7. **Рот**: *Болтун, свистун, едун* (1367). Изменение кодов культуры: Антропоморфный / телесный / соматический → антропный.

Положительное восприятие гибридов восходило к мифовосприятию людей как существ, в которых сочетались божественные свойства, т. е. к пониманию их как первобытных совершенных людей, наделенных внешними признаками обоих полов и противостоящих богам. В современном понимании, напротив, основной положительный момент гибрида не в том, что он повернут к прошлому, а в том, что он осуществляет *новое качество (состояние)*, т. е. превосходит или даже отрицает старое (прошлое) [10, с.20–21].

В гибриде речь идет о: 1) *соотношении старого и нового*: гибридизации как сознанию нового, должно логически и действительно предшествовать расслоение (распадение) старого или хотя бы расчлененность старого. Иначе говоря, гибридизация подразумевает процессуальность, нестабильность не только в плане своих предпосылок, но и в плане результатов или последствий; 2) возникает очень важная и комплексная проблема *соотношения частей и целого*, а с этой проблемой связано 3) *соотношение своего и чужого.* Проблемы можно сформулировать следующим образом: преобладают ли в гибриде части над целым, чужое над своим и старое над новым, или, наоборот, целое превышает свои части в качественно новом единстве и таким образом из чужого (несовместимого) делает свое, а из старого новое? Гибридная практика указывает на то, что реализуются обе эти возможности [10, с.21].

В анализируемых загадках тело человека изображено сросшимся с растениями, составляющими *лес, чащу, дубраву* и т. д., или животными, птицами, насекомыми. Частотны и артефактный (*грабли, вилы, зеркало* и т. п.), парный числовой и инструментальный коды. Встречается и антропоморфный код (*два брата, болтун, свистун* и т. п.). Это преображение реальности соответствует типам композиции наложения (согласно схеме А = В) и соположения (А + В), согласно схеме Н. В. Злыдневой [4, с.12].

Таким образом, в мотиве человека в загадках мы видим и продукт гибрида, и осознание способа его осмысления как типа

мифопоэтики, основанной по преимуществу на принципе пограничья, а также реализующей позицию наблюдателя.

Литература

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1975. – 504 с.

2. Бахтин М. М. Собрание сочинений; т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х гг. / М. М. Бахтин. – М., 1996. – 730 с.

3. Загадки / подг. В. В. Митрофанова. – Л. : Наука, 1968. – 255 с.

4. Злыднева Н. В. К типологии гибридности: человек-птица и поэтика авангарда / Н. В. Злыднева // Гибридные формы в славянских культурах; сб. статей. – М. : Ин-т славяноведения РАН, 2014. – С. 8–18.

5. Левкиевская Е. Е. Овинник / Е. Е. Левкиевская // Славянская мифология: энциклопедический словарь. – М. : Международные отношения, 2011. – С. 335–336.

6. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман // Семиосфера. – СПб. : Искусство СПб., 2000. – С. 150–390.

7. Мещерякова О. А., Шестеркина Н. В. Языковое выражение оппозиции *свой – чужой* в фольклорном тексте / О. А. Мещерякова, Н. В. Шестеркина //«Свое» и «чужое» в культуре: мат-лы междунар. конф. – Петрозаводск : ПетрГУ, 2017. – С. 79–81.

8. Словарь символов и знаков. – М.; Минск, 2006. – 240 с.

9. Топоров В. Н. Заметка о числовом коде русских загадок / В. Н. Топоров // Исследования по этимологии и семантике. Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – С. 350–361.

10. Ужаревич Й. Теория гибридности Михаила Бахтина и проблема литературных микроформ / Й. Ужаревич // Гибридные формы в славянских культурах; сб. статей. – М. : Ин-т славяноведения РАН, 2014. – С. 19–34.

11. Чаусидис Н. Зооатропоморфный мифологический персонаж с руками в виде животных / Н. Чаусидис // Гибридные формы в славянских культурах; сб. статей. – М. : Ин-т славяноведения РАН, 2014. – С. 75–93.

12.Шестеркина Н.В. Мифометафоры в вещном коде концепта «небо»: на материале народных загадок/Н. В. Шестеркина // Внеочередные Лазаревские чтения: «Дети и современный мир в пространстве ценностей культуры»: мат-лы междунар. конф. – Челябинск: ЧГИК, 2017.– С. 222–227.

ПРАГМАСЕМАНТИКА МЕДИАДИСКУРСА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ширяева Оксана Витальевна
Россия, Ростов-на-Дону, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, oksana.shirayeva@gmail.com

В статье рассматривается теоретический аспект семантики одной из актуальных дискурсивных формаций – медиадискурса. Обосновывается взгляд на семантику, репрезентируемую в медиадискурсе, как на прагмасемантику, охватывающую денотативный и коннотативный компоненты значения. Порождение смыслов трактуется как синтез объективно-предметного значения слов и импликатур медиадискурса (прагматики речевой ситуации, картины мира и др.).

Ключевые слова: прагмасемантика, медиадискурс, денотат, коммуникативные постулаты, импликатуры дискурса.

Предметом нашего исследования является одна из актуальных дискурсивных формаций, влияющих на развитие языка, формирование и корректировку стилистической нормы – медиадискурс. По верному замечанию А. А. Кибрика, на современном этапе языкознания «никакой универсальной теории дискурса не существует, дискурсивный анализ является крайне молодой дисциплиной» [4, с.23].

В исследованиях 1990–2010-х гг. достаточно гибко использует терминология дискурсивного анализа: «дискурсивное взаимодействие» выступает как аналогия «речевого», категории «коммуникативного», «аксиопрагматического», «прагматического» и «дискурсивного» измерения языка вступают в отношения синонимических подмен. Это свидетельствует о становящемся терминологическом инструментарии аналитики дискурса, о фазе не завершившегося формирования нового раздела языкознания.

Медиадискурс – это совокупность всех текстов, реализующих массовую коммуникацию в национальном медиаландшафте, связанная с аналогичным типом речепроизводства в публичном международном

интердискурсивном пространстве. Данное социокультурное пространство функционирования медиадискурса мы определяем как *медиасреду*, которая, по нашему мнению, характеризуется:

1) публично-массовым характером;

2) групповой организацией и относительной гомогенностью адресата («целевая аудитория»);

3) опосредованностью информационно-технологическими каналами (печать, радио, телевидение, Интернет);

4) имплицитной или эксплицитной идеологической маркированностью коммуникации.

Согласно современным представлениям теоретической лингвистики, при дискурсивном анализе денотативный компонент значения слова не отделяется строго от его субъективных смыслов, обоснованных этнической, национальной, идеологической, исторической картиной мира. Данная позиция порождает целостный взгляд на семантику.

Так, концепция Е. В. Падучевой связана с представлениями рубежа XX–XXI вв. об антропоцентрической сущности языка, прочной связи и взаимодополнительности денотативного и прагматического (контекстуального, ситуативного) значений слова, текста и дискурса. Включение адресанта и адресата речи как языковой личности в сферу семантики является в такой модели языка обязательным. «Границу между прагматикой и семантикой в лингвистике провести трудно и, возможно, необязательно. <…> Прагматика изучает значение в его отношении к речевой ситуации (т. е. к говорящему и слушающему, их целям, фоновым знаниям и под.) и к ее контексту. Объектом прагматики являются прагматические значения разного рода, пропозициональные установки говорящих – исходные допущения, намерения, мнения, эмоции и пр.» [7, с. 221].

«Значение в естественном языке, – отмечает исследовательница, – антропоцентрично, т. е. отражает общие свойства человеческой природы, более того, оно этноцентрично. <…> Нельзя на естественном языке описать “мир как он есть”: язык изначально задает своим носителям определенную картину мира, причем каждый данный язык – свою» [7, с.223].

Автор указывает на «добавочность» прагматического значения, которое не может само по себе составить содержание высказывания, это периферийное место в иерархической структуре означаемого, тем не менее, данное обстоятельство не отменяет обязательности прагматического компонента в любой дискурсивной репрезентации языка.

По мере внедрения коммуникативно-дискурсивной парадигмы в языкознание прагматика все чаще и настоятельнее стала рассматриваться как часть семантики, в то время как в период становления этой области лингвистической теории прагматика понималась автономно [6] или как область регламентации перформативов, т. е. правил употребления языка [1].

Данный поворот оказался возможным благодаря исследованию тех компонентов семантики, которые не исчерпываются конвенционально закрепленными в языке значениями, составляющими информационное содержание, а дополняют высказывание импликативными характеристиками субъективного плана (совет, просьба, приказание, обещание, предупреждение, предположительность, сомнение и т. д. В целом понятие иллокутивного акта охватывает выражение коммуникативного намерения в высказывании (в то время как сам акт высказывания является локутивным актом). Если для пропозиции утвердительного характера, т. е. не несущей иллокутивной функции, существенно различение *истинного / ложного* высказывания, то для перформативных предложений релевантна оппозиция *успешный / неуспешный* (или *эффективный / неэффективный*: ср. распространившееся в лингвистических трудах конца 1990–2000-х гг. словосочетание «эффективная коммуникация», «эффективность коммуникации», «эффективное (речевое, коммуникативное) воздействие» и т. п.

Успешные речевые акты в качестве необходимых условий должны соответствовать коммуникативным постулатам.

Понятие «коммуникативных постулатов», или «постулатов дискурса», ввел в лингвистический обиход Г. П. Грайс. Анализируя логический и естественный язык, он подверг критике формалистский подход, согласно которому идеальным языком для успешного взаимопонимания является язык логических

символов в силу их непротиворечивости. Он обратил внимание на то, что язык логики, а шире – язык понятий – если и подходит для целей науки, не всегда может выразить те смыслы, с которыми легко справляется естественный язык. Объясняется это законами семантики естественного языка, в котором «конвенциональное значение слова» существенно достраивается «импликатурами», т. е. теми значениями, которые не выражены прямо, но обусловлены ситуацией «речевого общения» и присутствуют в подтексте высказывании [2, с.221].

Г. П. Грайс систематизировал эти импликатуры с позиции четырех «коммуникативных постулатов»: «количества, качества, отношения и способа» [2, с.222]. Принцип «количества» негласно нормирует информативность высказывания: информации должно быть не меньше и не больше, чем требуется для понимания. «Качество» регулирует «истинность» и достаточную обоснованность высказывания. Принцип «отношения» регламентирует «релевантность» высказывания: «Не отклоняйся от темы». К категории «способ» относится то, *как* выражены смыслы в речи: субъект общения должен избегать «непонятных выражений» и «неоднозначности», быть «кратким» и «организованным» [2, с.223]. Г. П. Грайс отмечает также, что перечень требований к соблюдению каждого из постулатов может быть расширен, но в своей основе он служит успешной коммуникации, реализуя общечеловеческий принцип «кооперации» [2, с. 223–224].

Помимо коммуникативных постулатов существенно для экспликации семантики высказывания знание и понимание контекста, т. е. среды коммуникации [3, 5]. В медиасреде выбор языковых единиц мотивирован не только коммуникативными постулатами информативности, истинности, релевантности и ясности, но и тем коннотативным «шлейфом», который закреплен за ними в определенных массмедийных контекстах. Тем самым сфера референции напрямую соотнесена со сферой коннотаций (эксплицитных и имплицитных). Так, в деловом аналитическом медиадискурсе релевантен сам подбор концептов, которые вербализуются в специфичных для данной медиасреды (деловая пресса) лексико-семантических рядах: *дело, бизнес,*

проект, успех, деньги, рынок, капитал, инвестиции, финансы, прибыль, выгода.

Таким образом, исходя из понимания семантики и прагматики как взаимообусловленных сфер дискурса, можно заключить, что истинность утверждаемой пропозиции зиждется не только на «объективных» законах соотношения означающего и означаемого, но и на эпистемическом обязательстве – ответственности субъекта речи. Категорию «ответственности» субъекта речи в коммуникации исследует, в частности, Н. Н. Панченко, выводя в ходе анализа условия «достоверности» дискурса: «истину», «искренность», «доверие» [8].

Исследование семантики дискурса необходимым образом связано с его прагматическими условиями, а референция и предикация находятся в тесной связи. Специфика массмедийной коммуникации состоит в отложенном характере реакции адресанта: журналист передает сообщение, но его воздействие опосредовано темпоральным фактором, это несинхронная коммуникация. В силу этого рецепция медиадискурса прессы требует активизации интеллектуальных и аксиологических операций, характерной для ситуации чтения аналитических текстов.

Фактором, облегчающим коммуникацию адресанта (журналиста) и читателя, является наличие общих концептуальных полей, которые вербализуются в *тематическом репертуаре* прессы. Этот уровень семантики обеспечивает одно из условий функционирования дискурсивного делового сообщества, которое объединяет *авторов – экспертов – ньюсмейкеров – читателей* деловой прессы: общность реферируемого сегмента действительности.

Стремительно растущий объем информации, необходимой для учета, подсчитывания и обмена, стимулирует человеческий разум постоянно адаптироваться, меняться: формируется феномен так называемого multitasking man − человека, оперирующего одновременно на нескольких уровнях, решающего одновременно несколько задач.

Одна из научных проблем, стоящих перед современными и будущими медиаисследователями – это выявление соотношения индивидуального (персонально-коммуникативного) и

коллективного в процессе генерации массмедийного дискурса. По сути, речь идет о дихотомии «институционального» и «персонального» в типологии дискурсов. С одной стороны, в ситуации постмодерна, с ее релятивизацией ценностей, размывается авторская ответственность, все более часто авторы СМИ используют игровые стратегии даже там, где традиционно приемлем фактографический дискурс (новостные, аналитические высказывания). С другой стороны, наблюдается тотальная унификация, форматизация дискурсов СМИ, степень присутствия персонального (авторского) начала убывает по мере усиления стереотипности дискурса.

Учитывая активное освоение мультимедийных технологий, влияющих как на изменение самой природы и структуры каналов информации, можно говорить и о возвращении к актуальным на заре компьютерной лингвистики исследованиям психофизиологии речи под влиянием виртуальной интернет-среды.

Медиадискурс функционирует в креолизованной и мультимедийной коммуникации, и эти прагматические факторы влияют на формирование семантики дискурса как синтетического целого. Если вербальные средства сохраняют доминирующую роль в рациональном освоении картины мира, то визуально-графический дискурс способствует усилению функции воздействия, влияя прежде всего на механизмы бессознательной рецепции и структурирования визуальных знаков. Ключевым свойством медиадискурса в его типографской и онлайн-репрезентациях является поликодовость, понимаемая в современной лингвистике, теории коммуникаций и семиологии как монтажное или синтетическое соединение разных семиотических кодов.

Выявленные особенности развития медиадикурса на современном этапе развития технологий и языка свидетельствуют в пользу продуктивности прагмасемантичкого подхода к трактовке языковых единиц в их дискурсивной репрезентации.

Литература

1. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Языки как образ мира. – М.; СПб.: АСТ: Terra Fantastica, 2003. – С. 220–548.

2. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217–237.

3. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.

4. Кибрик, А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дисс. в форме науч. докл. … д-ра филол. наук / А. А. Кибрик. – М., 2003. – 90 с.

5. Колшанский, Г. В. Коммуникативная функция и структура языка / Г. В. Колшанский. – М.: Наука, 1984. – 175 с.

6. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – 500 с.

7. Падучева, Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива) / Е. В. Падучева. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

8. Панченко, Н. Н. Достоверность как коммуникативная категория: монография / Н. Н. Панченко; науч. ред. В.И. Шаховский. – Волгоград: Перемена, 2010. – 322 с.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УСИЛИТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVII ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ «ЖИТИЯ» ПРОТОПОПА АВВАКУМА)

Шокотько Лариса Евгеньевна

Донецк, ГОУ ВПО «Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького»,

larisa.yevg@mail.ru

В статье анализируются функции усилительных частиц в русском языке XVII века. Рассматриваются дискурсивные функции частиц **же, ведь** и **бо.** Описываются основные и дополнительные значения частицы **и** (в том числе не зафиксированные в словарях) и условия их реализации.

Ключевые слова: частица, союз, усилительное значение, актант, действие, отождествление.

Одним из основных значений в языке, наряду с выделительно-ограничительным, можно считать усилительное. Средства его выражения существуют несколько столетий, однако до конца XIX века усилительные частицы не выделялись в отдельный разряд, а относились либо к союзам, либо к наречиям.

В 1596 г. вышла в свет «Грамматика словенска об искусстве совершенного осми частей слова», составленная Лаврентием Зизанием [3], а в 1619 – «Грамматики словенския правилное синтагма» Мелетия Смотрицкого [16]. Большинство слов, которые в настоящее время принято считать усилительными частицами, авторы определяли как наречия, а лексемы ***и, же*** и некоторые другие – как “слепляющие” и “сопрягательные” союзы. И до 1899 года, когда А. А. Добиаш выделил частицы в отдельную категорию, лингвисты придерживались этой классификации.

Так, М. В. Ломоносов считал усилительные частицы условными союзами, а слова ***и, же, также*** – “сопрягательными” (соединительными) [4], А. А. Барсов – сопрягательными, противительными и винословными союзами [1], А. М. Пешковский – усилительными, или выделительными словами [7]. А. А. Шахматов слова ***ведь, и, же***; ***и, ну, давай, дай*** включил в группу глагольных наречий, а все модальные частицы – в систему союзов [18].

В. В. Виноградов частицы ***и, даже и, только, лишь, хоть, ведь, а, да, же*** и др. объединил в группу усилительных, или выделительно-ограничительных частиц [2, с. 523], Е. М. Галкина-Федорук – в «подразряд» эмоциональных и экспрессивных частиц, выражающих оттенки эмоциональных значений [17].

В Академической грамматике описывается большая группа слов, подчеркивающих (усиливающих, акцентирующих) сообщение или какую-то его часть, в которую входят и частицы, которые обычно относят к другим разрядам (выделительно-ограничительные и т. д.): ***благо, будто, было б, ведь, вот всего, едва ли не, еще, же, и, и есть, лишь, неужели, никак, ну, ну уж, прямо, только, уж, что за, что ни (на) есть*** и др. [8].

Следует отметить, что количество «собственно усилительных» частиц незначительно. Так, ***и, же***, наряду с

усилительной, выполняют присоединительную и отождествительную функции, ***вот*** является указательной частицей, ***да*** – утвердительной, ***ни*** – отрицательной, ***какой*** – определительным местоимением, ***ведь, же, бо*** выполняют союзные функции и т. д.

Но почти во всех своих проявлениях частицы сохраняли свое основное значение – усилительное.

В XVII в. наиболее употребительными были ***ведь, бо, же, и.***

В словарях предлагаются следующие описания значений ***ведь*** и ***же***: ***ведь*** – союз, употребляющийся в уступительных предложениях, в предложениях, служащих обоснованием или подкреплением мысли, высказанной в первом предложении, открывающий главное предложение после условного, и как усилительная частица [6, 9, 12, 13]; ***же*** – как противительный, сопоставительно-противительный и присоединительный союз, а также усилительная и отождествительная частица [6, 10, 12, 14].

Эти слова соединяли высказывания, содержащие информацию о событиях, явлениях, находящихся в каких-то отношениях друг с другом: сопоставления, противопоставления и т. п.

Так, ***же*** выполняла сопоставительную функцию, причем могли сопоставляться предметы, качества людей и предметов, события, некое потенциальное множество и единичный элемент.

Вeть и синонимичная ей ***бо,*** соединяя фрагменты, связанные причинно-следственными отношениями и сохраняя собственно усилительную и выделительную функции, в то же время вносили в высказывание некоторые дополнительные значения: значение принадлежности, количественной или качественной характеристики объекта, вводили предложения, поясняющие мысль, содержащуюся в предыдущей части высказывания.

Ярким примером многофункциональности представителей этой группы является лексема ***и***.

В словарных статьях она описывается как союз соединительный, присоединительный, уступительный, противительный, перечислительный, результативный, выделительный, соотносительный, начинающий новое предложение (6, 11, 12, 15), а также как частица:

1) усилительная, употребляется для подчеркивания слова, перед которым стоит, в значении ‘даже, сверх прочего, именно’ (6, 11, 12, 15);

2) в знач. ‘тоже, также’ (11, 12, 15);

3) выделительная (11).

В отличие от выделительно-ограничительных частиц, которые полностью утратили некоторые функции (предлога, условного союза), ***и*** сохранила семантическую сложность и многообразие синтаксических функций.

Авторы Академической грамматики выделяли ряд дополнительных значений частицы ***и***: следственной обусловленности, соответствия, своевременности, выделения, акцентирования, несоответствия ожидаемому, высокой степени признака, противопоставленности и уступки, соответствия обычному, принятия решения, согласия [8, с. 729–730].

Т. М. Николаева, кроме традиционно выделяемых значений слова ***и (‘ведь’, ‘же’, ‘именно’, ‘тоже’, ‘даже’***), описывает целый ряд дополнительных [5, с.113].

Частица ***и*** может участвовать в характеристике, оценке ситуации, причем “характеризуются следующие основные ее компоненты: а) действие и б) осуществители действия. Под последними понимается как субъект, так и объект действия” [5, с.64]. Во всех случаях лексема устанавливает некие отношения между элементом и множеством, которое может быть выражено эксплицитно и имплицитно.

В «Житии» протопопа Аввакума частица в основном употреблялась в высказываниях, характеризующих актант события.

1. Актант квалифицировался по количеству. В этом случае частица, сохраняя усилительное значение, выполняла присоединительную функцию, причем добавлялись элементы как входящие, так и не входящие в ряд однородных элементов:

(1) *Я сам жене своей и молитву говорил и детей крестил с кумом с прикащиком, <...>. Тем же образцом* ***и*** *Афонасья сына крестил и, обедню служа на Мезени, причастил* (АЖит, с.109);

(2) *<...> пять слов государевых сказывали на меня, и един некто <...> тот* ***и*** *душею моею потряс* (АЖит, с.84).

2. Актант мог отождествляться как таковой, идентифицироваться:

(3) <…> *Провожал меня много Матфей Ломков, иже* ***и*** *Митрофан именуем в чернцах* (АЖит, с.85).

3. Отождествлялись качества актантов:

(4) *Подобием он что* ***и*** *Симеон же* <…> (АЖит, с.143);

(5) <…> *непостижим отец, непостижим сын, непостижим* ***и*** *дух святый* <…> (АЖит, с.70).

4. Актанты отождествлялись по функции:

(6) <…> *вседержитель отец, вседержитель сын, вседержитель* ***и*** *дух святый* <…> (АЖит, с.70).

Высказывания с ***и*** могли описывать действие – как не доходящее до минимума, так и распространяющееся на крайний в цепи возможных объектов [5]:

1. Действие не доходит до естественного минимума, причем частица может относиться и к глаголу, и к имени:

(7) *Мышей много было, я их скуфьею бил, –* ***и*** *батожка не дадут дурачки!* (АЖит, с. 91).

(8) *Аще Иев и говорил так, да он праведен, непорочен, а се* ***и*** *писания не разумел* <…> (АЖит, с.93).

2. Действие, наоборот, распространяется на крайний из цепи возможных объектов или даже доходит до запретного по распространению объекта. В этом случае в частице совмещаются усилительное и присоединительное значения:

(9) *Кормилица моя была Евдокея Кирилловна, а* ***и*** *с нею дьявол ссорил* <...> (АЖит, с.100).

(10) <...> *в те времена* ***и*** *врази кои были,* ***и*** *те примирилися тут* (АЖит, с.126).

И могла употребляться в составе союзов, выражающих причинно-следственные, условно-следственные, временные, уступительно-противительные отношения, внося значения, близкие к ‘даже’ или ‘также’

(11) ***Аще*** *Иев* ***и*** *говорил так, да он праведен, непорочен* <...> (АЖит, с. 89);

(12) ***Аще и*** *млад, да по старому сделал* (АЖит, с.134);

(13) ***Яко же*** *тело алчуще желает ясти и жаждуще желает пити,* ***тако и*** *душа* <...> *брашна духовнаго желает* (АЖит, с.117);

(14) ***Хотя и*** *умрешь после того, ино хорошо* (АЖит, с.98).

Таким образом, анализ семантики и функций усилительных частиц позволяет сделать вывод об их функциональном и семантическом многообразии. Кроме основных значений, зафиксированных в словарях, частицы вносят множество коннотативных. Особого внимания заслуживает вопрос о синонимичности лексем, их контаминациях, а также взаимозаменяемости.

Условные сокращения

АЖит – Аввакум. Житие протопопа Аввакума: [Основной текст] // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. – М.: Academia, 1934. – С. 63–157.

Литература

1. Барсов А. А. Российская грамматика. / А. А. Барсов. – М.: Изд-во Московского университета, 1981. – 776 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). / В. В. Виноградов. – [2-е изд.] – М.: Высшая школа, 1972. – 616 с.
3. Зизаний Лаврентий. Грамматика словенска об искусстве совершенного осмии частей слова (1596 г.). Факсимильное издание. / Зизаний Лаврентий. – К. : Наукова думка, 1980. – 55 с.
4. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений : [в 11 т.] / М. В. Ломоносов. – М. – Л. : Изд-во АН СССР. – Т. 7: Труды по филологии 1739 – 1758 гг. – 1952. – 591 с.
5. Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). / Т. М. Николаева. – М.: Наука, 1985. – 168 с.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка; [под ред. Н. Ю. Шведовой] / С. И. Ожегов. – М. : Русский язык, 1978. – 921 с.
7. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – [6-е изд.] – М. : Государственное учебно-педагогическое издательство, 1938. – 450 с.
8. Русская грамматика: в 2 т. / [под ред. Н. Ю. Шведовой] – М.: Наука, 1980. – Т. 1. – 784 с.
9. Словарь русского языка XI – XVII вв. [гл. ред. Г. А. Богатова]. – Вып. 2. – Наука, 1975. – 319 с.
10. Словарь русского языка XI – XVII вв. [гл. ред. Г. А. Богатова]. – Вып. 5. – М.: Наука, 1978. – 392 с.
11. Словарь русского языка XI – XVII вв. [гл. ред. Г. А. Богатова]. – Вып. 6. – М.: Наука, 1979. – 360 с.

12. Словарь русского языка: в 4-х томах / [под ред. А. П. Евгеньевой]. – Т. I. – М.: Русский язык, 1981. – 696 с.

13. Словарь современного русского литературного языка в 17 т. / [под ред. Н. Ю. Шведовой]. – Т. 2. – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1957. – 1460 стлб.

14. Словарь современного русского литературного языка в 17 т. / [под ред. Н. Ю. Шведовой]. – Т. 4. – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1955. – 1286 стлб.

15. Словарь современного русского литературного языка в 17 т. / [под ред. Н. Ю. Шведовой]. – Т. 5. – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1956. – 918 стлб.

16. Смотрицкий Мелетий. Грамматики словенския правилное синтагма (1619 г.) / Мелетий Смотрицкий. – К. : Наукова думка, 1979. – 111 с. – (Пам'ятки української мови XVII ст.) / АН УРСР, Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні.

17. Современный русский язык: учебник для филологических факультетов университетов. / В. А. Белошапкова, Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова и др.; [под ред. Е. М. Галкиной-Федорук]. – Часть II (Морфология. Синтаксис). – М. : Издательство Московского университета, 1964. – 640 с.

18. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. / А. А. Шахматов. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1941. – 620 с.

КОММУНИКАТИВНЫЕ НЕУДАЧИ КАК ТЕКСТОПОРОЖДАЮЩИЙ ФАКТОР В СФЕРЕ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА (ОБРАЩЕНИЕ И ИЗВИНЕНИЕ)

Юй Исин

Россия, Москва, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,

yyx-diana@yandex.ru

Использование форм речевого этикета в реальном общении нередко связано с различными коммуникативными неудачами, которые провоцируют диалог вокруг ошибки и превращаются в текстопорождающий фактор. Коммуникативная неудача может быть результатом неверного выбора формы обращения, а также стать поводом извинительного высказывания.

Ключевые слова: русский речевой этикет, обращение, извинение, текстопорождающий фактор, коммуникативная неудача.

При изучении узаконенных нормой русского языка средств речевого общения и с учетом их многообразия невозможно игнорировать ни интенций говорящего, ни реакции слушающего, которые могут войти в противоречие по причине несовпадения интерпретации языкового средства в конкретной речевой ситуации. Особого внимания заслуживает явление, присущее диалогу, а именно – коммуникативная неудача. Под коммуникативной неудачей понимается «полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, т. е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения, говорящего» [3, с.31].

Можно заметить, что в реальном речевом общении коммуникативные неудачи возникают в таких сферах речевого этикета, как обращение и извинение. Нередко эти неудачи становятся текстопорождающим фактором, т. е. вызывают диалог вокруг ошибки, совершенной в определенном контексте. О. Н. Ермакова и Е. А. Земская при построении типологии коммуникативных неудач по причинам разделяют их на три класса: 1) порождаемые устройством языка, 2) порождаемые различиями говорящих в каком-либо отношении, 3) порождаемые прагматическими факторами [3, с.33]. Наглядным примером коммуникативной неудачи, рожденной разными представлениями собеседников о речевой ситуации является разговор по телефону из фильма «Москва слезам не верит», когда взявшая трубку вахтерша общежития говорит: *Общежитие слушает. Какую Людмилу? Их здесь много. Ах, Людмилочку? Сейчас, она ванну принимает. Свиридова, скорей к телефону!*

Следует отметить, что в отличие от имени нарицательного, выполняющего свою номинативную функцию на базе сигнификативной, обобщающей, личное имя сугубо номинативно, а его референтом является индивидуальная и неповторимая личность. Даже если одно и то же личное имя закреплено за несколькими объектами, в речи оно однозначно, поскольку отсылает к определенному референту (индивидуумы, объединенные личным именем, имеют в русском языке свои названия – *тезка*, *однофамилец*). В связи с этим непонимание вахтерши, выраженное ее встречным вопросом *Какую Людмилу?*,

обусловлено не столько неточной референцией имени собственного, сколько «различием актуализируемой конситуации» [3], а именно нестыковкой «баз данных» коммуникантов: с точки зрения инициатора диалога, позвонившего, место, куда он звонит, – квартира, в которой живет единственная Людмила; а с точки зрения вахтерши, в общежитии Людмил много, поэтому для идентификации нужного лица необходима фамилия.

Непонимание и недопонимание часто являются текстопорождающими, поскольку они провоцируют встречные, способствующие уяснению услышанного, «герменевтические» вопросы [7, с.26]. Приведем пример о непонимании и уяснении, вызванном неуместным самопредставлением: – *Катя*. – *Антон*. – *А по отчеству? – Для Вас просто Антон. Отчество – для подчиненных* (к/ф «Москва слезам не верит»). В данной ситуации уточняющий вопрос обусловлен несовпадением двух факторов – знания Кати норм вежливости и ее представления о возрасте собеседника: по ее мнению, в качестве обращения к адресату, старшему по возрасту и высшему по социальному статусу, одного имени не хватает, необходима форма «имя-отчество» как средство выражения вежливости. Но немолодой Антон настаивал на своем, желая сократить дистанцию.

Исследуя обращение и учитывая вариативность форм в рамках принятой нормы обращения к одному референту (имена существительные личные и нарицательные, имена прилагательные, междометия), можно говорить о «парадигматичности» этой коммуникативной категории: из всех вариантов обращения складывается парадигма, которая позволяет говорящему осуществить правильный выбор с учетом как объективных факторов (характера ситуации, темы разговора, возраста, профессии, традиции), так и субъективных моментов (эмоционально-оценочного отношения субъекта речи к адресату, его воспитания, вкуса, симпатии). Особого внимания при выборе формы обращения требуют прагматические компоненты, игнорирование которых влечет за собой коммуникативную неудачу: *Да как же, батюшка,* – заговорил, остановившись, Несвицкий, <...> *– как же не говорил, что мост зажечь, когда горючие вещества положили? – Я вам не «батюшка», господин*

штаб-офицер, а вы мне не говорили, чтоб мост зажигайт! (Л. Н. Толстой. «Война и мир»). Текстопорождающую причину в данном контексте представляет собой игнорирование одним из собеседников прагматического компонента в семантике слова *батюшка*, который определяется как просторечное доброжелательное обращение к собеседнику [1, с.35] и может использоваться как учтивое или почтительное обращение к индивидууму, старшему по возрасту или высшему по положению в неофициальной коммуникативной ситуации. Выбор формы *батюшка* не соответствует теме разговора (военная тактика) и официальной обстановке. Аналогом текстопорождающей функции неверного выбора формы обращения служит пример и из пьесы Н. В. Коляды «Клуб брошенных жен»: *Ты ведь только суточные дал, три копейки и всё, Ёсик! Мне и пришлось на рынке зарабатывать. – Я тебе не Ёсик, сказал же? Видишь, бабки слушают? Я Михай Будулай!*. В этом контексте употребление реального имени собеседника в качестве обращения не соответствует его статусу в труппе замаскированных цыган.

Извинение как тематическая группа речевого этикета требует трех обязательных компонентов: говорящего, адресата и того ущерба, который говорящий адресату причинил [5, с.43]. В рамках изучения текстопорождающего фактора в сфере извинения коммуникативная неудача может рассматриваться с точки зрения причиненного ущерба (например, обиды). В качестве способа компенсации ущерба и редуцирования нежелательных последствий извинение представляет собой такой микротекст, который снимает коммуникативную неудачу, поправляет тему разговора и/или регулирует тональность речевого общения. Иными словами, извинение является речевым действием-следствием (своего рода метатекстом), причина которого – коммуникативная неудача (произнесенное слово, нанесшее ущерб).

Приведем пример из фильма «Отчий дом»: – *Ты говорила, что деньги заплачены. Что же теперь пропали? – Неужели вы думаете, что деньги – это самое главное в жизни? – Напрасно это мне говоришь, доченька. Мы до денег не жадны, просто они нам трудно достаются, поэтому привыкли дорожить. Видишь,*

у меня руки-то такие? – Простите. Коммуникативная неудача в данном контексте рождена вопросом дочери о значимости денег, в котором мать усмотрела упрек и объяснила причину своего бережливого отношения к деньгам. Коммуникативный конфликт разрешился извинением. Как отмечает Л. О. Чернейко, «поскольку пейоративные аксиологические суждения (с явно выраженным перлокутивным эффектом) являются социально небезопасными речевыми действиями, постольку субъект оценки ищет языковые возможности редуцировать нежелательные последствия или вовсе их избежать» [8, с.252]. А упреки, явные или завуалированные, вполне подходят под категорию «социально небезопасных речевых действий», которые и требуют компенсаций в виде извинения.

Примечателен тот факт, что в тех извинениях, в которых нет ни лингвистических, ни логических, ни этических оснований, проявляется прием «ложной значительности» [8, с.253]:
(А) *Успокойтесь, княгиня. Вам это кажется, потому что, я вас уверяю, я сам испытал...отчего...потому что... Нет, извините, чужой тут лишний...* (Л. Н. Толстой. «Война и мир»);
(Б) *Вы меня определили в старшую группу, а там одни бабки собираются. – Но вы, извините, тоже не мальчик* (к/ф«Москва слезам не верит»).

Нужно подчеркнуть, что в этих двух ситуациях извинение может быть отнесено к разряду «фантомного пустого множества» [4]. Так называемая коммуникативная неудача, являющаяся порождающим извинение фактором, может быть расценена скорее как «фантомный вред» [4], который говорящий причинил адресату. В ситуации (А) повод извинения в упоминании говорящим своего ощущения и испытания, которые не имеют непосредственной связи с адресатом, что в какой-то степени нарушает коммуникативные постулаты Грайса (в частности, постулат количества и постулат отношений) [2].

В ситуации (Б) причина извинительного речевого акта состоит в обозначении реального статуса мужчины-собеседника по возрасту, что, по мнению говорящего, может вызвать его недовольство. Важно отметить, что разногласие между партнерами коммуникации предопределено различиями в точке зрения на индивидуальные (психические и физические) свойства

одной стороны коммуникации: один считает себя еще молодым и допускает возможность жениться на молодой девушке, а другой думает, что собеседник должен выбрать свою будущую жену или подругу из равных себе по возрасту. При помощи извинения говорящий пытается избежать возможного нарушения принципа вежливости – «не обидь» [6], а также и «принципа кооперации», которые играют значительную роль в достижении коммуникативной удачи.

Рассмотренный материал позволяет сделать следующее обобщение: в речевом общении текстопорождающий потенциал часто находится «в руках» у коммуникативной неудачи, которая может быть обусловлена неверным выбором формы обращения, провоцирующим микротекст вокруг ошибки, а также стать поводом для извинительного высказывания – реальным или «фантомным». Основное различие между механизмом текстопорождения в этих случаях сводится к тому, что неверный выбор формы обращения говорящим – причина реплики слушающего, тогда как метаизвинение – всегда следствие предшествующей речевой неправильности, допущенной самим говорящим. Во избежание коммуникативной неудачи в реальном речевом общении надо придерживаться «принципа вежливости» и «принципа кооперации», базирующихся на «коммуникативной ответственности» [8, с.250].

Литература

1. Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета: Формы доброжелат. обхождения: 6000 слов и выражений / А. Г. Балакай. – 2 изд.. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. – 670 с.

2. Грайс Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике Лингвистическая прагматика. Вып. XVI. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217–237.

3. Ермакова О. Н. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) / О. Н. Ермакова, Е. А. Земская // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М.: Наука, 1993. – С. 30–64.

4. Николаева Т. М. Речевая модель «обывателя» и идеи Н. С. Трубецкого и Р. О. Якобсона об оппозициях и «валоризации» / Т. М. Николаева // Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сб. к 70-летию В. В. Иванова. – М.: ОГИ, 1999. – С. 704–720.

5. Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное

исследование на материале русского языка и русской культуры / Р. Ратмайр. – М.: Языки славянских культур, 2003. – 272 с.

6. Чернейко Л. О. Порождение и восприятие межличностных оценок / Л. О. Чернейко // Филологические науки. – 1996. – № 6. – С. 42–53.

7. Чернейко Л. О. Ассиметричный языковой знак в речи: к вопросу о взаимодействии смыслов в разных условиях их реализации / Л. О. Чернейко // Вестник Московского университета. – Сер. 9. Филология. 2012. – № 2. – С. 7–40.

8. Чернейко Л. О. Культура речи в свете этики ответственности / Л. О. Чернейко // Труды института Русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 2. – М., 2014. – С. 245–260.

СОДЕРЖАНИЕ

Агиенко М.И. (Кемерово, Россия) Теоретические вопросы методики анализа авторской метафоры 3

Арсеньева И.А., Гадалина И.И. (Москва, Россия) Слово «терпение» в свете концептуалогии 12

Бойко Е.С. (Симферополь, Россия) К вопросу о формировании фразеологического минимума в учебном словаре 17

Валеева Л.В. (Симферополь, Россия) Стилистическая симметрия лирического текста А. С. Пушкина 23

Валеева Л.В., Давыдкина А.С. (Симферополь, Россия) Именная лексика с семантикой локативности в публицистическом тексте XVI века (на материале Послания Ивана Грозного английской королеве Елизавете I) 30

Волкова Е.Б. (Москва, Россия) О структурных отношениях в полипредикативном сложноподчиненном предложении в научном стиле русского языка (на материале произведений математического цикла). 37

Воронина Т.М. (Екатеринбург, Россия) Репрезентация сферы «Интеллект» в русском языке: взаимодействие лексики и грамматики 46

Грунина Е.О. (Москва, Россия) Специфика изучения языковой личности ребенка в художественной литературе 54

Гуляева Г.Е. (Екатеринбург, Россия) «Солнце» и «Луна» как оппозитивные концепты (на материале текстов К. Кинчева) 62

Давлетбаева Р.Г. (Уфа, Россия) Пути формирования лингвокультурологической компетенции учащихся 69

Димитриева О.А. (Чебоксары, Россия) Глагол перехода в состояние *закиснуть* в русской языковой картине мира..... 76

Долгополова Л.А. (Симферополь, Россия) К вопросу о становлении форм будущего времени в германских языках 82

Дружинина В.В., Забелян К.А., Демидова К.Х. (Сочи, Россия) Авторская фразеология Д.И. Рубиной в романе «Белая голубка Кордовы»..... 90

Дудорова М.В. (Екатеринбург, Россия) *Туман* в поэзии И. Анненского 97

Желненкова В.В. (Кемерово, Россия) Жанрообразующие признаки записей на полях 104

Желонкина Т.П. (Калининград, Россия) К вопросу о статусе слова *though* в современном английском языке..... 108

Забашта Р.В. (Симферополь, Россия) О концепции «Русского лингвокультурологического словаря Крыма»..... 115

Игнатов К.Ю. (Москва, Россия) Интертекстуальные отсылки в стихотворениях Ильи Сельвинского 123

Карякина М.В. (Екатеринбург, Россия) Формирование навыков научной речи у магистрантов (из опыта преподавания курса «Культура научной речи») ..... .131

Керимова С.У. (Ростов-на-Дону, Россия) Грамматическая транспозиция русского языка и проблема ее перевода 137

Ковтун В.В. (Луганськ, ЛНР) Прикметник *білий* в українських східнослобожанських говірках 143

Колесникова О.В. (Симферополь, Россия) Фразеологизмы семантической группы «Эмоциональное воздействие на объект» в русском языке (лингвокультурологический аспект).. 154

Колесникова О.В., Грищенко А.С. (Симферополь, Россия) Структурно-семантическая характеристика прилагательных с семой «эмоция» в произведениях С. Довлатова 160

Кондрашкина Е.Ю. (Саранск, Россия) К вопросу об алгоритмизации дискурсивного процесса..... 166

Кручинкина Н.Д. (Саранск, Россия) Критерии дифференциации пропозитивных отношений 172

Кудрявцева И.П. (Москва, Россия) Интерпретация смысла идиом современного английского языка..... 180

Ланская О.В. (Липецк, Россия) Языковое воплощение пространства в рассказе Б. П. Екимова «Белая дорога» 187

Lenets A.V. (Ростов-на-Дону, Россия) Kommunikative strategien der imagebildung im internet 193

Мещерякова О.А. (Елец, Россия) Роль метода филологического анализа в выявлении языковой личности автора 199

Мокашов В.В., Гиринская Л.В., Белоглазова Л.Б. (Москва, Россия) Дистрибутивно-трансформационный метод анализа в определении падежной семантики (на материале беспредложного дательного падежа)..... 206

Мухина И.К. (Екатеринбург, Россия) Общие когнитивные признаки оппозитивных концептов «Горячий» – «Холодный» 211

Никитина Е.В. (Москва, Россия) О связи лексических и композиционно-синтаксических значений глаголов СВ в аористической функции при реализации повествования..... 218

в аористической функции при реализации повествования 218

Овсиенко Т.В. (Ростов-на-Дону, Россия) Языковые средства репрезентации гендера в образах женщин-политиков (на примере немецкоязычной прессы) ..... .226

Пляскина Е.И. (Чита, Россия) Языковые формы выражения народной мудрости в романе К. Ф. Седых «Даурия» 234

Подолина О.В. (Донецк, ДНР) Учебный текст как объект лингвистического исследования 243

Пузырёв А.В., Андреенко М.А., Григорян А.О. (Орехово-Зуево, Россия) Речевое проявление онтогенеза творческой языковой личности (количественный аспект) 249

Пузырёв А.В., Белова И.А., Филимонова О.В. (Орехово-Зуево, Россия) Этнические установки М. Ю. Лермонтова в зеркале художественного текста 256

Роговнева Ю.В., Степаненко В.Е. (Москва, Россия) Репродуктивные фрагменты в описании истории русских усадеб 263

Сапожникова А.А. (Ростов-на-Дону, Россия) Прагматическая характеристика акта провокации на материале сообщений в сети Интернет 269

Синенко Е.С. (Донецк, ДНР) О наименованиях тюремных храмов Донбасса 274

Соколова А.А. (Тюмень, Россия) Роль глагольного компонента в формировании процессуальных фразеологизмов субкатегории отношения 281

Tomasik Samuela (Быдгощ, Польша) Торговые названия лекарственных препаратов как товарные знаки 290

Третьякова Л.Н. (Москва, Россия) Военная концептосфера конца XVIII века в языковом сознании поэта Г. Р. Державина . 295

Хилько И.А. (Симферополь, Россия) Однозначность и полисемия производных предлогов локативной семантики в русской лексикографии 300

Черкес Я.А. (Екатеринбург, Россия) Специфика функционирования литературных понятий и терминов в дискурсе fanfiction: идеографический аспект 306

Чернобривец С.Г. (Симферополь, Россия) К вопросу о статусе словосочетания 313

Шадманов К.Б., Курбанова Г.Н. (Бухара, Узбекистан) Фактор времени и семантическая норма в языке Англии эпохи позднего Возрождения 318

Шестеркина Н.В. (Саранск, Россия) Гибридные мифологические образы человека в народных русских загадках 324

Ширяева О.В. (Ростов-на-Дону, Россия) Прагмасемантика медиадискурса: теоретический аспект 333

Шокотько Л.Е. (Донецк, ДНР) Функционально-семантические особенности усилительных частиц в русском языкеXVII века (на материале «Жития» протопопа Аввакума) 339

Юй Исин (Москва, Россия) Коммуникативные неудачи как текстопорождающий фактор в сфере речевого этикета (обращение и извинение) 345

Для заметок

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ: НОРМА И ВАРИАНТ
VI Международная научная конференция
(17-20 октября 2017 г.)

Сборник научных статей

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 55,49. Тираж 100 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ»
295034, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
Тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru
www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии ИП Бражников Д.А.
295053, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Оленчука, 63
Тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: braznikov@mail.ru